

В 1492 году от Рождества Христова по принятому в средневековой Руси счету лет завершилось седьмое – последнее – тысячелетие от Сотворения мира. Человечество стояло на пороге конца света – по крайней мере, именно так казалось многим образованным русским людям того времени. Но жизнь продолжилась, и ожидавшегося светопреставления не произошло. О парадоксе «семитысячного» года и о том, как отразились ожидания грядущего светопреставления на повседневной жизни Руси, рассказывает в своей новой книге известный московский историк Н. С. Борисов, автор биографических исследований о выдающихся людях Русского Средневековья – Иване Калите, Сергии Радонежском и Иване III, выходивших ранее в серии «ЖЗЛ».

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Часть первая. ПОСЛЕДНИЙ ГОД	
Глава I. День гнева	5
Глава II. Жернова правды	20
Глава III. Набег	41
Глава IV. Новгородская стена	51
Глава V. Огонь и дым	66
Глава VI. Спаси, Господи, люди твоя	77
Часть вторая. СТРАНА БЕЗ ГРАНИЦ	
Глава VII. Россия как вызов географии	104
Глава VIII. Столица: вид с колокольни	107
Глава IX. Вольный Север	116
Глава X. Заманчивый Восток	126
Глава XI. Дикий Юг. Там	137
Глава XII. Дикий Юг. Здесь	153
Глава XIII. Коварный Запад	167
Часть третья. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО	
Глава XIV. Крестьянин	194
Глава XV. Государь	201
Глава XVI. Воевода	211
Глава XVII. Воин	227
Глава XVIII. Инок	233
Глава XIX. Летописец	245
Часть четвертая. КРУГ ЖИЗНИ	
Глава XX. Два календаря	257
Глава XXI. Между светом и тьмой	264
Глава XXII. Мужчина и женщина	271
Вместо заключения	282
Библиография	284

От автора

Писать о повседневной жизни Древней Руси – дело заведомо безнадежное. Это почти то же самое, что писать о повседневной жизни марсиан в эпоху строительства каналов.

Причина проста. Мало того, что Древняя Русь давно мертва. Она и при жизни была неразговорчива. Отчасти это объяснялось постоянной занятостью, отчасти – свойством характера. Но ее биографу от этого не легче. Перефразируя тургеневское «Вот ты тут и живи!», так и тянет вздохнуть: «Вот ты тут и пиши!»

Впрочем, в любом деле полезно изучить опыт предшественников. Иначе говоря, важна традиция. Есть она и в нашем начинании.

С одной стороны, есть множество историко-этнографических штудий о том, что ели и пили, как одевались и обувались, как обрабатывали землю и складывали печи в старой России. Однако все они основаны главным образом на материалах XVIII–XIX веков. Переносить их выводы на Древнюю Русь вообще, а тем более на какое-то ее столетие в частности – дело более чем сомнительное. Есть, конечно, и находки археологов, и беглые упоминания письменных источников. Но все это не складывается в целостную и живую картину. Да и написано об этом так много, что становится как-то неловко.

С другой стороны, существует единственная и неповторимая книга Б. А. Романова – «Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв.». Она была написана в конце 1930-х годов, когда ее автор, петербургский историк, архивист и музеевед, вышел на свободу после нескольких лет заключения. Разумеется, он был участником «контрреволюционного заговора», затем искупил свою вину на строительстве Беломорско-Балтийского канала и теперь жил в уездном захолустье без всяких надежд и почти без средств к существованию. И каждая новая волна арестов могла унести его туда, откуда он только что выбрался...

Жизнь бросила ему вызов. Его ответом стала книга.

«Люди и нравы... Историко-бытовые очерки...». Название звучит вполне смиренно и благонадежно. Но это не очередная история про скалки и прялки, про замечательную «народную культуру». За этим названием чуткому уху слышатся тяжкие вздохи императорского Рима. О времена! О нравы! О tempora! О mores!

Романов обладал талантом историка: способностью за мертвыми текстами видеть, как он выражался, «узоры жизни». Более того, он был тонким дегустатором человеческих слов и поступков. И все же Древняя Русь была для него не целью, а средством. Средством собрать и привести в порядок собственные мысли о стране и народе. Средством горько усмехнуться, посмотрев на жизнь и на себя в ней со стороны. Средством дать понять современникам, что он о них думает.

Поначалу он, кажется, и вправду пытался воссоздать повседневную жизнь домонгольской Руси, не выходя из круга канонических источников и традиционных методов работы с ними. Однако вскоре историк понял, что это невозможно. Такое «историческое полотно» состояло бы из сплошных дыр... Потом, когда книга уже была написана, он вспомнил этот момент отчаяния и так рассказал о нем во вступительной статье: «Перед лицом этих трудностей мне оставалось либо, отказавшись от их преодоления, отказаться и от попытки решения поставленной задачи, либо поискать такой комбинации приемов исследования и построения, которая никогда еще мной не применялась, а приспособлена была специально к решению поставленной задачи. В плане профессионально-историческом (и даже в плане техники нашего исторического ремесла) мной руководило «чувство нового»...» (227, 17) [В скобках указаны номера по списку литературы, находящемуся в конце данной книги, и номер страницы].

Это «чувство нового» было, по существу, открытием истории как непрерывного потока времени. Понятно, что в теории никто с этим не спорил. Но ощутить себя плывущим в этом потоке и внятно рассказать об этом ощущении – такого в России еще не делал никто.

Своим alter ego Романов избрал загадочного Даниила Заточника. Автор (или главный герой) горестных размышлений о превратностях человеческой судьбы, Даниил жил в конце XII – начале XIII столетия. За какую-то провинность он был сослан князем далеко на север, на Лаче-озеро, то есть примерно в те места, где «отбывал срок» и сам Романов. Даниил был умен, образован, честолобив... Беда свалилась на него как снег на голову. В ссылке он многое понял и стал философом. И если бы Романов и его герой однажды встретились, они, вероятно, быстро поняли бы друг друга.

Эта беседа, которую вели, присев на обочине времени, два усталых, умудренных жизнью человека, породила одну из самых ярких и оригинальных исторических книг своего времени...

Таков был единственный удачный опыт «нетрадиционного» изображения повседневной жизни Древней Руси.

Но вернемся к нашей книге. Разумеется, мы не станем подражать Романову, равно как и сознательно избегать его путей. Мы отдаем должное его успеху, купленному столь высокой ценой, и отправляемся искать собственные ключи к тем же старым замкам.

Для начала мы должны сделать читателю банальное, но оттого не менее необходимое предупреждение. Нечто вроде обязательного «Пристегните ремни!». В нашем случае его можно сформулировать так: «Не ждите от яблони апельсинов!»

О повседневной жизни в эпоху Ивана III известно очень мало. Да и что такое, собственно говоря, эта «повседневная жизнь»?

Из собственного опыта каждый знает две простые истины. Первая из них состоит в том, что повседневная жизнь включает в себя и большое, и малое. В суе будней причудливо сплетается личное и общественное, государственное и общечеловеческое, сиюминутное и вечное. Вторая истина – в личностном многообразии понятия «повседневная жизнь». Будничные заботы нищего отличаются от забот торговца или воина, аристократа или правителя.

В итоге картина повседневной жизни народа может быть только своего рода мозаикой, где общие очертания складываются из множества разноцветных кубиков смальты. Кроме того, эта мозаика должна быть выложена на вполне определенной Хронологической плоскости.

Итак, мы ставим перед собой задачу создания исторической мозаики? Едва ли. Сказать по правде, мы слишком устали от бесконечных задач. Лучше будем совершать неспешные прогулки. И рассуждать о том, что попадется нам на глаза.

Однако любая прогулка должна иметь если не цель, то хотя бы направление. За этим дело не станет. В древности кочевники степей называли Полярную звезду «небесным колом». Они полагали, что вся вселенная ходит, как привязанная лошадь, вокруг этого кола. И с этой догадкой мир становился для них более ясным и упорядоченным. Мудрость древних проверена веками. И потому мы решили установить во времени свой «небесный кол». Пусть им будет 1492 год...

Главное событие 1492 года, вокруг которого вращается наша книга, не принадлежит к реестрам военной, политической, социальной или еще какой-либо истории. Оно вообще не принадлежит ни к каким реестрам, так как подводит черту под всеми реестрами сразу.

Впрочем, для того чтобы подвести черту, оно должно было сначала произойти. Но в том-то и дело, что оно, это событие, не произошло. Ведь речь идет не о чем ином, как о светопреставлении. Конец света ожидался в 1492 году от Рождества Христова, когда, в соответствии с древнерусским календарем, истекала седьмая тысяча лет от Сотворения мира. На этот срок начала Страшного суда указывали многие древние пророчества.

Последние времена... Конец времен... Конец света... Сюда, как в черную дыру, сольется время. А потом наступит «безвременье», понять которое еще сложнее, чем понять время.

И все же: почему мы предлагаем читателю отправиться именно в «последний год»?

Наверное, потому, что это тот редкий момент, когда каждый мог увидеть пропасть у

себя под ногами. Увидеть... и как ни в чем не бывало пойти дальше по самому краю.

Кажется, Иоанн Златоуст с возмущением говорил, что даже когда на одном конце деревни уже начнется Страшный суд, на другом все еще будут петь и плясать. Великий святитель был прав в своем гневе. Люди больше думают о грехах, чем о покаянии. Их дорожным посохом всегда было легкомыслие.

Однако у этой «медали» есть и обратная сторона. Легкомыслие – как способность забывать о прошлом и не думать о будущем – сберегает душевные силы, необходимые для борьбы с суровым настоящим.

Войны, пожары, стихийные бедствия, голод, нищета, болезни, произвол власть имущих – все это превращало жизнь русского человека в настоящий ад. Жизнь была выносима только в том случае, если о ней не задумываться.

Искусство жить на краю пропасти, способность знать – и вместе с тем не знать, – вот драгоценные уроки «последнего года».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Глава I День гнева

*Аще бы возможно было
тогда умереть, весь мир от
страха онаго умер бы.
Нил Сорский*

Окружающий средневекового человека мир был полон намеков и предостережений, с помощью которых небесные силы давали людям свои указания. Однако понять эти намеки было не легко. Тут требовались особого рода прозорливость и глубокомыслие.

Мир видимый, осязаемый, и мир невидимый, мистический, существовали одновременно и параллельно. Четкой, непреодолимой границы между ними не существовало. Ангелы и демоны были почти так же реальны, как деревья или домашние животные. Однако по законам мироустройства высшие силы никогда не показывались людям в своем натуральном виде. Они принимали образ огненного столпа, неведомого старца или «светлого мужа». Иногда они вообще были невидимы, а их присутствие проявлялось через их деяния.

В этом параллельном мире действовали свои затоны и имела своя иерархия. Ангелы делились на семь чинов. Злые силы были представлены самыми разными существами – от мелкого беса, которого преподобный Авраамий Ростовский поймал в кувшине, прикрыв его сверху крестом, до гигантского апокалипсического зверя, от тяжелой поступи которого задрожит земля. Это чудовище явится перед концом света и будет сеять вокруг ужас и гибель...

Поступь зверя

Грубым холстом, на котором русский человек вышивал узоры своей жизни, был страх. Беспомощность как перед силами природы, так и перед произволом власть имущих заставляла его находиться в постоянном напряжении, в ожидании всевозможных несчастий. И чем больше человек ощущал себя личностью, тем острее он чувствовал свое унижительное бессилие.

Растворяясь в пространстве общины – сельской, городской или иной, человек обретал в ее могуществе и коллективном бессмертии некоторое успокоение. Хорошим лекарством от страха был ритуал: завораживающее, мерное повторение одних и тех же слов и

движений. И все же лучшим средством была, конечно, тупость. Забравшись в эту раковину, человек и сам не замечал, как медленно поползал до конца травинки.

Но даже самые безответные люди-улитки не могли уйти от суровой необходимости принятия решений, а стало быть, и личной ответственности за них перед Богом.

Вечные законы жизни заставляли человека на каждом шагу нарушать христианские заповеди. А между тем не за горами было время как личного (посмертного), так и всеобщего (на Страшном суде) ответа перед Богом за свои грехи.

Приближение конца света и Страшного суда не вызывало сомнения. Размышления о конце света (в науке их принято называть эсхатологией) красной нитью проходили через всю средневековую философию. В принципе, это могло случиться в любой день и час. «О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец» (Марк. 13, 32).

Неопределенность в столь важном вопросе успокаивала невежд. Однако она сильно тревожила посвященных. Вчитываясь в туманные пророчества Ветхого и Нового Заветов, в толкования Отцов церкви и древних мудрецов, они построили некую сакральную хронологию всемирной истории. Она связывала прошлое с настоящим и будущим. С ее помощью движение человека во времени становилось более осмысленным и определенным.

Согласно этой своеобразной хронологии общая протяженность истории человечества – от Сотворения мира и до его конца – составляет семь тысяч лет. Каждая тысяча лет соответствует одному из семи дней творения, о которых повествует Книга Бытия.

Внутри этого временного пространства различаются четыре периода или, иначе говоря, «четыре царства» – Вавилонское, Персидское, Македонское и Римское. Из них каждое последующее побеждает предыдущее и поднимается на его развалинах.

(Пророк Даниил в вещем сне видел каждое из этих «царств» в образе диковинного зверя. «Первый – как лев, но у него крылья орлиные... И вот еще зверь, второй, похожий на медведя, стоял с одной стороны, и три клыка во рту у него, между зубами его... Затем видел я, вот еще зверь, как барс; на спине у него четыре птичьих крыла, и четыре головы были у зверя сего... И вот зверь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный; у него большие железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами; он отличен был от всех прежних зверей, и десять рогов было у него. Я смотрел на эти рога, и вот, вышел между ними еще небольшой рог, и три из прежних рогов с корнем исторгнуты были перед ним, и вот, в этом роге были глаза, как глаза человеческие, и уста, говорящие высокомерно» (Даниил, 7, 4–8).

Изображение этих четырех фантастических животных, вписанное в круг, можно часто увидеть в древнерусских храмах. Оно составляет один из элементов огромной композиции «Страшный суд», занимающей всю западную стену храма.)

Во времена Римского царства явился мессия – Иисус Христос, «Которого царство – царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему» (Даниил, 7, 27).

Однако от распространения христианства и до завершающего историю «царства вечного», которое наступит после Страшного суда, человечеству предстоит пройти немало испытаний.

Сатана, скованный ангелом небесным, будет заключен в бездне, «доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время» (Откр. 20, 3). Отсутствие Сатаны не означает всеобщего благоденствия. Напротив, бедствия следуют одно за другим.

О том, что будет в эту последнюю тысячу лет, рассказывают различные произведения, в том числе широко распространенное в Византии и Древней Руси «Откровение Мефодия Патарского». Историки до сих пор не имеют точных данных об авторе и времени создания этого впечатляющего эсхатологического трактата. Однако ясно, что он возник не позднее VII века нашей эры.

Желая наказать людей за грехи, Господь пошлет на них диких и свирепых сынов

пустыни – «измаильтян». (Это книжное имя варваров-кочевников имело библейское происхождение. Оно произошло оттого, что их общим предком считался Измаил, сын ветхозаветного праотца Авраама и его наложницы по имени Агарь.) Христианам суждено тяжело пострадать под игом измаильтян. Наконец, возгордившиеся своей победой варвары начнут говорить: «Погибоша христиане от руку нашею». Этой безрассудной похвальбой они навлекут на себя гнев Божий. Возмездие не заставит себя ждать.

«Тогда встанет на не царь Елиньск рекше Грьчьскы...» Силой, данной ему от Бога, этот Царь последних времен покорит измаильтян и отдаст их в рабство тем народам, которые они прежде угнетали. «И будет на земли тихость велика яка же несть была ни будет, яко последняя есть година. И на конец века и будет веселие на земли и жити начнут человеци миром и начнут гради творити...» (13, 97).

Эта небывалая, последняя «тишина», добытая Царем последних времен, продлится до нового нашествия диких народов. На сей раз это будут кровожадные народы Гог и Магог, заключенные некогда Александром Македонским в северных горах. Вдохновителем их похода выступит сам Сатана, отбывший свое тысячелетнее заключение и выпущенный на волю «на малое время».

Не желая окончательной гибели христиан, Всевышний пошлет против Гога и Магога предводителя небесного воинства Архистратига Михаила, который и уничтожит этих дикарей.

Завершением всего периода Римского царства, включая и его последнюю, христианскую часть, станет появление «сына погибели» (то есть исчадия ада) – Антихриста. Иногда книжники, не мудрствуя лукаво, отождествляли Антихриста с самим дьяволом. Однако, по точному смыслу пророчеств, он был скорее «сыном дьявола».

На приближение Антихриста указывают грозные знамения и стихийные бедствия. Он родится в Святой земле и будет царствовать в Иерусалиме. Он способен являть себя в различных образах и воплощаться в правителей – злодеев и еретиков. Однако самый внушительный образ Антихриста – в виде чудовищного зверя представлен в Откровении Иоанна II Богослова.

«И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон (Сатана. – Н. Б.) силу свою и престол свой великую власть. И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца» (Откр. 13, 1–5).

Зверь-Антихрист пойдет по земле. Он будет творить великие знамения и совершать чудеса. Он прикажет всякому, кто не желает погибнуть, иметь на правой руке или на лбу особое начертание – «или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13, 17–18).

Царство Антихриста – это своего рода «ночь», которая должна предшествовать светоносному «восьмому дню» Царства Божия на земле (93, 19).

Получив власть в Римском царстве, Антихрист посеет между людьми ненависть и кровопролитие, грехи и пороки. Ему поклонятся и назовут его Христом – новым мессией – вновь собравшиеся в Иерусалиме иудеи. Это и переполнит чашу терпения Всевышнего. Вострубят ангельские трубы, и произойдет второе пришествие Христа – Страшный суд. А вслед за ним на землю сойдет «небесный Иерусалим» и наступит вечное царство Иисуса Христа. Антихрист будет сброшен «во тьму кромешную», а поклонившиеся ему люди отправятся в ад.

Эти представления о драме «последних времен» были распространены как в Западной, так и в Восточной Европе. Однако они не носили характера незыблемых догм и допускали весьма широкие интерпретации. К официальным и полуофициальным толкованиям Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсиса), главной священной книги о Страшном суде, примешивались и чисто апокрифические сюжеты. Средневековые писатели и проповедники часто меняли местами или налагали одна на другую подробности общей картины.

Ключевым оставался, конечно, вопрос о времени светопреставления. Все пророчества указывали на то, что ему будут предшествовать грозные стихийные бедствия. Отсюда – неотступный интерес средневековых книжников (в том числе и русских летописцев) ко всевозможным природным аномалиям.

Другим признаком приближения конца света служила повышенная активность темных сил, проявлявшаяся в небывалых преступлениях людей, душами которых овладевал дьявол.

О появлении Антихриста, а значит, и о скором конце света свидетельствовало оживление мессианских настроений среди иудеев (154, 12). Ведь, согласно толкованиям, именно Антихрист и есть тот мессия, для поклонения которому иудеи вновь соберутся в Иерусалим (9, 110).

Наконец, существовал и еще один способ определения точной даты Страшного суда: календарные расчеты, основанные на хронологических намеках, содержащихся в Библии.

Каждая страна и каждая эпоха давали свое толкование общего сценария, выдвигая на передний план то одно, то другое действующее лицо. В Западной Европе уже в раннем Средневековье сложилось твердое убеждение в том, что против Антихриста «восстанет другой персонаж, Царь последних времен, который попытается объединить род человеческий, чтобы повести его к спасению» (173, 177).

Идея драматического противостояния Антихриста и Царя последних времен расцвела в Западной Европе после того, как ее воплотил на своей сцене популярный в народе религиозный театр. Одновременно она стала своего рода духовным оружием и широко использовалась в религиозно-политических войнах. Могущественные правители, достигавшие успехов в деле объединения своих народов, изображались их придворными книжниками в ореоле Царя последних времен. Не оставалось вакантным и место Антихриста. Его, естественно, оставляли для своих противников. Такая персонификация облегчалась тем, что в Священном Писании Антихрист представлен не: только в образе апокалипсического зверя, но и в виде человека, посланного дьяволом (2 Фес. 2, 9).

Проповедуя ученикам о времени Страшного суда, апостол Павел замечает: «Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фес. 2, 3–4).

«Сын погибели» (Антихрист) уже в мире, говорит далее апостол. Но его торжество (сворачивание людей на путь греха и неверия) «не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2, 7). Этот загадочный «Удерживающий теперь» (в древнерусском тексте – «держай ныне») и есть Царь последних времен.

Русский Апокалипсис

Особенности географического положения и исторического опыта Руси, своеобразие национальной психологии наложили свой отпечаток и на представления о признаках скорого конца света, о противоборстве Царя последних времен с Антихристом (173, 177).

Однако всякая история имеет предысторию. А потому начнем издалека...

О свирепых и диких народах пустыни, пришедших истреблять христиан в «последние времена», на Руси знали не понаслышке. Словно сойдя со страниц древних книг, эти народы один за другим ломились в золотые ворота Киева. Еще Нестор-летописец в «Повести временных лет» представлял печенегов, торков и половцев как тех самых «измаильтян», о которых пророчествовал Мефодий Патарский (37, 224). В таежных дебрях Северного Урала и нижней Оби жили странные лесные народы, в которых Нестор опознал дикие племена, изгнанные далеко на север Александром Македонским. Согласно пророчеству Мефодия Патарского, эти племена также в урочное время должны выйти из своих «гор полуночных» и напасть на христиан (37, 225).

Нашествие монголов русские книжники однозначно восприняли как исполнение все тех же древних пророчеств о нашествии измаильтян перед концом света.

«По грехом нашим, – говорит летописец, – приидоша языци незнаеми, безбожнии мовиятые, их же никто же добре не весть ясно, кто суть и отколе изыдоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их. И зовут я татары, а инии глаголють таурмени, а друзии печенези. Инии же глаголють, яко сии суть, о них же Мефодий, епископ Патаромский, све-дительствоует, яко сии суть вышли из пустыня Ефровския, сущи межи востока и севера. Тако бо глаголеть Мефодий: «Яко в скончание времени явитися им, их же загна тамо Гедеон, и изшедше оттуду, поплелят всю землю от востока до Ефранта, и от Тигра до Понетскаго моря, кроме Ефиопии» (43, 335–336).

Тема «последних времен» и связанного с ними нашествия свирепого неведомого народа звучит и в проповедях современника Александра Невского владимирского епископа Серапиона. «Слышасте, братье, самого Господа, глаголяща в Евангелии: «И в последняя лета будет знаменья в солнци, и в луне, И в звездах, и труси по местом, и глади». Тогда реченное Господом нашим ныня збытсся – при нас, при последних людех» (29, 440).

Серапион не затрагивает темы Антихриста и Противостоящего ему светлого героя – Царя последних времен. Это и понятно. Для русских людей того времени единственным и бесспорным кандидатом на роль земного воплощения не только Антихриста, но и самого дьявола, исконного врага христиан, был ордынский хан. Однако Русская церковь во главе с митрополитом и епископами вынуждена была возносить молитвы о здравии и благополучии «вольного царя». Уже по одному этому такое сравнение было невозможным. Столь же неуместной была бы в устах Серапиона и речь о Царе последних времен, главной заслугой которого, согласно Мефодию Патарскому, будет победа над «измаильтянами» и установление мира и порядка в стране.

Толчком, побуждавшим людей к напряженным размышлениям о конце света, могло быть либо какое-то чрезвычайное событие, либо какая-то особая, «круглая» дата. Оба эти обстоятельства встретились во второй четверти XIV века. И вновь, как и при нашествии татар, мистика обернулась реальностью, а реальность – мистикой. Однако теперь эти превращения несли с собой уже не смерть и ужас, а жизнь и надежду...

Кремлевский венец

Московский князь Иван Калита был одним из самых благочестивых и мистически настроенных правителей русского Средневековья. Причиной тому – не только склад его характера и особенности жизненного пути, но также общая эсхатологическая окраска того времени.

В первой трети XIV века Византия проходила грозные мистические рубежи – тысячелетие христианства как государственной религии (325 год) и тысячелетие существования Нового Рима – Константинополя (330 год). И ту и другую дату многие толковали как возможный рубеж «конца света». В некоторых пророчествах именно тысяча лет «христианского царства» называлась сроком, после которого наступит конец света.

Тревожное ожидание царило в Западной Европе около 1000 года от Рождества Христова. Степень напряженности тогдашних эсхатологических ожиданий по-разному оценивается историками. Однако сам факт их существования не подлежит сомнению (171, 6)).

Известно, что Иван Калита был близок с двумя предстоятелями Русской православной церкви – суровым аскетом митрополитом Петром (1308–1326) и его преемником, ученым греком митрополитом Феогностом (1328–1353) (88, 221). Последний в разговорах со своими друзьями в Константинополе искренне восхищался благочестием князя Ивана (246, 278). И Петр, и Феогност подолгу жили в Москве и, конечно, просвещали московского князя относительно признаков скорого Страшного суда.

10 мая 1330 года, накануне памятной даты, тысячелетия Константинополя (по преданию, основанного императором Константином Великим и патриархом Митрофаном 11 мая 330 года), Иван Калита заложил в московском Кремле каменный собор Спасского монастыря (62, 500). Это строительство было частью своего рода «строительной программы» Ивана Калиты, в результате которой Кремлевский холм увенчался четырьмя белокаменными храмами (97, 58).

Конец света в 1330 году не произошло. Однако сбивчивость и противоречивость хронологических счетов позволяли перенести его дату на ближайшее будущее. Разговоры о скором конце света, о Царе последних времен не затихали среди московских книжников до самой середины XIV столетия, иные полагали, что этим мистическим титулом следует увенчать Ивана Калиту. Именно так и поступил неизвестный автор приписки к Сийскому Евангелию 1340 года.

Знамения

Для придворных книжников Дмитрия Донского и Василия I главной задачей было прославление успехов Москвы, изображение ее правителей как «царей», «самодержцев», ведущих священную войну с дьяволом в обличье ордынского хана. Эсхатологическая тема наиболее отчетливо звучит в сочинениях, воздававших под надзором выходцев из Византии митрополитов Киприана и Фотия. В них можно найти и предупреждения о происках Антихриста, появление которого связывали с близким концом света (93, 19). Однако осторожные византийцы избегали прямо называть кого-либо из тогдашних русских деятелей по именам. Да и масштаб фигур, выступавших на тогдашней политической сцене, был слишком мелким как для роли Антихриста, так и для роли Царя последних времен.

Не вдаваясь в подробности эсхатологической доктрины, русские книжники конца XIV – первой половины XV века все же постоянно помнили о том, что им выпало жить в «последние времена». Эти настроения находили отклик и в народной среде. И каждое новое бедствие или потрясение, коими столь богата была эпоха, вызывали всплеск религиозной экзальтации. В ту пору «эсхатология не имела формы какого-то абстрактного ожидания. Она властно вторгалась в повседневную жизнь, тревожа сознание постоянной возможностью осуществления» (206, 35).

Эта «постоянная возможность осуществления» относилась не только к грозной мистике Страшного суда, но и к тем бедствиям, знамениям и небывалым преступлениям, которые считались знамениями «последних времен». Вот как размышлял об этом новгородский летописец, отметивший появление в марте 1402 года на ночном небе грозной кометы. (Для удобства чтения мы разбиваем летописный текст на отдельные предложения.)

«Се же является грех ради наших: прообразует и претит и велит нам покаяться от грех наших.

Убо, смею рещи, сбывается слово евангельское, яко же сам Спас в Евангелии рече: в последняя дни будут знамения велика на небеси, в солнце и в луне и в звездах.

Услышати же имать слух рати и нестроение и слышание брани.
 Въстанеть бо язык на язык, и страна на страну, и царство на царство.
 И будутъ гладове, и мятежи, и пагубы, и трусы велицей по местам, и страхования в мори – все же начало болезнем.
 Предасть же брат брата на смерть, и отец чадо.
 И востануть чада на родителя своя и убьютъ я.
 И друг друга предасть и возненавидите и прельстить.
 И за умножение безакония исякнеть любы многих.
 Будеть бо тогда печаль велика и скорбь человеком, и туга языком, и гнев на людех, и страх повсюду.
 Да иже то в Евангелии прежде Спас наш глаголаше, то и ныне в последняя времена все сбывается.
 А реченаа знаменна на небеси, в солнци и в луне и во звездах являющися.
 А еже рече: въстанеть язык на язык и царство на царство, се бо въсташа языци воеватися, ратующеся: ово татарове, ово же туркове, инде же фрязове, а инде ляхове, а онамо немци, а овамо глаголемая литва.
 Что ли поминаю татаров и турков и прочая языки неверныя и некрещеныя?
 Но мы сами, рекомыи крестиани, правовернии суще и православнии, створяем промежу собою рати и брани и кровипролития...» (38, 392...).

Однако в этой стройной картине исполнения пророчеств о Страшном суде оставалось своего рода «белое пятно». Не было никакой ясности относительно истории с Антихристом, его временным торжеством и конечным падением.

Прямо заговорили о наступлении Антихриста уже в начале XV века. Это объяснялось неумолимым приближением роковой календарной даты – семи тысяч лет от Сотворения мира.

Грозным знамением стало падение столицы христианского «царства» – Константинополя. В древних пророчествах оно толковалось как явный знак скорого «конца света», перед которым явится Антихрист (9, 105). Отдаленная угроза становилась все более реальной и устрашающей.

Неизвестный русский автор «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» подробно рассказывает о том, как султан Мухаммед II вошел в храм Святой Софии. В эту минуту, замечает он, сбылось древнее предсказание: «И вложит руце своя в святаа жрътвеннаа и святая потребит, и дасть сыновом погибели» (31, 262). Источник этого пророчества – рассказ апостола Павла о будущем появлении и торжестве Антихриста перед Страшным судом (2 Фес. 2, 3). Далее автор говорит и об исполнении пророчеств Мефодия Патарского о гибели «града Божьего» (Константинополя) перед концом света (31, 264).

Одна из примет близкого светопреставления – «и предаст брат брата на смерть». О ней говорил в одном из своих учительных посланий митрополит Фотий: «Яко ни едино преподобно в мире бысть, и несть еже веры яти другу, ниже надеятися брату» (93, 20). Книжники той эпохи часто вспоминали слова Кирилла Иерусалимского: «Ненависть братня уже дает место Антихристу. Прежде бо уготовает диавол расколы людьския, да удобь прият будет грядый» (93, 20).

Тот, кто видел и ждал

Среди тех, кто с особым вниманием следил за приметами «последних времен», был и один московский летописец времен Ивана III. Труд его частично сохранился в составе Львовской и Софийской II летописей. Полагают, что он охватывает период с 1446 по 1486 год (157, 357). К сожалению, первоначальный текст сильно сокращен и переkreоен позднейшими компиляторами. Однако и в таком виде его своеобразие настолько явно, что позволяет исследователям сделать набросок портрета сочинителя.

«Направленность содержания (причем в сообщениях по разным темам) выдает в его авторе иерея, жителя Москвы, более точно – московского Кремля. Некоторые специфические детали позволяют обоснованно видеть в нем священника кремлевского Успенского собора. Его позиция характеризуется определенной независимостью по отношению и к светским, и к церковным властям, он широко образован, выделяется большой любознательностью ко всякого рода умениям и знаниям, ему присущ жгучий интерес к расширяющейся на глазах российских людей последней трети XV в. картине мира» (157, 357).

Понятно, что человек такого склада не мог остаться равнодушным к вопросу о приближающемся конце света. Можно полагать, что в своей летописи (которую исследователи условно называют Успенским летописцем) он много размышлял об этом как в абстрактно-богословском, так и в чисто практическом плане.

Создатель Успенского летописца смотрел на происходившие события сквозь призму грозных пророчеств, которые он находил в рукописях.

В рукописной Псалтири первой четверти XV века из Ярославского музея-заповедника содержится роспись точных дат переходящих церковных праздников на несколько десятилетий вперед – так называемая пасхалия (261, 554). Под 6953 (1445) годом ее неизвестный составитель записал: «В том лете, братье, будет царство Антихристово и будет в роженье его трус (землетрясение. – Н. Б.) таков, яков же не бывал николи же прежде того времени оканного и лютаго и страшнаго, и будет плач велик тогда всей земли вселеньской. В тыи день зрите круг солнцу и луне: начнуть быти знаменья в них и гибости звезд на небеси, и плач на земли. Увы, увy, горе, горе будет нам грешным тогда, беда велика в ты дни и лета, сия зри и смотри, Бога ради, добре внимай» (78, 377).

Этот призыв внимательно всматриваться в ход событий и доискиваться их тайного смысла, следить за «кругом солнцу и луне», похоже, был услышан создателем Успенского летописца. В летописях, отразивших этот труд, под 6953 (1445) годом находим подробный рассказ о двух громадных несчастьях для Москвы: пленении татарами великого князя Василия II в «суздальском бою» и страшном пожаре, испепелившем московский Кремль. Сбывались пророчества из пасхалии. Когда в Москве узнали о разгроме войска и пленении князя Василия, «бысть плач велик и рыдание много, не токмо великим княгиням, но и всему хрестьянству» (46, 258).

Вскоре сбылось и второе предсказание Ярославской пасхалии. 1 октября 1446 года москвичи стали свидетелями небывалого стихийного бедствия – землетрясения. Летописец подробно рассказывает об этом событии. «Бысть знамение в граде Москве в час 6 ноци: бысть тишина вельми велия, многим человеком спящим, а иным никакo же сна приемшим, потрясся место и град Москва на мног час, и храми поколебашеся; сему суть многи свидетели» (46, 259). Упомянутая летописцем «тишина вельми велия» не столько реалистическая подробность (ибо что, кроме тишины, могло быть в городе глубокой ночью?), сколько аллюзия на «великую тишину» в «Откровении Мефодия Патарского».

Итак, пророчества исполнились, а значит, и Антихрист появился на свет. На вопрос о том, в каком возрасте Антихрист воцарится и начнет править людьми, разные тексты пророчеств отвечали по-разному.

Вероятно, наш летописец, наблюдавший «знаменья времен», был автором и еще одной соответствующей записи (точнее – ряда записей) под 6956 (1448) годом. «Тое же весны бысть Благовещение по Велице дни во вторник; того ради написахом, понеже не часто бывает. Того же лета бысть мор на кони и на всяку животину и на люди. Того же лета преставися князь Василей Юрьевич слепой и положен бысть в церкви Архангела Михаила на площади» (46, 261).

Редкое и уже по одному этому грозное календарное сближение сакральных событий казалось еще страшнее в тревожной атмосфере «последних времен». Оно как бы предвещало «мор на кони и на люди». Зловещий подтекст имеет и рядовое на первый

взгляд известие о кончине князя Василия Юрьевича. Сын Юрия Звенигородского, Василий был взят в плен в сражении с московскими войсками в 1436 году, а затем по приказу великого князя Василия II ослеплен и брошен в темницу. Называя прозвище старшего Юрьевича – «слепой», летописец вскользь приоткрывает завесу над кровавой драмой московского княжеского дома. Свирепая расправа Василия II с двоюродным братом десять лет спустя отлилась ему собственной трагедией. Захваченный в плен младшим братом «слепого», князем Дмитрием Шемякой, Василий был подвергнут той же казни.

«Предаст же брат брата на смерть... И друг друга предаст и возненавидит и прельстит...» Такими видел «последние времена» новгородский летописец начала XV столетия. Такими же узнавал их и его московский собрат, трудившийся более чем полвека спустя...

Стремление угадать тайный смысл событий через «круг солнцу и луне», через сближение сакральных дат заметно и в рассказе о событиях 1451 года. «Был Юрьев день (23 апреля. – Н. Б.) в Великий пяток» (46, 262). А через два месяца на Москву внезапно нагрянули полчища татар. Великий князь Василий бежал, оставив столицу на произвол судьбы. И только вмешательство небесных сил спасло город от страшного погрома.

Под тем же годом, что и падение Константинополя (1453), в Львовской и Софийской летописях содержится рассказ о кончине в Новгороде князя Дмитрия Шемяки. Тексты обеих летописей существенно различаются в подробностях, но совпадают в моральной оценке события. Кажется, это две редакции одного и того же рассказа. Исключительная осведомленность рассказчика сочетается с уверенностью в глубоком мистическом значении случившегося.

Суть дела состояла в следующем. Исполняя приказ московского великого князя Василия Темного, его порученцы подкупили людей из свиты мятежного удельного князя Дмитрия Шемяки, и те отравили своего господина. Московский князь, по существу, убил собственного двоюродного брата руками наемных убийц. Повторилось преступление Святополка Окаянного, таким же способом расправившегося со своими братьями Борисом и Глебом. Совершилось именно то, о чем предупреждал Кирилл Иерусалимский: «Ненависть братня уже дает место Антихристу...»

Не случайно в самом начале рассказа об убийстве Шемяки летописец замечает, что Василий Темный узнал эту новость «на вечерни у великомученик Бориса и Глеба на Москве на рве» (39, 180). Эта совершенно излишняя на первый взгляд подробность – намек на глубинную суть события.

Сообщая о том, что боярин Шемяки Иван Котов предал своего господина и взял на себя подготовку убийства, летописец с некоторым сознательным искажением приводит слова царя Давида из Псалтири: «...якоже глаголет Давид: яды хлеб мой възвеличи на мя лесь» (46, 262). В древнерусском тексте Псалтири это место читается так: «Ибо человек мира моего, на него же уповах, ядый хлебы моя, възвеличи на мя запинание» (Пс. 40, 10). «Лесь» – это обман, коварство, тогда как «запинание» – всего лишь пинок, удар ногой.

Сразу вслед за рассказом об убийстве удельного князя следует сообщение о взятии турками Царьграда. Эти столь разные по значению новости летописец неожиданно сближает по их тайному, провиденциальному смыслу. Василий Темный погубил брата «лесью», то есть изменой одного из его приближенных. Но и султан Мехмед взял Царьград «прелестию» (46, 262). Наместник византийского императора, прельстившись обещанием султана взять в жены его дочь и сделать его вторым человеком в государстве, предал своего государя и указал туркам слабое место в городских укреплениях.

Судьба изменника оказалась плачевной. Захватив город, султан приказал заживо сварить его в котле, заметив, что если он предал своего прежнего господина, то наверняка предаст и нынешнего. В этой связи у читателя летописи естественно возникал вопрос и о судьбе русского предателя – боярина Котова. В сохранившемся варианте Успенского летописца об этом умалчивается. Однако в первоначальном тексте этот сюжет,

несомненно, присутствовал. Об этом свидетельствует пропущенное позднейшими редакторами краткое замечание о том, что подьячий Василий Беда, принеший в Москву весть об убийстве Шемяки, тотчас получил от великого князя награду - «и бысть оттоле дьяк» (39, 180). При таком отношении к происшедшему, скорее всего, получили обещанные награды и непосредственные исполнители убийства – слуги, предавшие своего князя и господина. Сравнение напрашивалось само собой.

Исчадие ада, басурманский султан казнил предателей, а соблюдавший обряды христианского благочестия московский князь награждал и возвышал их...

В 1459 году в церковном календаре наблюдалось редкое явление: Пасха совпала с праздником Благовещения. Последний раз такое случилось в 1380 году, отмеченном памятью Куликовской битвы. До исполнения седьмой тысячи лет в 1492 году подобного соединения больше не приходилось.

На это многозначительное совпадение обратил внимание еще составитель пасхалии в знаменитом «Сборнике преподобного Кирилла Белозерского». На фоне тревожных ожидании близкого светопреставления оно показалось ему знаменательным. И он выразил свои размышления в следующих словах: «В лето 6967: круг солнцу 23 и луне 13, индикт 7, фе-мелио 26. Зде страх, зде скръбь, зде беда велика. В распятии Христове сии круг бысть. И се лето на конци явися, в неже чаем вьсемирное Твое пришествие. О Владыко, умножишуся безаконие на земли, пощади нас, о Владыко, исполнь небо и земля славы Твоея, пощади нас. Блюдете убо известно и разумне, о братие, кто хошетъ быти в тое время, бегаа бежи невеж и неверна. Быша и при нас Измаилы» (78, 203).

Эта молитва-предостережение широко разошлась по многим тогдашним рукописным пасхалиям. Оттуда и позаимствовал ее создатель Успенского летописца. Под 6967 (1459) годом он отмечает: «Того же лета бысть Благовещение на Пасху. Писано в пасхалии: Братиа, зде страх, зде беда велика, зде скорбь немала!» Далее приведен весь текст рассуждения в пасхалии. Однако итог этого зловещего года летописцу уже известен: «И того же лета не бысть ничто же» (46, 264).

Несостоятельность пророчества он считает нужным оправдать традиционным суждением: «Господь бо не хошетъ смерти грешником, но ожидая покаяния. Рече Господь: не весте дни и часа, в ньже Сын человеческий приидеть». Иначе говоря, по великой милости Божией людям вновь дана некоторая отсрочка, чтобы они успели покаяться и в урочный час предстать перед престолом грозного Судьи в более пристойном виде.

Среди пространных рассказов о войнах с татарами, о наступлении великого князя Ивана III на Новгород, о строительстве Успенского собора в московском Кремле и прочих событиях тех лет постоянно всплывает тема приближающегося светопреставления, на фоне которого все земное становится жалким и бессмысленным. Из-под привычного покрыва повседневности вдруг поднимаются рога апокалипсического зверя.

Под 6984 (1476) годом летописец сообщает о страшном знамении. «Тое же весны, в четверток великий (в четверг Страстной недели, 11 апреля. – Н. Б.) бысть знамение на небеси на востоце, в 2 час дни, две дуги, рога на запад, и по конец тех дуг от севера дуга рогама на полдень, а с полуденныя страны дуга рогама на север» (46, 319).

(После несостоявшегося светопреставления в 7000 (1492) году официальные московские публицисты во главе с Иосифом Волоцким поспешили перенести время Страшного суда на отдаленное и хронологически неопределенное будущее (93, 28). На первый план выходит прославление Москвы как нового христианского царства, «нового Константинополя» и «Третьего Рима». Следуя такому подходу, составители летописных сводов, по-видимому, опускали утратившие актуальность эсхатологические рассуждения Успенского летописца. Их интересовал лишь его богатый и красочный фактический материал. Они не обратили внимания на то, что и сам подбор этого материала в значительной мере подчинен идее поиска примет «последних времен».)

По мере приближения 1492 года тревога нарастала. Многие пророчества утверждали, что Антихрист явится и воцарится за три с половиной года до конца света. Записи в пасхалиях звучат все более и более грозно. Под 6997 годом (сентябрь 1489 – август 1490) в одной из них сказано:

«В том же лете придет царство змиево сатанино Антихристово, уже останутся едины ти годы до пришествия Господня и людем буде нужда велика. Источники воднии иссохнут вси и начнут плакати ангели и небеса и солнце и луна и земля, яко в златкованную трубу. Источники и моря възплачются, видящи люди мутимы от сатаны Антихриста. Господь же заключи небеса и не призрит на люди своя. Увы, увy, горе, горе, люто ти будет, оканный грешный человеческий род. О братье, не имите веры, в то лето Петр епископ будет» (78, 374).

(«Петр епископ» – это, по-видимому, «Петр Гугнивый». Согласно византийским полемическим сочинениям против латинян, этот мифический персонаж был когда-то римским папой. Он впал в ересь, предался всевозможным порокам и положил начало расколу между восточной и западной христианскими церквями.)

Согласно пророчествам, Господь пошлет на землю для обличения Антихриста Илью, Еноха и Иоанна Богослова (9, 111). В одной старинной пасхалии под 6997 (1489/90) годом содержится еще одно предсказание на ту же тему:

«По сем встанет Антикрист и царствовати имать в Иерусалиме полчетверта лета, начен от индикта, в се лето и явится Илия и Енох, и стояти имут пред Антикристом три лета, обличая его» (78, 374).

Дальнейшее существование мира не предвиделось. Все русские пасхалии той эпохи не заходили далее 7000 года...

Исследователи спорят о том, являются ли помещенные в пасхалиях под разными годами записи о появлении Антихриста и скором Страшном суде творчеством русских книжников, или же они восходят к византийским и южнославянским оригиналам. Но вот что примечательно. Под 7000 годом в русских пасхалиях никаких пространных рассуждений о конце света нет. Лишь в одной из них содержится краткое замечание: «По сем что сие будет, токмо Бог един весть...» (228, 234). Похоже, что книжники с каким-то особым трепетом относились к этой дате и не позволяли себе всуе рассуждать о ней.

При таких перспективах повседневная жизнь с ее тревогами и заботами, желаниями и замыслами, казалось, должна была потерять всякий смысл и замереть. Однако этого не произошло. По крайней мере, московское боярское правительство и сам государь продолжали действовать, решать назревшие военно-политические и дипломатические задачи.

В этой связи напрашивается вопрос: как воспринимали приближение рокового рубежа правящие верхи русского общества? Источники содержат очень мало сведений об этом. Однако некоторые контуры все же угадываются.

По своему отношению к «проблеме 7000 года» русские люди той эпохи разделялись на «пессимистов» и «оптимистов».

Первые ждали Страшного суда в ближайшее время и во всем видели его знамения. К их числу относилась, к примеру, мать Ивана III княгиня Мария Ярославна. 1 сентября 1477 года она послала в Кирилло-Белозерский монастырь огромный денежный вклад – 495 рублей. По условиям вклада монахи должны были непрестанно молить Бога за род московских князей в течение 15 лет, то есть до 1 сентября 1492 года. В этот день, который по тогдашнему счету лет означал начало нового 7001 года, княгиня ожидала конца света (79, 72). Соответственно, никакие молитвы никаких монахов уже не принимались в «небесной канцелярии».

Вторые, не отрицая Страшного суда как такового, отодвигали его в далекое будущее или в туманное «когда Богу будет угодно». Они считали бессмысленным и даже

кошунственным говорить на эту тему, выходящую за пределы человеческого разума. К ним относились, например, новгородский архиепископ Геннадий и ростовский архиепископ Вассиан. Последний в своем знаменитом Послании на Угрю, обращенном к великому князю Ивану III (1480 год), практически не касается темы конца света. Его пафос – героический оптимизм. Бог простил Русь, и она, стряхнув оковы «вавилонского плена», поднимается к славе и величию.

Понятно, что в этом контексте Вассиану совсем «не ко двору» была мысль о «сыроядцах» как людях «последних времен». Он всего лишь дважды использует это выражение в своем Послании и то, по-видимому, под влиянием Летописной повести о Куликовской битве.

Взоры столичной знати, как всегда, были обращены на государя. Его поступки и высказывания задавали тон настроениям всего московского двора.

Поведение Ивана III в этой двусмысленной ситуации определялось, с одной стороны, его положением, а с другой – особенностями традиционных представлений о Страшном суде. В литературных памятниках той эпохи повторяется предостережение Иисуса, обращенное к человеку: «В чем ты застану, в том и сужу» (33, 50). Это парафраза известного тезиса апостола Павла: «День Господень так придет, как тать ночью» (1 Фес. 5, 2). Она говорила о внезапности и неотвратимости Страшного суда. Но вместе с тем она указывала и на то, что честное исполнение своих обычных обязанностей перед Богом и людьми – лучшее средство заслужить милость Господа на Страшном суде.

Как «великий Русских стран христианский царь» Иван обязан был до последнего дня существования мира исполнять свой долг. Суть этого долга – ответственность правителя за порученных ему Богом людей. Именно так за десять лет перед тем наставлял Ивана его духовный отец ростовский архиепископ Вассиан: «Ты же, убо, государю, духовный сыну, не яко наемник, но яко истинный пастырь, подщися избавити врученное тебе от Бога словесное ти стадо духовных овец от грядущаго волка» (31, 524).

Но если в 1480 году «грядущим» на Русь «волком» был хан Ахмат, то теперь «словесному стаду» угрожало исчадие ада – Антихрист. И если бы владыка Вассиан был жив, он, вероятно, написал бы своему духовному сыну еще одно послание с призывом мужественно стоять против нового врага.

Пламенный проповедник давно уже спал вечный сном в своей каменной гробнице под сводами ростовского собора. Но его духовный сын делал то, что и должен был делать. Он правил так, словно и не замечал, что грозный ангел уже при дверях. В обстановке всеобщей тревоги он видел свою задачу в том, чтобы не допустить паники, отчаяния, малодушия. Его подданные должны были заниматься своим привычным делом. И если Господь и вправду решит свести счеты с людьми, то он найдет их всех, включая и самого государя, на предустановленных им местах, при исполнении своего долга.

Верил ли сам Иван III в близкое светопреставление? Любой однозначный ответ на этот вопрос будет сомнительным. Однако очевидно, что его личное переживание рокового момента во многом определялось двумя факторами: воспитанием и окружением.

Особенности религиозного мировоззрения потомков Ивана Калиты лишь недавно привлекли внимание исследователей (97, 162; 79, 102). Ревностное благочестие и строгая приверженность ритуалу парадоксальным образом сочетались у московских князей с весьма вольным обращением не только с неугодными им иерархами, но и со многими предписанными церковью нормами.

Причиной этой весьма странной на первый взгляд традиции мы назвали бы прочно укоренившееся в правящей семье убеждение в особой провиденциальной миссии Москвы. Этот город призван был стать новым Константинополем и новым Иерусалимом. Вокруг него собирался «новый Израиль» – русский народ (31, 534). Соответственно и вожди «нового Израиля» находились в особых, доверительных отношениях с Богом. Над их головами по временам загорался сияющий золотой круг...

Замкнутые в золотом круге своей богоизбранности, московские государи порой теряли

чувство реальности и вправду начинали ощущать себя «земным Богом». Неуравновешенный и впечатлительный Иван IV так увлекся этим головокружительным ощущением, что решил даже, не дожидаясь светопредставления, устроить для подданных свой собственный «Страшный суд» (282, 404).

Воспитанный на этих представлениях, Иван III верил в особую провиденциальную роль Москвы. В начале 90-х годов митрополит Зосима уже говорил ему о Москве как о «новом граде Константина» (10, 124). На этой ниве Иван и работал, не покладая рук. Все это казалось ему более важным, чем туманные пророчества о Страшном суде.

Царь-Антихрист

В то время как Иван III примеривал на себя византийскую корону, в покоренных им землях местные патриоты-книжники готовили ему совсем другие украшения. Там гуляла молва о том, что торжествующее Московское царство и есть предсказанное пророками царство Антихриста. Образ Москвы толковали там по-своему: как новую столицу греха и беззакония (235, 254).

При таком воззрении становилось очевидным, что великий князь Иван Васильевич – тот самый человековидный «змей», сын Сатаны, о котором так ярко говорил в своем «Слове... на пришествие Антихристо» древний подвижник Ефрем Сирийский:

«...Придет же всескверный, как тать, в таком образе, чтобы прельстить всех, придет смиренный, кроткий, ненавистник, как скажет о себе, неправды, отвращающий идолов, предпочитающий благочестие, добрый, нищелюбивый, в высокой степени благообразный, постоянный, ко всем ласковый; уважающий особенно народ иудейский, потому что иудеи будут ожидать его пришествия» (72, 255).

Конец этого рассуждения заставляет вспомнить отмеченную многими историками «беспрецедентную открытость Ивана III к общению с иудеями» (79, ЮЗ). Для тех, кто склонен был видеть в нем «змея», многозначительным фактом было и небывалое распространение при его молчаливом попустительстве ереси «жидовствующих».

Все это антимосковское творчество впоследствии было изъято из летописей и рукописных сборников. Однако его следы все же уцелели среди осколков провинциального летописания. Примером может служить история освоения Иваном Ярославского княжества, в наиболее полном виде сохранившаяся в Ермолинской летописи (47, 157).

Другое свидетельство отношения к Москве как к царству Антихриста относится к началу XVI века и содержится в рассказе Псковской 3-й летописи. Тема рассказа – приезд во Псков великого князя Василия III в январе 1510 года. Результатом этого визита стала окончательная ликвидация псковской боярской республики. Она сопровождалась произволом и расправами. Из города были выселены в Москву триста семей, а на их место помещены москвичи.

Описание этих небывалых бедствий летописец сопровождает следующим комментарием:

«А все то за наше съгрешение так Бог велел быти. Зане же написано Пакалиспей (в Апокалипсисе. – Н. Б.) глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не убо пришел; шестое бо царство именует в Руси Скивскаго острова; си бо именует шестый, а седьмы по том еще, а осмый Антихрист. Се бо Христос въ святом Еуангелии глагола: да не будет бежество (бегство. – Н. Б.) ваше зиме ни в субботу; се убо приде на ны зима. Сему убо царству рашширятися и злодейству умножатися. Ох, увы, да нас Иисус Христос Бог наш избавит от всего зла и вечнаго мучения и сподобит нас вечных благ, молитвами святыя Богородица и всех святых, аминь» (64, 225–226).

Первая часть этого рассуждения представляет собой сбивчивый пересказ текста Апокалипсиса о звере с семью головами и десятью рогами – Антихристе. «Семь голов суть... семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда

придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель» (Откр. 17, 9–11).

Вторая часть навеяна Евангелием от Матфея. Иисус Христос, предсказывая будущее опустошение Иерусалима (по другим толкованиям – конец света и Страшный суд), говорит ученикам: «Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в субботу, ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет» (Матф. 24, 20–21). Псковский летописец вспоминает эти слова Спасителя еще и потому, что трагедия Пскова также произошла зимой.

Итак, для псковского патриота Московское царство – одна из голов апокалипсического зверя, Антихриста. Великий князь Василий Иванович – новый император Веспасиан, разрушитель Иерусалима. Летописец «если не отождествляет, то определенно сближает Москву с царством Антихриста» (93, 28).

Вероятно, подобные настроения, порожденные экспансией Москвы и возвращенные ожиданием «царства Антихриста» перед концом света, были распространены и в других русских землях.

Теория относительности

Одним из проявлений тревожного ожидания близящегося конца света стало падение «деловой активности» населения. Судя по сохранившимся актам, в 7000 году было заключено гораздо меньше всякого рода сделок, чем в предшествующие и последующие годы. Однако при дворе Ивана III, по-видимому, считалось дурным тоном говорить о близком Страшном суде.

Скептическое отношение тогдашней просвещенной аристократии к ожиданию скорого конца света хорошо передает послание Дмитрия Траханиота новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову. Оно написано в период между 1 сентября 1488 года и 22 марта 1489 года (204, 61). Автор послания прибыл в Москву из Рима в свите Софьи Палеолог в 1472 году и вскоре стал боярином, главой двора великой княгини. Новгородский владыка познакомился с Дмитрием Траханиотом еще в бытность свою архимандритом кремлевского Чудова монастыря и проникся уважением к его широким познаниям. Смущенный толками о Страшном суде, Геннадий обратился к ученому греку за разъяснениями по этому вопросу.

Ответ Траханиота отмечен привычной уклончивостью старого дипломата. Однако позиция все же достаточно ясна. Он замечает, что ни сам Спаситель, ни пророки, ни святые не говорили о конце света по истечении седьмой тысячи лет от Сотворения мира. Все это – не более чем людские домыслы. Абсолютная истина заключена лишь в словах Иисуса Христа: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Матф. 24, 36). Все остальные мнения относительны.

Эсхатология всегда была любимой погремушкой толпы. Савонарола завоевал Флоренцию своими проповедями на тему Апокалипсиса (106, 73). Бедные и несчастные охотнее верят в близкий конец света, чем богатые и счастливые. Для них земная жизнь – небольшая потеря, а Страшный суд – последний шанс на справедливость. Богатым же грешникам есть что терять и есть отчего бояться последнего суда. Кроме того, знать всегда имеет более широкий взгляд на мир, чем выросшая в невежестве беднота.

Оглядываясь на государя и прислушиваясь к здравому смыслу, московская знать не хотела верить в скорый Страшный суд. Грозным пророчествам лесных отшельников она предпочитала своего рода «теорию относительности», согласно которой все точные вычисления на сей счет – не более чем «помышления».

Новгородский ответ

Основным рассадником эсхатологических настроений был в ту пору Великий

Новгород. По существу, Страшный суд там уже начался. Но на престоле грозного судьи вместо Спасителя воссел московский государь Иван Васильевич.

Потрясенное стремительными и для многих трагическими переменами новгородское общество стало плодородной почвой для всякого рода радикальных идей. Широко распространившаяся здесь «ересь жидовствующих» во многом питалась страхом перед близким светопреставлением и стремлением хоть как-то продлить срок своего пребывания на грешной земле. На этом моменте стоит остановиться подробнее.

В Новгороде было широко распространено мнение о том, что у разных народов конец света и Страшный суд будут происходить в разное время, в соответствии с тем, когда по их календарю истекает седьмая тысяча лет. Архиепископ Геннадий, конечно, не случайно спрашивал Дмитрия Траханиота об этом. Показательно и то, что ученый грек значительное место в своем ответе уделил опровержению данного тезиса (204, 68). За всем этим угадывается насущная потребность момента.

Согласно иудейскому летосчислению, до истечения седьмой тысячи лет от Сотворения мира оставалось еще около трехсот лет (93, 23). Таким образом, переход в иудаизм давал надежду избежать надвигающегося Страшного суда. Наивная логика простолюдинов вполне допускала такое умозаключение. И не здесь ли корни того неожиданного всплеска «антихристианства» в Новгороде, который наблюдается в последней четверти XV века? Если да, то становится ясным и необъяснимое на первый взгляд преобладание православных священников среди лидеров еретиков, и стремление еретиков максимально наглядно и грубо отречься от христианства путем глумления над его главными символами – крестом и иконами.

Массовое отречение от христианства происходило на фоне оживления религиозного энтузиазма еврейских общин на Руси. Вопрос о том, состоится ли второе пришествие Иисуса Христа в 7000 году, интересовал не только христиан, но и иудеев. И если для первых отрицательный ответ означал главным образом разочарование и сомнения в устоях веры, то для иудеев, напротив, служил подтверждением их правоты. Некоторые исследователи полагают, что новгородские еретики-«жидовствующие», скрывавшиеся под личиной православных клириков, сознательно нагнетали эсхатологические ожидания своих прихожан, чтобы те со временем испытали более сильное разочарование в христианском Боге (93, 23).

В этой обстановке присланный из Москвы в конце 1484 года архиепископ Геннадий чувствовал себя на новгородской кафедре как на вулкане. Его предшественник, простоватый троицкий монах Сергей, не выдержав такой жизни, менее чем через год сошел с ума и был отправлен обратно на Маковец.

Строгий ревнитель церковного благочиния, Геннадий поначалу жаловался на еретиков митрополиту Геронтию. Однако тот только что пережил тяжелый конфликт с великим князем, в результате которого едва не лишился кафедры. Зная о том, что еретики имеют влиятельных покровителей при дворе и пользуются поддержкой самого Ивана III, митрополит не стал возбуждать этого вопроса на высшем уровне.

После кончины Геронтия в мае 1489 года кафедру в начале сентября 1490 года занял архимандрит Симонова монастыря Зосима. Надеясь на поддержку нового главы церкви, Геннадий толпами высылал еретиков на расправу в Москву. Именно так поступали московские светские власти с опальными новгородцами. Сосланные в Москву, они никогда уже не возвращались на берега Волхова. Их уделом становились плаха, темница или ссылка в какой-нибудь дальний городок Московского княжества.

И каково же было удивление и возмущение Геннадия, когда новгородских еретиков, отлученных от церкви на Поместном соборе в октябре 1490 года, вернули из Москвы обратно в Новгород. Великий князь не стал подвергать их публичной казни и не выдал собору близких ко двору еретиков из окружения своей невестки Елены Волошанки. Тяжелейшее религиозное преступление осталось фактически безнаказанным. И это в то время, когда любого новгородца, чем-то не угодившего московскому наместнику,

ожидала быстрая и жестокая расправа.

Милостивое отношение Ивана III к еретикам определялось взаимодействием целого ряда соображений и настроений. Очевидно, преобладающим был все же прагматизм. Расчетливый политик, он видел в еретиках прежде всего беспокойный, разъединяющий элемент новгородского общества. Они нужны были ему и в Новгороде, и в Москве как постоянный предлог для «чистки» в рядах мирян и духовенства. И если раньше поводом служили подлинные или мнимые беззакония местных бояр, то теперь, когда бояр уже почти не осталось, могли пригодиться и еретики-«жидовствующие».

ГЛАВА II ЖЕРНОВА ПРАВДЫ

*Ты, господине, свою правду
сказываешь, а они свою...
Кирилл Белозерский*

В тихом южном дворике Соловецкого монастыря уже почти выросли в землю огромные круглые камни с дыркой посередине. Это старые мельничные жернова. На них дивятся туристы. Их исподтишка пинают ногами мальчишки. Вокруг них щиплют траву бродячие по монастырю козы.

Жернова спят. Они заслужили покой. Много лет они вращались вокруг своей оси, размалывая в муку миллиарды ржанных и пшеничных зерен.

За такое время даже эти серые камни успели кое-что понять. «Все перемелется, мука будет», – гласит пословица. Насчет муки – вопрос особый. Но то, что все перемелется, жернова знают точно.

У истории свои жернова. Они растирают в муку, – а может быть, лишь в пыль и мертвый прах, – все попавшее под их шершавые бока.

Зерно, упавшее в землю, хоть и умрет, но принесет плод. Но что принесет зерно, раздавленное жерновами истории? Возможно, что по высшей, последней калькуляции и оно не пропадает даром. Но горе тем, кто однажды попал между этими тяжелыми жерновами...

У каждой человеческой общности (народа, государства, сословия, общины, ремесленного цеха) – своя правда. Есть она и у каждого человека. Правда эта проста, как мельничный жернов. Она состоит в том, что каждый отстаивает свое место под солнцем, стремится расширить и благоустроить его.

В столкновении двух «правд», как и в работе двух жерновов, перемалываются судьбы людей.

Вращаются жернова, течет в мешки струйка муки, а вместе с ней течет и смолотое вечностью время...

Горький удел

В большинстве московских летописей (начинавших год по-византийски, с 1 сентября) роковой 7000 год открывается одним и тем же известием. 20 сентября великий князь Иван Васильевич приказал схватить и бросить в темницу своего младшего брата, удельного князя Андрея Васильевича Угличского. Вместе с Андреем отправили в заточение и его сыновей, четырнадцатилетнего Ивана и семилетнего Дмитрия.

Внезапная жестокая расправа потрясла современников. Никто не мог ясно сказать, в чем состояла вина удельного князя перед Державным. Но даже если Андрей и провинился в чем-то перед государем, то брат все же оставался братом. И как было не вспомнить в этом случае известное всем суждение апостола: «Я люблю Бога», а брата

своего ненавидит, тот лжец» (1 Ин. 4, 20).

Но милосердная правда Евангелия не уживается с жестокой правдой власти. И те немногие, кто знал сокрытую от посторонних глаз семейную историю московского княжеского дома, должно быть, мало удивились происшедшему...

Четвертый сын Василия Темного и его жены княгини Марии Ярославны Андрей родился 13 августа 1446 года в Угличе. Свое имя он получил в честь святого Андрея Стратилата, память которого отмечалась 19 августа.

В отличие от младшего брата, удельного князя Андрея Вологодского (Андрея Меньшого), современники называли угличского князя Андреем Большим. В источниках есть и еще одно прозвище Андрея – «Горай» (64, 59). Это редкое имя, скорее всего, означает «горячий», «вспыльчивый».

Появившийся на свет в самый тяжелый момент жизни матери, когда она вместе с только что свергнутым с престола и ослепленным мужем жила в заточении в Угличе, Андрей вскоре стал ее любимцем.

До начала самостоятельного правления Андрея в Угличе летописи лишь изредка упоминают его в одном ряду с другими младшими сыновьями Василия Темного. В январе 1456 года Андрей участвовал в торжественных проводах из Москвы в Смоленск чудотворной иконы Божией Матери. В начале 1460 года он вместе с братом Юрием сопровождал Василия Темного в поездке в Новгород, едва не закончившейся восстанием новгородцев против великого князя.

27 марта 1462 года Василий Темный скончался. Незадолго до кончины ему исполнилось 47 лет.

По завещанию отца пятнадцатилетний Андрей Горай получил Углич, Бежецкий Верх и подмосковный Звенигород. Трудно сказать, почему отец наделил Андрея именно этими землями. Возможно, здесь сыграл свою роль факт его рождения в Угличе. Но как бы там ни было, при одном упоминании этих мест в памяти москвичей всплывали мрачные воспоминания. Углич был столицей мятежного Дмитрия Шемяки, а Звенигород – уделом его Отца, зачинщика кровавой смуты среди потомков Дмитрия Донского князя Юрия Дмитриевича.

Князь Андрей унаследовал от Шемяки не только его удел, но даже двор в московском Кремле (103, 95). Здесь все было пропитано ненавистью к потомкам «литовской волчицы» – Софьи Витовтовны.

Злые языки говорили, что с таким наследством Андрею не миновать печальной участи мятежников...

К этому времени Углич уже стал своего рода «русской Бастилией». Здесь с февраля по сентябрь 1446 года томился в заточении схваченный Шемякой великий князь Василий Темный. Известно, как любит чернь глумиться над поверженными кумирами. Вероятно, не избежал этой участи и низложенный Василий.

Но вскоре колесо Фортуны повернулось вновь. И в январе 1447 года полки Василия Темного при поддержке тверской рати штурмом взяли Углич. Настал его час пошутить над шутниками...

В 1456 году Василий Темный за какую-то провинность приказал схватить своего шурина князя Василия Ярославича Серпуховского и отправить его под стражей в Углич. Ирония судьбы состояла в том, что опальный князь в годы смуты был одним из самых преданных сторонников Василия Темного. Вместе со своим полком он участвовал в штурме Углича в январе 1447 года. Тогда Василий въехал в Углич на белом коне победителя. Теперь его привезли сюда в оковах.

Василий Ярославич провел в угличской тюрьме шесть лет. Весной 1462 года его приверженцы решили силой освободить удельного князя из заточения. Однако их замысел был раскрыт. Василий Темный подверг заговорщиков жестокой казни, а князя Василия перевел в еще более надежную темницу – в отдаленную Вологду. Там он и умер в 1483 году «в железех», то есть скованный цепями.

Все эти мрачные воспоминания витали над почерневшим от горя и пожаров Угличем. Поистине, это был горький удел.

Дружба и служба

Однако Андрей Большой был молод и самоуверен. Он гнал прочь кошмары прошлого и твердой рукой прорубал себе путь к славе и почестям.

Осенью 1469 года Андрей вместе со старшим братом Юрием Дмитриевским по указу Ивана III ходил в поход на Казань. В этой войне он имел возможность многому научиться у знаменитых московских воевод Ивана Юрьевича Патрикеева и Даниила Дмитриевича Холмского. Они вернулись домой с победой. Убедившись в силе московского государя, казанский хан Ибрагим заключил с ним мир сроком на девять лет.

Казанский поход стал первым серьезным боевым крещением двадцатитрехлетнего Андрея Большого. Чтобы стать «настоящим мужчиной», ему оставалось теперь только вступить в брак. Это и произошло в воскресенье, 27 мая 1470 года. Андрей женился на дочери князя Романа Андреевича Мезецкого Елене. Венчание состоялось в Успенском соборе московского Кремля. Совершил обряд сам митрополит Филипп. На свадьбе гуляла вся московская знать.

Этот брак имел политическую подоплеку и соответствовал стратегическим интересам Москвы. Владения отца невесты принадлежали к числу так называемых «верховских княжеств». Здесь, в верхнем течении Оки, сидели многочисленные потомки святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, казненного татарами в 1246 году за отказ поклониться языческим идолам. Не имея возможности отстоять свою независимость, одни «верховские» князья признавали над собой власть Москвы, другие – Литвы, а третьи умудрялись служить и той и другой. Иван III вынашивал планы полного присоединения этих земель к своим владениям. Эти замыслы были осуществлены в ходе московско-литовских войн 1487-1494 и 1500-1503 годов.

Сведения о семье Андрея Большого и ее участии весьма сбивчивы и противоречивы. Известно, что в браке с Еленой Мезецкой он имел двух сыновей и двух дочерей. Старший сын, Иван, родился в 1477 году. Дата рождения младшего, Дмитрия, неизвестна. Есть сведения, что в 1492 году ему было семь лет (257, 139). Однако это сообщение противоречит другому летописному известию – о кончине княгини Елены Мезецкой в 1483 году (38, 525). Если верить позднему Угличскому летописцу, княгиня Елена сопровождала Андрея Большого в его роковой поездке в Москву в сентябре 1491 года, была арестована вместе с ним и умерла в московской темнице 2 апреля 1492 года (75, 43).

(В этой связи возникает вопрос о том, какую роль в судьбе Андрея Большого и его семьи сыграли родственные связи княгини Елены. Известно, что осенью 1492 года на службу к Ивану III перешел родной брат Елены Мезецкой князь Михаил Романович Мезецкий. При этом он силой привез в Москву своего брата Семена и двоюродного брата Петра. Очевидно, в семье Мезецких произошел раскол на почве различного отношения к действиям московского государя.)

Обзаведясь семьей, Андрей Большой, вероятно, стал более благоразумным. Он участвовал в первом походе Ивана III на Новгород летом 1471 года. На следующий год он стоял с полками в Серпухове, прикрывая русские земли от нашествия хана Ахмата. О добрых отношениях с Иваном III в эти годы свидетельствует присутствие Андрея на всех торжественных церемониях московского двора – свадьбах, похоронах, закладках церквей.

Первая «черная кошка» пробежала между сыновьями Василия Темного осенью 1472 года. После внезапной кончины князя Юрия Васильевича Дмитриевского его выморочный удел, согласно древней традиции потомков Калиты, следовало разделить по долям между всеми братьями. Однако Иван III не хотел увеличения уделов. Все владения Юрия он взял себе. Младшие братья Борис и Андрей Меньшой должны были довольствоваться лишь мелкими подачками. Андрей Большой громче всех высказывал свое возмущение и потому

не получил вообще ничего. Трудно сказать, чем кончилась бы вся эта история, если бы в спор не вмешалась мать. Старая княгиня Мария Ярославна примирила сыновей, а обиженному Андрею Большому отдала принадлежавший лично ей богатый городок Романов на Волге (48, 194).

Зимой 1477/78 года Андрей Большой принял участие во втором походе Ивана III на Новгород. Древняя столица севера пала к ногам «государя всея Руси». Это была добыча куда более ценная, чем удел Юрия Дмитровского. Но и на сей раз младшие братья не получили практически ничего. Напротив, Иван, вопреки всем нормам и традициям, стал грубо нарушать их суверенные права в уделах. Летом 1479 года один из бояр Борис Волоцкого был похищен московскими воеводами и брошен в темницу. Не решаясь самостоятельно выступить против Ивана, Борис искал утешения и поддержки у Андрея Большого. Тот разделял негодование младшего брата и ждал только случая, чтобы одернуть великого князя. Оба обиженных брата демонстративно не явились на торжественное освящение Успенского собора московского Кремля в августе 1479 года.

В начале 1480 года возмущение младших Васильевичей вспыхнуло пламенем мятежа. Андрей Угличский и Борис Волоцкий со своими воинами и придворными отъехали в Великие Луки, к самой литовской границе. Оттуда они послали Ивану ультиматум, требуя восстановить справедливость и угрожая в противном случае уйти в Литву. Начались тяжелые и затяжные переговоры. А между тем летом 1480 года на московские земли двинулся правитель Большой Орды хан Ахмат. Боевые силы младших братьев были необходимы Ивану. Однако он выдержал характер и лишь после долгого торга согласился на некоторые уступки. В роли главного миротворца вновь выступила старая княгиня Мария Ярославна. Обрадованные братья со своими полками присоединились к московскому войску, отражавшему нашествие татар.

Иван до времени помирился с Андреем Большим на том, что прибавил к его уделу город Можайск. Однако «измены» брата он, конечно, не забыл.

О настороженном отношении Ивана III к Андрею свидетельствует уже сам факт передачи угличскому князю Можайска. С одной стороны, это был, конечно, «лакомый кусок», принесший Андрею немалые доходы. Однако в этом щедром подарке был скрыт тонкий политический расчет. Став владельцем пограничного с Литвой Можайска, Андрей легко мог испортить отношения с западным соседом – польским королем и одновременно великим князем Литовским Казимиром IV.

Несомненно, Иван позаботился о том, чтобы эта возможность превратилась в действительность. По его указанию Андрей фактически начал необъявленную войну против Литвы. Он грабил пограничные литовские волости и угонял в плен их жителей. В 1487 году литовские послы жаловались на это московскому великому князю (86, 254).

Воздушные замки

Маленькая война на литовской границе не только развлекала, но и обогащала Андрея Большого. Стараясь не думать о будущем, он принялся благоустраивать свою удельную столицу. В результате его трудов Углич вскоре превратился в один из красивейших городов Московской Руси. На холме над Волгой выросли настоящие сказочные замки с высокими башнями и позолоченными шпилями. Вот как описывает тогдашний вид Углича историк искусства:

«Кремль Углича был в то время уже мощной крепостью с башнями и тремя воротами: двумя проездными и «вылазными» к реке. Стены и башни были по-прежнему деревянные... В центре южной стены, обращенной к оврагу, помещались Никольские ворота, через которые выходила дорога на Москву, Ростов и на Ярославль. Левее, с западной стороны, были другие ворота – Спасские, через которые шла дорога на Тверь, через перевоз. У ворот через глубокие рвы были мосты, вероятно, подъемные и с отводными башнями...

Археологические раскопки, произведенные в угличском Кремле в 1900 году, вскрыли фундаменты дворца князя Андрея Большого и дают возможность установить в общей схеме композиции этого дворца очень близкую аналогию великокняжескому дворцу в Москве. Дворец в Угличе состоял из ряда помещений, вытянутых вдоль северной стены Кремля (вдоль берега Волги), и замыкал своим фасадом парадную площадь. Слева эту площадь ограничивал построенный одновременно с дворцом каменный Спасо-Преображенский собор, справа – выступавшая вперед тронная палата, существующая поныне.

Остатки половых настилов (кирпичного и из керамиковых плиток) позволяют установить, что дворец был двухэтажным (вернее одноэтажным, на высоком каменном подклете, как во дворце Москвы). Главный вход в угличский дворец был в центре площади, где раскопками обнаружены «красные ворота» во внутренний замкнутый двор и остатки свода, поддерживавшего «красное крыльцо», позволявшее входить на верхнюю площадку дворца и в его парадные помещения прямо с площади. Тронная палата соединялась с этими помещениями переходами и имела свое красное крыльцо, по которому проходили в нее, минуя другие помещения дворца. Дворец князя был богато украшен снаружи, о чем свидетельствуют найденные в раскопках керамиковые балясины и изразцы... В окнах были слюдяные оконницы... Внутри важнейшие помещения дворца были расписаны фресками» (185, 14).

Средоточием духовной жизни города был Спасо-Преображенский собор, построенный около 1485 года. Его могучий кубический объем был поднят на высокий подклет, завершен ярусом закомар и увенчан стройной главой. Подобно Благовещенскому собору московского Кремля, он был органично вписан в комплекс дворцовых построек. В интерьере были использованы приемы, напоминавшие об Успенском соборе Аристотеля Фиораванти. Полагают, что в росписи угличского собора и дворца принимал участие знаменитый московский живописец Дионисий (185, 18).

(Главной святыней угличского собора стали обретенные при его постройке мощи князя Романа Владимировича. Правнук Всеволода Большое Гнездо и внук князя-философа Константина Ростовского, Роман правил Угличем в тяжелые времена «злой татарщины». Он прославился благочестием и заботой о монастырях. После бездетной кончины Романа в 1283 году угличане сохранили о нем добрую память. Обретение мощей Романа подняло его до уровня местночтимого святого. А в 1595, году патриарх Иов распорядился причислить его к лику общерусских святых.)

Андрей Угличский любил строить. В этом отчетливо проявлялось его незаурядное честолюбие, сильно раздражавшее Ивана III. Дворцовый ансамбль в Угличе на несколько лет опередил аналогичные, хотя и более масштабные работы по перестройке московского великокняжеского дворца.

На средства Андрея в 1479–1482 годах был возведен каменный собор в расположенном неподалеку от Углича Покровском Паисиевом монастыре (75, 56). Его торжественное освящение состоялось 1 октября 1482 года. Полагают, что основатель монастыря преподобный Паисий пришел в Углич из Макарьева Калязинского монастыря по приглашению князя Андрея.

С именем Андрея связывают и строительство в 1481–1493 годах каменного Никольского собора и трапезной палаты с церковью Дмитрия Солунского в Антониевом Краснохолмском монастыре (111, 5). Этот монастырь располагался в уделе Андрея Большого, примерно в 90 километрах к юго-западу от Углича. Архитектурные особенности Никольского собора указывают на итальянских мастеров, работавших тогда в Москве. Возможно, автором проекта был сам Аристотель Фиораванти (111, 24).

Угличский князь ценил образованных людей и имел широкие связи среди московской «интеллигенции» того времени. Известно, что он радушно принял в своем уделе ученого грека князя Константина из свиты Софьи Палеолог. Под старость грек принял постриг с именем Кассиана и после странствий по русским монастырям поселился близ Углича.

Здесь он при поддержке Андрея Большого основал свой монастырь – Кассианову Учемскую пустынь. Князь Андрей любил беседовать с многоопытным старцем, часто посещал его обитель и даже пригласил Кассиана быть крестным отцом одного из своих сыновей.

С годами Андрей все больше начинал ценить тихую прелесть провинциального уюта.

Тучи сгущаются

4 июля 1485 года окончила свой долгий жизненный путь вдова Василия Темного княгиня Мария Ярославна. Властная и умная старая княгиня не позволила бы Ивану расправиться с братьями. Смерть матери развязывала ему руки. И братья об этом, конечно, догадались...

11 сентября 1485 года осажденная московскими полками Тверь открыла ворота победителю. В результате этой победы еще один огромный массив земель был присоединен к Москве. И вновь, как и в истории с Новгородом, удельные братья Ивана III не получили ничего.

12 апреля 1486 года скончался престарелый князь Михаил Андреевич Верейско-Белозерский. Еще при жизни он был принужден завещать все свои владения Ивану III. А пятью годами ранее Иван взял себе выморочный удел младшего брата – Андрея Вологодского. Таким образом, права Андрея Угличского и Бориса Волоцкого на часть семейной «добычи» вновь и вновь бесцеремонно нарушались.

Произвол Ивана по отношению к младшим братьям объяснялся не его личной алчностью, а стремлением к полному единовластию, без которого невозможны были поддержание порядка внутри страны и надежное обеспечение ее внешней безопасности. Молодая московская диктатура была обоюдоострым мечом. Одной стороной лезвия она рубила чужих, а другой – своих. Иначе быть просто не могло.

Несомненно, младшие братья терпели унижение не столько из страха, сколько из верности московскому делу – «собираанию Руси». Однако у каждого из них был свой предел, за которым разум и долг отступали перед оскорбленным самолюбием. Помимо этого, каждый из них был окружен толпой домочадцев и придворных, мечтавших о продвижении своего господина к вершинам власти.

Великий князь понимал, что Андрей Горый не может равнодушно смотреть на поправление его «правды». Иван хорошо помнил и о мятеже удельных братьев летом 1480 года. Поэтому, задумав большую войну с Казанью (поход 1487 года), он загодя потребовал от Андрея публичного признания новых «правил игры».

В четверг, 30 ноября 1486 года, в московском Кремле звенели заздравные чаши. В этот день между братьями был заключен договор, согласно которому Андрей отказывался от каких-либо притязаний на новые владения «государя всея Руси». Он клялся в вечной верности старшему брату и его прямым наследникам. Со своей стороны Иван обещал уважать удельные права Андрея, а его самого «дръжати въ братстве, и в любви, и во чти, без обиды» (8, 323).

В договоре предусматривались и совместные действия в случае войны. «А где мы, великие князи, всядем на конь сами, и тебе с нами пойти. А где тебя пошлем, и тебе пойти без послушанья. А где пошлем своих воевод, и тебе с нашими воеводами послати своего воеводу съ своими людьми» (8, 325).

Для большей верности договор был засвидетельствован митрополитом Терентием. Каждый из князей скрепил его своей печатью. На печати Андрея изображены два всадника, несущиеся навстречу друг другу с мечами в руках (243, 167). Великий князь предпочел для своей печати иное изображение: ангел держит венок, готовясь увенчать им стоящего перед ним человека...

Желая «подсластить пилюлю», Иван приурочил заключение договора ко дню памяти апостола Андрея. Это давало повод сделать удельному князю какой-нибудь подарок и

лишний раз почтить его добрым словом за столом.

Летописи не сообщают об участии полков Андрея Угличского и Бориса Волоцкого в походе на Казань весной 1487 года. Однако выдающееся значение этого предприятия позволяет полагать, что без них все же не обошлось. Как бы там ни было, поход закончился блестящей победой. Взятие Казани принесло богатые трофеи. Похоже, что при их разделе Иван вновь, обделил братьев. Во всяком случае, вскоре после возвращения войск из казанского похода (осень 1487 года), между Иваном и Андреем опять возникла напряженность. На это указывает и сообщение некоторых летописей, не имеющее точной даты, но помещенное в череду событий зимы 1487/88 года. Вот его содержание.

В то время когда Андрей жил в Москве, один из его бояр узнал от своего приятеля при дворе, что великий князь якобы задумал схватить младшего брата. Боярин тотчас доложил об этом своему господину. Угличский князь, очевидно, допускал возможность такого приказа. Поэтому первым движением Андрей «хотел с Москвы тайно бежати» (46, 353). Однако, поразмыслив, он счел за лучшее просить князя Ивана Юрьевича Патрикеева, первого из бояр великого князя и своего давнего знакомого, выяснить истинные намерения «государя всея Руси». Осторожный царедворец отказался выступить посредником в столь щекотливом деле. Тогда Андрей сам отправился к Ивану за разъяснениями. Преисполнившись подлинным или мнимым негодованием, Иван поклялся брату «небом и землей и Богом силным Творцом всея твари, что ни в мысли у него того не бывало» (39, 238).

В этой своеобразной клятве «небо» и «земля» служили символическим обозначением души и тела (106, 95). Более сильных слов трудно представить.

Вполне вероятно, что клятвы государя были искренними. Арест Андрея имел политический смысл только в связи с перспективой его скорой кончины в темнице. Решиться на тяжкий грех братоубийства было нелегко даже для такого человека, как Иван. Однако ход событий роковым образом подталкивал его к этому решению...

Литовский след

7 марта 1490 года в возрасте тридцати двух лет умер наследник московского престола Иван Молодой, сын Ивана III от первого брака с Марией Твертской. По единодушному мнению московского двора, причиной смерти наследника стали лекарства и средства, которыми лечил его от болезни ног («камчуги», то есть, по-видимому, подагры) «жидовин магистр Леон» (41, 222). Лекаря незадолго перед тем привез в Москву из Италии вместе с другими мастерами брат Софьи Палеолог Андрей. Леон сам вызвался вылечить наследника, а в залог успеха предложил собственную голову. Убеденный таким аргументом, Иван III велел сыну воспользоваться услугами чужеземца.

Самонадеянные врачи-шарлатаны были тогда обычным явлением при дворах знатных особ. В 1492 году один из них помог отправиться в лучший мир римскому папе Иннокентию VIII. Правда, в отличие от своего московского коллеги и соплеменника, римский «доктор» успел сбежать до расплаты (106, 119).

Магистру Леону отрубили голову сразу после окончания сорокадневного траура по Ивану Молодому. Но вопрос о том, что стояло за этой историей, до сих пор остается открытым. Понятно, что сказать что-либо с полной определенностью нельзя. Однако некоторые линии все же просматриваются. Оставив как одно из возможных предположение о том, что смерть Ивана была естественной, не вызванной каким-либо злым умыслом, – обратимся к другим, не менее вероятным версиям. Прежде всего следует ответить на вопрос: кому выгодна была смерть наследника московского престола в это время и при этих обстоятельствах?

На первый взгляд главным заинтересованным лицом была Софья Палеолог. Враждебное отношение к ней со стороны наследника не было секретом даже для посещавших Москву иностранцев (3, 229). На Софью указывала и связь «врача-

вредителя» с Андреем Палеологом.

Однако «очевидность» причастности Софьи к гибели наследника и может служить главным аргументом в пользу ее невиновности. Именно она (а вместе с ней и ее дети) должна была стать первой жертвой ярости великого князя. Но что, собственно говоря, Иван мог сделать своей законной жене и ее четырем сыновьям, старшему из которых, Василию, в марте 1490 года исполнилось всего лишь одиннадцать лет? Заточить их всех в темницу? Выслать из страны? Наконец, попросту казнить? Любое из этих решений могло стать пагубным для московского дела.

Но даже сохранив за Софьей ее положение великой княгини, Иван в этой ситуации не мог объявить наследником престола ее старшего сына Василия. Слишком сильна была тогда всеобщая ненависть к ней, подогретая темной кончиной Ивана Молодого. Таким образом, новым наследником престола неизбежно должен был стать единственный сын Ивана Молодого и Елены Волошанки шестилетний Дмитрий-внук.

Именно так и поступил Иван III. Другого выхода у него просто не было.

Допустив, что Иван Молодой пал жертвой какой-то тонкой и хорошо продуманной интриги, мы неизбежно приходим к выводу, что следующим звеном этой интриги должна была стать внезапная кончина самого «государя всея Руси».

В источниках можно найти прямое подтверждение этого предположения. Примерно в это время из Литвы приехал на московскую службу князь Иван Лукомский, имевший тайное поручение короля Казимира IV – отравить московского государя (41, 235). Вместе со своими сообщниками, литовскими агентами в Москве, он был арестован осенью 1492 года. При аресте у князя нашли яд, предназначавшийся для государя. 31 января 1493 года Лукомского и «Матиаса Ляха, толмача Латского» заживо сожгли в деревянной клетке на льду Москвы-реки (48, 211). Жестокость казни косвенно свидетельствует о том, что у Ивана III не было сомнений в виновности перебежчика.

Едва ли эту версию следует считать проявлением некой «шпиономании».

Во-первых, устранение неудобных лиц с помощью «лютого зелья» было обычным приемом в политической борьбе той эпохи. Им широко пользовались при сведении счетов потомки Чингисхана (124, 127–131). Дмитрий Донской за год до Куликовской битвы едва не стал жертвой присланного из Орды яда. Отец Ивана III Василий Темный с помощью своих агентов в Новгороде отравил кузена и соперника Дмитрия Шемяку. Первая жена Ивана III, княгиня Мария Борисовна Тверская, внезапно умерла в 1467 году, и ходили упорные слухи, что ее отравили. Вторая жена Ивана, Софья Палеолог, сама подыскивала смертного «зелья» для своих врагов (38, 531). Позднее, в 1538 году, недруги отравили сноху Ивана III Елену Глинскую. По некоторым сведениям, от яда умерла и первая жена Ивана Грозного Анастасия Романова (77, 100). Понятно, что такого рода преступления практически недоказуемы. Однако сам этот длинный ряд достаточно красноречив.

Во-вторых, сам факт наличия при московском дворе литовской агентуры не подлежит сомнению. И во времена Ивана III, и позже, при Иване Грозном, «литовская разведка, использовавшая русских эмигрантов для проведения секретных операций в России, зорко следила за событиями в соседней стране» (238, 461). Литовские и польские вельможи имели собственных агентов в Московии (281, 454). Равным образом и московские власти наводнили Литву своими шпионами. Достоверные сведения на сей счет относятся ко временам Ивана Грозного. Однако, зная основательность его отца и деда, можно полагать, что и при них было то же самое. «Среди перебежчиков москвитян, которые глубокими ночами убивали жителей Вильны и освобождали из тюрьмы пленников своего рода, был один священник, который, тайно проникнув в королевскую канцелярию, доставлял своему князю копии договоров, постановлений, указов» (20, 96).

Итак, в случае внезапной кончины Ивана III Московское государство оказалось бы под номинальной властью малолетнего Дмитрия-внука. Учитывая неприязнь московской знати и к Софье Палеолог и ее детям, и к покровительнице еретиков Елене Волошанке, можно думать, что реальным правителем, опекуном Дмитрия, вполне мог бы стать князь

Андрей Угличский. Но при таком развитии событий молодое Московское государство, скорее всего, ожидали бы тяжкие испытания.

Отсюда уже совсем недалеко до ответа на вопрос: кому выгодно?

Король Казимир IV и его окружение были крайне озабочены стремительным ростом и усилением Московской Руси. В 1487 году Иван III начал необъявленную войну с Литвой. Не имея достаточных сил для сопротивления, Казимир вынужден был уступать ему одну территорию за другой. В случае кончины престарелого короля и начала внутренних неурядиц московская экспансия могла приобрести катастрофический для Литвы размах.

Самым простым и, в сущности, единственно возможным для Казимира способом остановить натиск «москвитов» был заговор. Убийство Ивана III и его старшего сына должно было ввергнуть Россию в длительную династическую смуту.

Однако литовским заговорщикам не удалось в полной мере осуществить свои замыслы. Московский государь и сам был гроссмейстером политической интриги. Потеряв сына, он понял замыслы врагов. Иван объявил наследником Дмитрия-внука, но при этом не стал преследовать Софью Палеолог. Он (или его «секретная служба») предпринял энергичные меры по разоблачению литовских агентов в Москве. Вероятно, Иван позаботился тогда и об усилении своей личной безопасности.

Резкое осложнение династической ситуации после кончины Ивана Молодого заставляло Ивана искать путей для консолидации московского правящего класса. В этой связи ему нужна была и безусловная поддержка церковных верхов. Долгожданным подарком для них стало решение великого князя о проведении осенью 1490 года собора против новгородских и московских еретиков-«жидовствующих».

Никакие меры безопасности не могли дать великому князю уверенности в завтрашнем дне. Несколько капель яда (или любая фатальная случайность) могли перечеркнуть дело жизни самого Ивана и шести поколений его предков. Эта мысль была для него невыносимой. Она преследовала его днем и ночью. И наконец он решил нанести невидимому врагу упреждающий удар...

Скорее всего, Андрей не вел никаких тайных переговоров с литовцами и не замыслил зла против старшего брата. Однако его собственные настроения практически не имели значения. Логика ситуации делала его потенциально опасным для московского дела. Как Иван III, так и король Казимир были выдающимися политиками. Оба обладали стратегическим мышлением и думали о том, что произойдет после их кончины. И в этой «загробной» борьбе двух государей Андрей Большой был «козырным тузом» в колоде Казимира...

Иван имел немало своих людей среди придворных угличского князя. Однако он не решился отдать приказ о ликвидации младшего брата с помощью каких-либо тайных средств. Но и оставить Андрея на свободе он тоже не мог. Единственный выход состоял в том, чтобы вызвать Андрея в Москву, арестовать по обвинению в измене и бросить в темницу.

Западня

События, непосредственно предшествовавшие расправе с Андреем, одинаково похожи и на роковую цепь случайностей, и на тонко сплетенную интригу.

Весной 1491 года Иван III потребовал, чтобы Андрей в соответствии с договором 1486 года прислал свое войско для участия в войне с сыновьями давнего врага Москвы хана Большой Орды Ахмата. Сам Ахмат был убит ногаями вскоре после «стояния на Угре». Однако теперь его наследники, «Ахматовы дети», опустошали владения тогдашнего союзника Москвы – крымского хана Менгли-Гирея. Воеводы Ивана III и служившие ему касимовские татары «царевича» Саталгана должны были вторгнуться на территорию Большой Орды с севера и тем самым отвлечь «Ахматовых детей» от Крыма (272, 303).

Согласно официальной московской версии событий «князь Андрей Васильевич

воеводы и силы своей не послал» (56, 165). Этот факт в Москве расценили как измену и нарушение клятвы, данной удельным князем при заключении договора с Иваном III 30 ноября 1486 года. Именно этой «изменой» Андрея Иван позднее оправдывал свое вероломство по отношению к нему.

Однако, судя по всему, эта тенденциозная трактовка событий была составлена «задним числом». В действительности все происходило несколько иначе. Внимательное прочтение и сопоставление всех сведений об этой истории позволяют увидеть скрытую летописями взаимосвязь событий.

В мае 1491 года Иван получил из Крыма известие о том, что сыновья хана Большой Орды Ахмата Сеит-Ахмет и Ших-Ахмет выступили в поход против крымского хана Менгли-Гирея. Желая делом доказать Менгли-Гирею свою верность и оттянуть силы «Ахматовичей» от Крыма, Иван отправил в степь, во владения Большой Орды своих воевод Петра Никитича Оболенского и Ивана Михайловича Репню Оболенского. Вместе с ними выступили в поход касимовские татары во главе с «царевичем» Саталганом. В условленном месте в степях к московскому войску должны были присоединиться и отряды вассала Москвы казанского хана Мухаммед-Эмина с приставленным к ним московским воеводой.

Помимо всех этих сил Иван призвал в поход полки князей Андрея Угличского и Бориса Волоцкого.

Опытный дипломат, Иван, конечно, не хотел терять своих воинов ради благополучия крымского хана. К тому же он знал, что на помощь Менгли-Гирею с запада идут войска турецкого султана Баязида, а с востока, из-за Волги, – полчища ногаев. В этих условиях степной поход московско-казанского войска носил главным образом демонстративный характер. Участие в походе полков младших братьев позволяло Ивану убедить Менгли-Гирея в том, что он отнесся к его просьбе о помощи самым серьезным образом.

Иван знал, что степные войны быстротечны. Поэтому он поторапливал своих полководцев. В июне великий князь сообщил своему союзнику Менгли-Гирею, «что 3 июня в степь («на поле») был послан царевич Сатылган с уланами, князьями и казаками, а также воевода с русской ратью» (86, 192). Спустя пять дней, 8 июня, выступило и войско казанского хана Мухаммед-Эмина. Вероятно, Иван в письме к Менгли-Гирею несколько приукрашивал действительность. Выдвижение столь большой и пестрой армии растянулось на две-три недели и завершилось лишь во второй половине июня.

Андрей Угличский и не думал отказываться от участия в походе. Он хорошо понимал, какие тяжкие обвинения последуют за этим отказом. Однако в июне 1491 года, то есть именно тогда, когда Андрей собирал свое войско или только что отправился в поход, весь Углич был испепелен страшным пожаром. «Того же лета июня згоре град Углич весь, и на посаде погоре, и за Волгою, дворов болши пятисот, а церковей згоре 15» (56, 165). Понятно, что если весть о пожаре застала войско Андрея уже в пути, то все его воины дружно потребовали вернуться назад, чтобы узнать об участи своих родных и близких. А если это случилось еще до выступления войска в поход, то теперь идти в поход было просто некому. К тому же уцелевшие после пожара угличане должны были прежде всего подумать о погребении жертв пожара и о восстановлении своих жилищ. Не был исключением и сам князь Андрей, дворец которого также пострадал от огня. И оторвать людей от этого насущного дела ради сомнительного похода в степь было практически невозможно.

(По некоторым сведениям, Андрей все же послал какие-то силы в поход. Однако они выступили слишком поздно и «не успели» к назначенному сроку (75, 43).)

Мы уже никогда не узнаем, был ли этот страшный пожар в Угличе случайностью, или же чья-то недобрая рука выпустила из клетки Духа огня – зловещую саламандру. Сведение счетов, ослабление своих противников с помощью поджога было обычным делом в средневековой Руси. Пойманных с поличным поджигателей бросали в огонь. Однако плата за такого рода услуги была велика и найти исполнителей не составляло

большого труда.

Но как бы там ни было, пожар в Угличе и вызванная им неявка Андрея на войну с «Ахматовичами» давали Ивану удачный повод обвинить младшего брата в «измене» не только ему лично, но и общерусскому делу борьбы со степной угрозой. Известно, что без тщательной «идейной подготовки» Иван не приступал ни к одному сколько-нибудь серьезному военно-политическому предприятию.

Андрей, конечно, отправил к Ивану гонца с сообщением о пожаре. Вероятно, он считал причину задержки (или отсутствия) своих полков вполне уважительной. Однако Иван, по-видимому, выразил неудовольствие. Впрочем, дело казалось совсем улаженным после того, как московские воеводы быстро и «без брани» вернулись из похода в степь (39, 330). Устрашенные многочисленностью московской рати, «Ахматовичи» уклонились от сражения и прекратили войну с Менгли-Гиреем. Летописи не сообщают дату возвращения русских войск из этого похода. Однако очевидно, что кампания завершилась не позднее начала сентября 1491 года, когда Иван вызвал Андрея в Москву.

Несомненно, Иван заверил Андрея в том, что считает его объяснения вполне убедительными. Однако убедить народ и двор в их нерушимой дружбе могла только личная встреча в Москве.

Горай почти поверил в искренность старшего брата. Да он и не чувствовал за собой никакой вины. В противном случае он, конечно, уклонился бы от приглашения прибыть в Москву. Можно думать, что Иван пригласил брата не для объяснений по поводу бесплодной «степной войны», а для совместного участия в каком-то общерусском церковно-политическом мероприятии. Ни о какой «измене» до поры до времени не было и речи. Чтобы окончательно усыпить настороженность брата, Иван поклялся на кресте, что не причинит ему зла...

Примечательно, что Андрей со свитой въехал в Москву в понедельник. Между тем всякого рода общественные церемонии, предполагающие большое стечение народа, обычно назначались на воскресенье (96, 130). Иногда они приурочивались к другим дням недели, но крайне редко – к понедельнику. Очевидно, Иван III не хотел допустить торжественной встречи москвичами Андрея Угличского. Такая встреча неизбежно должна была сопровождаться изъявлениями теплых чувств и взаимных симпатий.

Первым делом братья, конечно, направились в Архангельский собор, к могиле отца. В этот вечер богослужение отличалось особой торжественностью. 20 сентября 1333 года собор был освящен. «В древнее время день освящения каждой церкви долженствовал быть для нее великим годовым праздником, то есть каждая церковь ежегодно должна была праздновать день своего освящения как большой праздник» (114, 354). Праздничная служба начиналась уже с вечера предшествующего дня.

После вечерни Иван пригласил Андрея на пир. Надо полагать, что там было поднято немало заздравных чаш. Гости нетвердой походкой разошлись далеко за полночь. А рано утром Иван велел своему дворецкому князю Петру Васильевичу Шестунову звать сонных угличан на новую трапезу. Пригласив Андрея в отдельную комнату с двусмысленным названием «западня», Иван немного поговорил и пошутил с ним. Потом он вышел, обещав вскоре вернуться, чтобы вместе идти в трапезную палату.

Но вместо великого князя в «западню» вошли стражники во главе с князем Семеном Ивановичем Молодым Ряполовским, которые схватили Андрея.

(Арест князя Андрея не случайно был поручен именно этому воеводе. Рюрикович по происхождению, отпрыск древнего рода князей Стародубских, Семен Ряполовский некоторое время состоял на службе у князя Андрея Угличского (141, 41). Однако женитьба на дочери главы московского боярского правительства Ивана Юрьевича Патрикеева ввела его в круг первостатейной московской знати. В 1487 году он воеводил передовой полк на Казань, в 1489 году участвовал в покорении Вятки. Однако воевода не забыл своей прежней службы Андрею Угличскому. Вероятно, он сохранил с удельным князем добрые отношения. Именно поэтому Иван III и поручил ему арест князя Андрея. С

одной стороны, это была жестокая проверка лояльности Ряполовского; с другой – именно он на правах старого знакомого мог урезонить князя Андрея и погасить вспышку его слепой ярости в первые минуты после ареста. Летописец отмечает, что Ряполовский исполнил свою миссию, обливаясь слезами.)

Выйдя из «западни», Иван III обратился к ожидавшим Андрея боярам и велел им идти в трапезную. Вероятно, он сказал им, что таково распоряжение их господина. Тугие с похмелья бояре гурьбой пошли в гридницу и уселись там за накрытый стол. Тут их и взяли под стражу внезапно появившиеся московские воины. Вероятно, угличан и их доброхотов ловили в этот день по всему Кремлю и по всей Москве. Что стало с ними потом – неизвестно.

Опасаясь каких-то действий со стороны приверженцев Андрея, Иван III весь день продержал брата под усиленной охраной в «западне». Вероятно, караульным приказано было связать его. А вечером, под покровом темноты, Андрей был переведен в дворцовую тюрьму, находившуюся в подземелье каменного здания Казенного двора. Оно располагалось рядом с Благовещенским собором и входило в комплекс зданий великокняжеского дворца. Здесь, во мраке и смраде, по соседству с золотом и драгоценностями «государя всея Руси», Андрею предстояло провести недолгий остаток своей жизни.

Кажется, Ивана сильно тревожила возможность побега удельного князя. Не доверяя даже крепким засовам и толстым стенам Казенного двора, он через два дня приказал приковать брата цепями к стене. Стражников заставили целовать крест на верность государю...

Важная часть коварного замысла Ивана III состояла в том, чтобы захватить в плен не только Андрея и его свиту, но также его малолетних сыновей и оставшихся в уделах приближенных. С этой целью в Углич были посланы с отрядом в 500 всадников два сына Ивана Юрьевича Патрикеева – Василий Косой и Иван Мунында, а также князь Петр Федорович Ушатый. Последний был весьма скромной фигурой при московском дворе и в этом деле явно играл роль простого порученца. Но тот факт, что в аресте Андрея и его семейства принимали деятельное участие два сына и зять князя Ивана Юрьевича Патрикеева, заставляет думать, что именно он был главным разработчиком плана ликвидации Угличского удела.

Искусство возвышенной лжи

Летописец, передающий официальную версию событий, подробно перечисляет давние «измены» князя Андрея, якобы подговаривавшего других братьев к мятежу против великого князя и имевшего тайный сговор с польским королем Казимиром IV и татарским ханом.

«В лето 7000-ное, сентября в 5, князь великий Иван Васильевич всея Руси сложи с себя крестное целованье брату своему князю Андрею Васильевичю за его измену, что он изменил, преступил крестное целованье: думал на великого князя Ивана Васильевича на брата своего старейшего з братьею своею, со князем Юрьем, и со князем Борисом, и со князем Андреем, да и к целованью их привел на том, что им на великого князя на брата своего старейшего стояти с одного; да грамоты свои посылал в Литву х королю Казимеру, одиначася на великого князя, да и сам з братом своим со князем Борисом Васильевичем отъезжал от великого князя; да посылал грамоты свои к царю Ахмату Болшие орды, приводя его на великого князя и на Рускую землю ратью, да с великого князя силою на ордынского царя воеводы своего не посылал, – а все то чиня измену великому князю, преступая крестное целованье.

И за то велел его князь великий поимати, и посадиша его на казенном дворе на Москве.

И по детей по его по князя Ивана и по князя Дмитрея послал на Угличь того же дни

князя Василья князя Иванова сына Юрьевича, да с ним многих детей боярских, и велел их поимати и посадити в Переславле; они же сотвориша тако» (46, 356).

Придворный летописец усердно перекрашивал черное в белое. Этого требовал державный заказчик его труда. Этого же требовали высшие интересы государственной безопасности.

Можно думать, что приведенный выше летописный текст представляет собой слегка сокращенное и отредактированное «официальное сообщение» об аресте Андрея Угличского, которое глашатаи читали на московских площадях. «Государь всея Руси» хорошо знал, что у народной толпы – «девичья память». Она живет настроением момента. Ее убеждают не доводы разума, а настойчиво повторяемые заклинания.

Конечно, успокоить всеобщее возмущение было не легко. Все знали, что Андрей приехал в Москву лишь после того, как Иван пообещал ему полную безопасность и заверил свою клятву целованием креста. Захватив брата, государь совершил тяжкое преступление. Он переступил не только через евангельскую заповедь о любви и прощении между братьями, но и через «крестоцелование». С точки зрения христианской морали, это был великий грех, которому нельзя было найти оправдания. Нарушение присяги, скрепленной целованием креста, наказывалось самым суровым образом и в земной жизни человека, и в загробной. «Иже бо крест преступят, то zde казнь примут, и на оном вѣце муку вечную» (23, 317).

Преступление великого князя было не только его личным грехом, за который он должен был понести кару. Расплачиваться предстояло и всему московскому народу. Ведь, согласно представлениям той эпохи, «за государское согрешение Бог всю землю казнит» (58, 176).

Что же касается перечня прежних «измен» Андрея, то для мало-мальски осведомленных людей он не мог служить серьезным аргументом. Ведь упомянутые в нем конфликты были давно улажены и торжественно преданы забвению.

Свободные от официальной тенденциозности источники отразили то возмущение, которое вызвал арест Андрея Угличского в различных слоях русского общества. С горечью и сочувствием к жертве описывает эту историю общерусская (Устюжская) летопись первой четверти XVI века. Судя по всему, автор рассказа был свидетелем или участником ареста князя Андрея. Его повествование пестрит подробностями, которые мог знать только очень хорошо осведомленный человек.

«В лета 7000. Приехал на Мосѣкву князь Андреи Углѣчскіи сентября в 19 день, в понедельник.

Князь великий почти его велми вечера того, а на завѣтрее поймал во вторник брата своего князя Андрея Васильевича Углѣчскаго и бояр его.

А поймал так. Послал по него дворецкого своего князя Петра Великого князь Васильева сына Шастунова, а велел князя Андрея брата своего звать к себе хлеба ясти. Князь Андреи восхотел о том ему челом ударити брату своему старейшему. И как при-де в западню и бил челом великому князю на чти (чести. – Н. Б.). И князь велики, мало посидев с ним и поговоря мало, и выиде от него в повалушу, а князю Андрею повеле себя ждати и бояром его повеле идти в столовую гридню. Они же внидоша, и тако поимаша их и разведоша разнo.

А князя Андрея повеле поимати князю Семену Ивановичю Ряполовскому. И князь Семен Ряполовской со многими князьми и бояры приде в западню ко князю Андрею Васильевичю, и ста пред ним слезен, и не моги слова ясно молвити. И рече слово слезен ко князю Андрею: «Государь, князь Андреи Васильевичь, пойман еси Богом да государем великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси, братом твоим старейшим».

И князь Андреи воста и рече: «Волен Бог да государь брат мои старейший, князь велики Иван Васильевичь, а суд ми с ним пред Богом, что мя неповинно имает», – на 1 часу дни.

И сидел в западне до вечерни. И сведоша его на Казенной двор и приставиша стеречи

многих князей и бояр.

И после на Углеч Поле князя Василья Косово, да брата его князя Ивана Мынынду, княжих Ивановых детей Юрьевича, да князя Петра Ушатова, и иных детей боярских по 5-ти сот и велел поимати детей князя Ивана да князя Дмитрея. И поимаша, и посадиша в Переславле, и сторожи уставиша, а дочерей не ведоша.

На той неделе и железа возложиша, сентября в 22 день, и сторожев к целованию приведше» (55, 97-98).

В другой редакции Устюжского летописца (список Мациевича) слова плененного князя Андрея переданы несколько иначе: «И князь Андреи рече: «Волен Бог да брат мои, князь великий Иван Васильевич, и суд мне с ним на втором пришествии пред Богом» (55, 51).

Несомненно, это чтение ближе к протографу всего рассказа об аресте Андрея. Он грозит Ивану III возмездием на Страшном суде, до которого, согласно пророчествам, оставались считанные дни.

Полнее восстановить все подробности этой драматической истории позволяет третий вариант летописного рассказа о пленении Андрея. Его содержит богатая оригинальными известиями Вологодско-Пермская летопись.

«В лето 7000. Месяца сентября в 20 на Еустафьев день Плакидин, в вторник, в час дни, князь великий Иван Васильевич поймал брата своего князя Ондreja Васильевича Углетцкого на Москве, у себя на своем дворе, и посади его на Казенном дворе, а по детей по княж Ондреевых послал того же часу князя Василья княж Иванова сына Юрьевича да с им многих детей боярских, велел их поимати и посадити в Переславле, и на Москву не вода.

А бояр княж Ондреевых, хто с ним приехал, да и диаков, и казначея, и детей боярских, от болших и до меньших, всех велел переимати.

А на Углечь послал своего наместника Ивана Васильевича Шадру Веньяминова.

А в Можаяск послал князя Ивана Стародубского Телеляша» (50, 287).

Анализ всех летописных версий рассказа о пленении князя Андрея в сочетании с предшествующими известиями позволяет достаточно ясно представить ход событий и логику поведения главных действующих лиц. Напомним, что все это происходило накануне второго пришествия Спасителя и всеобщего Страшного суда...

Откровенный разговор

Стремясь поскорее сбить волну возмущения, вызванную клятвopеcтyплениeм, Иван решил поговорить с боярами и церковными иерархами начистоту. Он поведал им о вещах давно известных, хотя и не признаваемых публично. Великий мастер социальной демагогии и тонкий знаток человеческой психологии, Иван справедливо полагал, что сам факт «искреннего» и «доверительного» разговора государя со своим ближайшим окружением должен произвести успокоительное действие на умы. Ведь что может быть отраднее для холопа, чем быть приглашенным во внутренние покои души своего господина...

Уникальный рассказ об этом объяснении, состоявшемся вскоре после ареста Андрея, сохранился в «Истории Российской» В. Н. Татищева (1086–1750). Известно, что историк пользовался не дошедшими до нас источниками.

«Тогда собравшеся мнози князи и бояре, начаша просити митрополита Зосима, чтобы печаловался со властью о князе Андрее, и митрополит ниединова проси, тоже князи средний. Князь же великий отрече, молвя: «Жаль ми добре брата моего и не хощу изгубити его, а «а себе порока положить, а свободити не могу про то, что ниединою зло на мя замышлял и братию свободил, а потом каялся. И ныне паки начал зло замышляти и люди моя к себе притягати. Да то бы и ничто, а когда я умру, то ему доставати великое княжение. А внук мой, кому великим князем быти, и он, коли собою того не достанет, то

смутит дети моя, и будут воеватися межи собою, и татара, пришед, видя в нестроении, будут землю Рускую губить, жечи, и пленить, и дань возложат паки, и кровь христианская будет литися, яко бе прежде. А что аз толико потрудися, и то будет все ни во что, и вы будите раби татаром». Сие слышавше, вси умолкоша, не смеюсче что рещи» (70, 79).

Ручаться за протокольную достоверность этой речи, конечно, нельзя. Однако суть дела она передает верно. Иван боялся, что в случае его кончины Андрей станет если не зачинщиком, то одним из активных участников кровавой династической смуты. Его арест был лишь частичным решением проблемы. Неумолимая логика ситуации состояла в том, что выпустить озлобленного арестом Андрея на свободу было бы верхом политической наивности.

(Любивший заглядывать в прошлое, Иван, конечно, знал историю о том, как Дмитрий Донской однажды заманил своего главного врага князя Михаила Александровича Тверского на переговоры в Москву. Нарушив клятвы, он посадил соперника в темницу. Однако некоторое время спустя Дмитрий выпустил тверского князя на свободу. Сгорая жаждой мести, тот немедленно отправился в Литву и уговорил своего шурина князя Ольгерда начать поход против Москвы. Разгоревшаяся вскоре московско-литовская война продолжалась пять лет и едва не спалила все политические достижения потомков Калиты.)

Но и в темнице, в цепях Андрей оставался потенциально опасным. Ведь при определенном повороте событий он мог выйти на свободу и вступить в борьбу. Только могила способна была окончательно успокоить этого богатыря...

Когда пастухи станут волками...

«Егда пастухи възволчатся, тогда подобает овцы овце наставите», – заметил один древнерусский проповедник (231, 78). В конце XV столетия многим казалось, что предсказанное в «Слове о лживых учителях» сбылось. Пастыри своими привычками стали сильно напоминать волков...

Незадолго до «последнего года» один из предводителей новгородских еретиков игумен Захар в разговоре с архиепископом Геннадием признался, что ни сам он, ни его монахи не желают более принимать святое причастие. Причину такого неслыханного бесчинства он объяснил просто: «А у кого ся причащати? Попы по мзде ставлены, а митрополит... и владыкы по мзде же ставлены...» Митрополит, по словам Захара, добиваясь избрания, «бояром посулы дает тайно, а владыкы... митрополиту дают денги» (147, 124).

От торговли саном был всего один шаг до торговли пастырской совестью. А спрос на этот товар в эпоху разрушения удельной Руси был весьма велик. Упадок нравов в церковной среде толкал наиболее искренних людей к бегству в лесную пустынь или к нигилизму ереси. Разочаровавшись в пастырях, еретики с чисто русским максимализмом отвергали и само христианство. Здесь – один из корней новгородского вольнодумства.

В истории захвата Андрея Большого коварство великого князя переплеталось с коварством и продажностью иерархов. Еретик Захар вполне мог бы найти здесь еще одно подтверждение своему скептицизму.

Московские летописцы умалчивают о роли высшего духовенства в деле князя Андрея. Однако хронология событий говорит сама за себя. Андрей прибыл в Москву 19 сентября. Очевидно, он был приглашен для участия в одном из тех религиозных торжеств, которые должны были состояться в ближайшие дни. На особый, ритуально-приподнятый характер встречи братьев указывает уже одно то, что Андрей прибыл в Москву в сопровождении всего своего двора.

Какое же именно событие послужило «приманкой» для опального удельного князя?

В ряду церковно-политических событий начала «последнего года» на первое место по значимости следует поставить церковный собор, созванный митрополитом Зосимой. Он

состоялся в сентябре 7000(1491) года (115, 609). Согласно византийской традиции на церковных соборах часто присутствовали и светские владыки. Их присутствие становилось абсолютно необходимым в связи с важностью доставленного на обсуждение вопроса. Собор должен был дать ясный и однозначный ответ относительно волновавших народ ожиданий наступающего конца света.

Зримым воплощением этого ответа стала новая пасхалия на 20 лет вперед, составленная митрополитом Зосимой в соответствии с решением собора. Она была разослана по епархиям в течение 7000 года. Сам факт ее составления выражал уверенность церковных властей в том, что Страшный суд откладывается на неопределенный срок.

Вопрос такого уровня значимости требовал единомыслия всех членов московского княжеского дома. Можно думать, что Андрей Угличский, привыкший иметь обо всем собственное мнение, и здесь выдвигал какие-то возражения. И не случайно в момент своего ареста он пригрозил Ивану скорой встречей на Страшном суде...

Можно только догадываться о том, какие крепкие клятвы и поручительства должен был получить Андрей, чтобы добровольно сунуть голову в петлю. Конечно, дело не обошлось без поручительства конкретных духовных лиц – митрополита Зосимы и троицкого игумена Симона. Едва ли Иван заранее известил их о своем замысле. И когда Андреи был схвачен, оба, конечно, бросились в ноги Ивану с мольбой избавить их от греха и выпустить брата.

Однако Державный был неумолим. Более того. Иерархи должны были взять на душу не только свой, но и великокняжеский грех клятвопреступления. Наконец, им надлежало успокоить возмущенный церковный собор. Только на этом пути Иван мог найти выход из сложившегося положения.

Задача иерархов облегчалась тем, что Русь уже знала истории такого рода. Одна из них была особенно знаменательной. В 1446 году игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон освободил Василия Темного от клятвы с целованием креста на верность Дмитрию Шемяке. Всю тяжесть княжеского греха Трифон взял на себя и свою братию. Избавленный от духовных тенет Василий возобновил борьбу с Шемякой и вскоре вернул себе московский трон. А Трифон после этого сделал хорошую карьеру, став настоятелем одного из придворных монастырей, а затем и ростовским владыкой.

«Кто же может помочь князю снять грех невыполненной клятвы на кресте? – пишет современный историк. – Как правило, такая возможность предоставлялась владыке – митрополиту или епископу, который, с одной стороны, выступал в качестве своеобразного третейского судьи в спорах князей, а с другой – обладал высоким авторитетом иерарха, несущего на себе частицу божественной благодати.

Так, во время конфликта Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем в 1270 г. митрополит Кирилл обещал снять с новгородцев крестное целование, если таковое они приняли против князя, и своим авторитетом заставил их признать его своим сувереном, дав за него поручительство. И в названном выше случае другого конфликта, в Киеве, при отсутствии митрополита, ответственность за клятвопреступление взял на себя иерейский собор, созданный игуменом великокняжеского монастыря» (277, 16).

Архимандрит московского Симонова монастыря Зосима был возведен на митрополичью кафедру в воскресенье, 26 сентября 1490 года. А за две недели до этого, 12 сентября, он был торжественно «введен на митрополичий двор» (49, 331). Раздраженный независимым поведением прежнего митрополита Геронтия, Иван решил избавить себя впредь от подобных неприятностей. Традиционное избрание главы церкви собором епископов создавало возможность неожиданного успеха нежелательных лиц. Теперь неудобной традиции был положен конец. При возвышении Зосимы «вместо избрания, хотя и не совсем независимого, имело место уже настоящее (по существу) назначение» (115, 608).

Отчетливо понимая, «кто в доме хозяин», Зосима как глава церкви стал

«потаковником» Державного. Годовщину своей интронизации он отметил предательством. Рассказывают, что своей карьерой Зосима был обязан еретикам, имевшим тогда сильное влияние на великого князя. Да и самого митрополита Иосиф Волоцкий прямо причислял к еретикам.

При всем том Зосима, кажется, тяготился своей Неблаговидной ролью. Со временем он начал сильно вить. Тяжелым ударом для него стало известие о кончине Андрея Угличского. Закованный в цепи и заморенный голодом, удельный князь скончался в темнице 6 ноября 1493 года (40, 227).

А через полгода, 19 мая 1494 года, Иван III свел Зосиму с кафедры. По одним источникам, причиной Тешу стало какое-то противоречие с Державным, по другим – непомерное пьянство (46, 361). После отставки Зосима сначала жил у себя в Симоновом монастыре, а затем был переведен в Троице-Сергиев. Там в это время возглавлял братство другой игумен Симон по прозвищу Чиж. Вероятно, именно он разделил с Зосимой тяжкое бремя вероломства...

Троицкие игумены издавна были на особом положении в Русской церкви. Преемники и духовные наследники преподобного Сергия, они выступали в роли миротворцев во время княжеских ссор, служили духовниками великих и удельных князей. Их обличения не раз останавливали московских князей на дороге тяжкого греха. Они были своего рода «совестью» московской династии. Все это позволяет думать, что именно троцкий игумен был вторым после митрополита гарантом неприкосновенности князя Андрея Угличского в Москве. Симон взял посох игумена в 1490 году и оставил его в сентябре 1495 года, когда Иван III велел возвести его в сан митрополита...

Государь отлично знал негласные законы управления людьми. Всякая услуга должна оплачиваться. Иначе в следующий раз может не найтись желающих ее оказать. Однако там, где речь шла о монахах, не имевших ни семьи, ни личной собственности, платой становилось либо продвижение по иерархической лестнице, либо благодеяние монастырю. О первом мы уже сказали. Но и второе не заставило себя долго ждать.

13 ноября 1491 года, в день памяти святого Иоанна Златоуста, небесного покровителя Ивана III, была освящена каменная церковь Введения Богородицы во храм на кремлевском подворье Симонова монастыря (48, 209). Она пришла на смену одноименной каменной церкви, построенной в 1458 году и к тому времени сильно обветшавшей от частых пожаров (110, 16). По некоторым сведениям, рядом с церковью возведена была и каменная трапезная палата (41, 230). Понятно, что оба эти строения были заложены еще тогда, когда симоновским архимандритом был Зосима. Насколько известно, это был энергичный и предприимчивый человек, принимавший близко к сердцу интересы родной обители (143, 104). Он вообще любил строить. Уже став митрополитом, Зосима выстроил на своем дворе три каменные кельи на высоких подклетах. В них можно было уберечь от частых в ту пору пожаров всяческие ценности.

Однако, начав строительство Введенской церкви, Зосима не успел довести его до конца. И здесь на помощь ему пришел великий князь. По-видимому, именно вклад Ивана III в Симонов монастырь после ареста Андрея Угличского позволил быстро довести дело до конца. На это указывает и весьма странная дата освящения храма – поздней осенью (хотя строительство обычно прекращали уже в сентябре), за неделю до престольного праздника Введения Богородицы (хотя храмы часто освящали в престольный праздник) и к тому же в будний день, вторник. Все эти странности могут иметь только одно объяснение. Великий князь выделил людей и средства для завершения работ, а выражением благодарности стало назначение Зосимой торжества освящения именно на день именин Ивана III.

Не остался внакладе и троцкий игумен Симон. 25 сентября 1491 года, в день памяти преподобного Сергия, великий князь распорядился убрать из-под стен монастыря шумный торг и перевести его в Радонеж (48, 209). Эта мера была весьма желательной для игумена, озабоченного поддержанием «высокого жития» в обители. Вместе с тем она служила и ко-

зырной картой великого князя. После неблагоприятной истории с Андреем Угличским ему нужно было проявить свое благочестие каким-то сильным и наглядным способом. Обычный денежный вклад в Троицкий монастырь не давал необходимого результата. Иное дело – перенесение многолюдного Торга.

Вероятно, Иван и сам ездил тогда в Троицу, чтобы успокоить встревоженную совесть. Источники не сохранили сообщений об этой поездке. Однако «тьнь» ее можно увидеть в истории с вызовом в Москву другого сына Василия Темного – удельного князя Бориса Волоцкого.

Между колесами

В составленный Иваном III план захвата Андрея Угличского присутствие Бориса в Москве никак не входило. Возможно, его умышленно пригласили на более поздний срок. Зная робкий и податливый характер младшего брата, Иван опасался лишь одного. Узнав об аресте Андрея, Борис мог в страхе бежать со всей семьей в Литву и там стать орудием в руках врагов Москвы. Желая предупредить такой исход, Иван принял необходимые меры. Вот что рассказывает об этом один из летописцев:

«А по князя по Бориса по Васильевича, по брата своего, на Волок послал князь велики того же часу боярина своего Данила Иванова, а велел ему у себя быти. И князь Борис к великому князю приезжал в велице тузе октября в 7, а в 10 октября князь Борис с Москвы съехал на Волок с радостию великою» (50, 287).

В этом проникнутом явной иронией по отношению к Борису повествовании очерчены лишь контуры событий. Сразу после ареста Андрея великий князь посылает на Волок «боярина» Данила Ивановича. Выбор порученца и на этот раз не был случайным. Данила прежде служил при дворе Бориса Волоцкого, где и получил звание боярина. Однако к 1491 году он уже перебрался на службу в Москву. Через несколько лет мы встречаем его в качестве окольничего в Думе великого князя (141, 255). Возможно, этот чин он получил именно за удачное исполнение деликатной миссии на Волок в сентябре 1491 года.

Посылая к Борису его бывшего боярина, Иван III исходил из того, что Данила по своей прежней службе хорошо знал Волок и его окрестности. Несомненно, он получил от великого князя и военную силу, которая должна была перекрыть пути возможного бегства Бориса. Вместе с тем Данила имел большие связи при дворе волоцкого князя и хорошо знал характер своего сюзерена. Он лучше, чем кто бы то ни было, мог уладить дело миром и доставить удельного князя в Москву.

Понятно, что Иван прежде всего хотел объясниться с Борисом Волоцким относительно ареста Андрея Горя и ликвидации его удела. Кажется, Иван не собирался бросать в темницу сразу двух своих братьев. Однако и здесь государь по своей привычке «выдержал паузу». Он дал Борису время успокоиться и трезво оценить обстановку. Именно поэтому великий князь позволил ему явиться в Москву лишь через две недели после ареста Андрея. В эту двухнедельную паузу Иван, по-видимому, и совершил поездку в Троицкий монастырь.

В пятницу, 7 октября, волоцкий князь прибыл в Москву, а в понедельник, 10 октября, отбыл обратно в свой удел. О содержании его бесед со старшим братом можно только догадываться.

Покаяние

Брошенный в подземелье дворцовой темницы, князь Андрей продолжал жить. А значит, продолжал оставаться опасным для Ивана.

Государю, разумеется, ничего не стоило тем или иным способом отправить брата в лучший мир. Но он не хотел уподобиться библейскому Каину. Он с детства знал историю Святополка Окаянного, проклятого современниками и потомками за убийство своих

братьев Бориса и Глеба.

Вместе с тем и содержание Андрея под стражей создавало очень напряженную ситуацию. Во-первых, Ивану приходилось постоянно опасаться заговора с целью освобождения Андрея. Во-вторых, в случае внезапной кончины великого князя Андрей мог обрести свободу и стать зачинщиком опасной смуты. В-третьих, вероломное пленение брата и содержание его в темнице давали повод московской молве объявить Ивана великим грешником. Далее вступал в силу известный тогда каждому православному человеку тезис: «За государское согрешение Бог всю землю казнит». А значит, все беды, постигавшие Москву в эти годы, представлялись как небесная кара за расправу с Андреем.

Это последнее обстоятельство, должно быть, особенно сильно беспокоило Ивана. 1493 год был отмечен необычайным количеством общенародных бедствий. 30 марта, в Вербную субботу, «погоре град Кострома весь» (48, 211). Вскоре гнев Божий обрушился и на Москву. 16 апреля страшный пожар испепелил все деревянные постройки внутри кремлевских стен. Отстоять удалось только новый великокняжеский двор возле Архангельского собора. 16 июля молния ударила в Успенский собор московского Кремля. Вспыхнувший пожар едва удалось погасить. 28 июля начавшийся в Замоскворечье пожар перекинулся на Кремль, а из Кремля – на Большой посад. На другой день одних только погибших в огне насчитали более двухсот человек. Разрушения и потери были ужасны. Старики говорили, что такого страшного пожара в Москве они не видели за всю свою долгую жизнь.

Не знаем, как пережил Андрей этот небывалый пожар. Вероятно, именно толстые стены его темницы спасли удельного князя от гибели. Но как бы там ни было, он уцелел.

После июльского пожара Иван уехал из Кремля и поселился на восточной окраине города у церкви Николы в Подкопаеве. Здесь, на Яузе, располагались государевы конюшни. В случае опасности отсюда Иван мог быстро умчаться на свежих лошадях.

Озлобленный пожарами московский люд представлял серьезную опасность для государя. Мятельные настроения толпы подогревали священники, возмущенные начавшимся по приказу Ивана сносом церквей и кладбищ по правому берегу Неглинки. Государь хотел создать вокруг Кремля своего рода «противопожарную зону». Народ видел в этом надругательство над могилами и осквернение храмов.

В этих условиях Иван решил, что настало время покончить с Андреем. Именно сейчас, когда сам он находился далеко от Кремля, ему легче всего было снять с себя вину за гибель брата. Но оставался вопрос об исполнителях. Иван понимал, что имена убийц быстро станут известными всей Москве. И сразу будет ясно, кто дал им роковое распоряжение.

Источники молчат об обстоятельствах кончины Андрея. Однако логика ситуации не оставляет сомнений. Он должен был умереть почти естественной смертью: от голода. Вероятно, тюремщикам приказано было сократить рацион, а затем и вовсе перестать кормить узника. Тем самым судьба его была решена. В среду 6 ноября 1493 года Андрей Горий скончался.

Удельного князя наспех похоронили в Архангельском соборе – родовой усыпальнице потомков Ивана Калиты. А в воскресенье, 10 ноября, Иван III вернулся в Кремль и торжественно вошел в свой новый дворец, который, словно в сказке, за три месяца вырос на пепелище...

Торопливая жизнь с ее повседневными заботами стирала из памяти людей события недавнего прошлого. Хотел забыть обо всем и князь Иван. Он строил новую Россию, пробивался к Балтике, прибирал к рукам хищные татарские орды, теснил Литву, составлял знаменитый Судебник...

И все же старость брала свое. Иван все чаще думал о спасении души, о покаянии в грехах. Семейная жизнь его между тем превращалась в одну кровоточащую рану. Софья Палеолог, узнав о намерении Ивана объявить наследником Дмитрия-внука, вспылала к нему такой ненавистью, что старый князь стал всерьез опасаться, как бы она его не

отравила. Старший сын Софьи Василий плел нити заговора против отца и готовился в случае неудачи бежать в Литву. Сторонники Дмитрия были заинтересованы в том, чтобы сразу же после провозглашения внука наследником престола Иван поскорее отправился в лучший мир, не успев в угоду Софье переменить своего решения.

Для человека той эпохи любая семейная драма была Божьей карой. Иван не только в прямом, но и в переносном смысле был на голову выше своего окружения. Однако и он не мог долго идти против течения.

Вступая под низкие своды старого Архангельского собора, Иван по давней привычке мысленно беседовал с обитателями гробниц. Вот лежит его отец, многогрешный и многострадальный Василий Темный... Вот дед Василий... Вот прадед Дмитрий Донской... Вот их общий пращур Иван Калита...

Став на колени, Иван вопрошал их о важном, сокровенном. И порою слышал в ответ почти беззвучный шелест слов.

Так было раньше. Но теперь, после убийства Андрея, гробницы молчали. И это молчание смущало Ивана гораздо сильнее, чем козни его врагов. Отчаявшись услышать родные голоса, он обратился к покаянию. Согласно летописям, это произошло в октябре 1496 года.

Однажды Иван призвал во дворец митрополита Симона и иерархов. Когда они явились, великий князь «начата бита челом пред ними с умилением и с великими слезами, а прося у них прощения о своем брате князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею, его уморил» (52, 213).

Итак, великий князь смиренно каялся перед иерархами в своем грехе трехлетней давности. Однако грех этот он уклончиво назвал «несторожею». Это, по-видимому, разговорное выражение переводят как «непринятие мер к охране чьей-либо жизни» (242, 309). Вероятно, его можно перевести и проще: по неосторожности.

В чем заключалась эта «неосторожность», летопись не объясняет. Сообщается лишь, что иерархи простили Ивану его грех и объяснили, как «душа исправити пред Богом» (48, 214).

Не знаем, кто здесь лицемерил больше: великий князь, осторожный летописец или снисходительные иерархи.

Не знаем мы и другого, более важного. Услышал ли вновь Иван Великий тихие голоса своих предков, или же молчание гробниц, как проклятие, тяготело над ним до конца его дней?..

Прогулки в тумане

«У нас все губернские города похожи друг на друга. Посмотри на один – все будешь знать», – говаривал один из героев «Тарантаса» (247, 31). Что и говорить: верное замечание бывалого человека. Впрочем, ровно то же самое он мог бы сказать и об уездных городах с их незатейливыми «образцовыми фасадами» и миргородскими лужами.

Но при всем однообразии пошехонских близнецов есть среди них и такие, которые, раз повидав, уже невозможно забыть. Их образ будоражит воображение, заставляет мысль кружиться над какой-то неразрешимой загадкой.

Вот, например, город Углич. В сущности, это тупик. Сюда ведет только одна, узкая и извилистая, как лесная речка, дорога. Отсюда дорог нет. Из Углича можно уехать только назад. Или остаться здесь навсегда.

Я помню Углич таким, каким он был лет двадцать назад. Без пены рыночных котлов. Без назойливых торговцев всякими псевдорусскими поделками на мосту через Каменку. Без одних – сытых, и других – голодных.

В том, прежнем Угличе, трогательно гордившемся своими часами «Чайка» и своим «Угличским» сыром, было больше какой-то исторической подлинности. Он не торговал своим прошлым. Его забытые храмы никому не принадлежали и были искренне рады

всякому случайному посетителю. Его разбитые дороги хранили ухабы семнадцатого века. Его патриархальные нравы цвели геранью за подслеповатыми окнами. Жизнь здесь была, конечно, несколько однообразной. Однако все было просто и подлинно.

Итак, мы выходим из незабвенной гостиницы «Углич» и отправляемся на прогулку по прошлому.

В Угличе – мглистая осень. День засыпает, толком не проснувшись. Вокруг – обычная картина: собаки, лужи, мужики... Уездная тоска.

Но теперь-то и наступает самое лучшее время для визита в эту тихую страну.

Время от времени просыпаются часы на соборной колокольне. И тогда над городом плывет легкий звук, похожий на звон хрусталя. Так долго и печально звенит только настоящая тишина.

Сначала проведем Дивную. Ею одной Россия может оправдаться перед Богом за целый год своей истории. 1628 год. Вот она тянет там три своих стрельчатых шатра к низкому серому небу. Окаменевшая молитва. Плач по невинно убиенным...

По круглой улице, прочерченной еще екатерининским циркулем, мы направляемся к Волге.

Прогулка – отдохновение души. Словно присевшие на корточки, старые домишки с любопытством глядят нам вслед своими перламутровыми окнами. Кошки дремлют на воротных столбах, надменные, как греческие гермы. Из палисадников свисают на улицу гроздь «золотых шаров». А из подвалов и чердаков сладко тянет гнилью...

Вот и Воскресенский монастырь. Пряничная красота времен царя Алексея Михайловича. Но сквозь умолкшие арки звонницы глядит все то же пустое небо двадцатого века.

Дальше – вычурная, как резной иконостас, церковь Иоанна Предтечи. Она опасливо застыла над самым обрезом водохранилища. Так сказать, «на грани двух миров». Рассказывают, что некий купец построил эту церковь на том месте, где приказчик из мести зарезал его малолетнего сына. История сомнительная. А впрочем, все возможно. Такой уж это город. Здесь в каждом веке кого-нибудь убивали.

Да вот хоть там, чуть ниже по течению Волги. Там лет за сто до приказчика такие же негодяи убили восьмилетнего царевича Дмитрия. Потом его беспокойная тень подняла на ноги всю Россию.

Чтобы успокоить разгулявшуюся тень, на месте убийства построили церковь «на крови». Удивительно, но в ней нет ничего мрачного. Она раскрашена, как пасхальное яйцо. А внутри какой-то раскрепощенный живописец времен Екатерины так реалистично изобразил историю грехопадения Адама и Евы, что туристы долго не хотят покидать экспозицию...

Но в наших скитаниях по Угличу есть сокровенная цель. Мы ищем здесь следы Андрея Большого. Ведь что-то же должно и от него остаться...

Занятное место этот угличский Кремль. Ни стен, ни башен давно нет и в помине. Но ощущение замкнутого пространства остается. Равно как и ощущение какой-то особой серьезности этого места. Здесь должно быть что-то важное, значительное...

И вот в окружении старых лип, высаженных еще земской управой, открывается странное здание из красного кирпича. На первый взгляд оно напоминает особняки «новых русских» из какого-нибудь подмосковного поселка. Однако не будем спешить с выводами. Этот огромный куб с треугольными завершениями стен – тронный зал дворца Андрея Угличского. Он стоит здесь уже пять веков. И если все же искать сравнений, то лучше сравним его с морским кораблем, вошедшим в реку повседневности...

Все прочие постройки Андрея давно исчезли. А тронная палата каким-то чудом уцелела. Ее внешний вид немного подпортила слишком усердная реставрация. Но в целом это тот самый двухэтажный златоверхий терем, где Андрей пировал с гостями, где думал крепкую думу с ближними боярами, откуда в сентябре 1491 года уехал в путь невозвратный.

Фасад дворца нарядно украшен. Издалека его изящный и вместе с тем бесхитростный орнамент походит на строчки тайнописи, на неразгаданное послание из далекого прошлого. А может, и вправду в этих каменных иероглифах вызывает к потомкам и предупреждает их о чем-то важном несчастный князь Андрей?..

Тень Андрея исчезает, так и не сделав положенных ей скандальных разоблачений. Но в Угличе теней и так гораздо больше, чем людей. И трудно понять, где тут реальность, а где – тень. Вон там, за Предтеченской церковью, за одичалым садом и бурьяном – серая громада плотины ГЭС. Еще одна тень прошлого, огромная и мрачная. А за нею – сот-ни тысяч неприкаянных теней. Котлованы Волгостроя. Утопленные в водохранилищах города и монастыри. Великая и беспощадная эпоха.

Век пятнадцатый. Век двадцатый. Место действия – Третий Рим.

ГЛАВА III НАБЕГ

*Каждый ощущает,
как смердит господство варваров!
Никколо Макиавелли*

Поздней весной 1474 года венецианский посол Амброджо Контарини в сопровождении отряда татар ехал по крымской степи в сторону Кафы. За несколько десятков верст до города татары покинули его и отправились ко двору своего хана. Вспоминая этот эпизод в своих записках, Контарини замечает: «И хотя мы остались одни и продолжали пребывать в непрестанной опасности... все же мне было приятно, что я отделился от тех проклятых псов, настолько воняющих кониной, что было невозможно стоять с ними рядом...» (3, 213).

Травоядные хищники

Обитатели степей были похожи на древнегреческих кентавров. Они словно срослись со своим конем. И даже в мыслях постоянно имели его образ. Когда степняк попадал в трудное положение, он говорил: «Мой конь вспотел» (272, 111).

Каждый «кентавр» в совершенстве владел луком и копьем. При необходимости весь кочевой люд мгновенно превращался в «народ-войско» (122, 147). Стремительность и многочисленность степной конницы делали ее ночным кошмаром для обитателей городов и сел.

Воинственность кочевых народов возрастала по мере выделения из общей массы соплеменников правящей верхушки, стремившейся упрочить свое положение военными успехами. Однако случалось и так, что кочевники просто вынуждены были вторгаться в земли других народов. Ведь основой их жизни был скот, а основой жизни скота – трава. Поэтому если летом траву уничтожала засуха, а зимой ее скрывал от скота глубокий снег или образовавшаяся после оттепели наледь, то «детям степей» не оставалось ничего другого, как искать травы во владениях соседей. Некоторые историки считают, что именно природно-климатический фактор заставил монгольские племена в начале XIII века сняться с привычных кочевий и двинуться на запад (122, 27). Однако монголы – это отдельная история...

Не станем повторять известную каждому еще по школьному учебнику удивительную историю затерянного в степях Центральной Азии племени монголов. Их вождь Чингисхан неведомо какой силой создал крупнейшее государство в истории человечества. В 1237–1241 годах монголы завоевали русские земли. Это неопишемое бедствие историки называли «татаро-монгольским нашествием».

В 1243 году оставшиеся в живых русские князья отправились на поклон к внуку

Чингисхана Батыю, которому великий хан Угедей поручил захваченные монголами земли Восточной Европы. В ставке Батыя князья приняли на себя обязательство ежегодно платить завоевателям дань. Так началось «татаро-монгольское иго». Старинное слово «иго» в прямом смысле означает «хомут», «ярмо», а в переносном – «гнёт», «владычество».

«И сугуб будет ярем их на выи всех язык (народов. – Н. Б.). Не будет же царство на земли еже възможет победите их» (34, 21о). Так изображает торжество «измаильтян» «Откровение Мефодия Патарского». Таким оно и было в XIII столетии...

«Татаро-монгольское иго» поддерживалось время от времени повторявшимися «татаро-монгольскими нашествиями». Только за вторую половину XIII столетия историки насчитали четырнадцать таких «нашествий», иные из которых по своим опустошениям сопоставимы с нашествием Батыя (150, 23).

Безымянная держава

С первых же шагов в истории «татаро-монгольского ига» исследователь словно проваливается в какие-то глубокие, вязкие ямы. Эти «ямы» – имена. Почти все они придуманы историками, и к тому же весьма расплывчаты и условны.

Имя «монголы» ближе всего к истокам. Однако и оно было шире, чем одно конкретное племя. Русские летописцы никогда не пользовались им. Всех кочевников, пришедших под знаменами Чингисхана, они называли «татарами». Таким образом, «татары» русских летописей – это не национальность, а «гражданство». Оно включало всех «граждан» многонациональной полукочевой державы, которой управляли потомки Джучи – старшего сына Чингисхана. И в этом барабанном имени отчетливо слышится презрительное – «варвары»...

Как называлась эта полынная держава? Да, собственно, никак...

Арабские путешественники использовали довольно расплывчатый термин «улус Джучи». Он означал западную часть Монгольской империи, находившуюся под властью потомков Джучи. Понравившееся историкам название «Золотая Орда» появилось в русских источниках только в конце XVI столетия (95, 76). Прежде эта страна для русских вообще не имела названия. Летописцы сообщали только, что князь «поехал в татары» или «поехал в Орду» (130, 33); При этом под словом «Орда» понимали и походную ставку хана, и совокупность подчиненных хану людей.

Когда в степях начались усобицы и появилось несколько ханов одновременно, летописцы стали различать орды по имени правителя – «Мамаева орда», «Муратова орда».

Самих монголов, кажется, совершенно не интересовал вопрос о том, как называется государство, в котором они живут. Да и само понятие «государства» было для кочевников пустым звуком. Они знали своих ханов, свои обязанности перед ними, и этого им было вполне достаточно.

Для русского уха все имена, которыми определяли поработителей, звучат неприветливо. «Татары», «орда», «баскак»... Эти угрюмые слова – словно незванные гости в русской речи. Уступать чужеземцам какие-то слова в своем языке наши предки явно не хотели.

Языковой «бойкот», объявленный Русью степным варварам, имел глубокий смысл. «Имя – тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность», – говорил Флоренский (266, 26). Глухие, невнятные слова, которыми стали обозначать то, что связано с Ордой, как нельзя лучше отражали ее «духовную сущность».

Из своего собственного языка русские уделили завоевателям только два малопривлекательных слова: «поганые» (от латинского «pagani» – язычники) и «сыроядцы»...

Сыроядцы

Вполне понятно, что восточные славяне противопоставляли себя кочевникам вообще и поработителям-татарам в особенности. Каждый народ осознает свое отличие от других народов прежде всего по языку и одежде, по религии и обычаям. В ряду этих признаков важное место занимает пища. Запреты и предписания в области питания отличают любую мировую религию.

Приняв христианство, славяне усвоили и те ограничения, которые устанавливала новая вера. Главное из них состояло в запрете употреблять в пищу мясо умерших животных («давленину», «мертвечину»).

Апостол Иаков среди прочего требовал от язычников, принимающих христианство, чтобы они воздерживались «от удавленины и крови» (Деян. 15, 20). Иначе говоря, христианам не следовало употреблять в пищу мясо животных и птиц, задавленных капканом или ловушкой. Помимо этого требовалось перед разделкой туши убитого животного тщательно слить кровь. Считалось, что душа животного находится в его крови. Бог наказал праотцу Ною и его сыновьям: «Только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте» (Быт. 9, 6).

Церковь не разрешала также использовать «звероядину» (мясо животных, растерзанных хищниками) и «мертвечину» (мясо павших животных).

Пищевые запреты диктовались не только здравым смыслом, но и религиозной обособленностью. Желая четче провести грань между христианами и «погаными» степняками, церковь запрещала есть «кобылину» (конину) и пить кумыс. Осуждалось и обычное среди языческих лесных народов употребление в пищу «веверичины», то есть мяса белки (276, 256).

Новый шаг в этом направлении сделали «отцы» Стоглавого собора, состоявшегося в Москве в 1551 году. Они не только просили царя «по торгом многажды кликати, чтобы удавленных тетеревей и утиц, и зайцов не возили», но и запретили православным есть колбасу, приготовленную с кровью (68,367).

В полемических сочинениях против католиков («латинян») их упрекали в том, что они «ядять со псы и с кошками... ядять желвы (черепях. – Н. Б.), и дикие кони, и ослы... и медведину и бобровину, и хвост бобров» (239, 253).

Кочевники были гораздо более «всеядны», чем земледельцы-славяне. К этому принуждал их сам образ жизни скотоводов, пищевой рацион которых по необходимости состоял главным образом из продуктов животного происхождения. Особенно возмущала христиан привычка монголов есть конину, а при необходимости (например, в стремительном набеге) взамен всякой другой пищи пить конскую кровь, которую они добывали из надрезанной жилы животного (131, 89). Впрочем, даже в обычных условиях монголы ели мясо полусырым, так как полагали, что в этом случае оно придает человеку больше сил.

У западноевропейских путешественников, мало знакомых со степным миром, пища кочевников вызывала удивление и отвращение.

«Об их пище и съестных припасах знайте, что они едят без разбора всякую свою падаль», – отмечал в 1253 году посол французского короля Людовика Святого Гильом Рубрук (6, 95). Далее он сообщает, что бедные татары едят мышей и разного рода мелких животных. Рубрук также отмечает отвращение русских и других находившихся среди татар восточных христиан к кумысу, который они считали настолько «нечистым», что даже приравнивали его употребление к измене своей вере (6, 104).

Сходную картину рисует и другой путешественник; посетивший татар в середине XIII века, – итальянец Плано Карпини.

«Это грязные люди, когда они принимают пищу и питье, и в других делах своих...

Их пищу составляет все, что можно разжевать, именно они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо... Они едят также очищения, выходящие из кобыл вместе с жеребятами. Мало того, мы видели даже, как они ели

вшей...» (6, 41).

Русские люди (и в первую очередь жители Южной Руси) задолго до прихода татар были хорошо знакомы с повседневной жизнью кочевников. Их трудно было удивить особенностями степного меню. Однако эта старая тема получила новое значение в последней трети XV столетия в связи с нараставшими ожиданиями Страшного суда...

Рассуждая о диких народах, которые должны будут появиться перед концом света, автор «Повести временных лет» отмечает их характерную черту - крайнюю неразборчивость в пище. «...Ядяху скверну всяку, комары, и мухы, котки (кошек. – Н. Б.), змие, и мертвец не погребяху, но ядяху, и женьскыя изворогы (выкидыши. – Н. Б.) к скоты вся нечистая» (27, 244). Это почти дословная цитата из «Откровения Мефодия Патарского» (34, 217). Летописец называет этих людей «человеки нечистыя» или «скверни языки».

После Нестора пищевая тема не получила развития в летописях. Бранные эпитеты, которыми русские книжники награждали сначала половцев, а затем и татар, имели чисто религиозное происхождение: «окаянные», «поганые» (в смысле «язычники»), «безбожные» и т. п. Именно эти эпитеты встречаются и в древнейших списках памятников Куликовского цикла.

Существенно иную лексику содержат оба списка «Летописной повести о Куликовской битве», помещенной в тексте Софийской I летописи старшего извода. Они датируются концом 70-х – началом 80-х годов XV века (26, 29). Здесь наряду с прежними всплывает другое определение татар – «сыроядцы».

Это емкое слово в прямом смысле обозначало варварскую (с точки зрения русского человека) неразборчивость татар в пище. И дело было не только в поедании степняками «всякой скверны». Даже их «чистая» пища часто была «сырой», то есть не знакомой с варкой или выпечкой. Итальянский купец Иосафат Барбаро, наблюдавший татар в середине XV века, так рассказывает о их питании: «Каждый из этих наездников, когда он отделяется от своего народа, берет с собой небольшой мешок из шкуры козленка, наполненный мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда... Если у них не хватает дичины, – а ее много в этих степях, и они прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки, – то они пользуются этой мукой, приготовляя из нее, с небольшим количеством воды, род питья; этим они и обходятся... Они ведь довольствуются травами, кореньями и всем, чем только возможно, лишь бы была у них соль» (6, 142).

Помимо своего прямого смысла слово «сыроядцы» имело для летописца второй половины XV века и другое, символическое значение. Оно явно намекало на древние пророчества о диких народах «последних времен». Эти народы пришли на Русь в облике «сыроядцев» татар. Теперь наступало время исполнения главного пророчества – о Страшном суде по истечении седьмой тысячи лет.

Примечательно, что именно в этом тексте «Летописной повести» густо рассеяны аллюзии и намеки, связанные с концом света. Здесь и «судный день», и «антихристов предтеча», и «меч Божий», и «трехглавый зверь», и «начало миру» и «книги жизни». Сюда же можно отнести и неоднократное упоминание «честного креста». Этот образ занимал важнейшее место в эсхатологических рассуждениях.

И после «стояния на Угре» «сыроядцы» не исчезли с русского горизонта. Они постоянно напоминали о себе стремительными набегами на южные области страны. Потребовалось еще два столетия, чтобы это зловещее слово исчезло из разговорного русского языка, а связанный с ним запах выветрился сквозняками истории.

Визит Красавчика

Одним из эпизодов этой практически непрерывной степной войны был набег татар на окрестности Алексина летом 1492 года.

...Течение времени в Древней Руси было подчинено циклам церковного календаря. Исходя из этого, некоторые историки полагают, что конец света ожидали на Руси в период с 12 июля 1492 года по 27 января 1493 года (204, 52). Если это так, то история, о которой мы собираемся рассказать, произошла примерно за месяц до начала конца.

«Того же лета, месяца июня в 10, – сообщает летопись под 7000 годом, – приходили татарове ординския казаки, в головах приходил Темешом зовут, а с ним 200 и 20 казаков, в Алексин, на волость на Вошань и, пограбив, поидоша назад; и прииде погоня великого князя за ними, Федор Колтовской да Горяин Сидоров, а всех их 60 человек да 4, и учинился им бой в Поли промеж Трудов и Быстрые Сосны; и убиша погони великого князя 40 человек, а татар в том бою убили 60 человек, а иные идучи татарове во Орду ранены на пути изомроша» (41, 233).

Летописец, конечно, не случайно отмечает, что предводителя татар звали Темеш. В летописи вообще нет ничего случайного. И даже любой пустяк имел когда-то свой смысл и значение. В данном случае этот «пустяк» – имя предводителя татар.

Разговорный русский язык всегда отличался непреодолимой склонностью переименовывать чужеземные имена на свой манер, причем обычно – с ироническим или бранным уклоном. Поэтому в летописях Темеш превращается то в Тимиша, то в Темешка. В действительности же его, по-видимому, звали Тениш, что по-татарски означает – «хорошо сложенный, прямой, ровный» (90, 247). Проще говоря, главаря банды звали Красавчик.

Но имя главного грабителя привлекло летописца не только своей семантикой. Тут был и вполне практический интерес. Осведомленному москвичу той эпохи имена и родственные отношения знатных людей степи были хорошо известны. Зная о том, кто руководил набегом, московские власти могли сделать для себя ряд полезных выводов. Во-первых, они знали, кому при случае «предъявить счет» за содеянное. Во-вторых, они знали, где искать своих пленных...

Другая важная деталь – указание на то, что набег совершили «казаки ордынские». Необычайная многозначность этого слова в тогдашнем русском языке не позволяет убедительно восстановить его значение в данном контексте (272, 308). Скорее всего, речь идет о каких-то изгоях степного сообщества.

Живой товар

Главной добычей степняков в русских землях были пленные. И для Золотой Орды, и для ее исторических наследников – Крымского и Казанского ханств, Большой Орды и Ногайской Орды – работорговля была важнейшим источником доходов.

«Когда русские не могут дать больше золота или серебра, – сообщает Рубрук, – татары уводят их и их малюток, как стада, в пустыню, чтобы караулить их животных» (6, 106).

В эпоху Ивана III татары лишились возможности хозяйничать на Руси. Отныне вместо карательных экспедиций они стали совершать внезапные набеги за «живым товаром». В том случае, если русские войска не успевали преградить путь грабителям, они оставались один на один с беззащитными мирными жителями. И тогда начиналась увлекательная охота на людей.

После одного из удачных набегов крымских татар на русские земли в первой трети XVI века рядовые всадники увели по пять-шесть пленников, а офицеры – по 15–20 (276, 85). Потери от большого набег крымского «царевича» Ахмата в 1512 году составили, по некоторым сведениям, более 50 тысяч человек (272, 211).

Успех набег зависел главным образом от его стремительности и внезапности. Понимая это, грабители шли налегке. Столкновение с московскими войсками не входило в их планы.

Вот что рассказывает о таких набег крымских та-тар один литовский писатель середины XVI столетия:

«Хотя и ходили (в набег. – Н. Б.) избранные, однако снаряженные по обычаю своему, а именно – многие безоружные, и едва ли у десятого или двадцатого из них был при себе колчан или дротик, а в панцирях было их еще меньше; но одни по крайней мере были вооружены костяными, а другие – деревянными палками, третьи – с пустыми ножнами на поясе. Щитов и копий и прочего подобного оружия они и вовсе не ведают. Вот так они никогда не были обременены ни оружием, ни запасами пищи и никаким другим грузом из того, что составляет военные обозы, кроме небольшого количества поджаренного проса или измельченного сыра. Однако никто из них не отправляется без множества свежих ремней, особенно когда им предстоит совершить набег на наши земли. Ибо тогда их более заботят пути, чтобы вязать конечности наши, чем доспехи для своей защиты. У них всегда в запасе множество коней для войны, так что большая часть их войска ведет с собой по пяти коней, к тому же неоседланных. Посему они очень быстро совершают набеги и любой путь благодаря такой быстрой смене коней и весьма легко бегут от настигающего врага; также и следы их устрашают обилием... Военные набеги они всегда совершают без повозок и безо всякого обоза, за исключением упомянутого мною множества коней. Безо всякого труда они преодолевают даже в зимнее время широкие степные просторы, бездорожье, создаваемое глубоким снегом и настом...» (20, 66).

Захваченные во время набегов русские пленники поступали на рынки рабов в Нижнем Поволжье. После распада Большой Орды в начале XVI века центр работорговли в Восточной Европе окончательно перемещается в Крым. Говоря о крымских татарах, упомянутый выше литовский автор замечает, что «у них не столько скота, сколько невольников. Ибо они поставляют их и в другие земли. Ведь к ним чередой прибывают корабли из-за Понта и из Азии, груженные оружием, одеждой, конями, а уходят от них всегда с невольниками» (20, 71).

Главным перевалочным пунктом сбыта «живого товара» в Турцию и Средиземноморье была Кафа – современная Феодосия.

Со времен Ивана III набеги татар затрагивали лишь южные и восточные окраины Московского государства. Однако случались и катастрофы, подобные страшному набегу крымского хана Мухаммед-Гирея летом 1521 года. Вот что рассказывает об этом хорошо осведомленный австрийский посол Сигизмунд Герберштейн:

«Взятый им (крымским ханом. – Н.Б.) в Московии полон был столь велик, что может показаться невероятным: говорят, что пленников было более восьмисот тысяч. Частью они были проданы туркам в Кафе, часть перебиты, так как старики и немощные, за которых невозможно выручить больших денег, отдаются татарам молодежи, как зайцы щенкам, для первых военных опытов; их либо побивают камнями, либо сбрасывают в море, либо убивают каким-либо иным способом. Проданные же пребывают рабами полных шесть лет, после чего они хотя и становятся свободными, но не имеют права покидать страну» (5, 175).

Названная Герберштейном запредельная цифра вызывает сомнения. Однако бесспорно, что количество плененных при удачных набегах степняков было огромным. Это бедствие из XVI столетия перешло в следующий век. По подсчетам историков только в первой половине XVII века от 150 до 200 тысяч русских людей было угнано в плен степняками. Такого же порядка цифры можно назвать и для XVI столетия (276, 85). Более или менее точные данные о численности захваченных татарами русских пленных появляются только во времена царя Алексея Михайловича. Они выглядят весьма внушительно. Так, в 1659 году крымский хан Магмет-Гирей напал на южные уезды Московского государства. В ходе этого опустошительного набега русские потеряли 379 человек убитыми и примерно 25 500 - взятыми в плен (197, 70).

В этом историческом контексте – «с птичьего полета», как сказал бы Л. Н. Гумилев, – мы и должны рассматривать набег татар из Большой Орды на Алексин в июне 1492 года.

Однако теперь настало время изменить масштаб и взглянуть на это событие «с вершины холма».

Городок Алексин, расположенный на высоком правом берегу Оки между Калугой и Серпуховом, был примечателен главным образом своим местоположением. К западу и юго-западу от него начиналась Литва, а к югу – Дикое Поле. (Так называли в ту пору земли, единственными обитателями которых были кочевники.) Впрочем, понятие «граница» было довольно расплывчатым. Русские крестьяне селились главным образом вдоль рек. Поднимаясь по правым притокам Верхней Оки и Дона, они уходили далеко в Дикое Поле.

От Москвы Алексин отделяли примерно полторы сотни километров. Кажется, это был ближайший к столице пункт на южной границе. Стремительная степная конница могла преодолеть это расстояние за два-три дня. Впрочем, и от ближайшей западной границы с Литвой (между Можайском и Вязьмой) Москву отделяли все те же полторы сотни километров. - Летом 1472 года Алексин был осажден ханом Большой Орды Ахматом. «И татарове зажгоша град, граждане же изволиша згорети, неже предатись татаром» (39, 211). Пока татары стояли под стенами героического Алексина, московские полки успели прикрыть все дороги, ведущие во внутренние районы страны.

После событий 1472 года крепость была восстановлена на новом месте, в двух километрах от прежнего (126, 118). Вокруг нее вновь стали расти крестьянские поселения. Плодородные почвы в пойме Оки и по ее притокам манили крестьян хорошим урожаем. Природные богатства края были почти не тронуты человеком.

Хозяйственный интерес дополнялся политическим. Учитывая стратегическую важность района, московское правительство принудительно расселяло здесь ссыльных и военнопленных.

Жизнь в этом благодатном крае была очень опасной. Правившие Большой Ордой сыновья убитого ногайцами в 1481 году хана Ахмата считали московского великого князя своим врагом. И для этого у них были все основания. Иван III категорически отказывался платить Орде дань, дружил с ее заклятым врагом крымским ханом Менгли-Гиреем и вел со степняками вооруженную борьбу. Летом 1491 года, когда «Ахматовичи» отправились воевать Крым, воеводы Ивана III совершили поход «в поле под орду». Если верить московским летописцам, то именно эта акция заставила татар спешно вернуться назад. «И слышавшее цари ардинские силу многу великого князя в поле, и убоявшееся, и возвратишася от Перекопи» (46, 356).

Невиданная прежде смелость москвичей, отправившихся громить татар на их территории, в «Диком поле», должна была вызвать ответные действия со стороны «Ахматовичей». В Москве опасались большого нашествия. Вскоре Орда действительно дала о себе знать...

10 июня 1492 года вся православная Русь отмечала праздник Троицы. Вероятно, по совету кого-то из русских предателей татары приурочили свой набег именно к этому дню. Известно, что иногда татары предлагали русским пленным свободу, если они укажут им цель для удачного набега (272, 223).

Расчет был прост и точен. На праздник жители разбросанных тут и там маленьких деревень собирались на службу в свой приходский храм. Здесь их можно было, не теряя времени на поиски, захватить всех вместе. Помимо этого, праздничное веселье притупляло бдительность сторожевой службы. В такие дни русских легче было застать врасплох.

Конечно, двух сотен грабителей было слишком мало для штурма Алексина. Да и задачи такой они перед собой не ставили. Степняки нагрянули «на волость на Вошань». Центром волости было село Вашана, расположенное в верхнем течении речки Вашаны (правого притока Оки) примерно в 35 километрах к юго-востоку от Алексина.

Главной и почти единственной добычей татар во время набегов на русские деревни и

села были пленные. Учитывая возможность погони, они хватали главным образом маленьких детей, которых сажали в большие плетеные корзины с крышками. Эти корзины с двух сторон привязывали к седлу. Все это позволяло налетчикам уходить от погони со скоростью скачущей лошади. Бредущих пешком взрослых пленников ордынцы брали только в том случае, когда не ожидали за собой погони.

Погоня

Узнав о набеге, служилые люди великого князя Федор Колтовский и Горяин Сидоров наспех собрали отряд и кинулись в погоню. Их не смутило то, что под началом у них оказалось всего лишь 64 человека, а численность противника была гораздо больше.

Кто были эти храбрые воины, повторившие подвиг легендарного рязанского воеводы Евпатия Коловрата? Летописи не называют их чинов и званий. Их имена не встречаются и среди «генералитета» тогдашней российской армии. Несколько десятилетий спустя Колтовские «числились дворянами Коломенского уезда и в служебном отношении стояли очень невысоко, изредка дослуживаясь до низшего воеводского чина» (238, 457). Краткий взлет этой фамилии связан был с женитьбой Ивана Грозного на Анне Колтовской в 1572 году. Однако вскоре царь отправил Анну в монастырь, а ее родичей уничтожил во время очередной кровавой «чистки» своего окружения. По-видимому, та же судьба постигла и Сидоровых (103, 333).

Итак, спасти честь российской армии предстояло людям невеликим.

Между тем татары уже успели уйти далеко. Однако для опытных пограничников не составляло труда проследить их путь по конному следу. Бешеная скачка с переменой лошадей продолжалась несколько дней. Преследователям пришлось пересечь с севера на юг всю современную Тульскую и Орловскую области. Наконец они догнали грабителей неподалеку от впадения речки Труды в Быструю Сосну. Отсюда расстояние до Алексина по прямой линии составляет около 250 километров.

Только здесь, увидев противника вблизи, Колтовский и Сидоров узнали истинное соотношение сил. На каждого бойца их отряда приходилось более чем по три ордынца. Впрочем, у русских было преимущество внезапности. Ведь татары ушли уже очень далеко и не ожидали появления погони. Вероятно, они остановились на отдых и решили отпраздновать удачный набег. Но преследователи именно этого и ждали. Они знали привычки врага и старались ими воспользоваться.

Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии» (первая треть XVI века) рассказывает, что татары в походе могут четыре дня обходиться без пищи и сна, но потом наедаются до отвала и спят мертвым сном. «Поэтому, когда, совершив набег на Литву или Руссию, они бывают усталы и обременены добычей, их преследуют, и преследователи, зная приблизительно, какое место удобно для их (татар) стоянки, не разводят в эту ночь в своем лагере огней, чтобы татары полагали себя в безопасности. Те разбивают лагерь, режут скот и наедаются, отпускают лошадей пастись и засыпают. В таком положении они весьма часто подвергаются нападению и бывают разбиты» (5, 167).

Надо полагать, что свое нападение отряд Колтовского совершил ночью. Однако татарский лагерь быстро проснулся. В короткой июньской ночи закипело кровопролитное сражение.

В яростной схватке из 64 русских воинов погибли 40. Остальные, судя по всему, были ранены или взяты в плен. Однако летописец не хочет прямо говорить о неудаче героического рейда. Он отмечает другое: в бою было убито 60 татар, а те ордынцы, которые были ранены, умерли по пути в Орду.

Летописец не случайно столь детально описывает этот, хотя и героический, но достаточно мелкий по своим масштабам и не слишком удачный для русских эпизод степной войны. Очевидно, в Москве о нем тогда много говорили. Все сожалели о погибших и проклинали мценских литовцев, которые да-»ли дорогу татарам. Когда

нужное общественное настроение было создано, Иван III сказал свое веское слово...

Возмездие

Опустошение татарами окрестностей Алексина I стало возможным из-за сбоев в работе сторожевой службы. Для своевременного оповещения о приближении татар в степи должны были постоянно находить небольшие разведывательные отряды – «сторожи» и «подъезды».

Во времена Ивана Грозного эта система получила правильную организацию, а сами пограничники называться «казаками». Однако многое, как всегда, зависело от деловитости и предусмотрительности местных властей. Царь Михаил Федорович в 1623 году так отчитывал одного из своих нерасторопных воевод: «И ты дурак безумной, худой воеводишка! Пишешь к нам, что татарове к Сапожку (городок в Рязанской земле. – Н. Б.) приходят и людей побивают... а про то к нам подлинно не пишешь, в татарский приход сторожи у тебя и подъезды были ль?» (240, 377).

В ситуации 1492 года проблема охраны «берега» (как называли тогда границу по Оке) усложнялась тем, что московские «сторожи», выдвигаясь в Дикое Поле, должны были проезжать через окрестности Мценска и Новосиля. Здесь правили наместники великого князя Литовского. В условиях той необъявленной войны, которую начал Иван III против Казимира, они со своей стороны «производили нападения на московские сторожевые посты, выдвинутые далеко в степь» (86, 265). Сбивая эти посты, литовцы давали татарам возможность незаметно подойти к московской границе.

Иван III хорошо знал о существовании этой проблемы. Набег «ордынских казаков» на Алексин дал ему хороший повод, чтобы приступить к ее радикальному решению.

Государь немедленно отправил на Мценск своего рода «карательную экспедицию». Внешнеполитическая ситуация благоприятствовала походу. В июне 1492 года умер король Казимир IV. Занятая вопросами престолонаследия, польская и литовская знать ослабила внимание к действиям Москвы.

«Того же лета (1492-го. – Н. Б.), месяца августа, послал князь велики Иван Васильевич воеводу своего князя Феодора Телепня Оболенского с силою ратною на город Мченеск, за их неправду; и город Мченеск взяша, и землю повоеваша, и воеводу их Бориса Семенова сына Александрова изымаша и иных многих, и приведоша их на Москву» (40, 225).

Захватив Мценск, Иван III посадил там своих воевод. Таким образом, южная граница Московской Руси в этом районе отодвигалась на добрую сотню верст к югу от Оки. Ее форпостами становились Мценск и Новосиля.

Со временем московская граница уйдет далеко на юг. Алексин станет тихим провинциальным городком в глубоком тылу. Но все это будет потом, спустя некоторое время...

А сейчас, в июле 1492 года, тела русских витязей, павших в «бою на Трудех», остались лежать в степном ковыле. Над ними уже кружили высоко в небе орлы. А перепуганные белоголовые ребятишки поплыли дальше на юг в своих тесных корзинах под гортанные крики пропахших конским потом и овечьим сыром косматых всадников...

Выкуп

«Надежда умирает последней». У захваченных в плен русских людей оставались шансы вернуть себе свободу. Во-первых, их могли отбить у татар бросившиеся в погоню за похитителями русские воины. Во-вторых, они могли улучшить удобный момент и сбежать. Понятно, что это было нелегко. Татары связывали пленников и даже заковывали их в цепи. Пойманного беглеца ожидали жестокие истязания. Так, одному такому неудачнику, служилому человеку Григорию, татары забили в уши деревянные спицы и

бросили умирать в степи (276, 85).

И все же русские пленники часто решались на побег. Московские власти, как могли, поддерживали это стремление. По Судебнику Ивана III холоп, бежавший из татарского плена, становился свободным человеком. Такая перспектива поощряла «текучесть» русских пленников. Отсюда и цена их на невольничьих рынках Крыма была значительно ниже, чем у рабов из других земель (20, 72).

В-третьих, похищенные татарами русские люди могли надеяться на то, что их выкупят на свободу родственники, друзья или просто соотечественники. Конечно, эту надежду питали только те, кто оставался в руках татар. Что же касается пленников, которых татары продавали в Турцию или другие страны, то их судьба была бесповоротной.

Московское правительство постоянно добивалось от степняков возвращения «полоняников». Иногда их предлагали обменять на татар, попавших в плен во время неудачного набега на Русь. Однако даже давний союзник Москвы крымский хан Менгли-Гирей крайне редко уступал этим требованиям (272, 21 о).

Существовало несколько способов выкупа (или, как тогда говорили, «окупа») пленных. Чаще всего этим занимались (не без корыстного интереса) подданные московского государя, отправлявшиеся к татарам по дипломатическим или торговым делам. Выкупленные пленные становились холопами своего нового владельца. Примером такого рода служит история одного московского кузнеца. Он попал в плен к татарам, но был выкуплен митрополитом Филиппом (1464–1473) и стал трудиться на митрополичьем дворе (234, 135).

По возвращении на Русь бывший пленный обретал свободу лишь после того, как возвращал своему благодетелю цену выкупа. В противном случае он оставался его холопом.

Иногда русских пленных выкупали восточные купцы, жившие среди татар. Затем они привозили их на Русь и выставляли здесь на продажу. В случае, если никто не покупал пленника, его уводили обратно в степи.

Бывало и так, что люди, потерявшие своих близких родственников, сами отправлялись разыскивать и выкупать их. Известно, например, что осенью 1545 года в Крым приехала целая партия (55 человек) «покупателей» из пограничных городов на Оке (Одоева и Белева). Все они искали своих близких, уведенных татарами во время набега на эти земли в декабре 1544 года.

Это самоотверженное предприятие едва не закончилось трагически. Несмотря на протесты московского посла в Крыму, хан Сахыб-Гирей приказал схватить русских и обратить их в рабство. Около двух лет они провели в неволе. Наконец эта история дошла до самого Ивана Грозного. Молодой царь действовал решительно. Вернуть своих можно было лишь обменяв их на чужих. Иван приказал схватить всех находившихся тогда в Москве крымских купцов и сослать их в заволжские леса, в Бежецкий Верх. Имущество арестованных было взято на хранение царскими приставами (276, 89).

Постоянные набеги степняков были своего рода «кровоточащей раной» Московского государства. Оно теряло здесь тысячи своих подданных. Поэтому выкуп пленных постепенно стал рассматриваться в Москве не только как христианский долг, но и как важное государственное дело.

На Стоглавом соборе 1551 года Иван Грозный рассуждал на эту тему как истинный гуманист. «О сем достоит попечение сотворити велие, пленных привозят (татарские купцы. – Н. Б.) на окуп из орд бояр и боярынь и всяких людей. А иные сами выходят, должни и беспоместны, и здесь окупитися нечим, а никто не окупит. И тех полонеников, мужей и жен, опять возят назад в бесерменство, а и здесь над ними поругаются всякими скверными богомерзкими. Достоит о сем уложить соборне, как тем окуп чинити, а в неверные не отпущати. А которые собою вышли, о тех устрой учинити же по достоянию, елико вмести́мо, чтобы были в покое и без слез» (68, 270).

Иван Грозный распорядился выкупать всех пленных, которых татары готовы продать.

Однако такое великодушие оборачивалось непомерными расходами. Ведь каждый пленник оценивался работником индивидуально, в зависимости от его личного состояния и социального положения. В середине XVI века цены на этом рынке колебались от 40 до 600 рублей за человека.

Финансовые трудности преодолевались несколькими путями. Во-первых, в 1551 году был введен особый налог – «полоняничные деньги». Этот налог был возложен на все податное население страны. Его размер менялся в зависимости от того, сколько денег потратила казна на выкуп пленных. Во-вторых, при рассмотрении вопроса о выкупе за казенный счет тех или иных пленников принимались во внимание обстоятельства их пленения. Царь запрещал платить за тех, кто оказался в плену по собственной беспечности. К ним относились, например, сельские жители, которые, будучи предупреждены о возможном набеге татар, не пожелали укрыться в стенах ближайшего города.

При выкупе попавших в плен воинов предварительно старались узнать, не был ли он трусом или перебежчиком.

Большие деньги, гулявшие на «рынке пленных», привлекали сюда разного рода жуликов и негодяев. Первые, сговорившись со знакомыми татарами, устраивали фиктивное «пленение» людей. Получив выкуп за мнимых «пленников», мошенники делили его между собой. Вторые действовали куда более жестоко. Они похищали людей для продажи их в рабство. Конечной целью похитителя («головного татя») была продажа своей жертвы за пределы страны – главным образом крымским или казанским татарам.

В своем знаменитом Судебнике 1497 года Иван III устанавливает наказание для похитителей людей – смертную казнь (80, 216).

ГЛАВА IV НОВГОРОДСКАЯ СТЕНА

*Следует не только окружить
город стенами, но и заботиться
об их исправности.
Аристотель*

Приближение конца света, казалось бы, ставило под сомнение любые долгосрочные проекты. Однако именно тогда, вопреки всем страхам и угрозам, Московская Русь росла и крепла не по дням, а по часам. Отстраивались, обзаводились мощными укреплениями русские города. Страна облачалась в доспехи, словно воин перед сражением. В этом преображении удивительным образом изменялся и сам государь всея Руси. Из жестокого тирана он превращался в строителя и оружейника. В итоге складывалось уникальное сочетание несовместимых на первый взгляд начал – разрушения и созидания, мелочности и небывалого размаха. В этом единстве противоположностей – суть исторического феномена Ивана Великого. I

Под 7000 годом (1 сентября 1491 – 31 августа 1492) летописи отмечают сразу несколько круга строительных работ, проводившихся по распоряжению Ивана III.

«Тое же осени в Новгороде в Великом съврѣи ша град камен детинець и мосты нарядиша» (49, 333).

«Тое же весны априля в 5 в четверг вышел князь велики из своего двора из старого в княжо Иванов двор Юрьевича в новой, и с великою княгинею Софьею и з детьми и с невесткою с великою княгинею с Оленою и со князем Дмитреем со внуком, а старой свои двор деревяной повеле разобрати того ради, что бы ставити новой двор камен» (49, 333).

«Тое же весны послал князь велики дѣака своего Василья Кулешина рубити города Володимеря древена по Васильеву окладу Мамырова, и срубиша его в два месяца» (49, 333).

«Тое же весны повелением великого князя Ивана Васильевича заложиша град на Немецком рубеже на реце на Нарове против Ругодева (Нарвы. – Н.Б.) немецкого города на Девичье горе на Слуде четвероуголено, а нарече ему имя Иваньград во свое имя» (49, 333).

«Того же лета (в Москве. – Н. Б.) от Фроловъские стрелнице и до Никольские заложиша подошву и стрелницу новую над Неглинною с тайником» (56, 166).

Среди всех этих работ особое место занимает возведение крепости в Новгороде. В этом строительстве особенно отчетливо проявился один из парадоксов эпохи Ивана III – новгородская свобода стала фундаментом для московской диктатуры, а диктатура – ключом к независимости...

Добрые старые бочки

Новгородцы не любили войну. Но при этом столица Русского Севера издавна имела стены. Об этом позаботился еще воспитанный новгородцами князь Ярослав Мудрый. Под 6552 (1043/44) годом летопись сообщает: «Ходи Ярослав на Литву, а на весну заложи Новъгород, и сдела и» (38, 116). А год спустя сын и наместник Ярослава князь Владимир начал строить в стенах новой крепости собор Святой Софии (38, 116). Источники не позволяют дать определенный ответ на вопрос о том, были ли стены Ярослава каменными или деревянными (151, 45). Нет ясности и относительно стен, построенных вокруг новгородского кремля («детинца») в 1116 году сыном Владимира Мономаха князем Мстиславом Владимировичем (38, 142).

С установлением вечевого строя в 1136 году детинец из оплота княжеской власти превратился в средоточие «народоправства». Здесь находилась резиденция архиепископа («владыки») – главы новгородского боярского правительства.

В 1302 году «заложили город камен Новугороду» (38, 252). Однако это начинание, судя по всему, ограничилось двумя-тремя каменными башнями (81, 67). Новый всплеск строительной активности связан с именем знаменитого новгородского владыки Василия Калики. В 1331–1334 годах он заново отстроил в камне почти всю стену детинца вдоль Волхова (151, 47).

Стены Василия Калики были поновлены в 1361 году за счет владычной казны. А в 1400 году архиепископ Иоанн начал сооружение нового участка каменных укреплений детинца (23, 396).

Новгородский детинец XIV–XV веков не дошел до наших дней. Он был разобран при постройке новой каменной крепости в 1484–1492 годах. Некоторое представление о его внешнем виде могут дать его ровесники – сохранившиеся укрепления Пскова, Изборска и Порхова. Это сложенные из серого известняка приземистые стены. Они внушают уважение прежде всего своей толщиной. Их однообразие оживляли круглые толстые башни, похожие на огромные каменные бочки.

Внутри эти каменные «бочки» разделялись на несколько ярусов деревянными настилами, соединенными шаткими лестницами. Расположенные на разной высоте бойницы башен позволяли вести огонь прямо перед крепостью, так и вдоль стен. Высота стен между башнями колебалась от 10 до 15 метров. По верху стены шел прикрытый деревянным навесе боевой ход, по которому защитники могли быстро перемещаться с одного участка обороны на другой.

Слегка покосившиеся то в одну, то в другую сторону, башни Василия Калики напоминали изрядно подгулявших добродушных богатырей.

Не знаем, каковы были боевые достоинства этих давно исчезнувших сооружений. Впрочем, от них многого и не требовалось. Независимость Новгорода всегда держалась не столько на его собственной военной мощи, сколько на силе его соседей – Литвы, Польши, Швеции, Ливонии и Москвы. Никто из них не мог позволить другому захватить Новгород и тем самым резко нарушить устоявшийся баланс сил в регионе.

Улучив момент, когда соседи по разным причинам не могли вступить за Новгород, Иван III начал осторожно «заглатывать» этот лакомый кусок. 14 июля 1471 года новгородское ополчение было наголову разбито московским воеводой Даниилом Холмским в битве на реке Шелони. Новгородцы в этом сражении проявили очень мало героизма и желания «лечь костьми» за свою «волю» (164, 116). Похоже, они уже разочаровались в старых идеалах. Их поведение могло бы послужить хорошей иллюстрацией к одному суждению Аристотеля: «Если находящиеся у власти проявляют наглость и корыстолюбие, то население начинает враждебно относиться и к ним, и к тому государственному строю, который дает им такие возможности» (83, 167).

После битвы на Шелони Холмский вполне мог ворваться в Новгород на плечах бегущих ополченцев. Однако такого приказа он не получил. Государь умел ждать, пока колос созреет. В селе Коростыни, где был заключен мир, он ограничился тем, что взял с новгородцев клятву не вести тайных переговоров и не просить помощи у других государей.

Прошло несколько лет – и настало время для Нового решительного удара. Зимой 1477/78 года московское войско окружило город.

Запертые в своем детинце, новгородцы окончательно перессорились между собой. К тому же они стали изнемогать от голода и болезней. Не выдержав всех этих напастей, горожане приняли условия победителя. Новгород сдался без боя и стал частью Московского государства. Кажется, Иван III и сам не ожидал такого сокрушительного успеха (286, 385).

Тень измены

Внешняя политика Ивана III заставляет вспомнить известное суждение: «Аппетит приходит во время еды». Завоевание Новгорода открывало Москве далекие перспективы. Этот город должен был стать оплотом для наступления в Прибалтике. Отсюда Иван предполагал грозить Литве и Польше. Однако в 80-е годы XV века «в системе обороны западной границы порубежная новгородская земля представляла собой наиболее уязвимое и слабое место» (86, 199).

Для начала следовало обнести город новыми неприступными стенами на случай его осады войсками неприятеля. Сама по себе эта задача была не из легких. Однако она была лишь «одной стороной медали». Вторая сторона – люди, которым предстояло отражать врага на этих стенах. Необходимо было обезопасить город-крепость от внутренней измены, превратить его переменчивых жителей в преданных «государю всея Руси» храбрых воинов. Без решения второй задачи не имело смысла приниматься за первую.

Как и его предшественники на московском престоле, Иван III не верил новгородцам. В Москве их всегда считали людьми ненадежными. Это мнение ясно высказал один московский летописец в рассказе о войне новгородцев с великим князем Василием I в 1392 году. «Таков бо есть обычаи новгородцев: часто правают (присягают. – Н. Б.) ко князю великому и паки рагозятся. И не чудися тому: беша человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непс ставни... Кого от князь не прогневаша, или кто князь угоди им, аше и великий Александр Ярославич не уноровил им?» (74, 438–439).

Каждое новое известие о «крамоле» уже присягнувших новгородцев укрепляло недоверие великого князя. Весной 1484 года, когда в Москве с тревогой ожидали нападения литовцев, в Новгород было прислано большое московское войско. Оно простояло в городе семнадцать недель (64, 64). Очевидно, что великий князь не надеялся на верность местных жителей.

Отношения Ивана III с покоренным Новгородом имели свою историю. Поначалу великий князь надеялся усмирить новгородцев путем расправы с предводителями «антимосковской партии». Потом он понял, что корни своеволия лежат глубже, в мировоззрении и традициях новгородского «среднего класса». После этого открытия Иван

вынужден был расширить масштабы своих гонений. Однако корни оказались еще глубже. Они уходили в темные землянки бедняков. И тогда великий князь решил разом выкорчевать все новгородское «древо», а развороченную землю засеять своими, московскими «семенами». К уничтожению или высылке было приговорено практически все население города. В ту пору оно составляло примерно 30–40 тысяч человек. В истории России началось одно из первых принудительных «переселений народов»...

«Умиротворение» Новгорода происходило одновременно с возведением новых стен. Для горожан они стали своего рода символом «нового порядка». Московский каменный обруч сдавливал вольный город медленно и неотвратно.

Начало строительства весной 1484 года совпало с новой волной гонений против новгородской знати.

«Тое же зимы поймал князь великы болших бояр новгородцких и боярынь, а казны их и села все велел отписати на собя, а им подавал поместья на Москве по городом, а иных боар, которые коромолу держали от него, тех велел заточити в тюрьмы по городом» (41, 215).

Сохранился и более подробный рассказ об этих событиях.

«Тое же зимы прииде великому князю обговор на новугородцы от самих же новугородцов, яко посылалися братья их новугородцы в Литву к королю. Князь великий посла и пойма их всех болших и житых людей, человек с тритцать (курсив мой. – Н. Б.), и дома их повеле разграбити. И повеле их мучити на Иванове дворе Товаркова Гречновику подъячему, а домучиватися у них того обговору, чем их обговорили; они же не сказаха. Князь же великый хоте их перевешати, и они же при концы начаша прощатися друг с другом, яко «клепалися есмя межи собою, егда мучиша нас». Слышав же то князь великий, повеле оковав в тюрьму вметати их, а жены их и дети послал в заточение.

Ту же и Настасью славную богатую поймав разграби, и Ивана Кузьмина пойма, что был у короля в Литве, – а збежал, коли князь великий Новъгород взял, с тритцатью слуг своих; и король его не пожаловал, и люди отстали от него, и он сам третьей прибежал на свою вотчину в Новгород, и князь великий велел его поймать, и дом его пограбить. И пограбиша их всех, и много имениа взят безчислено» (46, 350).

Существовала ли прямая связь между этими расправами и началом строительства? Несомненно. Новая крепость ни при каких обстоятельствах не должна была достаться врагу. Причем врагу не только внешнему, но и внутреннему...

Золото Севера

Для постройки новой крепости, общая протяженность стен которой по наружному периметру составила почти полтора километра, необходимы были огромные деньги. Об источниках финансирования этого проекта летописец кратко сообщает в статьях 6998 года (1 сентября 1489 – 31 августа 1490).

«Того же лета поставлен бысть град камен в Великом Новегороде повелением великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, при архиепископе Генадии: на 2 части города великого князя денги шли, а треть Генадии владыка делал своими денгами» (38, 527).

Выражение «деньги великого князя» не следует, конечно, понимать буквально. Начиная в 1484 году новгородское строительство, Иван III не хотел тратить на него собственные средства. Его принципиальная установка состояла в том, чтобы не истощать, а, напротив, пополнять московскую казну за счет Новгорода. Кроме того, в ближайшем будущем ему предстояли крупные расходы на постройку московского Кремля (заложен летом 1485 года) и на войну с Тверью (сентябрь 1485 года). Поэтому дело следует понимать так, что треть всех расходов Иван возложил на новгородского владыку (то есть, по сути дела, на новгородское духовенство), а две трети – на остальных горожан.

Иван полагал, что должным образом выполнять его поручения может только свой,

московский иерарх, поставленный на новгородскую кафедру. Нарушив древнюю традицию, согласно которой архиепископом становился кто-то из местных клириков, митрополит Геронтий 4 сентября 1483 года поставил новгородским владыкой «старца» Троице-Сергиева монастыря Сергия. Еще недавно тот был известен как «протопоп Богородицкой Семеон» (41, 215). Очевидно, Иван заметил усердие и преданность протопопа московского Успенского собора. Пострижение в монахи открывало ему путь к епископской кафедре.

В свою новую епархию Сергей прибыл в сопровождении целого «штаба», состоявшего из московских распорядителей – боярина, казначея и дьяка (46, 351). Первым и главным делом всей этой компании стало выколачивание денег из местного духовенства. По свидетельству Псковской летописи, Сергей «многы игумены и попы исыпродаде и многы новыя пошлыны введе» (64, 63). Так наполнялась третья, владычная часть суммы, необходимой для постройки новой крепости.

Слишком серьезное отношение к своей миссии сгубило бедного протопопа. Он заболел тяжелым психическим расстройством, которое новгородцы объяснили «карой Божьей» за непочтительность по отношению к новгородским святыням. Уже летом 1484 года Сергия пришлось отправить на покой обратно в Троице-Сергиев монастырь. На его место Иван вскоре подобрал более гибкого и умного исполнителя своих планов – чудонского архимандрита Геннадия Гонзова. Он был рукоположен на новгородскую кафедру 12 декабря 1484 года. Псковские летописи отмечают, что одним из первых дел нового владыки стала перепись всех псковских церквей и монастырей с целью увеличить их налогообложение (46, 68).

Владычная треть не решала еще проблемы финансирования строительных работ. Две трети всей суммы предстояло выколачивать из горожан. И здесь надежды возлагались на исполнительность и беспощадность московских наместников.

Примечательно, что описанный выше «процесс тридцати», состоявшийся в Новгороде в начале 1484 года, был проведен с особой жестокостью и вместе с тем – с явной назидательностью. Во всех его подробностях угадывается единый сценарий, написанный рукой самого Ивана III. Все тридцать обвиняемых принадлежали к «большим и житым людям», то есть к средним и верхним слоям населения Новгорода. Иначе говоря, к тем, кто еще мог платить.

Первый донос был подан великому князю зимой 1483/84 года. Стало быть, расследование велось в первые месяцы 1484 года. А между тем строительство новой крепости, согласно тогдашним строительным правилам, должно было начаться в конце апреля или мае 1484 года. Таким образом, сбор первых взносов на «детинец» проводился в те дни, когда новгородцы были под свежим впечатлением «процесса тридцати».

Московский режиссер позаботился о том, чтобы впечатление это было неизгладимым. Крики истязаемых «на Ивановом дворе Товаркова» слышны были на всю улицу. Публичная казнь всех осужденных на виселице лишь в последний момент по «милости» великого князя была заменена оковами и темницей. Имущество «заговорщиков» было конфисковано. В заточение отправили жен и детей осужденных.

Впрочем, дело не ограничивалось одним только «процессом тридцати». «Главный удар по новгородским боярам и их землевладению был нанесен Иваном III в 1484 году» (286, 416). Это наблюдение историка подтверждают летописи. «Тое же зимы (1483/84 года. – Н. Б.) поймал князь велики блъших бояр новгородцких и боярынь, а казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместия на Москве под городом; а иных бояр, которые коромолу дръжали от него, тех велел заточити в тюрьмы по городом» (40, 215).

Фундаментом московских стен стали надгробные камни новгородских бояр.

Летописец особо отмечает, что кара постигла и некую «Настасью славную богатую». Речь идет о вдове новгородского посадника Ивана Григорьевича (287, 378). Она унаследовала большое состояние рано умершего мужа. В декабре 1475 года Настасья и ее

сын Юрий устроили в своем доме пир в честь находившегося тогда в Новгороде Ивана III (39, 204). В 1484 году Настасья, по-видимому, была уже в преклонном возрасте. Арест и конфискация имущества этой почтенной женщины стали незаурядным событием даже на фоне царившего тогда в Новгороде произвола.

Судя по всему, Настасья пострадала не за какую-то особую вину перед великим князем, а как «типичный представитель» определенного слоя городского населения. Этот слой – вдовы богатых новгородцев, унаследовавшие имущественные права своих мужей. Впрочем, речь шла не только о вдовах. Во время борьбы Ивана III с Новгородом (как и в годы опричнины Ивана Грозного) многие представители знати, надеясь спасти семью и имущество, уходили в монастырь, оставляя свои владельческие права женам. Опальный город стремительно переходил в руки женщин.

История знаменитой «Марфы-посадницы» свидетельствует о том, что новгородские женщины умели возвысить свой голос среди мятущейся толпы. И все же Марфа была скорее исключением, чем правилом. В целом же новгородских матрон трудно было упрекнуть в каких-либо политических преступлениях. Вся их вина состояла в том, что они под своими широкими подолами пытались спрятать от «государя всея Руси» то, что его больше всего интересовало в Новгороде – золото Севера. Ответом на эти уловки и стала расправа с Настасьей. Новгородцам ясно дали понять: ничто не может спасти их от московского произвола.

Другим подтверждением той же идеи стала участь новгородца Ивана Кузьмина. Спасаясь от московского нашествия, он со своей дворней бежал в Литву. Однако, встретив там холодный прием, беглец вернулся в Новгород, покаялся и был прощен. И вот теперь Ивана Кузьмина арестовали и судили по «процессу тридцати». Осуждение этого несчастного стало предупреждением для многих ему подобных. Эмигранты, отведавшие горький хлеб чужбины, толпами возвращались на родину и припадали к стопам Державного. Поначалу их прощали. Но когда Молоху потребовались новые жертвы, – о них должны были вспомнить в первую очередь.

Муравейник

Итак, средства для начала строительных работ были собраны главным образом путем конфискаций. Своего рода «строительной жертвой» стали тридцать истерзанных пытками узников. Замешенное на крови дело понемногу двинулось вперед.

Теперь требовалось найти множество рабочих рук для разборки старых стен и возведения новых. Впрочем, этот вопрос не представлял большой сложности. Новгород напоминал в ту пору разворошенный муравейник. Аресты и казни знатных новгородцев оставили без средств существования их многочисленную челядь. Московские походы на Новгород умножили число нищих, бездомных и сирот. Все эти потерянные люди готовы были за хлеб и миску похлебки трудиться на великой стройке феодализма.

Прежде чем ставить новые стены, необходимо было разобрать прежние. Добрые старые «бочки» ломали долго и мучительно. Их дробили тяжелыми молотами, разбивали таранами, раскалывали скважинами с замерзшей водой. Это был поистине адский труд. С утра до вечера сотни людей, как муравьи, карабкались на почерневшие от времени стены и крошили их в мелкую пыль. А внизу стояли зеваки, наблюдавшие за работой. В толпе кое-кто утирал слезы. Казалось, что новгородцы разрушают стены собственного дома...

Лето сменялось осенью, а осень – зимой. С наступлением холодов каменщики прекращали работу до следующей весны. Однако дело не останавливалось. Зимой по санному пути на стройку везли круглые валуны и неуклюжие плиты известняка, вырубленные в местных каменоломнях. Эти припасы использовались при возведении нижней части стен. Тогда же, зимой, запасали и могучие бревна, необходимые при всяком строительстве. А на окраинах города день и ночь дымили трубы нескольких кирпичных «заводов».

Новые стены строили по-московски, из однообразных тяжелых кирпичей. Они вставали непривычной для новгородского глаза ровной шеренгой. Ровные и укладистые кирпичи так же отличались от старых неуклюжих камней, как новые хозяева Новгорода, московские дворяне, отличались от его старых хозяев.

Иногда в дело шли и целые куски старых укреплений, которые обкладывали с внешней и внутренней стороны кирпичными стенками. Такое решение позволяло сэкономить силы и средства. Кроме того, старая линия укреплений была идеально увязана с рельефом местности.

У прагматичного замысла московских строителей был один серьезный изъян. «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают...» – предупреждал апостол (Матф. 9, 17). «Молодые» стены могли раздавить «ветхие» фундаменты и рухнуть вместе со своими строителями.

Великий неизвестный

Только искусный мастер мог определить, выдержат ли камни Василия Калики кирпичи Ивана III. Только он мог при необходимости укрепить старые фундаменты новыми опорами, соединить известняковые плиты с аккуратными кирпичными стенками. Несомненно, для постройки новгородской крепости великий князь отрядил лучшего из своих архитекторов. В конце концов, это был и вопрос престижа. Покоренный Новгород становился теперь западным фасадом Московского государства.

Кто же был главным зодчим новгородского детинца? Некоторые поздние источники называют имя Пьетро Солари (168, 12). Однако более вероятно, что здесь работал опальный строитель Успенского собора московского Кремля знаменитый Аристотель Фиораванти.

Известно, что Фиораванти участвовал в походе Ивана III на Новгород зимой 1477/78 года. Возле древней княжеской резиденции на Городище он построил наплавной мост через Волхов, по которому переправлялись с одного берега на другой московские полки. Московский летописец с гордостью отмечает, что этот мост был так прочен, что стоял еще долго после окончания войны (49, 317). И кто как не Фиораванти руководил действиями московской артиллерии при осаде города?

Несомненно, Аристотель высказывал великому князю свои наблюдения относительно боевых качеств новгородской крепости. И наблюдения эти были, скорее всего, критическими. С точки зрения итальянского инженера, все эти «каменные бочки» были немногим лучше, чем каменные топоры.

Привыкший из всего делать практические выводы, Иван, должно быть, посулил тогда Аристотелю, что вскоре он сможет заняться этими стенами не как артиллерист, а как архитектор. Однако ход событий на несколько лет отвлек государя от этой мысли. Новые волнения в Новгороде, мятеж братьев, война с Ахматом и «стояние на Угре», большой поход на Казань летом 1482 года, в котором участвовал и «Аристотель с пушками», – все это отодвигало исполнение новгородского проекта в туманную даль (46, 349). Великий мастер постоянно нужен был Ивану в Москве, под рукой.

Зимой 1482/83 года отношения Ивана с итальянцем неожиданно испортились. Впрочем, неожиданным это могло показаться только на первый взгляд. Череда головокружительных успехов великого князя не лучшим образом сказалась на его характере и отношениях с приближенными. Он становился все более и более деспотичным, жестоким, высокомерным. И первыми заметили и ощутили на себе эти перемены, конечно же, иностранцы. У себя на родине они привыкли к несколько иным нормам отношений между государем и подданными, между заказчиком и художником.

Поводом для открытого конфликта между Иваном и Аристотелем Фиораванти стала казнь придворного лекаря Антона Немчина. Его обвинили в том, что он умышленно, из мести залечил до смерти татарского «князя Каракучу», служившего московскому

государю. Иван приказал отдать лекаря на суд родственникам умершего. Антона ожидала неминуемая смерть. И тогда за него вступились московские иноземцы во главе с Аристотелем. Они предложили татарам отпустить лекаря за щедрый выкуп. Соответствующее соглашение было достигнуто.

Но тут в дело вновь вмешался великий князь. Он запретил сделку с выкупом Антона Немчина и настоял, чтобы лекарь был казнен татарами. За этой странной настойчивостью угадывается не столько любовь Ивана к служилым татарам или его упрямое желание настоять на своем, сколько его ахиллесова пята – забота о собственной безопасности. Такой исход дела должен был послужить уроком для других лекарей-иностранцев, в том числе и тех, услугами которых пользовался сам государь.

Казнь «врача-вредителя» совершилась на льду Москвы-реки, под мостом. Татары по восточному обычаю перерезали ему горло и бросили на снег окровавленное тело.

Потрясенный всей этой историей, Фиораванти заявил, что намерен покинуть Москву и вернуться домой. «Князь же велики пойма его и ограбив посади на Онтонове дворе за Лазарем святым» (46, 349).

Летописи не сообщают о том, чем кончилась эта история. Они вообще ничего больше не сообщают об Аристотеле. Однако само их молчание красноречиво. Казнь знаменитого мастера наверняка была бы отмечена хоть одним источником. Помимо этого, такой исход не отвечал интересам самого Ивана, желавшего привлечь в Москву как можно больше хороших итальянских мастеров. Равным образом и тюремное заключение знаменитого зодчего могло бы отпугнуть столь необходимых Ивану иностранных умельцев.

Учитывая все это, можно думать, что после недолгого заточения в доме Антона Немчина униженный и лишенный всего состояния Аристотель был выпущен на свободу. Однако покидать владения «государя всея Руси» ему воспрещалось. За этим следили приставленные к нему сторожа. Помимо всего прочего, итальянец слишком много знал о тайнах московского двора и о вооружении русской армии. За эти знания много мог бы дать, например, польский король Казимир IV.

После всего случившегося Аристотель вряд ли желал оставаться в Москве, где ему пришлось бы ежедневно кланяться Державному. Старый мастер хорошо знал себе цену и не намерен был терять свое последнее богатство – чувство собственного достоинства. Таким образом, единственное, что ему оставалось, это приняться за работу где-нибудь в провинции. Он мог, например, предложить свои услуги младшему брату Ивана III князю Андрею Угличскому, который именно в эти годы энергично обустривает свою удельную столицу и монастыри. (Историки искусства отмечают в постройках Андрея Угличского следы работы какого-то итальянского мастера (111, 24).)

При всем том Аристотель оставался осторожным и проницательным придворным. Он не хотел окончательно портить отношения с великим князем, от которого в конечном счете зависели его свобода и жизнь. Лучшим способом примириться с Державным, не теряя лица, было участие Фиораванти в каком-нибудь важном для Москвы строительном проекте в провинции. Важнейшим из таких проектов была в те годы постройка новгородского детинца.

Новые жертвы

Каждодневными трудами каменщиков и плотников подрастали новгородские стены. Но вместе с ними росли и опасения великого князя. А ну как эти неприступные стены придется штурмовать его собственным полкам? Единственный надежный способ уберечься от новгородской «измены» Иван теперь видел в том, чтобы очистить город от всех коренных жителей и заселить его своими верными слугами – московскими дворянами.

Следующий удар по Новгороду был нанесен в 6995 году (1 сентября 1486 – 31 августа 1487). «Того же лета князь великий перевел из Великаго Новагорода в Володимерь

лучших гостей (купцов. – Н. Б.) новгородских пятьдесят семей» (41, 219). Подробности этой акции не сообщаются.

Зимой 1487/88 года действия архиепископа Геннадия против еретиков совпали с новыми гонениями на недовольных московской администрацией. Еретиков схватили и увезли под стражей в Москву, где били кнутом на торговой площади, а потом отправили обратно в Новгород.

Тяжелее пришлось остальным пострадавшим. «Тое же зимы посла князь великий, и привели из Новагорода боле седми тысяч житих людей на Москву, занеже хотели убить Якова Захарича, наместника новгородцкого; и иных думцев (соучастников. – Н. Б.) много Яков пересече и перевешал» (48, 237). Цифры понесших наказание поражают воображение. Если учесть, что все население Новгорода составляло в ту пору 30–40 тысяч человек, можно только удивляться, что в городе после таких массовых «выводов» все еще оставалось какое-то население. Вместе с тем становится ясным, что речь идет вовсе не о заговоре (ибо трудно представить себе заговор, в котором участвуют семь тысяч человек), а о своего рода «переселенческой политике», преследовавшей определенные социально-политические и экономические цели. Кроме того, под «новгородцами» московский летописец, возможно, подразумевал не только собственно новгородцев, но и жителей других городов Новгородской земли.

Новая волна переселений поднялась зимой 1489/90 года. (Возможно, правда, что летопись под этим годом дает в ином виде сообщение о репрессиях зимы 1487/88 года (140, 78).) Иван III распорядился вновь вывести из Новгорода неназванное количество зажиточных горожан («житых людей») «обговору деля (из-за наговора. – Н. Б.), что наместники и волостели их продавали и кои на них продаж взыщут, ини боронятца (оправдываются. – Н. Б.) тем, что, рекши, их думали убита. И князь великий москвич и иных городов людей посылает в Новгород на житие, а их (новгородцев. – Н. Б.) выводит по инным городом, а многих пересечи велел на Москве, что и думали Юрья Захарыча убита» (48, 237).

Массовые переселения вели к полному искоренению новгородского образа жизни и прежней системы земельной собственности. Да и сами горожане становились другими. На берегах Волхова все реже можно было услышать характерный новгородский говор, где путались буквы «ц» и «ч». И все чаще звучало здесь заменявшее «о» на «а» московское «аканье».

Каменный пояс

Восемь лет упорного труда не пропали даром. Новгород подпоясался каменным поясом, мало уступавшим и московскому Кремлю. В плане крепость походила на неправильной формы овал, вытянутый вдоль берега Волхова. Высокие и толстые стены завершались зубцами в форме «ласточкиного хвоста», которая была типична для итальянских замков той эпохи. Боевая площадка, проходившая по верху стен, отличалась необычайной шириной, так как опиралась не только на саму стену, но и на арки, приложенные к внутренней плоскости стены.

Новая крепость имела 12 башен, пять из которых были проезжими (168, 18). У подножия стен находился ров с водой, через который от ворот проезжих башен были перекинута подъемные мосты.

Одни башни заменили старые, а другие выросли на новом месте. Каждая из башен носила собственное имя, которое обычно происходило от названия пристроенной к ней или расположенной неподалеку церкви. С первых времен христианства на Руси существовал обычай устройства надвратных церквей. Ими венчали главные ворота города или монастыря. Иногда церкви строились не над воротами, а при них. Считалось, что святые, которым посвящены эти церкви, будут защищать город от всякого зла.

Главная из новгородских башен, Пречистенская, получила свое имя от построенной

еще в 1195 году церкви Положения ризы и пояса Божией Матери во Влахерне. Башня смотрела на восток и служила воротами, через которые можно было выйти на Великий мост, соединявший Софийскую и Торговую стороны Новгорода. Она была самой высокой, мощной и нарядно украшенной.

В южную часть Новгорода открывались ворота Спасской башни, украшенной надвратной церковью Спаса. «Проезд запирался мощными деревянными створами ворот и опускными решетками... Башня имела шесть ярусов» (151, 58).

К западу, юго-западу и северо-западу от детинца располагались издавна обжитые районы Новгорода – Загородский и Неревский «концы». Туда вели две проезжие башни: Покровская и Воскресенская. Дорога, уходившая к северу вдоль левого берега Волхова, начиналась от проезжей Владимирской башни.

Сейчас уже невозможно точно установить время постройки, разборки или позднейшей перестройки каждой из башен новгородского кремля 1484–1492 годов. Однако легко заметить, что они четко делятся на две группы. Одни – весьма простые по конструкции тяжелые прямоугольные в плане, другие – стройные круглые с изысканными пропорциями. Башни второго типа – Митрополичья и Федоровская – далеко выступают за линию стены и снабжены многочисленными бойницами. Они очень похожи на построенные в те же годы башни московского Кремля. Эти «итальянские» по облику башни и можно с большой долей уверенности приписать искусству Аристотеля Фиораванти или кого-то из его земляков. Помимо стен и башен крепость имела множество разного рода приспособлений, необходимых для отражения атак неприятеля и обеспечения всем необходимым защитников. Подъемные мосты, железные решетки, дубовые ворота, подземные ходы, тайники, колодцы, ловушки для неприятеля («захабы»), дощатые навесы над стенами и башнями – все это было так же необходимо крепости, как книги и иконы храму.

Строительство крепости замедлил пожар. Новгородский летописец сообщает о нем под 6998 годом (1 сентября 1489 – 31 августа 1490). Однако сочетание месяца, числа и дня недели указывает на весну 1489 года. «Того же лета, апреля в 25, в субботу вечер, на память святого апостола Марка евангелиста, бысть пожар в Великом Новгороде: загорелось на Великом мосту у городних ворот, и церковь Святая Богородица огоре и стрелница, а из стрелницы похватило тесницу с огнем и несло до Яневе улицы, и ту загорелась Янева, и Росткина, и Щеркова, и Розважа; а церковей огорело 5, а 6 Святая Богородица на воротех» (38, 610).

Из этого сообщения явствует, что пожар, вспыхнувший на Великом мосту, перекинулся на Пречистенскую башню и венчавшую ее надвратную церковь Положения ризы Богородицы во Влахерне. Сильный ветер перебросил горящую тесину с крыши башни на жилую застройку соседней улицы. Там огонь разгулялся вширь, опустошил несколько улиц, испепелил десятки усадеб. Пять каменных церквей «огорело», то есть пострадало от огня. Вероятно, огонь охватил не только Пречистенскую «стрельницу», но и соседние с ней башни.

Восстановление урона, нанесенного пожаром крепости и посаду, заняло немало времени. Кроме того, окончание строительства самих стен не означало еще полного завершения всех работ. На смену каменщикам пришли мастера, умевшие делать подвесные мосты через ров. Такие мосты имелись у каждой проезжей башни. В случае опасности они поднимались на огромных цепях, и крепость становилась недоступной, как улитка, закрывшаяся в своей раковине.

Помимо подвесных мостов требовали отделки и крепостные рвы. Их заполняли водой, а в дно втыкали острые колья.

Все эти работы продолжались до осени 1491 года (начало 7000 года от Сотворения мира), когда, по сообщению летописей, «в Новгороде в Великом съвършиша град камен детинець и мосты нарядиша» (49, 333).

В источниках встречается и еще одна история, связанная с новгородскими стенами. В воскресенье 8 декабря 1499 года владыка Геннадий возглавил крестный ход вокруг новгородского кремля. В следующее воскресенье, 15 декабря, он провел такой же крестный ход вокруг деревянных стен посада (53, 152). В литературе высказывалось мнение, что этим действием отмечено было завершение строительства каменной крепости (284, 259). Однако источники не дают достаточных оснований для однозначного вывода. На деле все было, по-видимому, несколько сложнее.

Начнем с того, что в чисто ритуальном плане это действие было связано не столько с самими стенами, сколько с надвратной церковью Богородицы – палладиумом всей цитадели (151, 54). 8 декабря было кануном одного из главных богородичных праздников – Зачатия Пресвятой Богородицы. А за два дня до этого новгородцы отмечали Николин день. Храм в честь Николы стоял в новгородском детинце прямо на пути крестного хода. Этот святой издавна считался покровителем новгородской торговой знати. «Никольщина», справлявшаяся обычно подряд несколько дней и сопровождавшаяся пьяным разгулом, устраивалась всегда в складчину («братчина»), уклоняться от которой считалось предосудительным» (258, 117). Но в декабре 1499 года этот праздник новгородцы встречали со слезами на глазах.

Церковное шествие вокруг «московских» стен призвано было смягчить возмущение новгородцев, вызванное частичной конфискацией владычных и монастырских земель, осуществленной именно в 1499 году (41, 249). Примечательно, что настоятели многих новгородских монастырей демонстративно не явились на это торжество (53, 152).

Необычный крестный ход призван был не только успокоить новгородцев и направить их эмоции в русло религиозных переживаний. Он имел прямое отношение и к строительству стен. Но только не каменных, а деревянных...

Задуманное Иваном III большое наступление в Прибалтике резко усиливало стратегическое значение Новгорода. Поэтому московские власти не ограничились каменной стеной новгородского кремля. Обширный посад Софийской стороны и вся Торговая сторона также требовали надежного прикрытия на случай нападения врагов. Еще в конце XIV века весь Новгород был окружен «Окольным городом» – шестикилометровым кольцом земляных валов, усиленным рвами с водой и каменными башнями. По гребню валов стояли деревянные стены. Теперь вместо обветшавших каменных башен прошлых времен решено было поставить мощные деревянные. Замене подлежали и старые деревянные стены.

Эти работы продолжались несколько лет. Их окончание новгородский летописец отмечает краткой записью под 7010 годом (1 сентября 1501 – 31 августа 1502): «Повелением великого князя Ивана Васильевича всеа Руси поставлен бысть древяный Великий Новгород по старому спу (валу. – Н. Б.), и стрелницы (башни. – Н. Б.) древяны, а старые камни розбили» (38, 535). Одна из новгородских летописей сообщает о том, что строить это огромное сооружение велено было «крестианом новгородскою отчины» (38, 610).

На срок завершения строительства указывает сообщение под 7012 годом (1 сентября 1503 – 31 августа 1504): «В то лето свершиша городу рубление, и у стрелниц у всех примостки нарядиша, и ворота иззамкнуша, и сторожи уставиша у всех стрелниц» (38, 611).

Строительство новгородской деревянной крепости, судя по всему, началось в конце 90-х годов, когда Иван III готовился начать войну чуть ли не со всеми западными соседями сразу. Литва, Орден, Швеция – вот три основных вызова Московской Руси. В надвигавшейся схватке с ними Новгород мог оказаться в центре событий. На особую роль Новгорода и Пскова указывает и выделение этих городов весной 1499 года в личное управление старшему сыну Ивана Василию, получившему титул «государя великого

князя» (41, 249).

Известие о том, что Псков переходит под власть княжича Василия, переполошило псковичей. Они отправили в Москву своих послов, чтобы выразить Ивану III свой протест. Даже эти безнадежные провинциалы поняли, что решение великого князя низводит их на положение удела в составе Московского государства. О том, как бесцеремонно Иван обращался с уделами, много говорить не приходилось.

Владыка Геннадий должен был силою церковного слова и обряда утвердить небывалое решение Ивана III. 30 мая архиепископ прибыл во Псков. Здесь он, несмотря на возражения псковских бояр, публично читал поновленный текст Великого синодика, где значилась молитва о здравии «великого князя Новгородского и Псковского Василия Ивановича» (63, 83).

Прилетевший с послами из Москвы строгий окрик Ивана III в конце концов заставил псковичей смириться с очередным унижением. Однако новгородцы, судя по всему, также были крайне возмущены низведением Новгорода на положение удела. Устроенные владыкой Геннадием в декабре 1499 года крестные ходы сопровождались ектениями, то есть публичными молитвами за здоровье правителей с поименным их перечислением. Они призваны были примирить новгородцев с этим московским новшеством. Летописец отмечает, что во время крестного хода владыка неоднократно останавливался, читал молебны московским святителям Петру и Алексею и возглашал ектению «о государех великих князех» (53, 153). Для собравшейся толпы это была своего рода «заочная интронизация» князя Василия.

В поисках точки опоры

Московский государь знал счет всему полезному. За восемь лет строительства новгородской крепости здесь сложилась большая и опытная артель мастеров. Едва закончив с одним подрядом, мастера получили другой. Весной 1492 года Иван III повелел начать строительство новой крепости «на немецком рубеже на реце на Нарове против Ругодива немецкого города на Девичье горе на Слуде» (49, 333).

Знаменитый Ивангород, а также построенные или перестроенные в этот период крепости Новгорода, Пскова, Великих Лук, Копорья сыграли важную роль в оборонительно-наступательной стратегии «государя всея Руси» (86, 315). Опираясь на эти крепости, Иван начал долгую и тяжелую борьбу за право России вести самостоятельную торговлю на Балтике. Здесь ему пришлось столкнуться с могущественной Ганзой - международной корпорацией, объединявшей купцов 70 торговых городов региона. Входившие в Ганзейский союз ливонские города Ревель и Дерпт богатели благодаря посреднической торговле с Россией. (Нарва формально не входила в Ганзу, но находилась под ее покровительством.)

Ивангород призван был стать одновременно и крепостью, и морскими воротами России. Под прикрытием его стен и пушек предполагалось наладить прямую торговлю с иностранными купцами. Однако планам этим не суждено было осуществиться. Все попытки русских купцов вести дела со своими партнерами напрямую, без посредников, разбивались о санкции Ганзы. Она запрещала своим членам, а также купцам из других стран вести прямую торговлю с Россией. Нарушителей запрета ожидали серьезные неприятности вплоть до захвата и уничтожения их кораблей состоявшими на службе у Ганзы морскими пиратами – каперами.

Раздосадованный Иван осенью 1494 года приказал закрыть Ганзейский двор в Новгороде, арестовать всех находившихся там купцов, а их товары взять в казну. Официально эта акция рассматривалась как возмездие ливонца за оскорбления, нанесенные русским купцам в Ревеле. Однако среди пострадавших были и представители других ганзейских городов.

Вступив в противоборство с Ганзой, Иван вскоре обнаружил, что за спиной торговцев

стоят дипломаты и правители. Сломить ганзейский бойкот российских товаров могли только впечатляющие военные победы.

Летом 1495 года Иван решил начать войну со Швецией. В то время как его воеводы тщетно осаждали Выборг, сам великий князь прибыл в Новгород. Здесь он находился с 17 ноября 1495 года по 10 марта 1496 года. Первым делом государь, конечно, осмотрел новые стены новгородского детинца. Вероятно, он остался доволен этим внушительным сооружением. Однако общий ход войны оставлял желать лучшего. Взять мощную цитадель Выборга «московитам» так и не удалось. Война превратилась в опустошение русскими отрядами Финляндии, находившейся тогда под властью Швеции.

В ответ на эти акции шведы летом 1496 года внезапной атакой с моря захватили Ивангород. Крепость была разрушена, а все ее защитники перебиты или уведены в плен. Однако затяжная война не входила в планы как шведов, так и Ивана III. 3 марта 1497 года в Новгороде было заключено перемирие сроком на шесть лет.

Находясь довольно далеко от границ Московского государства, Новгород гораздо реже, чем Иван-город, видел неприятеля под своими стенами. Однако его стратегическое значение было очень велико. В XVI–XVII веках новгородская крепость неизменно служила местом дислокации крупных воинских сил, предназначенных для войны с Литвой, Орденом или Швецией.

В конечном счете именно географическое положение предопределило закат Новгорода и помешало расцвету Ивангорода. От Новгорода было слишком далеко до моря, тогда как от Ивангорода – слишком близко. К тому же Ивангород стоял на шаткой границе с Ливонией. В итоге ни Новгород, ни Ивангород не смогли стать «точкой опоры» русского присутствия в Прибалтике. Петр Великий радикально разрешил этот геополитический вопрос, построив новую крепость и новую столицу в устье Невы.

Стена и воля

Построенные на крови, новгородские стены обеспечили городу, а вместе с ним и всей новгородской земле защиту от внешних врагов. Словно огромный каменный кулак, новгородский кремль внушал должное уважение всему прибалтийскому сообществу.

Такую крепость можно было взять лишь благодаря измене или глупости. Именно так она и была захвачена шведами в Смутное время.

Трудно представить понятия более далекие, чем стена и воля. (Мы не говорим «свобода», ибо в Древней Руси это слово в его современном значении не существовало.) Однако в истории средневековой Руси они сближаются. Старые новгородские стены обеспечивали (или, по крайней мере, символизировали) независимость от внешних врагов, то есть возможность иметь и осуществлять свою коллективную волю. Новые московские стены учили новгородцев, что отныне для них есть одна воля – воля государя. Таков был главный урок этих молчаливых наставников.

Творение неизвестных итальянских и русских мастеров прослужило по прямому назначению более двух веков. В период Северной войны Петр I все еще рассматривал новгородскую крепость как боеспособное сооружение, которое может сыграть важную роль в обороне северо-западных земель. Однако прошло еще несколько десятилетий – и рост военного могущества Российской империи, расширение ее границ, а также быстрое развитие военной техники превратили все средневековые крепости в исторические достопримечательности провинциальных городов.

Не выдержав исторического состязания с Петербургом, Ревелем, Ригой и прочими приткими младшими братьями, Новгород ушел в тень. В XIX столетии он мог похвалиться лишь помпезным памятником «Тысячелетию России» да несколькими посвященными ему саркастическими страницами в «Былом и думах» Герцена.

А еще сто лет спустя над городом пронеслась огненная буря последней войны. Захваченный немцами, разбитый прилетавшими со всех сторон снарядами и бомбами, он

вышел из войны как парусный корабль из тяжелого шторма.

Но время затягивает, раны. Разбитый город понемногу восстановили. Собрали и поставили на прежнее место разобранный фашистами памятник «Тысячелетию России». Рядом с кремлем воздвигли монументальное, как египетская пирамида, здание обкома партии. На тихих улочках понастроили панельных пятиэтажек. Залатали и побелили израненные войной древние церквушки. Оплакали то, что погибло безвозвратно. Попытались даже собрать рассыпавшиеся в щебень и пыль средневековые фрески...

Война и сегодня нет-нет да и напомнит о себе то сохранный в назидание потомкам (а то и просто забытой) руиной, то заросшими травой ямами блиндажей и окопов на окружающих город болотистых равнинах. Но все это – уже далекое прошлое. Жизнь катится вперед вместе с темными водами реки. Спокойно и несколько меланхолично живет сегодня этот великий областной центр. Новгородцы трудятся на своих заводах, едут по домам на своих переполненных автобусах, сажают картошку на своих глинистых сотках...

Двадцать восемь бревен вниз

Каждый, кто любит старую Россию, рано или поздно приезжает в Новгород.

И вот уже опять завораживает взор серая лента шоссе. Улетают в бесконечное «позади» деревни, поселки, указатели... Вот и Бронницы, «синий мост» через Мету, комариное царство Вишерского канала.

Новгород выходит встречать вас к старой московской дороге. Вот промелькнули белые стены Федора Стратилата. Вот поворот на Деревяницу и Хутынъ. Короткий разбег недлинной улицы – и под колесами мост через Волхов. А слева в распахнувшемся просторе открывается Кремль...

Новгород относится к числу тех избранных городов, которые оставляют ощущение двоящейся реальности. Таков имперский Петербург, колокольный Ростов, уединенный Углич. Здесь порою трудно понять, кто у кого в гостях: прошлое у настоящего или настоящее у прошлого.

Согласно старинной легенде, окруженный врагами град Китеж погрузился в озеро. В Новгороде это чудо стало действительностью. Однако действительность всегда, увы, не столь поэтична, как легенда. Обремененный собственной тяжестью, Новгород постепенно погрузился... но не в сказочное озеро Светлояр, а в свое родное болото. Под асфальтом Новгорода спят 28 ярусов древних бревенчатых мостовых. Каждая из них служила людям по несколько десятков лет, а потом уходила в болотистую землю и становилась основанием для следующего настила.

В сырой новгородской почве бревна не гниют. Долгие века они спокойно ждут, пока до них доберутся археологи – эти ученые бомжи на мусорных свалках истории.

Тому, кто хочет почувствовать древний Новгород, следует для начала отправиться на южную окраину города, к Юрьеву монастырю. Точно посох великана, стоит он близ тех мест, где Волхов берет свое начало из озера Ильмень. Оно виднеется вдалеке, широкое, как море.

И все же от Юрьева монастыря озеро открывается лишь как ожидание. Иное дело – в хороший день поехать в Старую Руссу. Тогда Ильмень, то отдаляясь, то приближаясь, будет все время слева. По сторонам дороги – старинные села, звучные названия которых встречаются в летописях. Где-нибудь за Коростынью (где когда-то Иван III диктовал новгородцам свои суровые императивы) вы остановитесь, чтобы, спустившись по тропе с высокого берега, посидеть у воды и выкурить сигарету, задумчиво поглядывая на уходящее от самых ваших ног озеро.

И если вы любите хорошие книги, то вам, быть может, вспомнятся строки Генри Торо: «Нет на лице земли ничего прекраснее, чище и в то же время просторнее, чем озеро. Это – небесная вода. Ей не нужны ограды. Племена проходят мимо нее, не оскверняя ее

чистоты. Это зеркало, которое нельзя разбить камнем, с которого никогда не сойдет амальгама, на котором природа постоянно обновляет позолоту; ни бури, ни пыль не могут замутить его неизменно ясной поверхности; весь сор, попадающий на него, исчезает, смахивается легкой метелкой солнца; его не затуманить ничьим дыханием, а собственное его дыхание поднимается над ним облаками и продолжает в нем отражаться...» (259, 172).

Дыхание озера пронизывает Новгород. Пожалуй, без него он никогда бы не стал тем, чем он стал для России, – красивой сказкой о найденной и потерянной свободе.

Ильмень дает жизнь Волхову. Они неразделимы, как день и ночь, как движение и покой. Озеро – это покой. Река – движение. В истории Новгорода есть и то и другое. Она словно соткана из движения и покоя. Город вечно шумел, суетился, а то и дрался на Великом мосту. Но при этом он всегда был самодостаточен и на удивление спокоен. Он ничего не хотел и ни во что не вмешивался. Он ничего не завоевывал и никого не объединял. Он жил сам для себя. И не учил жить других...

Но озеро и река – это только один лик древнего Новгорода. Другой его лик – однообразное мертвое болото. Вот оно, на северной окраине. Здесь, за Деревяницким монастырем, начинается унылая равнина, где под каждой кочкой хлюпает какая-то средневековая гниль. Вдали – окруженный кряжистыми ветлами и поднятый на ладони холма Хутынский монастырь. А еще дальше, по всему горизонту – темная кромка леса. И даже струящийся где-то слева темный Волхов не может разогнать печаль этих гиблых мест.

От безысходности средневековых болот вернемся поскорее в город. Здесь еще столько поучительного. Посидим на заросшем травой древнем валу, откуда так хорошо смотреть на облаченную в ржавые доспехи церковь Петра и Павла в Кожевниках. Поклонимся Спасу на Ильине, пока не спрятались от дождя его огненные ангелы. Навестим одинокого старика Николу на Липне...

Но вот опять блеснули впереди купола Софии. И снова – темно-красные московские стены...

Вход в новгородский кремль до обидного прозаичен. Две огромные бреши в стенах, возникшие еще в XVIII веке после разборки двух обветшавших проездных башен, кое-как залатаны широкими входными арками. Кажется, что через эти зияющие дыры из кольца стен незаметно и бесполезно вытекает таинственная энергия пойманного пространства.

В сущности, кремль не велик. А если по мосту перейти через Волхов – то вот уже и Ярославово дворище, древняя торговая площадь. В Новгороде все – рядом. Вся трехсотлетняя история аристократической демократии, вся бесконечная сага новгородских летописей укладываются на нескольких квадратных километрах сырой и черной земли...

Гудит, как гигантский колокол под ударами веков, могучий Софийский собор. За собором – вросшая в землю Грановитая палата, где собирался когда-то новгородский ареопаг – Совет господ. Рядом – столп «Евфимиевской часозвони», чей медный зык ежечасно напоминал новгородцам о Страшном суде.

Чего только не увидишь на этой паперти истории! Вот микешинская «Россия», в бронзовом венце своих героев и с крестом на вершине. Вот музей в Присутственных местах и ресторан в башне, вот, уже за стенами кремля, громившие фашистов сталинские пушки. А поодаль свежие ямы археологов...

Все это бережно закутано в музейную тишину. Ее нарушает лишь монотонный напев экскурсоводов, с утра до вечера пасущих туристов на истоптанных лугах запоздалой любознательности.

Но куда бы мы ни отправились, везде в конце дороги встает старая стена, сложенная из тяжелых красных кирпичей.

В каждом отдельном отрезке стена – это предел, конец, тупик. Но взятая как целое, она – обруч, круг, бесконечность.

Иван знал, что делал, когда строил эту стену. Великий тиран, он проник в самые

сокровенные механизмы власти над людьми. Он знал, что власть необъяснима и корни ее уходят в глубины подсознательного. Туда, где уже не имеют значения слова, но расцветают символы. Стена – это не только средство защиты от врагов. Она – символ послушания.

Отняв у новгородцев колокол, Иван дал им взамен стену. А эти вещи если и не равноценны, то уж во всяком случае – сопоставимы.

ГЛАВА V. ОГОНЬ И ДЫМ

*Огонь испытывает дело
каждого, каково оно есть.
Первое послание
к Коринфянам 3, 13*

Человек Средневековья рассматривал всякую вещь по меньшей мере в двух смыслах: как реальность и как символ. Все в природе было символично, обозначало какие-то духовные понятия. Но, пожалуй, самым многозначным явлением был огонь. Одни только библейские образы огня выстраиваются в бесконечный ряд.

Выражаясь метафорически, можно сказать, что Москва поднялась из огня и дыма. Огонь – это воля, сила, самоотверженность ее создателей. Огонь – это воскресение из пепла. Огонь – это вера, которая движет горами.

Дым – это жестокость, коварство, унижение. Дым – это кровь и грязь, которыми обильно пропитана московская земля. Дым – это высокомерие, издавна присущее Москве.

Диалектика истории проста: нет дыма без огня, и нет огня без дыма.

Но Москва поднялась из огня и дыма не только в переносном, но и в прямом смысле. Десятки раз она за несколько часов превращалась в дымящееся пепелище. «Пожары там случаются очень часто и бывают очень страшны по причине сухости и смолы, заключающейся в дереве, которое, раз загоревшись, пылает подобно факелу, так что трудно бывает потушить огонь, пока все не сгорит...» (12, 133). Это замечание принадлежит английскому послу Джильсу Флетчеру, посещавшему Москву в 1586–1589 годах. Ровно то же мог сказать любознательный путешественник и на сто, и на двести лет ранее. Построенная из ели и сосны, Москва горела, как смоляной факел.

Много раз казалось, что люди не смогут больше жить здесь, среди страшных черных могил. Они разбредутся во все стороны, оставив это проклятое место зарослям кипрея и бузины.

Однако люди не уходили. Этот упрямый холм над устьем Неглинки держал их какой-то неведомой силой. Они удобряли землю пеплом пожарищ, а на месте сгоревших домов ставили новые.

Зазеркалье

Современный человек привык чувствовать себя единственным и неповторимым. Он – венец творения. Он бесконечно велик и бесконечно одинок на этой пустой земле. В повседневной жизни он отгорожен от всех стенами своей квартиры и часто даже не знает своего соседа по лестничной клетке.

Иное дело – человек Средневековья. Он жил в общежитии. Его соседями по жизни были не только люди одного с ним рода, одной общины, но и многочисленные живые существа – от верного коня и дворового пса до юрких мышей и назойливых блох. И это еще не все. Рядом с миром видимым и осязаемым шумел невидимый мир духов. Они окружали человека днем и ночью, все видели и все о нем знали. Их же самих можно было увидеть только случайно, мельком. Или как зыбкое отражение в бегущей воде.

Сонм духов отличался невероятной пестротой: от светоносных ангелов до чудовищных василисков, убивавших человека одним лишь своим взглядом. Нечисть уступала добрым духам по мощности, но многократно превосходила их по численности, или, лучше сказать, по разнообразию. Ведьмы, упыри, русалки, водяные, домовые, кикиморы и еще с десятков номинаций. Почти все они были родом из тех глухих веков, когда Слово Божье еще не звучало над Русью. Тогда люди молились идолам и верили в духов.

Духи природы были приняты в новую систему христианских представлений с одним обязательным условием: играть роль пакостников и мелких вредителей. Им было отведено место в самом низу, «под лавкой».

Существовали разные способы защиты от происков этой-«бытовой» нечисти. Главным среди них была, конечно, молитва. Но одной молитвой не всегда можно было добиться успеха; А потому с «подлавочниками» лучше всего было жить в мире. Для этого их следовало почитать и подкармливать. И все же вредоносное начало всей этой темной силы рано или поздно давало о себе знать.

Свист саламандры

Саламандрами называли духов огня. Они жили даже в самом маленьком язычке пламени. Без присутствия саламандры огонь не мог возгореться.

Обычно саламандры были невидимы. Но иногда они являлись людям. Чаще всего они принимали вид проворной ящерицы. Вот что говорят о саламандрах знатоки средневековой мистики:

«Человек не может успешно общаться с саламандрами из-за огненного элемента, в котором они обитают, потому что все, с чем они соприкасаются, обращается в пепел...

Саламандры были самыми сильными и мощными из всех стихийных духов... Они распространяли свое влияние на все существа с огненным темпераментом...» (165, 314).

В Древней Руси существовали весьма разнообразные представления о внешнем виде и чудесных способностях саламандры (92, 220). Однако все сходились на том, что это существо живет в огне, как рыба в воде.

Московский государь Иван Васильевич и по рождению, и по воспитанию был христианином. Однако как человек любознательный, он не ограничивался суховатой ортодоксальностью православных догматов. Его манили сокровенные тайны бытия, приоткрывавшиеся в вычислениях астрологов, в кабале иудеев, в туманных откровениях запрещенных церковью книг. Он верил в существование духов стихий и имел с ними особые отношения.

Среди «стихийных» духов главным врагом Ивана стала саламандра. Она была страшнее, чем все его земные недруги вместе взятые. Нападения татар и литовцев, немцев и шведов можно было отразить при помощи сильного войска. Но против нее опускали оружие самые храбрые московские воеводы. За несколько часов огонь уничтожал то, что Иван и его подданные возводили долгие годы.

Укрошенные человеком саламандры жили в гудящем жерле печи и в горне кузнеца, в мерцании свечи и в топке овина. Они служили человеку, принося ему свет и тепло. Но стоило человеку хоть на минуту забыть о том, с какой коварной и злобной тварью он имеет дело, – и саламандры преображались. Они тотчас превращались в беспощадных хищников, уничтожающих все на своем пути.

Там, где пробегала по городу юркая саламандра, брызгая вокруг своей «легковоспламеняющейся» мочой (92, 221), поднималась стена огня. А когда пламя угасало, на его месте дымились лишь головешки. Среди них бродили обезумевшие от горя люди. Они отыскивали обгорелые трупы своих родных и близких. Они раскапывали на пепелищах жалкие остатки прежнего благополучия и достатка. Даже такому железному человеку, как Иван, смотреть на них было невыносимо тяжело.

Рассказы о пожарах – это бесконечная черная сага русских летописей. В начале каждой повести обязательно сообщается, когда и откуда начался пожар. Важно было также и то, у какой церкви или владения пожар остановился. Эти обстоятельства вызывали особый интерес. Народная молва искала собственные объяснения причинам пожаров. Материалом для этих фантазий и служили данные о движении огня.

Полею сражения с саламандрами могли быть и сам Кремль («град»), и торгово-ремесленная часть города («посад»). Город делился на районы: Занеглименье, Заречье (Замоскворечье), Большой посад, Чертолье.

Вот перечень тех московских пожаров, о которых сообщают летописи. Сведения о личном участии великого князя Ивана в тушении пожара мы выделяем курсивом.

1472 год. «Того же лета, месяца июля в 20, в 3 час ночи, загореся на Москве на посаде у Вскресения на рве и горело всю ночь и назавтрее до обеда; и многое множество дворов сгоре, единых церковей 25 згорело.

А горело оттуду по берегу до Воздвижения на Востром конци да по Васильевской луг да по Кулишку; а вверх от Вскресения по рву по Вознесение на рве, да по Яр, да по Богоявление каменное, да по Вскресение на Дмитриевьской улице, да оттоле по Евпатеи святы, да по Кулижку же.

Была бо тогда и буря велми велика, огонь метало за 8 дворов и за боле, а с церковей и с хором верхи срывало.

Истомно же бе тогда велми и нутрии граду, но милостию Божиею и молитвами Пречистыи Его Матери и великих чюдотворцев молением ветр тянул з города, и тако заступлен бысть.

Был же тогда и сам князь велики во граде и много пристоял на всех местех, гоняючи со многими детми боярскими, гасящи и разметывающщ (41, 148).

Другая летопись замечает, что в этот пожар «множество людей погоре» (48, 192). Еще одна уточняет, что пожар начался «от Голутвиньского двора» (56, 158).

1473 год. «Тое же весны, апреля в 4 день, в неделю 5 поста, еже глаголется Похвалнаа, в 4 час ночи, загореся внутри града на Москве у церкви Рожества Пресвятыи Богородица близ, иже имать придел Вскресение Лазарева.

И погоре много дворов, и митрополич двор згорел и княжь двор Борисов Василиевича, по Богоявление Троицкое да по житници городцкие.

И дворец житничной великого князя згоре, а болшей двор его едва силою отняша, понеже бо сам князь велики был тогда в городе.

Да по каменной погреб горело, что на княжь на Михайлове дворе Андреевича в стене городской.

И церкви Рожества Пречистые кровля огоре, такоже и градная кровля, и приправа вся городная, и что было колико дворов близ того по житничной двор городской выгорело...» (40, 177).

(Каменная церковь Рождества Богородицы с приделом во имя Воскресения Лазаря была построена в 1393 году вдовой Дмитрия Донского Евдокией. Она располагалась рядом с великокняжеским дворцом. Там же, в Кремле, находились и дворы удельных князей – родного брата Ивана III Бориса Васильевича Волоцкого и князя Михаила Андреевича Верейско-Белозерского, дяди великого князя. Возле северной стены крепости располагалось подворье Троице-Сергиева монастыря с церковью в честь Богоявления.)

1475 год. «Того же месяца (июня. – Н. Б.) 10, в 1 час дне, загореся на Москве за рекою близ церкви Святаго Николы, зовомой Борисова; и погоре дворов много и церковь та згоре» (40, 181).

1475 год. «Того же месяца 12 (сентября. – Н. Б.), в полнощи загорелося на Москве на посаде за Неглимною, меж церквий Николы и Всех Святых, и погоре дворов много, и те

обе церкви згореша» (41, 158).

1475 год. «Того же месяца (сентября. – Н. Б.) 27, в 3 час ночи, погорел совсем на Орбате Никифор Басеньков, точною главами выметашася вси» (41, 158).

1475 год. «Месяца октября 2, в 4 час дни, загорелся на Москве внутри града близ врат Тимофеевских. Князь же великий сам со многими людьми пришед, угасиша то, и оттоле поиде к столу на обед. И еще вполы стола его загореся на Москве внутри града, близ Николских ворот, в пятой час дня, меж церковей Введения Богородицы и Козмы-Дамьяна, и выгоре мало не весь город. Горело по великого князя двор, да по монастырь Спасской, да по княже Михайлов двор Андреевича, а подолом по Федоров двор Давидовича; по те места едва уняша на третьем часе ночи, понеже бо сам князь великий на всех нужных местех пристоял со многими людьми.

Единых церковей каменных 10 обгоре, а у 11-й, у Вознесения, и нутрь выгорел, опроче застенных каменных, и тех 10, а деревянных згорело церковей 12; да два застенка Архангельских деревянных разметаша, Въскресение да Акилу Святаго» (40, 181).

1476 год. «Месяца августа 31, в 1 час ногци, бысть гром страшен и молния велика, якоже попалити хотящи, и дождь силен велми» (41, 168).

(Только проливной дождь спас Москву от этого пожара. От удара молнии сильно пострадал собор Симонова монастыря.)

1476 год. «Того же месяца (сентября. – Н. Б.) 26, згорела церковь на Москве Възнесение на рве» (41, 169).

1477 год. «Тое же зимы, месяца февраля 16, в неделю Сыропустную, в 7 час ночи у Михайлова Чюда згорела трапеза да архимандрича келья Геннадиева» (41, 169).

1477 год. «Месяца марта 20 день, в среду на пятой неделе поста, после стояния, в 7 час ночи, загорелся двор князя Андреа Меншаго, и згореша дворы обеих князей Андреев; а которые дворцы малые около их попов Архангельских, а те разметаша; пристоял бо бе сам князь великий и сын его и многие дети боярские, понеже бо не успе леши еще князь великий после стояния великого канона Андреева» (41, 169).

1479 год. «Месяца сентября в 9 день, в 6 час ночи с четверга противу пятницы, загореся Москва внутри града близ церкви Петра чудотворца, иже на Угрешском дворе; бяху бо поварни за градом под стеною градною, и загореся поварни те, и от того кровля градная загореся, такоже и хоромы иже в граде, а людем всем спящим.

Начаша из Заречья кричати, что град горит, а в граде не видал никто, и горе ночь ту всю и 4 часы дни, едва сам князь великий съ многими людми переметали и угасили» (40, 205).

1485 год. «Тое же зимы и погоре город Москва, Кремль весь, апреля в 13 день, во вторник ночи, на 2 недели по Велице дни. И згоре полграда» (48, 235).

1488 год. «Того же месяца (августа. – Н. Б.) 1-3, после обеда на 9-м часе дни, загореся церковь на Москве на посаде Благовещение на Болоте, и оттого погоре, от града до Кулишки мало не дошло до Всех Святых, да до Покрова в Садах да по Неглинну; а церковей тогда згорело 42» (40, 217).

1493 год. «Тоя же весны, апреля 16, на Радуницы, погоре град Москва нутрь весь, разве остана двор великого князя новой за Архагелом (Архангельским собором московского Кремля. – Н. Б.), и у Чюда в монастыре (Чудов монастырь. – Н. Б.) У казна выгоре» (40, 226).

1493 год. «Того же лета, июля 16, во вторник, 11 час дни, зазже гром съ молоньею верх маковицы болшиа, тес под железом, у соборных церкви Успения Пречистии на Москве, а внутри церкви мало попалило на царских дверех, да половина опоны згорела на амболе, да два бльванца древяных розразило под амболом; а верх вскоре угасиша и, Божию милостию, церкви не бысть пакости ничтоже» (40, 226).

1493 год. «Того же месяца июля в 28, в неделю, в 7 час дни, загореся церковь от свечи Святый Никола на Песку (в Замоскворечье. – Н. Б.).

И в том часе воста буря велиа зело, и кинуло огнь на другую сторону Москвы-реки ко

Всем Святым, а оттоле за Неглимну къ Егорию Святому каменной церькви.

И в том часе воста буря, и нечислено нача горе-ти во многих местех.

И выгоре посад за Неглимною от Духа Святаго по Черторию и по Борис-Глеб на Орбате и до Петровские слободки, а за Москвою-рекою от Софьи Святыа выгоре и до Акима и Анны.

А из Заречья въ городе загорелося, князя великого двор и великие княгини, и оттоле на Подоле житници загорешася, и двор князя великого новой за Архангелом выгоре, и митрополичь двор выгоре, и у Пречистыа олтарь огоре под немецким железом, и в граде все алачуги выгореша, понеже бо не поспеша ставити хором после вешняго пожара.

И церковь Иоанн Предтеча у Боровитцких ворот выгоре, и западе, и в церкви поп згорел, а под церковию казна великия княгини выгоре.

И Боровитцкаа стрелница выгоре, и градная кровля вся огоре, и новаа стена деревяная у Николских ворот.

А из города торг загорелся, и оттоле посад выгоре возле Москву-реку до Зачатиа на Востром конци, и по Васильевский луг, и по Все Святые на Кулишке, и оттоле по Иоанн Богослов и по старую Троицу, и Стретенская улица вся выгоре до всполия, и церковь каменная Стретение огоре.

И многа тогда людем скорбь бысть: болши двюсот человек згорело людей, а животов бесчислено выгоре; а все то погоре единого полудни до ночи. А летописец и старые люди сказывают: как Москва стала, таков пожар на Москве не бывал» (41, 237).

После этого страшного пожара в числе бездомных погорельцев оказался и сам Иван III. Все его кремлевские хоромы превратились в пепел. Вместе со своим семейством он вынужден был перебраться на восточную окраину Москвы, где возле церкви Николы в Подкопаеве находились государевы конюшни. Здесь, «в крестьянских дворах» Иван прожил более трех месяцев (48, 212). В воскресенье, 10 ноября 1493 года он вернулся в Кремль, где плотники спешно выстроили для него новый деревянный дворец.

Кто виноват?

Пожары в Москве во времена Ивана III случались гораздо чаще, чем набеги татар. В их подозрительном постоянстве (особенно в 1470-е годы) москвичи неизбежно должны были увидеть чей-то злой умысел. Ведь засылка шпионов-поджигателей во вражеский город была в ту пору обычным средством ведения войны.

В апреле 1496 года случился сильный пожар в псковском кремле. По этому поводу местный летописец сообщает: «А зажег Чюхно (чухонец. – Н. Б.), закратчися (прокравшись тайком. – Н. Б.), а послаша его немцы зажечь и посулиша ему дару много, и поспешением Святыа Троица изымаша его на Кромю и сожгоша его огнем, месяца апреля в 12 день...» (63, 82).

Этим коварным способом борьбы с врагом пользовались и москвичи. Во время похода на Казань летом 1524 года «несколько московских шпионов подожгли казанскую крепость, построенную из дерева, и она совершенно сгорела на глазах русского войска» (5, 177).

Иногда поджог был обычной местью злобного соседа. Житие преподобного Кирилла Белозерского рассказывает о том, как первые монастырские кельи пытался поджечь местный житель по имени Андрей, Ему не понравилось появление обители рядом с его владениями (61, 80).

Летописцы не сообщают о том, какие подозрения возникали у москвичей в связи с бесконечными пожарами в последней трети XV столетия. Конечно, у пожаров могли быть и вполне обычные причины: беспечность в обращении с огнем или удар молнии. Однако во все времена простолюдины, как и дети, любят страшные сказки. Кроме того, они всегда хотят найти какого-то конкретного виновника своих несчастий.

Французский писатель и путешественник Теофиль Готье рассказывает, что частые

пожары, охватившие Стамбул летом 1852 года, местное население объясняло самыми неожиданными причинами, включая прибытие невиданного в этих краях судна – французского парохода «Шарлемань» (119, 238).

Расстояние от Стамбула времен первых пароходов до средневековой Москвы не так велико, как можно подумать. Здесь уместно будет вспомнить о страшном московском пожаре в июне 1547 года.

«В 1547 году выдалось на редкость засушливое лето. В Москве участились пожары. Самый крупный из них уничтожил большую часть деревянного города. В огне погибло несколько тысяч жителей. Десятки тысяч остались без крова и пропитания.

Возникли слухи, что причиной пожаров были поджоги и колдовство: в Москве объявились «многие сердечники, выимали из людей сердца». Волхвы не поджигали город, а кропили дома «сердечным» настоем, что и вызывало пожар. Власти предприняли самые свирепые меры против «зажигальников»: их пытали, «и на пытке они сами на себя говорили», после чего их казнили «смертною казнью, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали».

На второй день после «великого пожара» была сформирована боярская комиссия для наказания виновников бедствия. В воскресный день 26 июня бояре собрали народ на площади перед Успенским собором и начали спрашивать: «Кто зажигал Москву?» Чернь обвинила в поджоге Москвы Анну Глинскую «с детьми и людьми»; они будто бы вынимали сердца из людей и настоем кропили столицу...» (238, 92). Духовенство убеждало потрясенных москвичей, что «сие бысть грех ради наших». Однако у простонародья сложилось иное мнение. Через пять дней после пожара москвичи ворвались в Кремль, схватили и побили камнями боярина Юрия Васильевича Глинского, обвиняя его в поджогах. Дворы Глинских были разграблены, а приближенные перебиты.

В конце XVII века в Москве отмечен примечательный случай. Во время сильного пожара на помощь москвичам прибежали несколько немцев. Обезумевшая толпа увидела в иностранцах виновников бедствия. Несчастных сначала избили до полусмерти, а потом живыми бросили в огонь (12, 402).

Самые фантастические объяснения причины постоянных пожаров наверняка возникали и во времена Ивана III. И так же толпа искала виновных среди известных и почему-либо ненавистных народу личностей. Можно предположить, что первыми в этом ряду были Софья Палеолог и окружавшие ее греки и итальянцы.

Юродивые и бродячие монахи будоражили народ предсказаниями новых пожаров. В 1488 году, незадолго до Пасхи, один монах из Паисиева монастыря в Галиче, дождавшись выхода Ивана III к народу, «возопил»: «Горети Москве на Велик день!» Государь велел схватить крикуна и отправить под надзор в Николо-Угрешский монастырь. Однако слух о пророчестве разнесся по Москве. Особенно переполошились богачи, принявшие в спешном порядке покидать город. Между тем Пасха прошла спокойно. Однако большой пожар, случившийся в Москве 13 августа этого года, благочестивый летописец связывает с пророчеством галичского монаха (39, 238).

Что делать?

Помимо свирепого вопроса «кто виноват?» черная сага московских пожаров неизбежно вызывала и вопрос «что делать?». Имелась ли в Москве времен Ивана III какая-нибудь служба наподобие современной пожарной охраны? Существовали ли какие-то правила действий горожан и городских властей в случае пожара? Проводилось ли официальное расследование причин пожара?

Источники, как обычно, не дают ясного ответа. Впрочем, одна новгородская летопись рассказывает, что в 1531 году после очередного сильного пожара в город присланы были московские дьяки для правильной распланировки улиц на пожарище. Не ограничившись этим, порученцы «решетки повелеша ставити по всему граду, и огневщики уставити по

повелению государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси» (38, 548). Отсюда следует, что Иван III в конце своего правления не только занялся благоустройством Москвы, расширением улиц и обеспечением ночной безопасности с помощью решеток, но также ввел службу «огневщиков», то есть пожарных.

Что же касается личных, дворовых мер пожарной безопасности, то духовник Ивана Грозного Сильвестр в своем знаменитом «Домострое» советует иметь на каждом дворе колодец, а также держать на случай пожара воду по комнатам и возле бани (33, 156). Горящий фитиль ночника следует помещать над водой.

Опыт старого Константинополя (Стамбула) позволяет лучше понять, о каких общественных мерах пожарной безопасности может идти речь в условиях хаотичной деревянной застройки. Там в середине XIX века существовали четкие правила пожарной тревоги.

«Деревянная застройка и всеобщая небрежность – следствие турецкого фатализма – делают пожар обычным для Константинополя явлением, – писал уже упомянутый нами Теофиль Готье. – Дом, простоявший шестьдесят лет, здесь редкость. За исключением мечетей, акведуков, крепостных стен и фонтанов, нескольких греческих зданий в Фанаре да генуэзских построек в Галате, все здесь из дерева. Минувшие века не оставили никакого следа на этой земле, постоянно опустошаемой огнем; облик города полностью обновляется каждые полвека, не слишком при этом видоизменяясь...

На верху башни Сераскира, огромного маяка, высящегося по соседству с куполами и минаретами мечети султана Баязида, постоянно дежурит часовой, высматривая, не клубится ли где-то на раскинувшемся у его ног неоглядном пространстве черный дым, не вырывается ли из-под какой-нибудь крыши алый язык пламени. Когда часовой замечает огонь, он вывешивает на маяке корзину, если дело происходит днем, и фонарь, если ночью, с определенным набором сигналов, указывающих, в каком районе пожар. Начинает палить пушка, по улицам разносится грозный крик: «В Стамбуле пожар!» – поднимается суматоха, и разносчики воды, которые являются одновременно пожарными, бегом устремляются в указанное дозорным место...

Султан, визири и паши обязаны лично присутствовать на пожаре» (119, 239).

По сведениям Адама Олеария, в эпоху царя Михаила Федоровича в Москве обязанности пожарных выполняли стрельцы «и особые стражники» (12, 315). Примчавшись на пожар, они обязаны были иметь при себе топор для разборки деревянных строений.

Наряду с общегородской пожарной службой в Москве имелись и «ведомственные» пожарные. Так, например, в 1674 году один иностранец видел, как вокруг торговых рядов денно и ночно несет службу караул, а рядом стоят емкости с водой на случай пожара (12, 354). На рынках вообще запрещалось держать жилые помещения, дабы не иметь дела с огнем. Мастера, чья работа была связана с огнем, обязаны были жить в особых слободах на окраине города и у воды.

Иностранцы Нередко сравнивали средневековую Москву с Константинополем. Оба огромных города имели главным образом деревянную застройку. Разница состояла лишь в том, что в допетровской Москве в деревянных домах жила не только городская беднота, но и знать. Даже если аристократ или богатый купец строил себе каменные палаты, то спальню он все равно устраивал деревянную (12, 332).

Такая приверженность к дереву объясняется не только традицией. В русском народе существовало устойчивое предубеждение против каменного жилья. Многие полагали, что зимой, когда на улице мороз, а в комнатах жарко натоплено, каменные стены выделяют сырые и вредные для здоровья испарения.

Однако между деревянной Москвой и деревянным Константинополем существовало еще одно важное различие. В Константинополе деревянные домишки почти вплотную примыкали друг к другу. Поэтому пожары здесь распространялись очень быстро. В Москве же, привольно раскинувшейся на равнине, дома стояли на значительном

расстоянии один от другого. Обычно они были окружены садом, огородом и хозяйственным двором.

«Деревенский» характер московской застройки и обусловленная им обширность самого города всегда удивляли иностранцев. Эта особенность российской столицы имела свои причины. Одна из них заключалась в том, что значительное расстояние между домами препятствовало распространению огня (12, 396).

В удаленных от берега реки улицах Москвы попросту не хватало воды (12, 384). Отсюда и разница в стратегии борьбы с огнем, В Константинополе пожары тушили, заливая горящий дом водой. В Москве первым делом растаскивали по бревнам соседние дома и постройки. Каждый пожар превращался в состязание в проворстве между человеком и саламандрой. Ставкой здесь могла быть жизнь. Больше других рисковал хозяин дома. Его задача заключалась в том, чтобы успеть вытащить из пламени самое ценное – семейные иконы.

Впрочем, если дом по какой-то причине представлял особую ценность для хозяина, он мог спасти его от огня и от разборки. Для этого следовало хорошенько заплатить тушившим пожар стрельцам. Тогда они приносили огромные бычьи шкуры, прикрывали ими дом и непрерывно поливали водой. В результате огонь обходил его стороной (12, 364).

Даже для рядового москвича потеря избы была поправимой бедой. На городских строительных рынках всегда можно было недорого купить новый сруб и поставить его на пепелище. Да и сам разобранный по бревнам дом можно было восстановить, вновь собрав помеченные бревна в определенном порядке. Что же касается имущества, то, во-первых, у большинства горожан его было немного, а во-вторых, самое ценное, включая запасы еды, они хранили под полом дома в глубоких погребах, которым пожар был не страшен.

Пожарам способствовали некоторые особенности как самой русской избы, так и быта ее обитателей. «Традиционно изба топилась «по-черному», то есть дым из устья печи выходил («курился») прямо в помещение избы и только потом через отверстие в крыше (специальные деревянные трубы – «дымники») и в стенах (через окошки) выходил наружу... Такой способ топки печи, даже при открытых дверях и окнах, быстро нагревал помещение при сравнительно небольшом расходе дров. Неудобства, связанные с этим способом топки, сказывались не столь ощутимо, так как нижний уровень дымового слоя во время топки избы в помещении без потолка был на довольно большой высоте и позволял находиться в избе. К тому же дым постоянно дезинфицировал помещение, сводя к минимуму число тараканов, сверчков и т. п.» (181, 305).

Понятно, что при топке «по-черному» опасность пожара была неизмеримо выше, чем при «белой». Потолок в избах начали подшивать только с XVIII века. «Раньше его не было, и пространство внутреннего помещения избы уходило под самую крышу» (181, 304). Она делалась из ржаной соломы, щепы или длинных тесин, под которые подстилали березовую кору. Под крышей внутри избы подвешивали на шестах различные предметы, требовавшие просушки: лен, пеньку, пряжу, банные веники. Все это мгновенно загоралось от случайной искры, вылетевшей из печи.

Летописцы сообщают только о крупных пожарах, испепеливших целые районы города. Быстро потушенные пожары были столь обычным делом, что оставались без упоминания. Один голландец, посетивший Москву в начале 1676 года, рассказывает, что с января по май значительные пожары вспыхивали в разных концах города чуть ли не каждый день. Власти не проявляли особого беспокойства. В конце концов сам государь решил покончить с этой напастью. Он «приказал, чтобы в городе ни русские, ни немцы не зажигали огня в черных избах...» (12, 378).

В Москве, несомненно, существовало постоянное наблюдение за городом с вершины одной из кремлевских башен или с колокольни. Сигналом пожара в русских городах издавна служил частый звон сигнального колокола – набат. Возможно, что присутствие великого князя Ивана при тушении пожара объяснялось не только его личным

темпераментом. Подобно турецкому султану, он следовал древней традиции, требовавшей от главы государства в минуты общественных бедствий быть со своим народом.

Гробокопатель

Человек Средневековья чтит традицию и весьма настороженно относился ко всему новому. Московский государь уважал «старину». Но при этом он имел достаточно мужества, чтобы прокладывать новые пути. Во многом по-новому он подошел и к проблеме защиты города от огня. Раньше думали о том, как поскорее погасить уже полыхавший огонь. Иван решил вообще не допускать его в свои владения. С этой целью он снес десятки деревянных построек, включая несколько церквей с прилегающими кладбищами. За подобную смелость его стали упрекать в осквернении могил и даже нарекли «гробокопателем»...

Задумав остановить огненный поток широкой «полосой отчуждения» вокруг Кремля, Иван настойчиво добивался своего. Летопись сообщает, что летом 1493 года он приказал снести все дома по правому берегу реки Неглинки, располагавшиеся ближе, чем на 10 сажен от кремлевской стены (48, 211). Вероятно, это распоряжение последовало за сильным пожаром 28 июля 1493 года, уничтожившим почти всю застройку правого берега Неглинки (51, 294).

Иван решил очистить от застройки не только правый берег Неглинки, но и прибрежное Замоскворечье. Ведь буря перебрасывала оттуда искры и горящие головни на кремлевский холм.

Летом 1495 года «князь велики повеле сносить церкви и дворы за рекою Москвою против города, и повеле на тех местех чинити сад» (40, 230). Последняя мера указывает на большой житейский опыт государя. Он понимал, что обычный пустырь, невзирая на все запреты, быстро зарастет новой застройкой. Засадив пустырь плодовыми деревьями и поставив в саду сторожей, Иван тем самым обеспечил успех дела.

«Полоса отчуждения» за Неглинкой и за Москвой-рекой была дополнена широким ровом с водой, который выкопали вдоль восточной стены Кремля от Неглинки до Москвы-реки (41, 236). Другой ров прорыли от Боровицкой башни до Москвы-реки (48, 239). Таким образом, на пути огня к центру Москвы встали уже три серьезных препятствия. Еще одним рубежом обороны были высокие кирпичные стены Кремля, возводившиеся итальянскими мастерами начиная с 1485 года.

Сносу деревянной застройки в Занеглименье и Замоскворечье предшествовала «чистка», устроенная Иваном в самом Кремле. Она развернулась в период между 1485 и 1490 годами. В ходе этой «чистки» сносились не только жилые дома, но и деревянные храмы, мешавшие постройке новых каменных стен московского Кремля. Стены вели «не по старой основе, града прибавиша» (41, 240). Проще говоря, Иван разрешил итальянцам идти напролом, сметая на своем пути множество деревянных построек.

Впрочем, дело было не только в стенах. Иван расчищал и территорию вокруг своего двора. Ему нужна была обширная площадка для задуманного им грандиозного проекта – двухэтажного каменного дворца. Кроме того, он решил благоустроить Кремль, утопавший в хаосе деревянной застройки. В итоге выселению из Кремля подверглись не только некоторые купеческие фамилии, но даже придворный Спасский монастырь, которому было отведено новое место на юго-восточной окраине Москвы (201, 209).

И все же не только новая стена и новый дворец стали причиной сокрушительной расчистки. Еще одна причина – огонь. Чрезвычайно плотная застройка Боровицкого холма способствовала возникновению и быстрому распространению пожаров. Именно поэтому значительную часть территории, освобожденной сносом деревянных построек, занял Дворцовый сад. Кроме того, Иван занялся расширением московских улиц, установив для них единую меру. Эту меру московские наместники применили и в Новгороде после страшного пожара на Торговой стороне 20 августа 1507 года. «Того же лета прислал князь

велики Василеи Иванович своего боярина Бобра, велел ему урядити в Новгороде торги, ряды, и улицы розмерити по московски» (38, 536). А тремя годами ранее Иван III поразил новгородцев еще одним противопожарным новшеством, взятым из опыта Москвы. «Того же лета, повелением вели-каго князя, выслаша за город хлебников и колачников и кузнецов жити на поле» (38, 611).

Разобрать бревенчатую церковь не составляло большого труда. Однако то место, где был алтарь, само по себе считалось священным. Его нельзя было использовать под какие-то «поганые» нужды. Но основная сложность перепланировки московских улиц заключалась в том, что храмы и монастыри были неотделимы от кладбищ. Возникал главный вопрос: что делать с могилами?

Несомненно, Иван долго размышлял над этим, советовался с боярами и епископами. В итоге решение было найдено. Государь приказал раскопать могилы, взять из них кости умерших и перезахоронить их в Дорогомилове. Там издавна находилось московское подворье ростовских владык, при котором было большое кладбище.

Даже при самой тщательной подготовке эта необычная акция могла вызвать волнения среди москвичей. Их спокойствие во многом зависело от позиции высшего духовенства. Митрополит Геронтий (1473–1489), часто вступавший в спор с великим князем, к концу жизни стал, по выражению Иосифа Волоцкого, «бояться Державного». Этим, скорее всего, и объяснялось его согласие на кремлевскую «чистку».

Кончина Геронтия 28 мая 1489 года окончательно развязала руки «гробокопателям». Примечательно, что новый митрополит – во всем послушный государю Зосима – был поставлен на кафедру более чем через год (26 сентября 1490 года). Сомнительные с церковной точки зрения акции лучше всего было проводить именно в период отсутствия митрополита.

Вторым после митрополита лицом в русской иерархии считался ростовский архиепископ. Без его благословения и личного участия похороны костей в Дорогомилове были невозможны. Но здесь особых затруднений не предвиделось. В 1488 году из-за какого-то спора с великим князем был принужден оставить кафедру ростовский владыка Иоасаф – в миру князь Оболенский. Как и его предшественник на кафедре Вассиан Рыло, Иоасаф был человеком самостоятельным. Устав от дискуссий с ростовскими владыками, Иван III тщательно подобрал нового кандидата. 15 января 1489 года на кафедру был возведен смиренный Тихон (Малышкин). За 12 лет своего епископства он не проявил себя ни одним смелым поступком...

Не решаясь открыто выступить против «кошунственного» указа великого князя, московское духовенство роптало «под сурдинку». Эти разговоры широко разлетелись по Руси. Недовольство действиями великого князя высказывал даже новгородский архиепископ Геннадий в послании к митрополиту Зосиме. Это послание было написано в период между 26 сентября и 17 октября 1490 года (147, 373).

Основная тема послания Геннадия – обличение еретиков. Владыка призывает только что возведенного на кафедру митрополита решительно бороться против еретиков, которые из Новгорода переехали в Москву. Он сетует на то, что еретики имеют покровителей в московских придворных кругах, и достаточно прозрачно намекает, что под их влиянием находится и сам государь.

В качестве яркого примера «нечестия» Ивана III Геннадий приводит его отношение к старым кремлевским церквям и монастырям, к могилам давно усопших москвичей.

«А ныне беда стала земскаа да нечесть государскаа велика: церкви старые извечные выношены из города вон, да и манастире старые извечные переставлены...

Да еще паки сверх того и кости мертвых выног шены на Дорогомилово: ино кости выносили, а телеса ведь туто остались, в персть розошлись; да на тех местех сад посажен. А Моисей писал во Втором Законе: «Да не насадиши себе садов, ни древа, подле требника Господа Бога твоего».

А господин наш отец Терентий митрополит о том не воспретил: то он ведает, каков

ответ за то дать Богу, а гробокопателем какова казнь.

Писана, что будет въскресение мертвых, не велено их с места двигати, опроче тех великих святых, коих Бог прославил чюдесы, да Божиим повелением и аггелским явлением бывает пренесение мощем, на избавление людем и на утверждение и на почестъ градовом. А что вынесши церкви, да и гробы мертвых, да на том месте сад посадити, а то какова нечестъ учинена? От Бога грех, а от людей сором» (147, 237).

Далее Геннадий рассказывает митрополиту о том, какие кривотолки вызвало перенесение церквей из московского «града» у исконных врагов христиан – иудеев. Вслед за этим он опровергает аргументы, при помощи которых московские власти оправдывали свои действия. В конце послания новгородский владыка напоминает Зосиме, что его пастырский долг – убедить великого князя прекратить эти «нечестивые» действия.

Однако митрополит не смог (а может быть, даже и не пытался) отговорить Ивана III от подобных методов борьбы с огнем...

Дворец

Не довольствуясь новыми каменными стенами и «полосами отчуждения», Иван решил соорудить третий бастион великой войны с саламандрами. Этим бастионом должны были стать двухэтажный каменный дворец и прикрывавшая его с южной стороны каменная стена. Постройка такого сооружения и его внутренняя отделка требовали огромных средств. Именно поэтому все прежние дворцы московского государя были деревянными. Но теперь настало время камня.

Весной 1499 года «князь велики велел заложити двор свой камен, полаты каменные и кирпичные, а под ними погребы и ледники, на старом дворе у Благовещения, да стену камену от двора своего до Боровитцкие стрелници; а мастер Алевиз Фрязин от града Медиолана» (41, 249).

Строительство дворца затянулось и было завершено лишь после кончины Ивана III – весной 1508 года. А между тем саламандры только и ждали любой возможности, чтобы вновь жестоко посмеяться над усилиями людей.

Вот новые свидетельства летописей.

1500 год. «Того же лета, месяца августа 17, в понедельник на осмом часу дни, загореся на Москве у Бобра на Большем посаде, и погоре от Москвы реки до Неглимны, и пушечныя избы и Рождественский монастырь» (40, 240).

(О размахе этого пожара свидетельствует удаленность его крайних пределов: от Москвы-реки до Рождественского монастыря у современной Трубной площади. По сути дела, огнем был охвачен весь Большой посад – торгово-ремесленный район к востоку от Кремля.)

Иван потеснил противника, закрыл ему дорогу в Кремль. Но окончательно одолеть вездесущих бесплотных созданий он не смог. И после кончины Ивана III саламандры порой выскальзывали из клеток и устраивали свои дикие пиршества.

1508 год. «Того же месяца (мая. – Н. Б.) 22, в понеделник, Черториа выгоре, и Благовещение на Козие бороде, и Алексей Святый, и Семьчинское до Сполна...

Того же месяца маиа 23, за час до вечера, загореся на Большем посаде от Панского двора, и торг выгорел до Неглимны по пушечные избы и мало не до Усретения» (40, 249).

Тот год вообще был обильным на пожары. Лето выдалось необычайно сухим, и каждая щепка вспыхивала, как факел. Новгородский летописец рассказывает о страшной трагедии своего родного города, Этот рассказ уникален обилием подробностей. Он позволяет представить, что творилось в охваченном пламенем средневековом русском городе...

Реквием пожара

Бедствия Новгорода на рубеже XV–XVI веков достойны стенаний праведного Иова.

Продолжая библейские аллюзии, можно сказать, что это был Страшный суд в отдельно взятом городе. И ангелы излили на него все семь фиалов гнева Господня.

Каких только ужасов не повидали новгородцы за эти десятилетия! Вот и теперь по опустевшим улицам гуляла страшная гостья – чума. Летописец сообщает, что только в последнем году эпидемии (1508-м) она унесла более пяти тысяч человек. Оставшиеся в живых новгородцы молили Бога о снисхождении. По обычаю молитву подкрепили постройкой обетной церкви во имя Богородицы. Этот небольшой бревенчатый храм общими усилиями поставили за один день прямо у стен Святой Софии. Сам архиепископ Симеон отслужил в ней молебен.

Однако небо оставалось равнодушным к мольбам новгородцев. И вслед за одной бедой нагрянула другая.

«В то же лето, месяца августа 20 день, на память святого пророка Самуила, загорелось в Великом Новгороде Торговая сторона в 11 нощи, а загорелось на Коржеве улице, и згоре вся страна (Торговая сторона. – Н. Б.), мала же некоторая часть стены градные осталася; мнозии же каменные полаты от великого пожара развалишася, животы люцкия погореша, и церковь святыи Дмитреи в Торгу выгоре, два сторожа згореша, и вси церкви огореша.

И бысть тогда вихр вели, и в вихре гремения страшна, и вихром суды (корабли. – Н. Б.) великия с реки с Волхова с людьми и з животы во огонь приношаше, и инии же вихром в воде истопоша, а иные людие в садах изгореша на Никитцкой улици; числом же сожженных 5000 душ и 300 и 14 человек, а утопших и згоревших в пепел число Бог весть; а горело день и ночь да на завтрее до полдни» (38, 536).

Итак, за сутки на Торговой стороне Новгорода заживо сгорели 5314 человек. Невозможно передать весь ужас этого человеческого жертвоприношения. Его сопровождала поистине адская симфония звуков. Звон колоколов сливался с ревом пламени, грохотом вихря и дикими криками гибнущих в пламени людей...

Ужас пережитого делал людей бесчувственными. Однако потребность жить пробивалась сквозь отчаяние, как трава сквозь уголь и золу. И не в этих ли опустошительных пожарах рождался непобедимый русский фатализм – уникальная философия выживания человека в нечеловеческих условиях...

ГЛАВА VI СПАСИ, ГОСПОДИ, ЛЮДИ ТВОЯ...

Что вы зовете Меня:

*«Господи! Господи!» – и не делаете
того, что Я говорю?*

Евангелие от Луки, 6, 46

В ту эпоху земли по реке Сухоне были своего рода «русским Техасом». Здесь, вдали от центральных властей и по соседству с дикими племенами, жили люди, привыкшие не раздумывая решать свои проблемы с помощью оружия. В их карманах часто звенело серебро, добытое рискованными предприятиями с ценными мехами. Быстро потратив его, они вновь погружались в глубину бескрайних лесов, чтобы вынырнуть оттуда с десятками соболиных шкур – или украсить своим черепом чум какого-нибудь шамана.

Вся их жизнь висела на волоске удачи. Не боявшиеся ни зверя, ни человека, они мало боялись и самого Господа Бога. Во всяком случае, они не часто следовали его заповедям.

Столицей «русского Техаса» был Устюг. Здесь, на широких уступах левого берега Сухоны, привольно расцвели все виды человеческой деятельности. Один тогдашний ревнитель благочестия прямо называл Устюг «вторым Содомом» (55, 111).

Известно, что на всякое действие есть противодействие. Эта истина почти универсальна. Изобилие грешников и грешниц служило мощным стимулом для тех, кто

видел смысл своей жизни в борьбе с грехом. Устюг был, пожалуй, первым среди русских городов по количеству бесстрашных обличителей человеческих пороков – юродивых.

Эти странные люди, лишенные стыда, как древнегреческие киники, и бесстрашные, как библейские пророки, с утра до вечера скитались по улицам, выкрикивая всякую нелепицу. Однако многие с трепетом угадывали в ней намек на свои грехи и преступления.

Юродивый ночевал в какой-нибудь норе, в лучшем случае – на церковной паперти. При жизни над ним издевались и травили собаками, а после смерти причисляли к святым.

В Устюге жил когда-то самый известный из этого рода людей – святой Прокопий Устюжский. Рассказывали, что только ради него Господь отвел от города каменную тучу, которая должна была уничтожить всех жителей.

И все же главным оправданием многогрешного Устюга, его покаянной молитвой был собор Успения Божией Матери. Его причудливая история заслуживает особого рассказа.

Заклятое место

Первый устюжский собор был построен ростовским князем Дмитрием Борисовичем и освящен епископом Тарасием 15 августа 1290 года (36, 526). В этот день был престольный праздник нового собора – Успение Божьей Матери.

Князь Дмитрий вел тогда ожесточенную борьбу за власть со своим братом Константином. Ему нужна была поддержка богатого Устюга. А в случае неудачи он надеялся отколоть Устюг от Ростовского княжества и сделать его столицей собственного удела. И как положено стольному городу, собор был посвящен Успению Божьей Матери.

Время было трудное и тревожное. Но князь Дмитрий, стиснув зубы, велел позвать казначея. Для нового собора он отлил и послал в Устюг колокол Тюрник. Из Ростова приехал и первый соборный протопоп – отец Иоанн. Он привез с собой еще один княжеский дар – икону Богородицы Одигитрии.

Итак, первый устюжский собор был не столько подвигом благочестия, сколько горьковатым плодом княжеских усобиц. И потому под его основание легла какая-то невидимая, но глубокая трещина.

В 1294 году князь Дмитрий скончался и престол перешел к его брату Константину. Ростовский, владыка Тарасий, прежде выступавший сторонником Дмитрия, теперь поддержал его наследника, малолетнего Александра (280, 29). Спасаясь от преследований, владыка пытался бежать в Устюг, но был схвачен по дороге князем Константином и возвращен в Ростов.

Вся эта старинная распря давно поросла быльем. Устюжане гордились своим собором. Он стал символом местного патриотизма. Его богатырские очертания видны были издали. Однако «княжеский» храм простоял немногим более сотни лет – срок весьма небольшой для городского собора. В 1392 году он праздновал свое столетие. Но черные птицы беды уже кружили над его высокими куполами.

Под 6904 годом (1 сентября 1395 – 31 августа 1396) летопись сообщает: «Того же лета на Устюзе церкви погоре великая соборная» (55, 80).

На другой год ростовский владыка Григорий, известный своим благочестием и ученостью, не пожалел средств и «постави церковь велику древяну соборную Успение Пречистыя Богородица» (55, 80). Так появился на свет второй, «григорьевский» Успенский собор в Устюге.

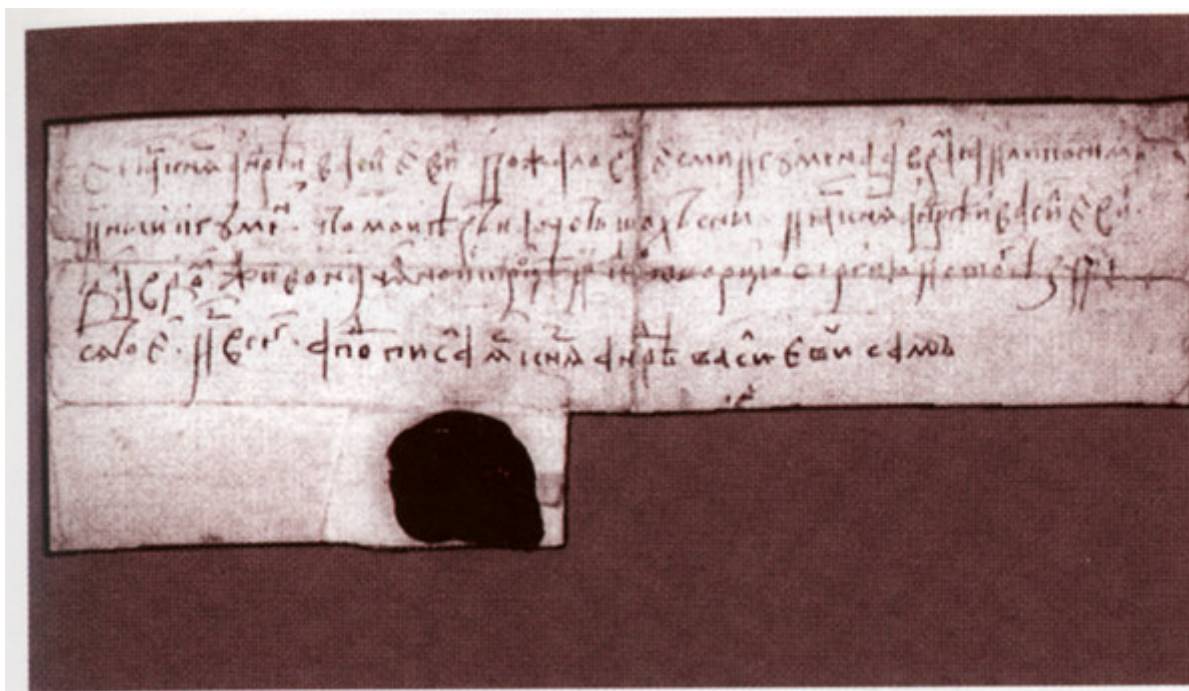
Архитектура – самый «политизированный» из всех видов искусства. И храм – это, кроме всего прочего, еще и огромный меч государя, воздвигнутый на вершине горы. Конечно, и в истории со вторым устюжским собором не обошлось без политической подоплеки. Московский князь Василий I в эти годы разворачивал наступление на новгородские владения по Двине. Форпостом этого наступления должен был стать Устюг. Ростовские владыки со времен Ивана Калиты были тесно связаны с Москвой. Вероятно,

Иван III. Гравюра из "Космографии" А. Теве. 1575 г.

Василий III. Немецкая гравюра XVI в.

Жалованная грамота князя Андрея Угличского троицкому игумену Авраамию 1474 - 1478 гг.

Софья Палеолог: Антропологическая реконструкция С. А. Никитина

Собор Рождества Богородицы московского
Рождественского монастыря. 1501 - 1505 гг.

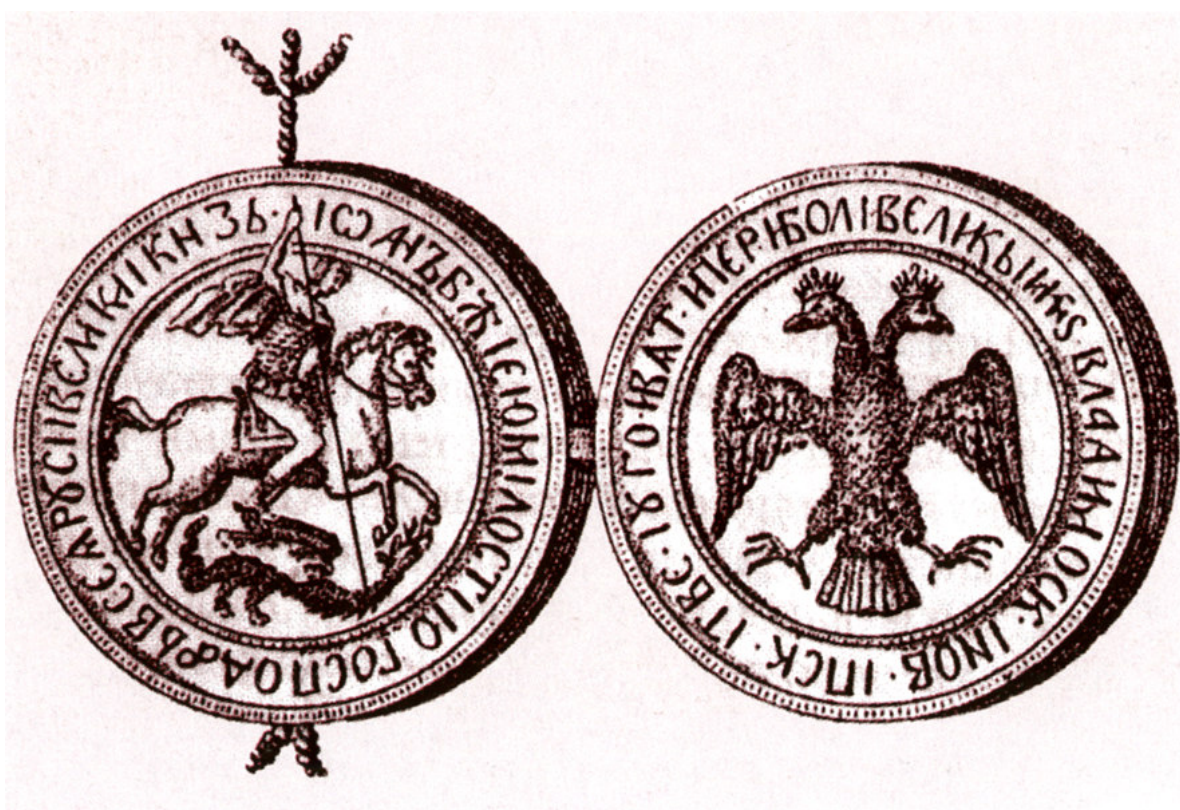
Святой Георгий. Белокаменная скульптура с Фроловской башни
московского Кремля. 1464 г.

Новоспасский монастырь. Основан в 1491 г.

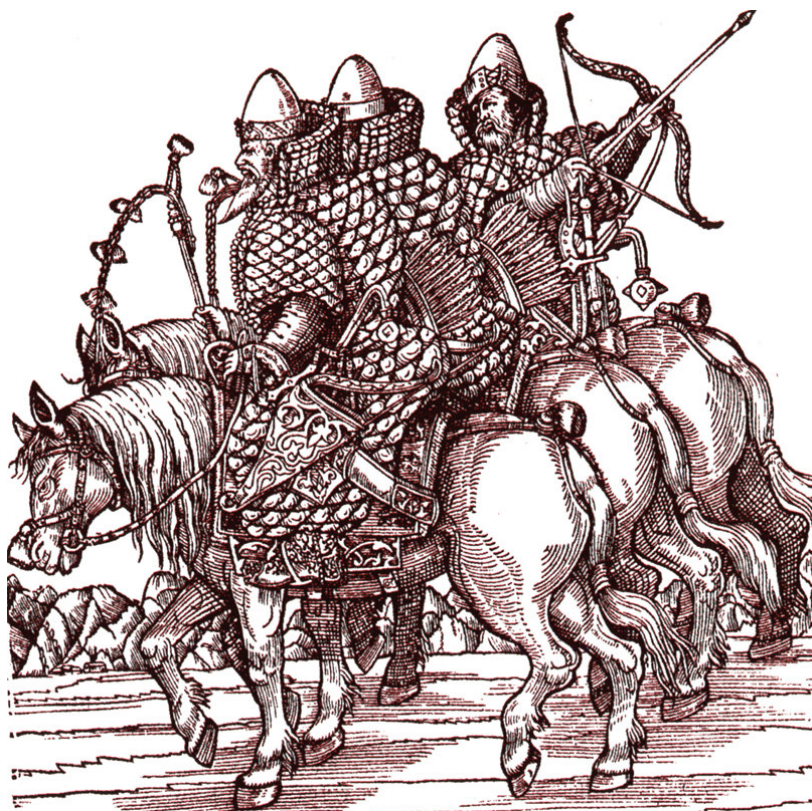
Русские послы у императора Максимилиана I. *Немецкая гравюра 1514 г.*

Печать Ивана III

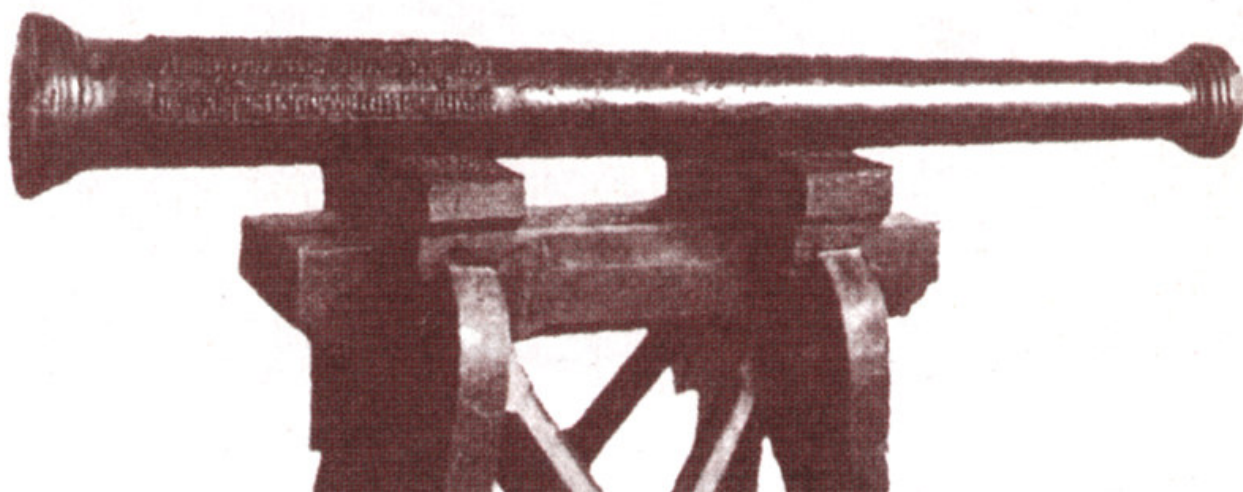

Польско-литовские войска отражают набег крымских татар.
Гравюра из "Хроники" М. Бельского. Конец XVI в.

Русские всадники. Гравюра из книги С. Герберштейна

Пищаль. Отлита в 1485 году.

Русский купец. Русский воин. Русский пахарь.
Немецкая гравюра XVI в.

Езда на санях и лыжах в России. Гравюра из книги С. Герберштейна

Сигизмунд Герберштейн в шубе, пожалованной ему Василием III

Самоеды. Немецкие гравюры XVI-XVII вв. Святительский посох. Конец XV в.

Карта Балтийского моря Олауса Магнуса с изображением русско-шведской войны 1496 - 1497 годов

Руины Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря, 1480-е гг.
Собор построен по заказу князя Андрея Угличского предположительно
Аристотелем Фиораванти

Воскресенский собор в Волоколамске. Конец XV в.
Построен по заказу князя Бориса Волоцкого

АПОКАЛИПСИ ИОАННА БОГОСЛОВА СЛОВА

ГЛАВА . А . ПРИЛОГЪ .

ГЛАВА . А .

А ПОКАЛИПСИ ИУХА . ЮЖЕ ДА СТЬ ЕМДНЪ ПОКАЛИПСИ РАКОМЪ БО
 НИМЪ . ИМЖЕ ПОВАШИ БИТИ ПОВАСТЬ БОРЪ ИСАЯ . ПОСЛА ВЪ
 АГГЪ СВОИ , РАДОТВОИМЪ ИАННО . ИЖЕ СЪ ДН ПЛАСТИ ВО
 СЛОВО БЖІЕ . НЕВЪ ПЛАСТИ ВО ИУХА ИАКО ВИДѢ . БЛЖЕНЪ
 ТЪ ПТИИ ИСАИША СЛОВО СЛА ПРЪТЪ СТИИ . НЕВЪ БЛАДОТЩЕ
 НА ПИСАНА ПЪТИИ . ВРЪМЪ ВЪ БЛЖЕ . ИУАННА . СЕМИ
 ЦРКВЕМЪ СЛАШІИ ИАКІИ . БЛГІ ПЪ ИА ИМІРЪ . ВЪ СЛАГО
 ИЖЕ БЖІИ ГРАДОЩАГО ПЪ СЕМИ ДУХОВЪ . ИЖЕ СДѢТЬ ПРЪ ПРЪ
 СПОЛЪ . ИУХА . ИЖЕ СДѢТЬ ПЕЛЬ ИЕРЕНЪ . ПРЪ ВІКНЦЪ
 ИЕРИТОУХЪ . И ПЪ ЦАРН СЕМЬ СЪ ІО БЛАЩДНЫ . ИР
 СЕШЪ ШЪ ИУ ГРѢ НАШІИ . ПРЪ ИО СВОІО . НЕ СЛА ПВОРН
 ЛЪ ЕМАМЪ ЦРКВІЕ . ІЕРЪ ИУ ГДЪ СВОИМЪ . ПМО СЛАВАН
 ДРАТВА . ВЪ ВІКІИ МННЪ . СЕ ГРАДѢТЬ ГЪ СЪ ВЪ БЛЖЕ .
 ИДЪ РИПЪ ВЪ СІО СІО . ИИЖЕ И ПРОВОДОША И ПЛАТЬ ИУ ГЛА
 ЕВЪ ПВОРН ОНѢ ВЪ СІО СІО СІО СІО . АЗЪ ЕСМЪ АЛФАІЪ .
 НАЧАЛО СЪ . И КОНЕЦЪ . ГЛА . ПЪ . ИЖЕ И ГРАДЪ И ВЪ ДРЪ
 ЖИТЕЛЯ . АЗЪ ИУАННА БРАТЪ ВАШЪ . ОБЪЩНИ СЪ ВЪ ПЛАИ
 И ВЪ ЦРКВІИ . И ВЪ ТРЪТИИ ИУХА . ВЪ ХОМЪ ВЪ ОПОЦЪ
 НА РЦІЕ МЪ ПІА ПІА СЛОВО БЖІЕ . БЛЖІ ПЕЛЬ СВОІО СІО .
 ВІДЪ ІІЕ . И ПЕЖЕ СЛАВІ ПРЪ ДН СЕМІИ СЪ ПІА ПІА . ГЛА . В .
 БИ ДУХЪ ВАШЪ НЕ ДЪЛАНЪ . НЕ СЛА СІО СІО СІО СІО . ІАКО
 ПРЪ БЖІ . ГЛА . ПЪ . ІЕЖЕ ВІДЪ ИШ . НА ПІИ И ВІКНІИ ГДІ . И ПОСМ
 ІЕМИ ЦРКВІА . ВЪ ГІФЕ . ПЪ ИІ СІО СІО . ПЪ ПЕРГІА . И
 ВЪ ДІАДІА . ПЪ ГІАДІА . ПЪ ФІАДІА . ПЪ ОДНІО СІО .
 И ОБРАЩЕ СЛАВІ ПРЪ ДН СЕМІИ СЪ ПІА ПІА . И ОБРАЩЕ
 СЛАВІ ПРЪ ДН СЕМІИ СЪ ПІА ПІА . И ПРЪ ДН СЕМІИ СЪ ПІА ПІА .
 ПРЪ ДН СЕМІИ СЪ ПІА ПІА . ОБЛАТЕНЪ ВЪ ПДІА .
 ПРЪ ПОСЛА ПРЪ ПЕШЪ . ПОСЛА СЛА ПІА . ГЛА ВЪ СЕГО И
 ВІКІИ СІО . ІАКО ІІІА . И ОДНІО СІО СІО СІО СІО .
 И ОДНІО СІО СІО СІО СІО . ІАКО ВЪ ПЕШІА ПРЪ ПЕШІА .
 И ГЛА СЕГО ІАКО ГЛА ВЪ МНОГІА . А РЪ АН ВРЪ ЦІЕ СВОИ ДЕНІИ .
 СЛА СЛА СІО . ИИЖЕ СДѢТЬ ЕГО МЕТЪ ОДНІО СІО СІО . И СЛА
 СІО СІО СІО СІО . ІАКО СІО СІО СІО СІО . И СЛА СІО СІО СІО .
 СЛА СІО СІО СІО СІО . ІАКО СІО СІО СІО СІО . И ПОЛОЖИ
 ДЕНІИ СВОГО НАМІИ . ГЛА . НЕ КОНЕЦЪ . АЗЪ ЕСМЪ ПРЪ ПІА И ПО
 СЛА СІО . ИИЖЕ СІО . ПЪ ИІ СІО СІО СІО . ИИЖЕ СІО СІО СІО

А

В

ИУХА . С . В
 А . ИУХА . А

ИАІА . Г .
 МА . ИА . А .
 ИАІА . А . Г .
 ПЪ . СІО . Г .

Г

ПЪ . А . А .

ПЪ . СІО . Е .
 И . А . Г .

Д

ПЪ . А . Г .
 МА . СІО . А .

ИАІА . МА .
 ПЪ . СІО . Г .

Геннадиевская Библия. Началдо Книги Апокалипсис
 (Откровение Иоанна Богослова) 1499 г.

не кто иной, как великий князь Василий посоветовал Григорию без промедления заняться постройкой собора в Устюге. И даже лично съездить туда для более близкого знакомства с устюжанами.

Еще не успели выплывать смола золотистые бревна второго собора, как опять все пошло прахом. Летом 1398 года новгородская рать совершила набег на северные владения московских князей. Устюжанам удалось выдержать трехнедельную осаду в крепости Гледен на правом берегу Сухоны. Однако город подвергся разорению. Новгородцев не остановило и то, что в Устюге в это время находился ростовский владыка Григорий, прибывший для освящения нового собора. Озлобленные стойкостью устюжан, новгородцы сожгли Успенский собор, а его святыни и ценности забрали с собой в Новгород (55, 80).

Устюжская летопись рассказывает, что святотатство не прошло безнаказанно. По дороге домой новгородцев поразила какая-то неведомая болезнь, сопровождавшаяся корчами и судорогами. «И бысть на них гнев Божий и Пречистыя Его Матери, и бысть на них на пути корькота, начало им корчиту руки и ноги и хребты им ломити, и мало их приидоша здоровых в Новьгород, и тамо на них слепота бысть» (55, 80).

Новгородский архиепископ Иоанн вынес свой вердикт: болезнь была Божьей карой за разграбление и сожжение собора в Устюге. Оставшимся в живых участникам похода владыка приказал вернуть все похищенные святыни и заново отстроить устюжский собор. После того как они дали соответствующий обет, мор прекратился. Владыка также поспешил дать Богу обет, во исполнение которого вскоре поставил над воротами детинца церковь Воскресения Христова.

На следующее лето новгородцы, заключив мир с московским князем Василием Дмитриевичем, отправились замаливать свой грех на Устюг.

«Того же лета владыка Иван и новгородцы послаша мастеров церковных на Устюг и с ними гостей своих, людей добрых. И проводи владыка и весь Новьгород иконы чюдотворныя до Ладоги, а гости многия проводиша до Устюга. И поставиша церковь на Устюзе древяну велику единого лета соборную Успение Пречистыя Богородица» (55, 81).

Это был третий, «новгородский», Успенский собор в Устюге. Несмотря на короткий срок работ (всего один сезон), храм отличался большими размерами и высотой.

Постройка собора объяснялась, конечно, не только покаянными настроениями новгородцев и страхом перед гневом Божьим. Мирные отношения с устюжанами нужны были Новгороду как для успешного противостояния наступлению Москвы на Двину, так и для поддержания важных торговых путей на Югру.

Поставленный новгородцами Успенский собор, как и первый, простоял всего лишь около сотни лет. За это время он стал свидетелем самых черных страниц в истории Устюга. В период усобицы между внуками Дмитрия Донского Устюг постоянно оказывался под ударом. Его осаждали и Василий Косой, и Дмитрий Шемяка, и казанские татары, и враждебные Москве вятчане, и войска Василия Темного. Однажды, когда вятчане в очередной раз нагрянули на Устюг летом 1438 года, они нашли город пустым. Все его жители погибли или разбежались по окрестным лесам (55, 87).

Понятно, что при таких обстоятельствах деревянный собор быстро обветшал. Однако он все еще оставался украшением Русского Севера. Оставался... до 1 августа 1489 года. В этот день огонь испепелил третий устюжский собор.

(Хронология истории устюжского собора в летописях довольно сбивчива. Ниже мы вернемся к ее уточнению. Однако все данные указывают на то, что большой пожар в Устюге, ставший причиной гибели третьего, «новгородского» собора, случился летом 1489 года.)

Многим тогда показалось, что над собором тяготеет какое-то древнее заклятие. Его печальная судьба предопределялась тем, что и «княжеский», и «григорьевский», и «новгородский» соборы были своего рода «гостями» в Устюге. А ведь, как известно, «Бог дал – Бог взял».

Однако вложить свои собственные средства, свой труд в возведение собора устюжане упорно отказывались. Похоже, что эти прижимистые люди готовы были до последнего торговаться даже с самим Господом.

Вятский конвой

Наблюдения над летописями показывают, что хронология пожаров часто совпадает с датами военных предприятий. Это и понятно. Пожар в столице неприятеля был одним из способов сорвать или затруднить его наступление. Вот и пожар в Устюге вспыхнул 1 августа 1489 года, то есть именно тогда, когда многие устюжане находились на важной государственной службе. Они покоряли Вятку...

Присоединение Вятской земли – один из крупнейших военно-политических успехов Ивана III. Эта акция вызревала давно. Но начать ее Иван решился лишь после взятия московскими войсками Казани летом 1487 года. Союз Казани и Вятки всегда был серьезной опасностью для Москвы. Теперь Вятка осталась одна.

Большое московское войско отправилось на Вятку летом 1489 года. Им командовал известный полководец князь Даниил Щеня. В состав войска входили отряды ополчения из северных городов и устюжская рать во главе с московским воеводой князем Иваном Ивановичем Звенцом.

Устюжане имели старые счеты с вятчанами, которые много раз предпринимали опустошительные набеги на город и округу. Теперь для устюжан настало время мести. Эта война вообще сильно напоминала карательную экспедицию. Московская рать огнем и мечом прошла по Вятской земле. Взятие вятского города Котельнича заняло не более трех дней. Столица Вятки город Хлынов без боя сдался на милость Победителей.

По своему обыкновению, Иван III наказал воеводам добиться выдачи главных недругов Москвы. Через своих людей на Вятке Иван знал их всех поименно. Летопись называет трех главных крамольников – Ивана Аникеева, Пахомия Лазарева и Иавла Богодайшикова.

«И воиводы, поковав, дали их на руки устюжаном Федору Есипову, Левонтью Манушкину, да Федору Жугулеву, да Ивоилу Опалипсову, а велели их поставити перед великим князем на Москве, а подводы им всей земли устюжские» (55, 97).

Таким образом, устюжанам была поручена ответственная миссия – отвезти на суд в Москву главных смутьянов. Всех их в Москве ожидала мучительная казнь: сначала кнут, а затем виселица.

Отправив на расправу вождей сопротивления, московские воеводы принялись за вятских «больших людей» (46, 354). «...Воиводы великаго князя Вятку всю розвели, и отпустили их к Москве мимо Устюг и з женами и з детми, а приставы у них были князь Иван Волк Ухтомской с товарищи» (55, 97). Ссылных ожидало принудительное расселение вдоль южной и юго-западной границы Московской Руси. Летопись говорит, что там они получили какие-то «поместья». Однако, скорее всего, это были всего лишь участки безлюдной и необработанной земли.

Трагизм «великого переселения» Вятки усугублялся тем, что роль охранников ссылных вятчан исполняли их старые враги устюжане. Можно представить себе, сколько страданий и унижений причинил ссылным этот конвой.

Кто заплатит за собор?

«Месяца августа... згоре на Устюзе старая церковь соборная Пречистая высокая» (50, 288). В этом кратком известии Вологодско-Пермской летописи мы выделяем два ключевых определения погибшей церкви. Несомненно, речь идет о соборе 1398 года. За менее чем сотню лет он одряхлел и выглядел «старым». Но при этом все еще оставался «высоким».

Устюжская летопись сообщает подробности этой катастрофы:

«Того же лета (под 1489 годом. – Н. Б.) погоре на Устюзе посад от скоморошья мовницы, и церкви соборная Успение Святыя Богородица, и 3 церкви – Борис и Глеб, Егореи Святыи, Козма и Домьян, и посад погоре августа в 1 день» (55, 97).

Не знаем, что сделали разъяренные устюжане с несчастными скоморохами. Не знаем мы и меру их вины. Быть может, сами артисты, слишком развеселившись, сожгли свою баньку, а вместе с ней и полгорода. А может быть, какой-то расчетливый поджигатель выпустил «красного петуха» рядом с их банькой, где часто кипело непотребное веселье...

Как бы там ни было, но Устюг не мог долго обходиться без собора. Вопрос заключался лишь в том, кто и на какие средства будет его строить.

Проще всего было бы сделать это самим устюжанам. В те времена город имел около 15 тысяч жителей (234, 77). Источники говорят о том, что устюжане были люди не бедные. Сверх того, вятская война, как и всякая победоносная война, дала им, конечно, немалые трофеи. В таких случаях на Руси принято было строить церкви в память о победе, одержанной с помощью небесных сил. К тому же постройка деревянного храма в этом лесном краю была не столь уж дорогостоящим делом.

Устюжане, кажется, дрогнули и уже начали заготовку бревен для строительства собора. Но тут их соблазнил коварный дух сребролюбия. Он нашептал, что было бы гораздо лучше, если бы новый собор (как и три его предшественника) выстроил для них кто-то другой. Конечно, в таком течении мыслей угадывалась обычная скупость. Этот порок устюжане старались прикрыть всякого рода «принципиальными соображениями». В итоге они решили не утруждать себя, а поискать «благодетеля». И первым кандидатом на эту роль наметили великого князя Ивана Васильевича.

«Государь всея Руси» много раз обременял устюжан различными военными и мирными «службами». Опираясь на Устюг, он вел наступление на новгородские владения на севере, а позднее – на Казань и Вятку. Отсюда уходили военно-промысловые экспедиции в далекую Югру. Для укрепления города Иван в 1478 году приказал своему устюжскому наместнику Петру Федоровичу Челяднину развалить старую обветшалую крепость и вместо нее выстроить новую (55, 94). Кто оплачивал эту работу, летопись не сообщает...

Учитывая свои прежние «службы», а главное – свои военные и «конвойные» заслуги в походе на Вятку, устюжане полагали, что великий князь должен на свои деньги выстроить для них новый собор. Летом 1490 года «били челом устюжские попы соборная церковь великому князю о погоревшей соборной церкви Успения Святей Богородицы» (55, 97).

Однако Иван не любил платить за уже оказанные услуги. Люди, которые намекали ему на то, что он им что-то должен, дорого платили за свою наивность.

Вместо ответа великий князь велел своим дьякам поискать в летописях известий о том, кто был строителем сгоревшего храма. Несомненно, он поступил так лишь потому, что уже давно знал ответ. Однако спектакль «справедливого суда» следовало сыграть до конца. И к своей роли блюстителя «правды» Иван всегда относился серьезно.

Раскрыв летописи, дьяки быстро нашли там имена заказчиков всех трех устюжских соборов: князя Дмитрия Борисовича Ростовского, ростовского владыку Григория и новгородских бояр. Понятно, что ни измельчавших ростовских князей, ни тем более разбросанных по тюрьмам и ссылкам новгородских бояр уже нельзя было заставить повторить этот подвиг благочестия. Оставался ростовский владыка. К нему и направили устюжан догадливые московские дьяки.

Вскоре ростовскому архиепископу Тихону был послан соответствующий государев указ. Проследить за его исполнением должны были сами устюжские соборные клирики.

Отдавая это распоряжение, Иван ставил назойливых просителей в крайне сложное положение. Ростовский владыка был прямым духовным начальником устюжских попов.

Ростовский архиепископ Тихон Малышкин был поставлен на кафедру 15 января 1489 года. Он еще не приобрел той ловкости в делах, которую приносит опыт. К тому же Тихон

был человеком осторожным. Он хорошо помнил о том, что его предшественник владыка Иоасаф вынужден был покинуть кафедру из-за какого-то спора с великим князем.

Вместе с тем Тихон был скуповат и тяжел на подъем. Ему совсем не хотелось лично ехать в далекий Устюг и брать на себя все заботы и расходы, связанные с постройкой и украшением устюжского собора. Для начала он решил переложить на устюжан заготовку бревен для строительства. Однако те были уверены, что в соответствии с указом великого князя все работы должны выполняться за счет владыки.

К событиям лета и осени 1490 года относится следующее сообщение Устюжского летописца: «И владыка того лета не послал мастеров, а у устюжан бревен мало было припасено. И послал владыка мастера Алексия вологжанина с своим дьяком, с Иваном с Вискуном после Покрова 2 недели спустя. И он церковь заложил не по старине кресъчату, а срубил до шти рядов, да и в Ростов поехал» (55, 97).

Очевидно, что мастер и дьяк следовали негласным указаниям, полученным от ростовского владыки. Дьяк не стал брать на свой счет заготовку леса, а мастер, кое-как сложив те бревна, которые уже были припасены, умыл руки и уехал.

Трудно поверить, но вся эта мелкая возня происходила на самом пороге Страшного суда! Воистину, удивительное создание – русский человек. «Гром не грянет – мужик не перекрестится» – гласит пословица. Здесь же «перекреститься», построив храм, отказался не ленивый мужик, а сначала целый город, потом – великий князь Московский, и наконец – один из главных блюстителей веры, ростовский архиепископ...

А между тем время шло. Последнее время. Его оставалось уже совсем мало. Устюжане хотели встретить конец света все вместе, в новом соборе Успения Божьей Матери. И они решили действовать.

«А устюжаном тот оклад стал не люб, и хотели бити челом великому князю, и владыка Тихон не велел бита челом, а ялся (обещал. – Н. Б.) церковь поставити по старине» (55, 97).

На сей раз устюжане взяли верх над скуповатым ростовским владыкой. Летом 1491 года он принужден был в полной мере исполнить повеление великого князя и пожелания устюжан.

«Того же лета владыка ростовский Тихон посла на Устюг дьяка своего Ивана Вискуна и мастера церковного Алексия вологжанина да 60 человек и рублеников (плотников. – Н. 5.). Припровадили архиепископли христиане из Шеипухты лес и береста и заложили круглу по старине о 20-ти стенах» (55, 98).

(В другом списке той же устюжской летописи говорится «о двенадцати стенах» (55, 136).)

В пятницу, 13 мая 1491 года, после торжественного молебна началось возведение нового устюжского собора. Внешне он повторял уникальную «круглую», увенчанную огромным шатром форму сгоревшего собора новгородцев. Ну а раскаявшиеся новгородцы, надо полагать, повторили постройку 1397 года ростовского владыки Григория, которую они незадолго перед тем сожгли.

Для полноты картины приводим сообщение об этом строительстве еще одной хорошо осведомленной в северных делах летописи – Вологодско-Пермской. «Повелением государя великого князя Ивана Васильевича вesa Руси архиепископ Тихон Ростовский поставил Пречистую церковь соборную на Устюзе, на старом месте погоревшия церкви единого лета, а мастер Олексеи Вологжанин Мишаков, брат Вологжанинов Гулынского» (50, 288).

Из этого сообщения явствует, что строитель устюжского собора принадлежал к семье мастеров-строителей Вологжаниновых. Известно, что брат Алексея Мишак (Михаил) по заказу вологодско-пермского владыки Филофея построил в те же годы шатровую деревянную церковь Вознесения в Вологде (50, 288).

Строительство устюжского собора было делом достаточно сложным. Немало времени заняла и внутренняя отделка. В итоге, если верить устюжской летописи, освящение

состоялось лишь через год после закладки, 22 апреля 1492 года.

Построенный не совсем чистыми средствами, храм и окончил свое существование при не совсем ясных обстоятельствах. Глубокой ночью 29 июля 1496 года, когда горожане спали крепким сном, собор странным образом загорелся изнутри. Пламя быстро охватило все здание. Прибежавшие люди не смогли даже снять дверного замка, чтобы попытаться войти в горящий собор и вынести его святыни.

«Того же лета бысть пожар на Устюзе по Божию попущению месяца июля в 29 день, на память Калинника; в 3 часа ночи загорелся церковь Успение изнутри, невесть от чего загорелся, со всеми иконами чюдотворьными и с кузнью, и сосуды, и книги, и не сняли и замка; ины церкви на площади – Борис и Глеб, Прокопеев святыи, Егореи, снятый Козьма и Дамиян, и дворов много» (55, 98).

Спутанная леска

Любой, кто хоть однажды держал в руках удочку, знает, как трудно бывает распутать запутавшуюся леску. Тонкая и почти невидимая, она то ускользает из рук, то вдруг свивается в какие-то немыслимые петли и узлы. Трудно понять, где ее конец, а где начало.

Любой, кто хоть немного работал с древнерусской летописью, знает, что ее хронология – то есть своего рода нить времени – чрезвычайно походит на спутанную леску.

В устюжских и вологодских летописях даты событий конца XV столетия ведут себя словно неисправные часы. Они то отстают, а то убегают на год-два вперед. Установить истину можно только путем анализа этих дат при помощи «вечного» и церковного календарей и с учетом духовных традиций той эпохи.

Заметим, что при проверке правильности сочетания в летописной дате года, месяца, числа и дня недели нужно быть очень осторожным. Дело в том, что день недели летописцы иногда подставляли «задним числом». Имея в своем источнике лишь год, месяц и число (зачастую ошибочное), они сами вычисляли день недели и «улучшали» таким образом древний текст, а заодно и подкрепляли неверную дату. Задним числом могла быть проставлена и память святого данного дня. Примером может служить сообщение Устюжского летописца о том, что Успенский собор в Устюге был освящен в 7001 году, «апреля в 22 день, в неделю» (55, 98). Эта датировка явно подогнана под весь предшествующий ряд датированных событий, связанных с собором. В действительности 22 апреля 1493 года – понедельник. Воскресенье в этот день было в 1492 году.

Поэтому при поиске верных дат следует искать более прочные опоры. Одна из них состоит в том, что в Древней Руси торжественные церемонии закладки и освящения храма (а тем более городского собора) всегда приурочивались к церковным праздникам или датам, имевшим особое значение. Такое событие предполагало большое стечение народа и потому требовало нерабочего дня.

Учитывая все сказанное выше, можно полагать, что Успенский собор в Устюге был освящен годом ранее, чем указывает летопись, – на праздник Пасхи, 22 апреля 1492 года (50, 288). Соответственно, и заложен он был на год раньше – 13 мая 1491 года. Это была пятница, а не воскресенье. Но в данном случае дата вполне объяснима. Накануне, 12 мая

1491 года, был один из двенадцатых праздников – Вознесение Господне. К этому дню подрядчики должны были закончить все подготовительные работы. Торжества по случаю закладки собора были приурочены ко дню Вознесения. А сама работа строителей началась на другой день, 13 мая.

При такой хронологии предшествующие события (челобитие устюжских попов к великому князю, указ Ивана III епископу Тихону, первая «командировка» в Устюг мастера Алексея Вологжанина) приходятся на лето и осень 1490 года.

В этой реконструкции остается ответить лишь на один вопрос. Когда же произошло самое первое событие – пожар Успенского собора в Устюге? Летописи, расходясь в годах,

дружно указывают на первые числа августа. Но если принять это за август 1490 года, то возникает неразрешимое противоречие. За какие-нибудь полтора или два месяца устюжане должны были прийти в себя после пожара, съездить в Москву и повидать великого князя, отправиться в Ростов и сообщить владыке о решении государя. И все это – примерно до октября, когда владыка отправил своего дьяка к Алексею Вологжанину. Впрочем, в одном из списков Устюжского летописца прямо сказано, что в первое лето (в смысле – время года) ростовский владыка ничего делать не стал (55, 97).

Итак, все указывает на то, что пожар в Устюге случился 1 августа 1489 года. Заметим, что это была суббота. То есть день, когда русский народ обычно топил баню (112, 7). Немало пожаров начиналось именно с бани. От вспыхнувшей «скоморошья мовницы» начался и этот страшный устюжский пожар.

В этот день православные отмечали большой церковный праздник – Происхождение честных древ честного и Животворящего Креста. В храмах совершали обряд поклонения Кресту. Когда священник переносил на престольный крест из жертвенника на аналой посреди храма, клирошане пели знаменитый «тропарь кресту».

«Спаси, Господи, люди твоя, и благослови достояние твое, победы благоверному государю нашему на сопротивных даруй, и твое сохраняя крестом твоим жительство».

Но Господь не внял тогда молитвам устюжан. В то время как в Успенском соборе звучал тропарь Кресту, за его стенами уже пробуждалась огненная стихия...

Что было потом

Всегда найдется любознательный читатель, который, едва перевернув страницу, спешит задать вопрос: а что же было потом? И в этом простодушном вопросе таится великая мудрость. Жизнь (а история – это особая форма жизни) представляет интерес лишь до тех пор, пока у нас в запасе есть это самое «потом».

Любая история имеет продолжение. Человек продолжается в его детях. Храм освящает место, на котором он стоит. И даже если храм разрушен, на этом святом месте можно поставить только другой храм.

В соответствии с этим древним правилом устюжане рано или поздно должны были построить на месте сгоревшего в 1496 году Успенского собора новый храм. Это произошло в 1502 году. На эту дату выводит загадочная запись, помещенная в одном из списков Устюжской летописи под 7060 (1551/52) годом.

«В лето 7060. Месяца июня в 18 день, в день святого Леонтия, в субботу полдень, перед вечернею, поднялась церковь соборная от грома, от молнии. А стояла 50 лет, а высота была до больших зубцов 100 зубцов бес пяти устюжская» (55, 103).

Итак, четвертый устюжский собор, построенный неизвестно кем, простоял пятьдесят лет: с 1502 по 1552 год. Потом он странным образом «поднялся» и, очевидно, рухнул. Что могло «поднять» огромный собор – остается загадкой. Можно лишь предположить, что в него влетела и там взорвалась большая шаровая молния.

После этой катастрофы устюжане, судя по всему, обратились с прошением к государю, а тот по примеру деда отправил их к епархиальному владыке. Любивший Север царь велел не жалеть средств для строительства. Выполняя волю Ивана IV, ростовский архиепископ Никандр в 1554–1558 годах из средств своей казны выстроил в Устюге огромный каменный собор по образцу Успенского собора московского Кремля (180, 145).

Однако в каменной громаде нового собора таился какой-то изъян. Его собратья в Вологде, Сольвычегодске и на Соловках, не дрогнув, простояли века. А он уже через шестьдесят лет едва держался.

Раннюю дряхлость собора объясняют бедствиями Смуты. Однако Устюг не был взят поляками. Очевидно, дело было в чем-то ином...

Работы по восстановлению собора продолжались несколько лет и были столь значительны, что Устюжский летописец даже говорит о новом сооружении. Впрочем, эта

запись сделана в конце XVII века и носит характер припоминания.

«В лето 7127 году. Июня в 7 день при державе благочестивейшаго государя царя и великого князя Михаила Феодоровича и при святейшем патриархе Филарете его царского величества указом и благословением святейшаго патриарха начата на Устюге Великом церковь соборная каменная Успения Пресвятыя Богородицы первая из доходов Ростовской митрополии, а пределы в ней были по правую руку Предтечи усекновению, а по левую Михаилу Малеину вверх, а ход был стеною, а пространством и высотой болши и вышши сея зримая была, освящена бысть в лето 7130 году июня в 10 день, а прежде на Устюге церквей каменных не было» (55, 121).

(Устюжский летописец, как всегда, путается в датах. Он называет датой начала строительства 7 июня 7127-го, то есть 1619 года. Однако Филарет был поставлен патриархом лишь 24 июня 1619 года. Кроме того, в 1619 году 7 июня было обычным днем и к тому же – понедельник. Для закладки собора этот день явно не подходил. Иное дело – 7 июня 1618 года. Это было воскресенье, первое воскресенье после Троицы. В церковном календаре оно было значительной датой и называлось «неделей Всех Святых». Что касается имени патриарха Филарета, то оно появилось позднее, при переписке летописи. Неправильно назван и год освящения собора. Скорее всего, это произошло в 7129 году, то есть в воскресенье, 10 июня 1621 года. В этот день отмечался праздник Святой Троицы.)

Внешний вид собора можно представить лишь весьма приблизительно. Храм, по-видимому, был пятиглавым и отличался значительными размерами. Он имел два придела, один из которых был посвящен ангелу-хранителю царя Михаила Федоровича святому Михаилу Малеину. Этот придел был устроен «вверх», то есть увенчан шатром.

«Каменный гость» простоял в Устюге ровно двадцать пять лет. В ночь с 1 на 2 августа (с субботы на воскресенье) 1646 года он развалился. Вот что рассказывает об этом Устюжский летописец:

«Августа 1 день в 5 часу ночи от свечи иконы все в церкви згорели, токмо един образ Пресвятыя Богородицы Одигитрии изнесен, а церковныя стены от жару разшились» (55, 121).

Этот рассказ вызывает два вопроса. Кто мог знать, что пожар начался от свечи перед иконой? И мог ли жар от горящих икон развалить могучий каменный остов собора?

Новый каменный собор начали строить лишь семь лет спустя, в воскресенье, 1 августа 1653 года. Выбор дня был символичен: 1 августа сгорел старый собор и в этот же день семь лет спустя начали строить новый.

Поначалу расходы на постройку собора принял царь Алексей Михайлович. Однако начавшаяся вскоре тяжелая война с Польшей (1654–1667), а потом и со Швецией (1658–1661) заставила казну прекратить все второстепенные траты. Устюжский собор надолго застыл в виде неуклюжей, обросшей прогнившими строительными лесами громады. В конце концов устюжанам пришлось, нарушив древнюю традицию, самим засучить рукава и развязать мошну. В итоге храм был завершен и освящен лишь 25 марта 1669 года, на праздник Благовещения.

«Августа в 1 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича строилась на Устюге соборная вторая церковь каменная вместо погоревшая, и достроили до окон, и одержана бысть ради смоленския и свейския службы, и достраивали мирским подоянием и соборнием, состроися и освятися в лето 7177 году марта в 25 день» (55,123).

Впервые Устюг получил собор, построенный самими устюжанами.

Возможно, именно поэтому он оказался долгожителем. Несмотря на перестройки, сильно изменившие его внешний облик, собор дошел до наших дней.

Плачущие иконы

Итак, устюжский собор 1491–1492 годов строился прямо перед концом света и,

конечно, в предчувствии этого конца. Но следы этого тревожного ожидания можно увидеть и в других устюжских происшествиях тех лет.

Рассказывая о событиях 1492 года (с ошибкой на «год вперед»), Устюжская летопись сообщает: «Того же лета на Устюзе в монастыре у Преображения Христова от иконы шло миро у Спаса из груди, и також у Моисея и у Илии» (55, 98).

Несколько иную версию этого рассказа содержит Вологодско-Пермская летопись. «Того же лета, августа в 5 день, на Устюзе у Спаса в женском монастыре на вечерне от иконы Спасова образа Преображения миро идет у Спаса от очию, тако же у Моисея и у Ильи» (50, 288).

Понятно, что источником чуда стала храмовая икона Спаса Преображения, на которой Иисус Христос по традиции изображен с предстоящими ему пророками Моисеем и Ильей.

Нет смысла гадать о природе необычного явления. Заметим лишь, что такого рода события обычно случались в примечательные дни. 5 августа 1492 года было воскресенье, то есть день недели, посвященный Иисусу Христу. Кроме того, это был канун Преображения. На вечерне накануне престольного праздника храм был заполнен народом.

Чудеса такого рода время от времени случаются в любую эпоху. Обычно миро шло от иконы Богородицы. Из глаз Девы Марии текли слезы, предвещавшие надвигающиеся бедствия. Но в Устюге «плакали» сам Спаситель и два знаменитых пророка. Это уникальное явление, вероятно, было связано с напряженным ожиданием скорого светопреставления.

Согласно Отцам церкви, для вразумления людей и для борьбы с Антихристом, воцарившимся перед концом света, «Господь по милосердию своему пошлет Илию Фесвитянина и Еноха» (72, 258). Таким образом, «плачущий» Илья пророк на иконе – как и «плачущий» Спаситель – прямо напоминал о скором конце света. Моисей в данном случае был «заменой» праотца Еноха.

Вместе с тем и само событие Преображения Господня, согласно толкованиям Отцов церкви, было прообразом Второго пришествия. «Слава преображения служит... предуказанием той славы, в которой придет некогда Господь, Судия живых и мертвых, и того преображенного состояния, в котором мы явимся в конце мира» (100, 299).

Но все проходит. Прошли и страшные времена ожидания конца света. Оплаканная святыми Русь покатила дальше по своей изрытой ухабами таинственной дороге.

«Спаси, Господи, люди твоя, и благослови достояние твое...»

Пятьсот лет спустя

Призрачная череда исчезнувших в огне устюжских соборов наводит на грустные мысли. Сколько прекрасных храмов стояло когда-то по нашим градам и весям! И как беспощадно обошлось с ними время...

Погибшей красоты не вернешь. Но вот на что я советовал бы все же обратить внимание. На старое дерево. На старое дерево, из которого состояли не только сгоревшие устюжские соборы, но почти вся архитектура допетровской Руси.

Бревно – материал совсем особого рода. Чего стоит один только его изменчивый цвет, с годами переходящий из нежно-золотистого в холодновато-серебристый. А глубокие трещины, так похожие на морщины... А округлая форма, словно ждущая тепла ладони... А эти черные метки давно обрубленных сучьев... А неповторимый, как отпечатки пальцев, рисунок годовых колец на торце... Все это – почти живое. И это не метафора. Дерево умерло. Но некоторая часть его растительной души, возможно, осталась в бревне.

Каждый, кто путешествовал по старой России, не раз наталкивался в какой-нибудь глухой деревушке на заброшенный деревянный храм. Выломанные рамы и вздыбившиеся плахи провалившегося пола, рухнувший потолок и разбросанные кругом обгоревшие бревна. А в проеме окна – кресты сельского кладбища, на котором скоро уже некого будет хоронить.

Погост Никола на Плесне между Ярославлем и Рыбинском...

Село Зачачье на Северной Двине...

Село Волосово на Верхней Онеге...

И еще много других таких же печальных развалин.

Живы ли сейчас эти заблудившиеся в веках инвалиды? Или их место уже заполнили кусты бузины? Бог весть...

В начале XX века Московское археологическое общество издало своего рода каталог деревянных церквей в нескольких губерниях Центральной и Северной России. С тех пор этот каталог давно уже превратился в некролог.

Чистейшие образцы русского национального гения. Знаки небес, одухотворявшие своими певучими линиями прозябание целой волости. Их нет. Они сгорели. А точнее сказать – их сожгли. Сожгли за веру. Как Аввакума в Пустозерске. Вечная им память.

Глядя на бесконечное равнодушие русского человека к своему прошлому – то есть, по сути дела, к самому себе, – хочется плакать.

Канули в Лету времена «воинствующих безбожников». Настали времена «благочестивых разбойников». Но все так же гибнут деревянные храмы, оставленные без заботы и присмотра в далеких селах. Гибнут от молнии или от костерка, что развела внутри безнадзорная ребяшня, гибнут от старости или от одиночества в мире телефонов и телевизоров.

Но немногим лучше и судьба тех деревянных церквей, которые были разобраны по бревнышку и отвезены в какую-нибудь музейную резервацию. Они походят на луговые цветы, выкопанные из земли и посаженные в горшке на подоконнике.

Так и стоят они там, на кочковатой равнине за Ипатьевским монастырем. Стоят по местам, по дорожкам, точно слуги перед приездом барина. А вот и сам «барин» пожаловал: редкая толпа скушающих туристов, послушно отбывающих срок до вечерней попойки в гостинице.

Тропа Иоанна Богослова

Среди рассеянных по России деревянных церквей я выделяю одну, любимейшую. «Amata nobis quantum amabitur nulla». О ней я и хочу вспомнить напоследок.

Недалеко от Ростова Великого петляет среди болотистых низин речка Ишня. Незаметно мелькает она под колесами грузовиков, мчащихся по шоссе из Москвы в Ярославль. Да и заметив, мало кто станет смотреть на нее. Ведь впереди разворачивается панорама юго-западной части Ростова. Над россыпью деревянных домишек поднимаются соцветия глав Спасо-Яковлевского и Княгинина монастырей. А за ними – голубовато-серая полоса огромного озера.

Трудно отвести глаз от этой билибинской акварели. И никто почти не повернет голову налево, туда, где за высокой насыпью железной дороги вытягивает шею, словно тоже желая взглянуть на далекое озеро, одинокая деревянная церквушка. Это Иоанн Богослов на Ишне...

В те далекие времена, когда оплаченные щедрой профсоюзной казной автобусы с гордой надписью «Москва. Турист» носились по дорогам Золотого кольца, словно свора гончих псов... В те времена, когда дорога из Ярославля в Вологду исчезала за северной окраиной села Пречистое и вновь появлялась лишь через пять непроходимых верст... В те времена, когда гостиница «Кострома» казалась мне венцом благоустройства...

Ах, даже и в те золотые времена церковь Иоанна Богослова под Ростовом, которую экскурсоводы снисходительно именовали «деревяшкой», пользовалась умеренной популярностью. Она была включена в программу по Ростову. И все же редкий гид приводил сюда своих людей, теряя целый час драгоценного времени и рискуя уложить половину группы под неожиданно вылетающий из-за поворота скорый поезд.

Так было прежде. Но как не ходили тогда, так, должно быть, не ходят сюда и теперь. А

между тем эта экскурсия многого стоит. И потому – совершим ее.

Первая награда за труд и за риск – прогулка по тропинке, ведущей к селу. Кругом сельская идиллия. Луговое разноцветье, грядки знаменитого ростовского лука, курино-гусиное царство...

Церковь стоит на самом краю села Богослов. Его выросшие в землю избы далеко отодвинулись друг от друга, словно редкие зубы старухи. По широкой луговине перед домами в старину проходила торная дорога в Ростов. За селом она спускалась к реке. Здесь, над переправой, и поставили этот храм безымянные мастера в 1687 году.

Вода в Ишне прежде была солоноватой на вкус и славилась целебными свойствами. Речку подпитывали глубинные ключи с минеральными солями. По ее берегам ростовские предприниматели рыли колодцы. Добытый в них раствор выпаривали и получали соль. Должно быть, именно эти варницы и «съели» обширные леса, окружавшие Ростов.

Село, возникшее на этих кипящих промыслах, так и называли – Варницы. От него до Иоанна Богослова – не более трех верст.

Согласно древнему ростовскому преданию, именно там, в Варницах, появился на свет преподобный Сергей Радонежский. И где-то в этих местах отрок Варфоломей – так звали святого до монашеского пострига – искал своих пропавших лошадей и встретил под дубом ангела в виде чудесного старца.

Старый Ростов – город мистический. Испарения гнилого озера сладко туманят разум. Реальность растворяется в белесом тумане, а видения становятся реальностью. И вот уже на взгорье над Ишной опять выходит из тумана апостол Иоанн Богослов. Местное предание гласит, что некогда он являлся здесь ростовскому монаху Авраамиию.

И если присмотреться, то можно увидеть, что и сейчас он стоит там, на взгорье – высокий, слегка сутулый старец с огромным лбом и пронзительным взглядом. Он смотрит на нас. Он идет к нам. Ведь это его земля...

Но оставим мир ростовских видений и поглядим на церковь. Сказать по правде, сегодня она несколько «не в форме». Лет сто назад ее бревенчатое тело было заключено в своего рода дощатый футляр. Тогдашние реставраторы полагали, что обшивка спасает храм от разрушительного воздействия дождя и снега. Для полной надежности доски покрасили какой-то странной рыжевато-коричневой краской – родной сестрой корабельного сурика.

Спасает суриковая обшивка памятник архитектуры или не спасает – не ясно и по сей день. Но как бы там ни было, футляр похоронил в своих недрах и красоту могучих старых бревен, и звенящие, как струна, пропорции храма.

Но не только уродливый футляр искажает первоначальный облик церкви Иоанна Богослова. С годами она утратила южную паперть и стала как бы «кривобокой». Потом над ее крыльцом поставили неуклюжую колокольню, а открытую лестницу закрыли дощатым коробом. Потом изящную «крестчатую бочку», служившую основанием для барабана главки, заменили какой-то странной «лепешкой».

Судьба церкви Иоанна Богослова на Ишне – единственной деревянной церкви, сохранившейся в Ярославской области, – типична для большинства ее сородичей. Обшитые досками, покрашенные Бог знает какими красками, «украшенные» классическими портиками и сандриками, они могли бы выступать свидетелями обвинения в суде над человеческой глупостью.

Старая архитектура отличается своего рода «гордостью». И потому она не терпит произвола. Любое изменение первоначального замысла неизбежно становится его ухудшением. Эти простые истины вытекают из самой природы древнерусского зодчества.

Главным секретом старых мастеров было чувство стиля. Едва ли хоть один из них мог выразить его словами. В подрядах на постройку храма этот неуловимый, но важнейший момент иногда определялся туманной формулой: строить «как мера и красота скажет».

Суть дела состояла в том, что все элементы здания – от силуэта на фоне неба до ступеньки крыльца – подчинялись единой мере, единому ритму. Известно, что

древнерусские строительные меры (маховая сажень, косая сажень, локоть, четверть) соответствовали тем или другим размерам человеческого тела. Однако этот рукотворный ритм должен был иметь таинственное родство и с ритмом природы, с особенностями окружающего ландшафта. Все это было, так сказать, «искусство на кончиках пальцев». Но в итоге здание, построенное хорошим мастером, почти переходило из мира неодушевленного в мир одушевленный. По своей целостности оно приближалось к живому организму.

А что можно отнять или прибавить, скажем, к человеческому телу?

Однако за разговором мы уже почти достигли цели. Завидев из окна цепочку людей, идущих по тропинке в сторону храма, из крайнего дома торопливо выкатывалась маленькая старушка-смотрительница с серьезным именем Надежда Константиновна. Она несла ключ, которым торжественно отпирала замок на дверях притвора. Слушая зауценную песню экскурсовода, старушка одобрительно кивала. Случалось, она, не утерпев, вступала в разговор и охотно рассказывала о том, что всю жизнь прожила в этом селе и когда-то венчалась в этой церкви. Вспоминала она и о том, как однажды в церковь залетела шаровая молния, но, походив по храму, благополучно вылетела в другое окно, лишь слегка опалив одну икону. Эта история неизменно приводила слушателей в благоговейное молчание...

Итак, Надежда Константиновна – мир праху ее! – опять открывает нам главную дверь своей жизни. Мы медленно поднимаемся по лестнице в таинственный сумрак паперти. Пожалуй, именно здесь и должны водиться краснокрылые ангелы с картин Попкова.

Вот и паперть. Широкая галерея, как бы висящая на далеко выступающих могучих бревнах-консолях. Их можно было увидеть внизу, под лестницей, где обшивка не полностью закрывала тело храма.

Галерея окружала основной «четверик» (да простит мне читатель этот жаргон экскурсоводов и искусствоведов) с трех сторон. К четвертой, восточной, был «прирублен» алтарь.

Вдоль стен паперти тянулись широкие лавки – отрада взора и усталых ног. Здесь так славно было посидеть после долгой службы, посудачить о деревенских новостях. Присядем и мы, оглянемся вокруг.

Нас окружает мир старого дерева. Службы в храме давно нет. Но запах ладана впитался в бревна. Они источают какой-то легкий и старинный дух.

Для истинного знатока нет большего счастья, чем подлинник. Старое дерево почти невозможно подделать. Этим оно отличается от скрытой под штукатуркой кирпичной кладки.

Положим ладонь на этот громадный косяк двери, ведущей в храм. Вот мы и прикоснулись к семнадцатому веку.

Многого стоит и сама дверь со старинным секирным замком. Она напоминает створку крепостных ворот. Право, эта дверь может поспорить с любым грабителем.

Вот богатырская дверь со скрипом повернулась на кованых петлях и мы, перешагнув через высокий порог, заходим в ушедшую Русь...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СТРАНА БЕЗ ГРАНИЦ

ГЛАВА VII РОССИЯ КАК ВЫЗОВ ГЕОГРАФИИ

*Вообще это неприветливая страна.
Джованни Компани*

Человек, постоянно живущий среди одних и тех же пейзажей, людей, предметов, постепенно перестает воспринимать их как нечто интересное, достойное внимания. «Жена не имеет внешности», – гласит известная сентенция. То же самое можно сказать и о родине. Она незаметно скользит перед нашими глазами в сером наряде повседневности. И только те немногие, кто с детства склонен к наблюдению, видят детали и оттенки этой привычной картины.

Иное дело – первая встреча путешественника с чужой страной. Здесь все в новинку и каждый – наблюдатель. В этих первых впечатлениях страна часто предстает такой, какой ее уже не видят ко всему привычные местные жители. Не видят, но неизбежно подстраиваются под ее характер. И своеобразие природного ландшафта страны таинственным образом отражается на духовном ландшафте ее обитателей...

Ночлег с волками

В конце правления Ивана Грозного Россию посетил папский посланник Антонио Поссевино. Он должен был содействовать завершению бесконечной войны между Москвией и Речью Посполитой. В свите Поссевино был итальянец иезуит Джованни Паоло Компани. Свои впечатления от неведомой северной страны он изложил в кратких путевых записках. В них есть и лаконичный, как рисунок углем, но по-своему выразительный портрет России.

«Вообще это неприветливая страна, во многих местах она не имеет жителей и земля там не обработана. К тому же вокруг простираются огромные пустыни и леса, не тронутые временем, с вздымающимися ввысь деревьями. Для путешествующих она особенно неприветлива. На таком огромном пространстве земель иногда нельзя найти никакого постоянного двора, но где застала ночь, там и приходится ночевать, на голом неподготовленном месте. У кого какая пища есть, тот, по-видимому, и возит ее с собой. Города встречаются редко, и жителей в них немного, построены они из дерева...

Большая часть страны занята болотами, ее пересекают многочисленные реки, поэтому она более доступна для проезда зимой, чем летом, так как зимой вода скована морозами и по ней можно проехать даже в повозке...» (59, 205).

Среди многих препятствий, которые приходилось преодолевать русскому народу на его историческом пути, едва ли не самое тяжелое – суровые природно-климатические условия. Русские привыкли к ним. Но иногда сюрпризы природы вызывали у них нечто похожее на стон. Приведем лишь некоторые из множества летописных известий на эту тему.

Под 1462 годом: «Тая же весна тяжка бысть хрестьяном: бысть дни снежны, бурны, студены, бестравны и до Троицына дни (6 июня. – Н. Б.)» (44, 208).

Под 1477 годом: «Месяца мая в 31, с пятницы на субботу, канун Всех Святых, мороз велми велик был, яко и лужам померьзнути, и всяк овощь поби огородной и садове и все обилье (хлеб на корню. – Н.Б.)» (49, 310).

Под 1493 годом: «Та же зима и студена бысть вельми, дватцать морозов было по ряду страшных великих, без ветра, на яснее, и птицы мерли, и оттепель не бывала нимала до марта месяца. А весна протяжна и студена, и ветрена, а реки прошли апреля 23, а ночемержи (ночные заморозки. – Н. Б.) были до Петрова заговения» (50, 289).

Именно географию следует признать самым суровым вызовом, брошенным России судьбой. И дело здесь не только в холодных зимах и капризных веснах.

Древнерусское государство возникло и развивалось в крайне неблагоприятной геополитической ситуации. Расположенное на самой границе оседлой земледельческой Европы и Великой степи, оно испытало на себе тяжкие удары многочисленных кочевых орд. Оборонительная, а затем и наступательная борьба с кочевниками потребовала от русского народа колоссального напряжения всех материальных и духовных сил. Она

закончилась лишь в 1783 году, когда последний осколок Золотой Орды – Крымское ханство – был поглощен Российской империей.

Другой минус географического положения России состоял в удаленности страны от морей, а вместе с ними и от мировых торговых путей. Много веков наши предки пытались получить прямой выход к Черному и Балтийскому морям, однако сталкивались с непреодолимыми препятствиями. Лишь в XVIII веке эта проблема была решена в результате целого ряда длительных и тяжелых войн с морскими державами – Турцией и Швецией.

Суровая природа России создавала крайне неблагоприятные условия для развития земледелия. Это стало особенно заметно уже со второй половины XII века, когда центр политической жизни страны переместился из Киева во Владимир-на-Клязьме.

На скудных глинистых почвах, под холодным осенним дождем вырастало и Московское государство – исторический наследник Владимирской Руси. Низкие урожаи сокращали до минимума прибавочный продукт – тот излишек, который можно было забрать у крестьянина на нужды армии и государственного аппарата (181, 556). В результате великорусский пахарь постоянно находился на самой грани выживания, а Российское государство приобрело характер и манеры свирепого вышибалы.

Впрочем, в этой убыточной калькуляции были и свои плюсы. Отрезав Россию от морей и плодородных южных земель, судьба как бы в утешение подарила ей безлюдные просторы Севера и Сибири. Освоение этих покрытых лесом пространств принесло России немалые выгоды. Поначалу это была добыча ценного пушного зверя – соболя, горностая и песца. С 1492 года начались опыты по разработке минеральных ресурсов Севера. Однако первые серьезные успехи в этом деле были достигнуты лишь во времена Петра I.

Наконец, бескрайние просторы России в сочетании с суровым климатом неизменно помогали ей в борьбе со всякого рода завоевателями.

Русское тесто

Особенностью старой России была не только огромность, но и, так сказать, «текучесть» страны. Понятие «государственная граница» приобретало более или менее конкретную форму лишь на западе и северо-западе. На остальных направлениях действовала расплывчатая формула, по которой определяли границы крестьянских угодий: «Куда топор, коса и соха ходили».

Нехватка хорошей земли заставляла крестьян расселяться во все стороны, а государство – постоянно расширяться, подобно тесту, ползущему из квашни.

Новые земли оттягивали значительную часть и без того немногочисленного населения из центра России. Для обеспечения на новых землях хотя бы относительного государственного порядка требовалась целая армия чиновников, солдат и полицейских. Необходимо было проложить тысячи верст дорог и наладить на них ямскую гоньбу.

Избыток пространства порождал опасные соблазны: для общества – встать на тупиковый путь экстенсивного развития экономики, а для индивида решить все свои проблемы путем простого бегства в неведомую даль.

Географическое положение России предопределило не только ее стремительное расширение на север и восток, но также и ее обособленность среди других народов. В культурном отношении Россия представляла своего рода остров или, лучше сказать, отдельный континент. Чтобы убедиться в этом, достаточно еще раз взглянуть на карту. На севере ее территория упирается в холодную пустыню Северного Ледовитого океана. На востоке такой же пустыней лежит безбрежный Тихий океан.

На юге, перешагнув во времена Петра через Великую степь, Россия встретила с чередой мусульманских стран (Турция, Иран, Афганистан), а затем и с Китаем. И в том и в другом случае на юге мы имели дело с весьма далекими от нас народами и культурами. Как мы для них, так и они для нас представляли абсолютно другой мир.

Сложнее обстояло дело с западными соседями России. Близкие нам по этническим признакам, исповедующие христианскую религию, народы Восточной, Центральной и Северной Европы, в принципе, могли бы стать для России добрыми друзьями, сотрудниками в общей созидательной работе. Однако судьба распорядилась иначе. Многочисленные вторжения шведов, немцев, поляков на территорию России заставляли русских смотреть на них как на вечных врагов. Военно-политическое противостояние усугублялось религиозным (а позднее идеологическим) антагонизмом. В итоге Запад стал восприниматься русскими как некая потенциально опасная, коварная и беспощадная сила. В свою очередь западные соседи привыкли смотреть на Россию как на своего рода грозную тучу, постоянно нависающую над их восточной границей.

Так замыкался геополитический круг и возникало ощущение исторического одиночества. Это чувство отчетливо высказал император Александр III в своем известном суждении о том, что у России есть только два союзника: ее армия и флот.

ГЛАВА VIII

СТОЛИЦА: ВИД С КОЛОКОЛЬНИ

*Заниматься собиранием коллекций,
конечно, хорошее дело, но еще лучше
совершать прогулки.
Анатоль Франс*

Трудно передать словами неизъяснимую прелесть старых колоколен. То здесь, то там поднимаются они, словно свечи, над однообразным ландшафтом Русской равнины. Рядом с ними кажутся неловкими и приземистыми даже самые утонченные из церквей.

Одинокие на своей высоте, они словно остановились в раздумье где-то на полпути между небом и землей. Их собеседники – птицы да облака. Их цель – зенит небес, куда возносят они свои кресты.

До последней песчинки пропитавшись небом, они знают цену молчанию. Но когда настает время говорить, их медный голос слышат даже глухие...

Подойдем поближе к одному из этих маяков вечности. Наша колокольня – на окраине маленького, но очень старого города, широкой дугой растянувшегося вдоль берега озера. И хоть от Москвы его отделяют три или четыре сотни верст, – но к древней Москве отсюда ближе, чем от ворот Кремля...

Лестница в стене

Войдем на истертые ступени церковного крыльца. Пройдем черездохнувший ладаном и святой бедностью притвор. Отыщем где-то сбоку, в закутке, неприметную низенькую дверцу. За нею – проложенная в толще стены лестница на колокольню.

И вот уже мы с трудом поднимаемся по узкому сводчатому ходу. Здесь сумрачно и жутковато. Под ногами – высокие ступени. Со всех сторон – глухие тяжелые стены. Кажется, что ты попал в какой-то средневековый каменный мешок, из которого нет ни выхода, ни спасения. Вокруг вот-вот сомкнется вечная тьма подземелья.

Но смелее вперед. Проберемся через теснину, одолеем одну за другой еще дюжину гигантских ступеней. И наконец за поворотом забрезжит слабый луч света. Здесь еще не конец пути, но его преположение. Мудрые старые мастера где-то на середине восхождения предусмотрительно устроили в глухой стене оконце-продух. Оно не велико, всего лишь в два кирпича. Но это уже надежда, утешение. И как отраден этот луч света, этот глоток свежего воздуха во тьме бесконечной каменной щели.

Постояв немного у оконца, опять пойдем вверх, спотыкаясь о выбоины ступеней, обтирая плечами сыроватые камни, пригибая голову под низкими сводами.

Труден путь по лестнице к небу. Эту истину знали наши древние подвижники. О ней же напоминает каждой своей ступенью и эта тесная лестница на колокольню. Но всякий путь имеет свой конец и всякий труд – свое вознаграждение. И вот уже позади последние ступени. Щурясь от ослепительного солнца, мы словно заново появляемся из мрака небытия на свет Божий. Свежий ветер с далеких полей дарит нас благоуханием летнего дня.

Мы на площадке нижнего яруса. Каменная громада колокольни уже не давит своей тяжестью, а придает уверенность твердой опоры. В округлых очертаниях пролетов город раскрывается словно древний складень.

Отсюда он кажется все еще близким, но уже необычным. Раздвинулись улицы, вдали сверкнула река, и темной полосой прочертил горизонт далекий лес. И все привычное внизу – дома, люди, лошади, собаки – вдруг стало каким-то обобщенным. Видно все и всех сразу, но – без мелочей. И в этом внезапном изменении масштаба жизни угадывается что-то важное, поучительное. Таково таинственное очарование высоты.

Но путь не окончен. Колокольня готова поднять нас еще выше. Наш проводник – скрипучая лестница с шаткими перилами. Карабкаемся, затаив дыхание и стараясь не глядеть вниз. И вот уже мы на ярусе звона.

Люди внизу стали еще меньше, а мир – еще шире. А над самой головой разверз свое медное жерло колокол. Из его темных недр свисает похожий на гигантскую палицу многопудовый язык.

Вот он, совсем рядом, этот удивительный инструмент, при помощи которого небо разговаривает с землей. Можно погладить его шершавый холодный бок, слегка постучать по дремлющему металлу.

И тут возникает непреодолимое желание – потянуть за толстую веревку, раскатать тяжелый язык и разбудить медного великана.

Загудит колокол – и люди внизу разом прекратят свою суету, разогнут спины, поднимут лица к небу. Они послушны зову колокола.

Но не станем будить «глагол времен». Перекрестившись, поднимемся еще выше, на самый верхний ярус колокольни, – туда, где на крепких дубовых брусках расселось целое семейство младших родственников большого колокола – беспечных колоколов-подголосков.

Здесь, на самом верху, – царство птиц и облаков. Город внизу почти исчез. И только небо склоняется над колокольной, окутывая ее своим жемчужным сиянием.

Голос Ивана Великого

Триумфом московских колоколов была Пасха. В 1492 году она пришлась на 22 апреля.

Колокола начинали свою главную песнь в ночь с субботы на воскресенье, когда раскрывались церковные двери и со всех сторон раздавалось ликующее тысячеустое «Христос воскрес!».

Согласно древней традиции первым подавал свой властный голос большой колокол-благовестник на колокольне кремлевского Успенского собора. Колокольню построил еще Иван Калита. Она представляла собой восьмигранную белокаменную башню.

Верхнюю часть башни прорезали арки, в пролетах которых размещались большие и малые колокола (145,78).

В нижней части башни князь Иван Данилович велел устроить маленькую церковь во имя своего небесного покровителя – святого Иоанна Лествичника. По названию этой церкви москвичи издавна называли колокольню Иван Великий.

Отливка колоколов была делом сложным и дорогостоящим. Построив колокольню, Калита так и не успел оснастить ее полным хором медных голосов. Дело отца пришлось довершать сыновьям – Семену Гордому и Ивану Красному.

Обычно колокол украшали надписью, где сообщалось, при каком государе и при

каком иерархе он был отлит. Западноевропейские мастера (одним из которых, судя по прозвищу, был и создатель первых московских колоколов Борис Римлянин) любили украшать свои творения изображениями святых и гордым девизом из Священного Писания – «Если Бог с нами, – то кто против нас?!».

Не знаем, дошли ли колокола Семена Гордого до 1492 года. Москва за эти полтора века много раз выгорала так сильно, что даже каменные стены кремлевских соборов давали трещины. От неимоверного жара колокола расплавлялись и таяли, как сосульки под весенним солнцем.

Но как бы там ни было, именно могучий глас Ивана Великого первым пронесся над Москвой в эту пасхальную ночь. И в ответ ему разом грянули «во все колокола» московские храмы.

Оглушительный звон, поднявшийся с ночи, стоял над Москвой и во весь день Светлого Христова Воскресения. Возле колоколен выстраивались длинные очереди. Многие миряне считали своим долгом лично позвонить в колокол во славу воскресшего Господа нашего Иисуса Христа.

Люди прогуливались по улицам, приветствуя друг друга возгласами «Христос воскрес!» и отвечая обязательным «Воистину воскрес!». Религиозное возбуждение смешивалось в их сердцах с радостью

191

по случаю окончания долгого и строгого Великого поста. Настроение поднимала и апрельская теплынь. «В апреле земля прееет», – гласит старинная поговорка. Проснувшиеся силы природы бродили в жилах и у людей.

Для духовенства Пасха и вся следовавшая за ней Светлая неделя были своего рода «страдной порой». Здесь, по пословице, «день год кормит». Каждый священник устраивал в своем приходе процессию с крестами и иконами. Заходя в дома прихожан, клирики молились о благополучии их обитателей и собирали щедрую милостыню.

Звонарь и ласточки

«Nullus enim locus sine genio est!» – гласит латинская поговорка. «У каждого места есть свой гений!»

Своего «гения» имела и Соборная площадь московского Кремля. Это был старый звонарь, который жил в тесной каморке под колокольной.

Напрасно искать его имя в летописях. Для историка он не имеет имени, а значит, и вообще не существует. Однако его шаркающую походку помнят древние камни Соборной площади.

Каждый раз, переводя дыхание после восхождения, он привычно оглядывал город с высоты и шептал одну короткую молитву. В ней он просил Господа и его Пречистую Матерь смиростивиться над грешными москвичами, даровать им мир и благополучие, избавить их от всяких бед и напастей. И кто знает, не его ли молитвой, услышанной на близких от него небесах, спасалась столица Руси...

Под мерный гул холодной меди его душа давно уснула для земных страстей. Однако, поднявшись над земным, он всем сердцем полюбил небесное – вечный круг небосвода и зыбкие очертания облаков, ветер далеких лесов и блеск зарниц.

Но более всего он полюбил ласточек. Подобно ангелам, они жили в воздушной стихии и никогда не садились на землю. Они лепили свои гнезда на уступах колокольной, под ее благовест растили своих птенцов, а осенью по воле Божьей уносились куда-то в неведомые южные страны.

«Взгляните на птиц небесных...» – говорил Спаситель. И старый звонарь, следуя этому совету, подолгу наблюдал за тем, как ласточки острыми крыльями чертили в небе над Москвой свои таинственные узоры.

Ни глупые галки, ни хитрые вороны, ни суетливые воробьи не существовали для

звонаря. Москва была для него городом колоколов и ласточек.

Небесная топография

Что же мог увидеть вокруг наш старый звонарь, медленно поднявшийся по ступеням соборной колокольни солнечным утром 22 апреля 1492 года?

С этой высоты Москва была видна как на ладони. Рядом, у самой колокольни, напрягал могучие своды и возносил к небесам свои круглящиеся главы новый Успенский собор. За ним теснилось причудливое скопище построек Кремля – дворцов и подворий, изб и амбаров, церквей и колоколен, островерхих теремов и высоких глухих заборов.

От Соборной площади расходились узкие улочки, ведущие к проездым башням Кремля – Боровицкой, Троицкой, Никольской, Фроловской (Спасской) и Константино-Еленинской. Вынырнув из-под башни, улочки превращались в дороги, расходившиеся из Москвы в разные стороны.

У Никольской башни начиналась большая дорога, которая вела на северо-восток. Глядя на нее, звонарь всегда крестился и кланялся, словно перед иконой. Ведь это была главная дорога Святой Руси. Сквозь леса и болота она вела на Маковец, к монастырю святого Сергия, а дальше – к святыням Переславля-Залесского и Ростова, к Ярославлю и к тихим обителям за Волгой.

Другая дорога, уходившая от Фроловской башни, сбегала вниз к Москве-реке. Прильнув к ее левому берегу, она устремлялась на юго-восток, в сторону Коломны и Рязани. В раннем и далеком детстве не раз слышал звонарь от своего деда рассказ о том, как по этой истоптанной, пыльной дороге уходили из Москвы на Куликово поле железные Полки Дмитрия Донского.

За Боровицкими воротами Кремля расходились каждая на свой удел еще две дороги – на запад (в Звенигород, Можайск и Смоленск) и на северо-запад (в Волоколамск, Тверь и Великий Новгород). И этим древним дорогам было о чем вспомнить. Из своих ранних лет помнил звонарь, как Можайская дорога грозила Москве внезапным налетом лихих удельных князей – Ивана Можайского и Юрия Звенигородского. А по тверской дороге привезли в ликующую Москву новгородский вечевой колокол – тот самый, что смиренно висел теперь на соборной колокольне, знаменуя победу Москвы над гордым хозяином Русского Севера.

Треугольник Кремля в основании своем, с юга, был обрамлен синей лентой Москвы-реки, а с севера – запруженной и широко разлившейся Неглинкой. Восточную сторону прочерчивала полоса каменных стен, за которыми раскинулась торговая площадь, позднее названная Красной. Дальше к востоку, словно огромный муравейник, копошился «великий посад» – главный торгово-ремесленный район города. Его усадьбы занимали пространство между современной Никольской улицей и ее продолжением – улицей Сретенкой на севере и Москвой-рекой на юге.

Восточная граница «великого посада» по мере его роста отодвигалась все дальше и дальше. Во времена Ивана III она достигла современного бульварного кольца.

Частые боевые тревоги заставляли московских правителей заботиться о надежном прикрытии наиболее уязвимой для внезапного нападения северо-восточной окраины города. Великий князь Василий I приказал прокопать длинный ров от современной Лубянской площади до Москвы-реки. Однако из-за большого объема работ и сопротивления горожан, чьи усадьбы оказывались на пути строителей, дело сильно затянулось. Первое упоминание в московских летописях об этом рве как о существующем относится к 1468 году (256, 70). Таким же рвом к середине XV века была окружена и северная часть Москвы – Занеглименье (256, 79).

Позднее, в 1508 году, итальянский мастер Алевиз Фрязин выкопал глубокий и широкий ров вдоль восточной стены Кремля, соединивший Москву-реку с Неглинкой. В результате Кремль превратился в окруженный водой неприступный остров. А еще позже, в 1547 году, другой итальянец, Петрок Фрязин, окружил «великий посад» высокой каменной стеной, которую москвичи прозвали Китай-город.

Сверху отчетливо видны были особенности застройки тогдашней Москвы: отсутствие какого-либо заранее принятого плана и готовность идти на уступки природе и ландшафту. Впрочем, во всем любивший порядок великий князь Иван III установил единую меру ширины для московских улиц и отодвинул посад подальше от Кремля.

Следуя логике жизни, Москва вытягивалась длинными языками вдоль больших дорог, ведущих в другие города. Начинаясь как улицы, расходившиеся веером от Кремля, дороги через две-три версты скрывались в лесах, обступавших Москву со всех сторон.

Лес был колыбелью Москвы, ее хранителем и воспитателем. Она родилась под шум векового бора. Лес дал Москве не только безопасность, но и удивительную способность быстро воскресать из пепла после самого опустошительного пожара.

Среди неоглядного леса тут и там виднелись широкие поляны, на которых грудились несколько десятков избышек, окруженных широкими ломтями пашни. То были старинные подмосковные села – Кудрине, Напрудное, Котлы, Хвостовское, Даниловское, Симонове, Дорогомилово...

От дальних сел и перелесков взгляд колокольного наблюдателя незаметно переходил на болотистую равнину Замоскворечья, усеянную домишками городской бедноты. Ослепительно сверкали на солнце огромные лужи и затоки – свежие следы весеннего разлива Москвы-реки.

Через реку Неглинку близ Кремля был переброшен наплавной мост. По нему сновали люди, тянулись обозы, прибывшие в Москву с севера. Однако сам района Занеглименья выглядел пустовато. Не отличалась обжитостью и западная часть города – районы современного Арбата, Остоженки и Пречистенки. Здесь уставленные стожками сена сырые луговины прорезали многочисленные овраги. Перебираясь через них, скользя и падая на мокрой глине, москвичи ворчали: «Да здесь сам черт ногу сломит!» И местность эту в сердцах называли Чертольем, а протекавший в овраге ручей – Черторыем.

Весной 1492 года Москва сверху напоминала пестрое лоскутное одеяло. Там, где недавно пролетел «красный петух», вперемешку с полосами гари золотились новые бревенчатые срубы. Старые дома в тогдашней Москве встречались редко. Это была вечная новостройка, где о прошлом помнили только два-три почерневших от огня каменных храма...

Промежутки между постройками заливала нежная зелень. Дома москвичей стояли в окружении обширных садов и огородов.

Ограниченные возможностями своего материала – круглого бревна, московские строители все же не забывали о красоте. Она достигалась путем усложнения и заострения очертаний здания. На фоне заката городская застройка напоминала строй молодого ельника, где каждая макушка хоть немного, но отличается от соседних.

Каменные постройки встречались в Москве лишь изредка. Почти все они, за исключением крепостных стен, были соборами или трапезными больших монастырей. После бесконечной, но несколько однообразной игры ломаных линий глаз отдыхал на их спокойных арках, на мягких очертаниях апсид и куполов.

Московский акрополь

Поблуждав по городу, взгляд звонаря вновь возвращался к Кремлю. Вдоль узких улочек, ведущих к проездным башням, теснились обнесенные высоким тыном усадьбы московской аристократии. Тут и там виднелись белокаменные храмы древних кремлевских монастырей – Спасского, Вознесенского, Чудова. Свое подворье с каменным храмом имел в Кремле и Троице-Сергиев монастырь.

Жить в Кремле, поблизости от великого князя и митрополита, считалось почетным. Ради этого знать готова была терпеть всевозможные неудобства. Главным из них была теснота, недостаток места для жилых помещений, садов, огородов и служб.

«Квартирный вопрос» и тогда уже сильно портил москвичей. Вокруг кремлевской

«жилплощади» плелись бесконечные интриги и завязывались многолетние тяжбы. Право собственности на землю в Кремле, подтвержденное традицией и жалованными грамотами первых князей, в принципе, было нерушимым. Однако по мере усиления московского деспотизма над всяким правом поднималось право государя на произвол. Падение некогда могущественных родов тотчас влекло за собой их «выселение» из Кремля. Иван III присвоил себе усадьбу своего дяди - осужденного на пожизненное заключение князя Василия Серпуховского. На его земле государь выстроил себе новые палаты. С той же грубоватой прямоотой он избавился и от придворного Спасского монастыря, колокола которого звонили прямо в окна великокняжеской спальни. Монастырю предложено было перебраться на новое место, в урочище Крутицы на юго-восточной окраине Москвы. При перестройке стен и прокладке новых улиц Иван выселил из Кремля некоторые купеческие фамилии (201, 210).

Весной 1492 года великий князь Иван начал строить себе на месте старого новый кремлевский дворец. В качестве временного местопребывания он избрал расположенный неподалеку только что отстроенный дом боярина Ивана Юрьевича Патрикеева. Его хозяину взамен был дан участок земли возле церкви Рождества Богородицы. Не знаем, был ли доволен и счел ли за честь старый боярин такое «новоселье». Однако спорить с великим князем он, конечно, не стал. (Возможно, эта сговорчивость спасла Патрикееву жизнь. Семь лет спустя Иван III приговорил его к смертной казни, но в последний момент помиловал и отправил на жительство в Троицкий монастырь.)

Теснота в московском Кремле была, конечно, относительная, ощутимая только привыкшим к деревенскому раздолью русским человеком. По европейским же понятиям это была необычайно просторная цитадель. Внушительные размеры Кремля определялись прежде всего его назначением. В час беды он должен был вместить в себя все население города. Не случайно русские люди часто называли свою городскую крепость «детинец». Сюда, как перепуганные дети, сбегались они в час смертельной опасности. Здесь укрывались старики, женщины и дети в те дни, когда мужчины уходили в поход.

В Москве, как и в других средневековых русских городах, не было похожего на каменную скалу замка правителя, защищенного прежде всего со стороны городских кварталов. Московский «акрополь» был как бы городом в городе. Опасность нападения восставших горожан – ночной кошмар всех европейских государей – мало беспокоила московских князей. Для них гораздо важнее было укрыть себя и своих подданных каменными стенами от внезапного набега татар и литовцев.

Река и город

Посреди города неслышно скользила река.

Сюда, к реке, город был обращен своим главным фасадом.

Река была не только его главной улицей. Она была душой города. В ее змеиных извивах жила таинственная сила, позволившая Москве поставить на колени всю тогдашнюю Русь.

В эпоху Ивана III Москва-река сильно отличалась от нынешней коричнево-серой лужи, по которой лениво проплывают пропахшие пивом «речные трамвайчики».

Прозрачная и звонкая на плесах, темная и тихая в заводях, она привольно струилась в низких зеленых берегах.

Питаемая водами десятков лесных рек и речушек, Москва-река подходила к городу широким и полноводным потоком. Лишь в самое жаркое лето она подсыхала так, что и на главном русле из воды поднимались длинные песчаные мели и черные спины валунов. Тогда кое-где (у нынешнего Крымского моста, возле села Котлы, возле Симонова монастыря) ее можно было перейти вброд. Однако и в такую пору легкие суденышки, ведомые опытным лоцманом, без особого труда поднимались по ней от Коломны до Москвы.

Выше города река была уже почти непригодной для судоходства из-за огромного количества сплавного леса. Именно там, в верховьях Москвы-реки, запасали бревна для отстройки города после очередного пожара.

С путником, спускавшимся от Можайска вниз по Москве-реке, столица словно играла в прятки. Она то открывалась вдруг сказочным градом Китежем, то вновь надолго скрывалась за зеленой завесой тальника. Первым ее вестником был красовавшийся на высоком левом берегу деревянный замок – Дорогомилово. Как и многие другие московские урочища, это место получило свое название от имени первого владельца – новгородского боярина Ивана Дорогомилова, перебравшегося в Москву еще во времена князя Даниила Александровича (252, 571).

Потомки боярина со временем потеряли свое родовое владение. Из летописей известно лишь, что в начале XV века в Дорогомилове уже располагалось подворье ростовского архиепископа.

Второе лицо в иерархии после митрополита, ростовский владыка был духовным пастырем всего Русского Севера. Московские князья не пожалели для него одно из лучших мест в городе. Достоинства Дорогомилова были очевидны. Отсюда до Кремля было всего лишь около двух верст. Архиепископу не составляло большого труда хоть каждый день являться в Кремль на прием к великому князю или митрополиту.

Мимо ростовского подворья в XV веке проходила торная дорога из Москвы в Звенигород, Можайск и Смоленск. Обилие всякого проезжего люда пополняло церковные кружки и сундуки отца-казначея. Доволен был и отец-келарь: Москва-река здесь, выше города, была богата рыбой.

Но при всем том место было и весьма «душеполезным». С высокого берега открывались бескрайние просторы, при виде которых души иноков наполнялись благоговением перед красотой Божьего мира.

Довольный своей резиденцией, ростовский архиепископ Григорий в 1413 году построил здесь каменную церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Со временем рядом выросла слобода Дорогомиловская, жители которой либо служили на дворе у архиепископа, либо промышляли ямской гоньбой по Смоленской дороге.

За Дорогомиловом река, словно передумав течь к Москве, делала крутой поворот на юго-запад. Город, едва показавшись вдалеке, надолго исчезал из глаз. По левому берегу тянулись унылые болота и заросли кустарников. Правый берег от устья речки Сетуни быстро уходил ввысь лесистой громадой Воробьевых гор.

Название урочища объясняют просто: когда-то здесь было владение бояр Воробьевых (256, 92). Позднее село Воробьеве упоминается в источниках как собственность матери Василия II Темного великой княгини Софьи Витовтовны. С ее кончиной оно так и осталось дворцовым – принадлежавшим московским великим князьям. Должно быть, уже тогда вершина Воробьевых гор была украшена существующей и доныне церковью в честь Пресвятой Троицы.

Именно отсюда, с кромки Воробьевых гор, с высоты около 80 метров, открывается лучший вид на Москву. Вся юго-западная часть города, от пустырей Лужников и до золотой короны Кремля вдалеке, лежит внизу как на ладони.

Возможность охватить одним взглядом едва ли не треть огромного города волнует и завораживает. Сюда приходят для мистической встречи с Москвой и ее гости, и постоянные обитатели. Вот оно, гигантское сердце России, разгоняющее по жилам ее неторопливую славянскую кровь...

Красоту Воробьевых гор ценил Иван Грозный, часто живший здесь в своем летнем дворце. Этот дворец помнил еще его отца, великого князя Василия III – большого любителя охоты и сельского приволья. Однако в 1492 году дворца на Воробьевых горах еще не было. Осторожный Иван III, опасаясь внезапного татарского набега, предпочитал жить летом в Красном селе, – в четырех верстах к северо-востоку от Кремля и неподалеку от спасительной переславской дороги.

Вновь прихотливо вильнув у подножия Воробьевых гор, Москва-река поворачивала на северо-восток и устремлялась к Кремлю. Правый берег ее, постепенно опускаясь, становился низким и пустынным, а по левому открывалась спускавшаяся к самой воде широкая луговина. В старину по ней рядом стояли приземистые постройки, от которых ветер доносил густой навозный дух. Здесь, на самой окраине города, издавна располагались великокняжеские конюшни. Скошенное на лугу сено ставили в стога, длинная череда которых со временем дала название проложенной по краю луга улице – Остоженка.

Вслед за государевыми сенокосными угодьями по левому берегу открывался застроенный кое-где черными избами обрывистый холм – Чертолье. В прорезавшем его глубоком овраге бурлил, устремляясь к Москве-реке, мутный ручей Черторый. На уступе среди зелени виднелись чешуйчатые главки и серебристые шатры деревянных церквей – древний Алексеевский монастырь. Его основал по просьбе своих сестер Ульяны и Юлии московский святитель митрополит Алексей. Соборный храм монастыря был посвящен Зачатию святой Анны. Отсюда и второе название монастыря – Зачатьевский.

Ближе к Кремлю, у самого берега находился обширный Лесной ряд. Здесь вылавливали, сушили и продавали строительный и дровяной лес, сплавленный по Москве-реке.

Вслед за оврагами и кручами Чертолья над левым берегом Москвы-реки вырастал Боровицкий холм, увенчанный башнями Кремля. Драгоценными камнями этого венца были многочисленные храмы.

Весной 1492 года московский Кремль напоминал разворошенный муравейник. Везде обтесывали доски, складывали срубы, копали рвы под фундаменты, разбирали по бревнышку старые, отжившие своё постройки. На месте древних стен Дмитрия Донского итальянские мастера спешно возводили новые, сложенные из красного кирпича и украшенные зубцами в виде ласточкиного хвоста.

За Кремлем через Москву-реку был переброшен наплавной мост, по которому шла дорога на юг. А по левому берегу сквозь темную массу бревенчатых построек «великого посада» пробивалась его главная улица – Великая. Начинаясь от Константино-Еленинской башни Кремля, она шла через весь посад и упиралась в болото на его восточной окраине. У начала этой улицы, на самом берегу Москвы-реки, стояла впервые упомянутая в летописях под 1468 годом церковь Николая Чудотворца – покровителя всех путешествующих и особенно – плавающих по водам. В народе ее называли Никола Мокрый. Образ Николы в этом храме несколько отличался от канонического: святитель был изображен с мокрой бородой.

Вдоль берега Москвы-реки великий посад тянулся до церкви Зачатия святой Анны, за которой начинался болотистый Васильевский луг, простиравшийся до самого устья Яузы. Здесь был один из главных узлов деловой жизни Москвы. В устье Яузы устроены были пристань и склады для всевозможных товаров. А за рекой, «в Заяузье» располагались слободы кузнецов и гончаров. Их ремесло требовало постоянной работы с огнем, и потому они обычно поселялись где-нибудь подальше от центра города и поближе к воде. Над закопченными лачугами Заяузы в 1492 году поднимались две церкви – одна деревянная, во имя великомученика Никиты, и другая, каменная – в честь Спаса Преображения в одноименном монастыре.

Этот обособленный район Москвы издавна был облюбован искавшими тишину иноками. На правом берегу Москвы-реки стоял первый московский монастырь – Данилов. А почти напротив него, на левом берегу, высился белокаменный собор Симонова монастыря – любимое детище Дмитрия Донского. Сюда же, в урочище Крутицы, Иван III переселил из Кремля древний Спасский монастырь.

Свет кабака

В тот день, когда в Москве все только и говорили, что о наступившей Пасхе и о скором Страшном суде, некий кабацкий ярыжка стоял с протянутой рукой в церковном притворе. Расчет его был прост и точен. Щедрые по случаю Пасхи прихожане не обошли и его своим подаванием. И вот теперь, под вечер, он петливой походкой брел знакомой тропой в кабак.

Не станем искать в пожелтевших хрониках имя этого блудного сына России, ибо «имя ему – легион». Когда-то у него, должно быть, имелись и ремесло, и дом, и семья. Но потом на ухабах жизни он растерял все и остался один.

Летом ярыжка спал, где придется, и питался, чем перепадет. Зима загоняла бродягу на церковную паперть. Днем он стоял здесь с протянутой рукой, а ночью спал, накрывшись какими-то ветхими тряпками. Собранную за день скупую милостыню, львиную долю которой забирал церковный сторож, он вечером спешил обратить в чашу хмельного зелья...

Вот и теперь, в этот пасхальный вечер, когда оглохший от колокольного звона православный народ уже тяжело похрапывал на своих перинах, он брел в кружало, бормоча под нос какой-то полузабытый акафист и то и дело нежно поглаживая языком припрятанную за щекой заветную монетку.

Путь его сам по себе был нелегким. Московская улица той поры представляла собой весьма причудливую картину.

Уложенные по краям улицы длинные продольные лаги несли на себе плотно подогнанные одна к другой поперечные плахи. Они-то и создавали своеобразную деревянную мостовую. «Мостники» работали на совесть. Однако время брало свое. Разбитые колесами телег и конскими копытами плахи торчали, как щетина. Под толстым слоем навоза таились ямы, готовые сломать ногу не только человеку или лошади, но даже слону, если бы он вздумал прогуляться по этой улице.

По сторонам бревенчатого настила тянулись канавы, полные нечистот и отбросов. В них жили серые крысы – разносчицы чумы. На их стремительные стаи с опаской поглядывали не только кошки и собаки, но и одинокие прохожие. Темнота была любимым временем крысиных перекочевков.

Улица была стиснута высокими заборами из врытых в землю толстых кольев. Над заборами поднимались бревенчатые стены похожих на крепостные башни теремов и палат. Местами постройки сходились так тесно, что улица превращалась в узкую и темную щель.

Однообразие картины лишь кое-где нарушали узкие калитки и тяжелые ворота с резными столбами. От этих могучих конструкций веяло угрозой. На каждом полотнище ворот словно невидимыми буквами было написано – «Прочь отсюда!». Подворотни плотно закладывали досками, чтобы в них не могла пролезть даже чужая кошка.

Средневековье вообще не отличалось приветливостью. Заслышав случайного прохожего, за воротами поднимали яростный лай свирепые псы.

Ночные грабежи и разбои были тогда обычным явлением. Все дворовые постройки были увешаны огромными железными замками. Эти замки, а также их тяжелые замысловатые ключи, – обычная находка археологов, раскапывающих слои XV столетия в старых русских городах. Но если предусмотрительные обыватели могли отсидеться за высоким тыном своих дворов, – то худо было одинокому запоздалому прохожему. Даже полтора века спустя по рассказам одного иностранца, добропорядочный москвич давал засидевшемуся в гостях приятелю целую свиту вооруженных дубинами слуг, провожавших его до дома.

Грабители действовали обычно целыми шайками. Летописи рассказывают, как однажды, во время визита Василия Темного в Новгород в 1460 году, один из его воевод (это был знаменитый своей храбростью Федор Басенок) засиделся на пиру у посадника. Возвращаясь назад по темным улицам с несколькими слугами, Басенок подвергся нападению целой толпы каких-то вооруженных бродяг, которых летописец называет

«шилльниками». Едва отбившись от нападавших и потеряв убитым своего слугу, воевода ускакал в стан москвичей на Городище.

Великий князь Иван III в конце своего правления решил покончить с ночными разбоями в Москве. Под 7012 годом (1 сентября 1503 – 31 августа 1504) летопись сообщает: «Того же лета уставиша на Москве по улицам решотки» (39, 244). Об этих заграждениях рассказывает в своей книге и австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, посещавший Москву в 1517 и 1526 годах:

«Следствием крайней обширности города является то, что он не заключен в какие-либо определенные границы и не укреплен достаточно ни стенами, ни рвом, ни раскатами. Однако в некоторых местах улицы запираются положенными поперек бревнами и при первом появлении сумерек так стерегутся приставленными для этого сторожами, что ночью после определенного часа там ни для кого нет проходу. Если же кто после этого времени будет пойман сторожами, то его или бьют и обирают, или бросают в тюрьму, если только это не будет человек известный и именитый: таких людей сторожа обычно провожают к их домам. Такие караулы помещаются обыкновенно там, где открыт свободный доступ в город, ибо остальную его часть омывает Москва, в которую под самым городом впадает Яуза, через которую из-за ее крутых берегов в редком месте можно перейти вброд» (5, 132).

В другом издании книги Герберштейна это место читается несколько иначе. Великий князь приказал запираť улицы «ночью в положенный час решетками или деревянными воротами, чтобы не было всякому свободного прохода туда и сюда с преступной целью» (5, 132).

Ну а в 1492 году решеток и сторожей еще не было, и темные объятия улицы были распахнуты для всех. Конечно, забубённая голова кабацкого ярыги не стоила и копейки для тех лихих людей, которые с наступлением темноты выползали из своих нор на улицы Москвы. И все же наш герой ускорял шаг и с тревогой вглядывался в уже безлюдную щель улицы. Для храбрости он то и дело похлопывал себя по поясу, на котором висел острый нож – верный спутник каждого, даже самого бедного москвича той поры. Но что он мог сделать со своим ножом в одиночку против шайки ночных татей? Ровно ничего.

Хлюпала под ногами ярыжки холодная весенняя грязь, луна бросала на дорогу зловещие тени. Но вот, наконец, впереди, во мраке, метнулся луч тусклого желтого света. То была приоткрытая кем-то заветная дверь кабака...

ГЛАВА IX ВОЛЬНЫЙ СЕВЕР

*Благословен тот, кто нашел себе дело.
Карлейль*

Русский Север – это мир не менее своеобразный, чем Урал или Сибирь. Внутри него ясно выделяются две историко-культурные зоны, примерно совпадающие с границами современной Вологодской и Архангельской областей.

Вологодчина как бы замкнута в себе. Здесь человек со всех сторон стеснен лесными дебрями и болотами. Душа его в поисках выхода устремляется вглубь себя, открывая бесконечные дали мистических пространств.

Вологда издавна смотрела одним глазом на Новгород, а другим – на Москву. Она не имела свободного выхода к морю. Путь по Сухоне к Северной Двине перекрывал Великий Устюг – северный форпост Москвы.

Но уже за Белоозером начинается другой мир. Реки здесь свободно текут к морю, а люди идут по течению рек. Онежское озеро и связанные с ним реки были исконными владениями Господина Великого Новгорода. Отсюда, из Обонежья, промысловые ватаги новгородцев кратчайшим путем выходили к Белому морю.

Для новгородцев Беломорье было «краем света». Здесь, на этом загадочном Дышащем море, виделись им то врата ада, то украшенный «Деисусом лазоревым» вход в земной рай (30, 44). Здесь запад встречался с востоком.

Но пришло время – и Новгород рухнул, словно библейский колосс на глиняных ногах. Его «суровые и непокоривые» граждане исчезли неведомо куда. На память о себе они оставили нынешним обитателям поморского Севера лишь былины про богатырей да загадочные красные узоры на полотенцах.

Но не от древнего ли новгородского корня произрастает характер поморов – это удивительное сочетание мечтательности и деловитости, спокойствия и непоседливости?

Люди дела

В архивах сохранился один любопытный документ, относящийся к Поморскому Северу и датированный 7000 годом. Суть его сводится к следующему. Братья Григорий, Михаил и Николай Рычковы обратились к «хозяину земли Русской» великому князю Ивану III с просьбой разрешить им заняться разработкой «соляного ключа» на реке Куе. (Эта река впадает в Двинскую губу Белого моря верстах в шестидесяти к северу от современного города Архангельска.) Здесь, на старом колодце, уже велась добыча соли. Однако раствор иссяк и колодец был заброшен. Предприимчивые братья надеялись возродить драгоценный «соляной ключ», очистив от песка и углубив скважину.

Задержимся на этой замечательной картине. Мир в ужасе замер у последней черты, отделяющей «всегда» от «никогда»... Монахи запирают ворота монастырей и готовятся с пением встретить грядущего с востока Спасителя... А эти деловые люди, надеясь на милость Божию или, скорее, на бессмертный русский «авось», предполагают ставить варницу и уже подсчитывают будущие барыши!

«Оригинальнейшая черта русского человека, – в каждый данный момент он искренен», – заметил однажды Максим Горький (118, 40). Кажется, с такой же парадоксальной искренностью русский человек XV столетия верил и в скорый конец света, и в продолжение обычного порядка жизни после рокового рубежа.

Впрочем, у беспечных братьев нашелся единомышленник. Им оказался не кто иной, как сам великий князь Иван Васильевич. Желая поддержать полезное дело, великий князь обещал солеварам, что в случае успеха они получают льготу: освобождение от всех платежей в казну сроком на семь лет.

Текст этого небольшого документа сохранил живое очарование витиеватой старинной речи. Вслушаемся в ее плавное течение.

«По великого князя слову Ивана Васильевича всеа Руси великаго князя писец Тимофеи Михайлов сын Офонасьева с товарищи дали есмя Гриде Иванову сыну Рычкову, да его брату Мишку, да Никулке на зимней стороне в реке в Куе кладяз старой ключа соляного искати. И проявит ему Бог ключ соляной, и они собе у того кладезя варници поставят, начнут соль варити, ино им с тех варниц не давати великого князя оброку и иных никоторых пошлин семь лет. А отъидет те семь лет, и им давати с тех варниц оброку, чем их опишет опищик великого князя. Дана грамота лета 7000» (1, 21).

Получив от великого князя льготную грамоту, предприниматели взялись за дело. Удача сопутствовала им. Варница заработала и стала приносить прибыль.

Соляной промысел на реке Куе находился в руках семейства Рычковых до середины XVI века. Потом он перешел от них к Константину Житкому. Тот не сумел поднять промысел и в 1562 году продал эти земли Соловецкому монастырю. Деловитые соловецкие инокы прежде всего выставили с Куи соседей-двинян, которые, считая земли «ничьими», повадились ловить там рыбу, валить лес и бить морского зверя. После этого монахи повели дело так, что заглохший было соляной промысел на Куе быстро возродился. В итоге Куйское усолье на несколько десятилетий стало самым продуктивным в Поморье (262, 42).

Вместе с оборудованием варницы Соловецкий монастырь получил и все относящиеся к ней документы, начиная с грамоты 7000 года. Там, в архиве монастыря, эта грамота и сохранялась до перехода в руки историков.

Соль земли

Добыча соли, которой жил тогда едва ли не весь поморский Север, была сложным и трудоемким делом. Обнаружив источник соленой воды, солевары при помощи буров с наконечниками в виде кованых железных «венцов» делали скважину глубиной до нескольких десятков метров. В скважину опускали деревянные трубы, изготовленные из высверленных внутри древесных стволов.

Лучшими считались «ключевые» скважины, где раствор поднимался на поверхность под давлением внутри подземного водоносного пласта. В этом случае солеварам, оставалось только направлять фонтанировавший из трубы раствор по деревянным желобам к месту его выпаривания.

В случае, когда раствор не шел самотеком, его вычерпывали особой бадьей, прикрепленной к сооружению типа колодезного «журавля».

Извлеченный из-под земли раствор кипятили над огнем в огромных железных противнях («цренах»). Огонь поддерживали в яме, стенки которой выкладывали кирпичом. Вся конструкция помещалась в крытом бревенчатом срубе, через верхние окна которого пар и дым выходили наружу.

Продолжительность процесса выварки зависела от качества добытого из земли соляного раствора. В дело шли растворы с концентрацией соли от одного процента и выше. Выпаренную соль собирали с остывшего црена лопатами и ссыпали в мешки.

Для обслуживания варницы требовалось как минимум три человека – дровосек, повар и водолив. Первый заготавливал и подвозил дрова, второй следил за кипячением и поддерживал огонь под цреном, третий подливал раствор.

Весь цикл работ, начиная от заливки в црен первой бадьи с раствором и кончая упаковкой полученной соли в мешки, назывался «варей». Каждая «варя» продолжалась не менее суток. Поэтому на варнице обычно трудились, сменяя друг друга, два повара и два водолива (137, 95).

Работа на варнице велась только зимой. Горы дров, необходимые для поддержания огня под цреном, можно было доставлять лишь по санному пути.

Приобретение необходимых для солеварения приспособлений и дров обходилось весьма недешево. Расходы возрастали в связи с тем, что для обслуживания варницы ее владельцам часто приходилось нанимать работников. А между тем раствор в скважине мог в любую минуту иссякнуть. Случалось, что «колодец» затягивало песком. Малейший недосмотр за пылающей печью грозил пожаром.

Соляное дело было рискованным и дорогостоящим. Поэтому «варницы» обычно устраивались при долевого участии нескольких предпринимателей – родственников или близких друзей.

Цена на соль всегда была высокой. В начале XV века даже в Старой Руссе, одном из главных центров солеварения, мешок соли стоил примерно на треть дороже мешка ржи (137, 108). Поэтому солеварение, как и всякий доходный промысел, издавна привлекало внимание «власть имущих». В конце XV века в центральных районах страны владельцами варниц обычно выступали князья, бояре или крупные монастыри. На Поморском Севере, где соляные ключи встречались довольно часто, а население еще было редким, этим промыслом занимались преимущественно крестьяне. Иногда они попросту выпаривали отстоявшуюся в особых ямах морскую воду. Однако чаще добыча велась с помощью многочисленных скважин и колодцев. Известно, например, что в 1496 году в Сумской волости было 25 варниц, а в соседней Колежме – 9 варниц (137, 104). Расстояние от Сумского посада до Колежмы составляет около 25 километров.

Разумеется, и на Севере власть старалась не упустить своего. Для устройства варницы требовалось дозволение верховного собственника земли – великого князя Московского. Вся добытая соль облагалась налогом, размер которого иногда определялся по количеству ведер раствора, а иногда – по весу готовой соли.

По всему Поморью соляной промысел постепенно переходил к Соловецкому монастырю. Пользуясь благосклонностью и поддержкой великого князя, иноки развернули не только добычу соли, но и ее продажу. Не ускользнули от их внимания и другие местные промыслы – рыболовство, охота на морского зверя и добыча жемчуга. Отменный хозяин, монастырь вносил в любое дело упорядоченность, размах и ответственность.

«На нашем Севере – Соловки самое производительное, промышленное и, сравнительно с пространством островов, самое населенное место», – писал один бывалый путешественник в начале XX столетия (194, 193).

Впрочем, Соловки – это тема, заслуживающая отдельного разговора...

Три старца

Начало великих предприятий часто бывает будничным и незаметным. Летом 1429 года два монаха, Савватий и Герман, высадились на необитаемом острове у входа в Онежскую губу Белого моря. За их первыми шагами внимательно следили лишь сидевшие на камнях чайки. Общими усилиями монахи вытащили на берег свой карбас. Его днище оставило на сыром песке глубокий след...

Большой Соловецкий; остров был давно известен обитателям Беломорья. Однако постоянно жить здесь никто не отваживался. Короткое и прохладное лето не позволяло выращивать на острове рожь или овес. На скудной почве, под холодным дыханием полярного круга выживала лишь неприхотливая репа.

Савватий и Герман прожили на острове шесть лет, питаясь рыбой из озер, репой с огорода и скромными дарами леса. Нам трудно понять смысл их добровольных лишений. Ведь их дело было не от мира сего. На необитаемом острове они искали сокровище, которое отцы монашества называли коротким словом – безмолвие.

Но, наконец, не выдержали и эти железные люди. Островитяне вернулись на материк, где первый из них вскоре скончался.

Однако Герман не мог забыть безмолвие Соловков. Найдя себе нового сподвижника, монаха Зосиму, он возвратился на остров. На сей раз опыт оказался более удачным. Иноки не только прижились на Соловках, но и основали здесь небольшой монастырь, главная церковь которого была посвящена Спасу. Вскоре возникла небольшая, но дружная монашеская община. Так из веры и подвига трех святых старцев родилась Соловецкая обитель – краса и гордость Русского Севера...

Волею судьбы Соловецкий монастырь оказался своего рода наследником Господина Великого Новгорода. После завоевания Новгорода Иваном III все его северные владения переходят к Москве. Их прежние хозяева, новгородские бояре, предчувствуя беду, заранее спешили передать свои беломорские вотчины Соловецкому монастырю. Именно в эти годы и были заложены основы благосостояния островной обители. «Высокое житие» прославили соловецких иноков по всей Руси. Здесь, на острове, полгода отрезанном от материка непроходимой полосой дрейфующих льдин, жизнь была суровой и простой.

Мечта побывать на Соловках, помолиться у раки с мощами соловецких чудотворцев и получить их небесную помощь звала людей со всех концов Руси в далекий путь к чудесным островам. И даже во времена торжествующего атеизма едва освободившийся от колючей проволоки Соловецкий монастырь сохранял свою притягательную силу. О нем помнили. К нему стремились. У него просили если не чуда, то хотя бы горсти покоя...

Сегодня в монастырь возвратились монахи. Они, как и положено инокам, живут довольно отстраненной и замкнутой жизнью. Местные старожилы смотрят на них со

смешанным чувством почтения и настороженности. Ведь острова, в сущности, принадлежат им...

Прежде и теперь

Впервые судьба привела меня на архипелаг в апреле уже такого далекого 1984 года. С тех пор я много лет подряд приезжал сюда и каждый раз находил здесь нечто новое. Одна новизна радовала, другая печалила. Но так или иначе, Соловки менялись у меня на глазах. Сегодня они уже совсем не те, какими были полтора или два десятка лет назад.

Нет, вечные приливы и отливы все так же лениво поглаживают холодные спины валунов. И море остается все таким же Белым, и застывшие лесные озера все так же безупречно отражают золотую осень.

Но изменилась, так сказать, «человеческая составляющая» Соловков. Другим стал не только внешний вид монастыря и поселка, но и весь уклад жизни соловчан. На смену святой бедности и сельскому покою пришла торгашеская суетливость. Медленно, но верно умами местных жителей овладевает простая и сильная идея: «Все – на продажу». Философы и мечтатели, «взыскующие града», которые еще недавно составляли соль земли соловецкой, уходят один за другим. Одни – на материк, а другие – на тихое кладбище за окраиной поселка.

Быть так. Но мои Соловки, какими я увидел их тогда и какими запомнил на всю жизнь, остались при мне. Они живут в моей памяти. Они дороги мне, и, может быть, не мне одному. А потому опишем все, как помним.

Башня

Был серенький оттепельный день. Небольшой двухмоторный самолет с красно-белой раскраской фюзеляжа целый час тяжело пробивался сквозь плотные слои влажно-серых облаков и наконец устало присел на щербатый бетон взлетной полосы маленького аэропорта.

Уже при заходе на посадку сквозь просветы в облаках я впервые увидел монастырь. Огромный и черный, он лежал на белом снегу, словно какой-то невиданный доисторический зверь. Могучие лапы стен, узловатые бугры башен, рыжеватая чешуя железных крыш, а посередине всего этого – темная бесформенная громада собора.

Потом я шел по недлинной дороге от аэропорта до поселка, оглушенный тишиной. Под ногами постукивали и пружинили деревянные доски узкого настила. За ним началась вымощенная булыжником главная улица. По сторонам ее стояли перекошенные старостью деревянные постройки циклопических размеров. Одни, судя по кисейным занавескам и горшкам с алеющей геранью, были жилыми. Другие безропотно служили в качестве амбаров, конюшен и коровников. Кое-где на стенах этих сооружений виднелись доски с поблекшими надписями, сообщавшими о том, что они построены еще в прошлом веке.

Короткая главная улица упиралась в ворота монастыря. Их высокая арка казалась маленькой рядом с соседней башней, сложенной в глубокой древности какими-то соскучившимися исполинами. Успевший к тому времени повидать немало памятников русской старины, я в восхищении застыл перед башней.

Привычка сравнивать и систематизировать вызвала в памяти ряд более или менее близких зрительных ассоциаций. Похожие на гигантские каменные бочки башни псковского Кремля... Раздутый собственной мощью врубелевский «Богатырь»... Приземистые, словно вылепленные от руки новгородские церкви... Но все это лишь отдаленно перекликалось с соловецкой башней. Казалось, она была построена не из огромных валунов, а из таинственных сгустков той глубокой тишины, которая витала над Соловками...

На черных камнях, помнивших еще Сотворение мира, белели пятна лишайников. Кажется, им неплохо жилось там, на самом носу у дремлющего времени. И в этой нехитрой картинке позднее открылась мне главная тайна архипелага, главный секрет его магнетической привлекательности.

На Соловках как-то особенно наглядно представлены первичные элементы мира. Вода и камни, небо и земля – все здесь открывается в подлинном, первозданном виде. Кажется, Всевышний лишь недавно закончил здесь свою великую работу и, невидимый, смотрит на мир с жемчужных небес. И говорит словами древнего апокрифа: «И от волн создал Я камни твердые и большие. И из камней собрал Я сушу и назвал ее землей, а то, что посреди земли, назвал бездной. Море собрал Я в одно место и связал его игом. И сказал Я морю: "Вот, даю тебе вечный предел, не отходи от границ вод своих"» (15, 297).

Море здесь незаметно переходит в небо. Линия горизонта почти неуловима. Сквозь повседневность глядит сияющая бездна. И под пристальным взглядом вечности с восхитительной беззаботностью расцветает мимолетная жизнь.

Быть может, именно поэтому есть в соловецком безвременье и нечто коварное, наркотическое. Оно незаметно подчиняет человека и как бы растворяет его в себе. Здесь слишком размыта грань между бытием и небытием. И порою начинает казаться, что ее и вовсе нет...

Теплое дыхание апреля подтопило снежные шапки и наледи на древних стенах монастыря. Струйки талой воды, сбегавшие с крыш и уступов, окрашивали спины валунов какой-то особой, глубокой и влажной чернотой. Таким мне и запомнился монастырь при первом знакомстве: звенящие струи капли с поржавевших крыш, серые камни, покрытые пятнами лишайников и напоенные живительной влагой весны.

Гостиница

Пройдя под аркой первых ворот, я очутился в тесном монастырском дворике. Под ногами хлюпал серый водянистый снег. А со всех сторон громоздились старинные палаты, настороженно глядевшие узкими щелями окон. В замкнутом пространстве дворика они казались еще массивнее и внушительнее. Палаты хранили на своих фасадах морщины времени и разломы реставрации.

Под стать богатырским зданиям были и огромные полусгнившие бочки, лежавшие на боку в углу дворика. Надпись на табличке сообщала, что некогда они использовались монахами для приготовления кваса.

Справа от меня высился окрашенный какой-то странной мутно-розовой краской трехэтажный корпус, в нижнем этаже которого размещался сельский продмаг, а два других занимала гостиница.

Задержимся здесь на минуту и помянем тихим словом сей канувший в Лету историко-культурный феномен. Это была одна из тех незабвенных захолустных гостиниц, которые и доныне памятливы всем, кто странствовал с книжечкой-путеводителем в кармане по забытым «дорогам к прекрасному».

Бдительная тетушка в синем халате выглядывает из окошечка. На стене – преysкурant в окаменевшей рамке. Скрипучие и гулкие полы. Большая комната на пять или шесть кроватей. Посреди нее – стол, окруженный колченогими стульями и увенчанный стеклянным графином. Обкусанные края стола несут на себе следы чьих-то опытов по открыванию бутылок с пивом. На неровной, наспех покрашенной темно-синей краской стене топорщится крючковатая вешалка для одежды. Возле кровати – обожженная забытым кипятивником тумбочка.

Там, на скрипучей железной койке, под сокрушительный храп какого-то застрявшего на Соловках уполномоченного из Архангельска мне и предстояло провести свои первые соловецкие ночи.

Соловки в те времена почему-то объявлены были «пограничной зоной». Ходили слухи, будто они имеют какой-то особый стратегический интерес для наших военно-морских сил. Однако на деле этот таинственный интерес представлен был всего лишь небольшим учебным отрядом Северного флота. Начинающие матросы жили в огромном желтом здании бывшей монастырской гостиницы, расположенной на мысу под стенами обители. Рядом сонно покачивались на волнах три остроносых минных тральщика, пришвартованных кормой к бывшему Царскому причалу. Никаких боевых движений эти архаические суда не совершали, но самым своим видом придавали пейзажу бухты Благополучия какую-то особую многозначительность.

Несколько лет спустя, когда в столичных верхах решено было стремительно развивать туризм на Соловках, военно-морские силы покинули остров. Корабли подняли заржавевшие якоря и ушли доживать свой век куда-то за горизонт. Новобранцы по случаю отъезда устроили такой кутеж, что ненароком сожгли свою опостылевшую казарму-гостиницу. Ее печальные руины, из которых местные жители и по сей день выуживают кто гвоздь, кто кирпич, а кто и дубовую балку, все еще виднеются у старого причала.

Итак, в середине 80-х годов Соловки, быть может, в силу исторической инерции, все еще прикрыты были от посторонних глаз дырявой завесой секретности. Попасть на печально знаменитый архипелаг можно было только в составе туристической группы или «по казенной надобности». Такая надобность была и у меня. Я должен был обсудить с дирекцией местного музея возможность проведения здесь летней практики студентов-историков из МГУ.

Сначала были долгие разговоры в тесных и жарко натопленных кельях, занятых отделами музея. А потом меня как почетного гостя повели осматривать монастырь. Подробности этого первого знакомства давно погребены под толщей позднейших впечатлений. И все же я отчетливо помню крутую обледеневшую лестницу в стене, по которой мы с тогдашним заместителем директора Александром Мартыновым тщетно пытались вскарабкаться на чердак собора. Тогда он не принял нас. Но прошло время, – и соловецкий собор снизошел до меня со своей облачной высоты. Он приоткрыл мне лишь малую толику своего сокровенного знания. Но и ее хватило, чтобы я на всю жизнь остался его смиренным прихожанином...

Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря, построенный в 1558–1566 годах, – самый оригинальный и впечатляющий архитектурный памятник Русского Севера. Сегодня, после долгих лет реставрации, после повторного освящения и возобновления богослужений, он выглядит совсем не так, как выглядел два десятка лет назад. Нельзя сказать, что собор проиграл от реставрации, как это иногда случается с жемчужинами нашей древности. Напротив. Он как бы засветился снежной белизной своих стен, расцвел всем богатством изначальных форм, согрелся теплом песнопений и молитв.

Но я не забуду и тот собор, который покорила меня при первой встрече, который я потом подолгу наблюдал, приехав на Соловки тем же летом вместе с московскими студентами.

Издаലെка он напоминал тогда гранитную скалу. Однако четкие очертания стен и мерный ритм упругих закомар заставляли искать сородичей этого странного сооружения не в мире природы, а в мире архитектуры. И здесь из глубин памяти всплывали то монолиты египетских пирамид, то серые громады готических соборов.

Огромный и сумрачный, он гордо возвышался над прилепившимися к нему со всех сторон пристройками. Его центральная глава и башенки четырех приделов, поднятых на своды и создававших образ пятиглавия, были сверху словно обрублены. Обломы древнего темно-красного кирпича, как кровоточащие культы, были наспех «перевязаны» убогими дощатыми навесами в виде зонтиков. Белая известь стен от времени потемнела. Местами из-под нее проступали тяжелые кирпичи XVI столетия.

Обезображенный и словно разгневанный собор дышал какой-то грозной силой. Он устрашал и завораживал. Бывало, мы часами сидели перед ним на скамейке у крыльца музея, то обсуждая его архитектурные особенности, то просто молча созерцая изъеденные временем старые стены.

Вступив через гигантский портал в его прохладный полумрак, каждый ощущал себя лицом к лицу с какой-то неведомой силой. Два огромных квадратных пилона, словно ноги гиганта, вращались в холодный каменный пол. Под высокими сводами дремало чуткое эхо. От узких окон тянулись прорезавшие полумрак золотые полосы солнечного света.

В соборе царило запустение. Откуда-то с самого верха свисала огромная ржавая цепь от паникадила. На восточной стене уныло торчали балки креплений иконостаса. Почти осыпавшаяся роспись стен напоминала о себе то чьим-то размытым силуэтом, то свитком с исчезнувшей надписью, то крылом давно улетевшего ангела.

Но и в этом была своя прелесть. Заброшенность и неустроенность собора странным образом удваивали его мистическую силу. В торжественных ритмах обнаженных архитектурных форм звучал несмолкаемый гимн Творцу.

Как часто, проходя мимо высокой каменной лестницы, ведущей на паперть собора, то один, то другой из нас вдруг останавливался и, постояв мгновение в раздумье, поднимался наверх, чтобы минуто-другую побыть в одиночестве под сводами и послушать этот безмолвный гимн.

Могучее притяжение собора испытали на себе все сколько-нибудь одухотворенные люди, бывавшие на Соловках. И каждый искал возможность как бы пообщаться с собором, оставить в нем как приношение частицу своей души. Случалось, в соборе по ночам играл на скрипке заезжий скрипач. А на другую ночь тут тихо пели странники, поставив на амвон всего одну свечу, которая чудесным образом освещала все огромное пространство. И удивительное дело: ночная темнота собора не пугала даже самых робких. Как не было страха и в романтических полуночных прогулках по монастырю. Казалось, его могучие стены, его кресты и купола надежно защищают от всякого зла.

Простота нравов, царившая тогда на Соловках, позволяла нам, временным жильцам Новобратского корпуса, беспрепятственно заглядывать не только в сам собор, но также и в его сокровенные уголки – подклет и чердак. В подклет мы попадали через дыру в фанерном щите, прикрывавшем разломанный оконный проем под алтарем. Там, в кромешной тьме, над головой нависали низкие кирпичные своды. Вокруг царило глубокое безмолвие. Казалось, что ты находишься где-то под землей. В лабиринте кладовых, чуланов и узких каменных щелей неведомого назначения нетрудно было и заплутаться. Наградой за тайный страх, за синяки и шишки от невидимых во тьме препятствий служил какой-нибудь роскошный дверной портал, вдруг выхваченный из мрака лучом карманного фонарика.

Не менее увлекательными были и походы на чердак. Туда можно было попасть по узкой внутристенной лестнице, начинавшейся в юго-западном углу собора, или по шатким настилам лесов, возведенных реставраторами у южной стены здания. На чердаке горбились под тяжелой ношей могучие арки сводов, приоткрывались невидимые; снизу детали отделки центрального барабана и всей верхней части храма. Но главная привлекательность чердака состояла в том, что отсюда можно было выбраться на крышу. Там вздымался огромный, как гора, граненый барабан давно рухнувшего центрального купола. Там все гигантское здание собора ощущалось как пьедестал чему-то высшему, важнейшему.

А вокруг открывалась фантастическая по красоте панорама. Огромное багряное солнце опускалось в притихшее море. На золоте вечерней бухты четкими черными силуэтами вставали каменистые островки, лодки и корабли. Внизу отчетливо, как на макете, расстилалась вся многообразная застройка монастыря.

Игумен Филипп

О тревогах 1492 года на Соловках помнят только камни. Ни одной постройки тех времен не сохранилось до наших дней. Однако лучшие здания монастыря исполнены того глубокого религиозного чувства, которым отмечена юность Московской Руси.

«Золотым веком» обители стала середина XVI столетия, когда игуменом здесь был московский боярин Федор Степанович Колычев, принявший иноческий постриг с именем Филипп. Страстный в молитве и непреклонный во власти, Филипп поставил делом своей жизни благоустройство монастыря и островов. И в этом деле он достиг многого...

Соловки входили тогда в состав Новгородской епархии. Во время своих поездок в Новгород игумен убеждал тамошних толстосумов жертвовать средства на украшение Соловецкого монастыря каменными зданиями. Там же, в Новгороде он подыскивал и добрых мастеров-каменщиков для исполнения своих строительных замыслов.

Юный царь Иван IV был щедр к монастырям. Богатые вклады были посланы и в соловецкую обитель. И вот в монастыре как грибы после дождя стали расти каменные постройки – казенная палата, две поварни, мельница, сушило. Но главное было еще впереди. В 1552–1557 годах поставили огромную трапезную палату с Успенской церковью, а сразу вслед за ней – Спасо-Преображенский собор. Одновременно благоустраивается и сам Большой Соловецкий остров. Через леса прокладывают дороги. Болота осушают тщательно продуманной системой каналов. Для богатых уловов рыбы устраивают оригинальной конструкции садки. Не забыты были и морские ворота монастыря – гавань на Заяцком острове.

Зная темпераментный характер игумена Филиппа, его глубокие знания в самых разных областях, можно не сомневаться в том, что именно он своей властной рукой направлял и деятельность зодчих. Соловецкие постройки тех времен отличаются смелым сочетанием самых различных традиций. Державная мощь и стремительный порыв к небесам московской архитектуры встречаются здесь с сочной пластикой и живописной асимметрией старых новгородских церквей, а первобытная простота валунного цоколя – с изысканными пропорциями северных деревянных храмов.

На первый взгляд это может показаться эклектикой. Однако итог определяется силой духа и чувством стиля. Ведь именно так из немыслимого соединения византийского каркаса с романским наполнением и загадочным евразийским декором и родилась когда-то гениальная владими́ро-суздальская школа. Именно так из парадоксального союза аскетической строгости архитектурных форм XVI столетия и безудержного «дивного узорочья» второй половины XVII века возник неповторимый в своем стилистическом своеобразии, незабываемый в своем задумчивом одиночестве ростовский Кремль митрополита Ионы...

Несокрушимая сила духа создателя Соловков проявилась и на мирском поприще. В 1566 году Филипп был посвящен в сан митрополита всея Руси. А уже через два года он был низведен с кафедры и вскоре убит за смелые обличения опричного террора Ивана Грозного.

Природа

На Соловецких островах – особый микроклимат и самые неожиданные его сюрпризы. Здесь существуют укромные солнечные долины, где трудолюбие и смекалка монахов позволяли выращивать то, что в обычных условиях растет лишь на тысячу верст южнее. На архипелаге нет и никогда не было змей и волков. Зато раздольно гуляли стада северных оленей. Повсюду важно восседают, квохчут и пронзительно кричат огромные соловецкие чайки.

Природа Соловков не только фантастична для этих широт, но и как-то по-особому одухотворена. Чего стоит одна только бесконечно изменчивая игра света, отраженного морем и растворенного в прозрачном, как хрусталь, воздухе. А есть еще лесные озера, эти

чистейшие зеркала небес. Есть первобытные валунные россыпи Муксалмы, есть заповедная дикость анзерских лесов, осененная пятисвечником Голгофы, есть «танцующие березки» по берегу моря и многие другие чудеса.

Человек всегда искажает природу, используя ее для своих целей. На Соловках неизбежное вторжение человека в этот хрупкий мир было необычайно бережным и почти органичным. Вспомним каналы игумена Филиппа, которые не изуродовали Большой Соловецкий остров, а лишь умножили красоту его озер; вспомним древние башни Кремля, которые словно выросли из земли; вспомним загадочные «соловецкие лабиринты», которые на первый взгляд трудно отличить от обычной россыпи камней.

Соловецкая природа всегда радовала меня столь редким в нашей жизни соответствием реальности к идеала. Взять, например, лес. В лесу должны быть грибы и ягоды. И они тут есть. В лесу не должно быть людей. И их там нет. Все просто и правильно.

Почитатели Соловков знают, что лучшее время на островах – вторая половина августа и начало сентября. Тогда природа здесь становится по-особому тихой и умиротворенной. Тогда в лесах исчезает назойливая мошкара, а из-под опавшей листвы поднимаются разноцветные шляпки белых, подосиновиков и подберезовиков. Тогда на прибрежных склонах расстилаются алые ковры спелой брусники. Тогда по дремлющим озерам можно плыть не только сидя на веслах, но даже стоя, выгребая одним веслом. И тихая лодка бесшумно, как во сне, скользит по усыпанной золотыми листьями темно-синей глади.

Иногда нам случалось на какой-нибудь припозднившейся самоходной барже плыть вдоль темнеющего вдаль берега. И под ворчливое тарахтенье старенького дизеля бурлящая за кормой вода вдруг озарялась миллионами потревоженных светлячков. Они вспыхивали и исчезали, превращая ночное море в подобие звездного неба. И только одна мерцающая звезда не гасла во мраке ночи. То был далекий свет маяка на горе Секирной. Гора эта известна была не только как самая высокая точка на острове, но и как место, где совершались самые жестокие расправы во времена Соловецкого лагеря...

Лагерь

Древнерусский монастырь удовлетворял не только религиозные, но и многие другие общественные потребности. Он был богадельней и больницей, школой и гостиницей, ссудной кассой и крепостью, приютом душевнобольных и тюрьмой. Московские цари часто использовали монастыри как место заточения своих политических противников. Ссылали сюда «под надзор» и всякого рода вольнодумцев. Не избежал этой повинности и Соловецкий монастырь. От времен Ивана Грозного и до самого конца XIX века здесь содержалось немало узников.

Однако все эти грехи «старого режима» померкли перед зловещим образом СЛОНа – Соловецкого лагеря особого назначения (1923–1939).

О темных временах лагеря музейные экскурсоводы говорили тогда беглой скороговоркой. Никакой литературы на эту тему, разумеется, не существовало. Лишь в крохотной библиотеке музея можно было найти несколько выпусков издаваемого в те времена журнала Соловецкого общества краеведения.

Умолчание лишь подстегивало воображение. Из каждого зарешеченного оконного проема сквозил какой-то невыразимый ужас. Скрип продырявленного пулями железного флюгера на башне казался стоном.

Местные жители, все сплошь приехавшие на Соловки уже после лагеря и после войны, не любили говорить на эту тему. Многие знали дверные «волчки» и «глазки», сохранявшиеся кое-где в заброшенных помещениях, да обрывки ржавой колючей проволоки в лесных чащобах. Но и они не отличались разговорчивостью. Оставались собственные скудные познания и догадки. Кто-то, понизив голос, пересказывал что-то из тайком прочитанного приятелем солженицынского «Архипелага». Кто-то, раскрыв рот, слушал байки сильно привиравших музейных старожилов.

Теперь, когда и о буднях, и об ужасах лагерной жизни рассказано почти все, часто возникает вопрос: да можно ли вообще воспринимать Соловки иначе, как место страданий и гибели тысяч людей?

Думаю, Соловки – это гораздо больше, чем память о свирепом СЛОНе.

Прежде всего это символ торжества разума над хаосом, духа над материей. Подвижники-монахи сделали из этих диких камней чудо красоты, из лесной пустыни – своего рода духовную академию для всего Русского Севера. Да и соловецкие узники в самых невыносимых, нечеловеческих условиях оставались людьми. Они читали книги, ставили пьесы в знаменитом лагерном театре, тайно молились Богу и делились с ближним последней пайкой хлеба. Они выжили и победили, а их палачи со всей своей дьявольской свитой канули в Лету.

Пути Господни ...

«Духа не угашайте!» – говорит апостол Павел. Именно в этом, в неистребимости духа, и состоит главный исторический урок Соловков. Вот почему так много людей стремятся сюда, живут здесь подолгу и уезжают не подавленными и угнетенными, а, напротив, просветленными и умиротворенными.

Есть какая-то глубокая целесообразность, даже необходимость в том, что этот монастырь уже пять веков стоит на острове посреди холодного Белого моря. Отцы церкви утверждали, что мир спасается главным образом молитвами иноков. В то время как одни грешили и каялись, каялись и снова грешили, другие день и ночь стояли под звездами. Они просили Бога о спасении своей души и о спасении многогрешной земли Русской. В этом были смысл и дело их жизни.

Одни своими грехами тянули чашу весов вниз, другие своими подвигами поднимали ее вверх. И чем тяжелее были грехи первых, тем суровее были подвиги вторых. В итоге же удерживалось некое таинственное равновесие добра и зла, позволявшее миру существовать.

Священное Писание говорит, что даже ради трех праведников Господь готов был пощадить Содом и Гоморру. И кто знает, быть может, именно здесь, на Соловках, и нашел Он этих трех праведников, ради которых отложил до времени свой страшный, свой последний суд над Русской землей.

ГЛАВА X ЗАМАНЧИВЫЙ ВОСТОК

*Я хотел бы жить в эпоху
«настоящих» путешествий,
когда видение представало
во всем своем величии, еще не испорченное,
не искаженное, не проклятое.
Леви-Строс*

«Все ведаем от Святаго Писания, что насади Бог рай на востоце», – писал в 1347 году новгородский архиепископ Василий своему тверскому собрату владыке Феодору (30, 42). Далее он рассказывает, как однажды буря занесла новгородских мореходов далеко на восток по холодному морю. Там они увидели высокие горы, на которых сияли лазурью чудесные изображения святых. «И свет бысть в месте том самосиянен, яко не мочи человеку исповедати». За этими горами и был тот самый «земной рай на востоке», попасть в который могли только души праведников...

В то время как одни искали на востоке призрачные райские кущи, другие находили там вполне реальное богатство. Тусклый блеск всемогущего металла волновал

воображение куда сильнее, чем ослепительное сияние Фаворского света. И свет второго пришествия Спасителя, и свет отмеченного дьяволом металла исходил от востока.

Сокровища людоедов

В начале 7000 года Москва была взбудоражена новостью: на далеком северо-востоке, где, согласно Мефодию Патарскому, жили изверги человечества, пожиравшие людскую плоть, посланные государем люди нашли серебряную и медную руду.

Для «государя всея Руси» это была радостная весть. Отсутствие цветных металлов (золота, серебра, меди, свинца) было ахиллесовой пятой Московской Руси. Необходимую для пушек, колоколов и многих других вещей медь приходилось покупать у ливонских и «заморских» купцов. Любое обострение отношений с западными соседями приводило к немедленному прекращению ввоза «стратегического сырья» (271, 37). Грандиозные замыслы Ивана III требовали денег, денег и еще раз денег. За золото и серебро можно было приобрести людей и оружие, построить дворцы и крепости. Но благородные металлы, увы, не водились в среднерусском суглинке...

Неугомонное желание дойти до края света, чтобы найти там золото или провалиться в ад, завладело умами русских людей. Впрочем, они не были одиноки в своем безумстве. 3 августа 1492 года из гавани Палос недалеко от Севильи отплыли в свое первое путешествие каравеллы Христофора Колумба. В мае 1498 года португальская эскадра под началом Васко да Гамы прибыла в порт Каликут, поставив точку в долгих поисках морского пути к сокровищам Индии.

Для Западной Европы открытой дорогой в неведомое был Атлантический океан. Отрезанная от морей Московская Русь имела свой «Атлантический океан» – Северный Урал и низовья Оби. Этот пустынный край в ту пору называли Югрой.

Бесконечные леса, начинавшиеся за Устьюгом и тянувшиеся вверх по Вычегде к Печере, к Северному Уралу и низовьям Оби, всегда манили русских людей своей неизведанностью. Здесь в островерхих хижинах жили лесные племена, которые даже не отличавшиеся изысканностью манер сибирские татары именовали «дикими людьми» (176, 433).

Русские иногда обобщенно называли их «самоедами» («самоядь»), полагая, что они едят человеческое мясо. Об этом рассказывает знаменитое Сказание «О человецех незнаемых», древнейшие списки которого датируют концом XV столетия (205, 67).

«На Вьсточной стране за Югорьскою землею над морем живут люди самоедь... А ядят мясо оленье да рыбу, да межи собою друг друга ядят. А гость к ним придет, и они дети свои закалают на гостей, да тем кормят. А которой у них умрет, и они снедают. А в землю не: хоронят» (205, 78). В других редакциях Сказания есть существенное дополнение: если гость умрет среди самоедов, то съедают и его...

Представление о лесных людоедах было столь устойчивым, что его разделял даже самый просвещенный из писавших о средневековой Руси иностранцев – голштинiec Адам Олеарий. «Так как они раньше ели людей – даже мясо собственных друзей после смерти их мешали они с дичью и поглощали, как о том рассказывают Плиний и Олай Великий, – их и прозвали самоедами от русских слов «сам» и «ем». Об этом упоминает Гвагнин (Гваньини. – Н. Б.) в описании Московии при упоминании о провинции Печере» (24, 177).

Современные ученые всячески защищают лесных людей от такого рода обвинений. Причину возникновения подобных легенд они видят в том, что многие народы Северного Урала и Сибири в древности употребляли в пищу сырое мясо, рыбу и кровь животных. Только таким способом охотники могли получать недостающие их организму соль, витамины и минеральные вещества. Для полноты бытия лесовики ели и мухоморы, вызывающие наркотическое состояние.

Понятно, что при таких вкусах (не говорим уже о сшитых из шкур «вечных» одеждах) им лучше было избегать застолий с посторонними. Именно так они и поступали. «Эти

племена не приходят в Московию, ибо они дики и избегают сообщества и сожительства с другими людьми», – замечает Герберштейн (5, 157).

Первопроходцами «земли людоедов» были новгородцы. Рискую совершить последнее путешествие по кишкам какого-нибудь проголодавшегося «самоеда», они собирали здесь дань и вели бойкую торговлю, скупая по дешевке дорогие меха. Характер этой меновой торговли мало менялся на протяжении нескольких веков. Вот как описывает ее один автор середины XVI столетия.

На Пустоозере, близ устья Печоры, «встречаются и торгуют самоеды с русскими. Русские выменивают у самоедов соболей на сукно, котлы, сало, масло, кольчуги и толочко» (77, 21).

Однако время от времени «дикие люди» поднимали восстание и убивали новгородских сборщиков дани каким-нибудь свирепым первобытным способом. Так произошло, например, в 1187 году, когда было перебито около сотни новгородских воинов (23, 38).

За восстанием обычно следовала карательная экспедиция, после которой все возвращалось на круги своя. Впрочем, лесные люди были не так просты, как можно подумать. Иногда им удавалось обмануть карателей мнимой покорностью, разделить их войско, а затем перебить его по частям. Именно так окончилась, например, новгородская карательная экспедиция на Югру летом 1445 года (23, 425).

Собирая силы и средства для своих военно-политических начинаний, молодой великий князь Иван III неизбежно должен был обратить взор к промысловым богатствам Северного Урала. Опираясь на Устюг, он решил вытеснить из Югры новгородцев. В 1465 году «велел князь великий Иван Васильевич Василью Скрыбе устюжанину Югурьскую землю воивати. А шли с ним хотячие люди (добровольцы. – Н. Б.), да с ним же ходил князь Василей Вымский Ермолич с вымичи и с вычегжаны. А пошла рать с Устюга месяца майя в 9 день. Они же, шедшее, да Югорскую землю воивали, и полону много вывели, и землю за великаго князя привели. А князей югорских – Калпака да Течика – к великому князю Ивану Васильевичю на Москву привели, и князь великий их пожаловал Югорским княжением и отпустил их в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую, а Скрыбу пожаловал» (55, 91).

Воодушевленный победой на Шелони, Иван III вновь принялся за освоение «колониальной империи» Великого Новгорода. Для начала московский митрополит Филипп 8 ноября 1471 года поставил на пермскую кафедру деятельного епископа Филофея. Прежний пермский владыка Иона умер 6 июня 1470 года, и епархия уже почти полтора года не имела иерарха.

Новый пермский владыка вскоре отправился в свои владения. Он управлял епархией 30 лет и проявил себя как ревностный и мужественный пастырь. Вероятно, именно он был инициатором передачи города Вологды из владений митрополита всея Руси в состав Пермской епархии. Это решение, принятое Иваном III в 1492 году, серьезно пополнило казну пермских владык и позволило им шире развернуть миссионерскую работу среди лесных народов Северного Урала.

Достигнув глубокой старости, Филофей в апреле 1501 года покинул кафедру и удалился в Кирилло-Белозерский монастырь. В своей епархии он после кончины почитался как святой.

Однако никакие пастырские наставления не могли заставить пермских язычников исправно платить дань Москве. Здесь нужны были аргументы посильнее слов. И тогда заговорили медные барабаны московских полков. Их повелительный голос должны были слышать даже те лесные люди, которые, по слухам, не имели не то что ушей, но даже и головы...

Барабаны для глухих

Зимой 1471/72 года «посылал князь великий на Великую Пермь князя Федора

Пестрого воевати их за их неисправление» (50, 244). Этот бывалый воевода из славного рода князей Стародубских, вероятно, уже был знаком с местными условиями. Поход на Пермь требовал не только отваги, но и опытности.

Войско Федора Пестрого ушло вверх по Каме, и о его действиях долго не было слышно. Наконец 26 июля в Москву примчался гонец. Он сообщил, что отряд достиг верховьев Камы и разгромил ополчившихся на него «пермских людей». Князь Федор действовал смело и предприимчиво. Для быстроты передвижения он местами погружал все свое воинство, включая лошадей, на плоты и спускался по рекам в нужном направлении.

Основным методом покорения «диких племен» со времен римлян было строительство на ключевых точках местности небольших крепостей с постоянным гарнизоном. Для умиротворения всего пермского края князь Федор Пестрый построил острог у впадения реки Покчи в Колву. Там он и расположился со своими людьми. В Москву воевода отправил захваченных в плен местных вождей и богатую добычу: «16 сорок соболей да шубу соболью, да пол 30 поставов сукна, да три пансыри, да шолом, да две сабли булатные» (41, 148).

Район, где построил свой форт князь Федор Пестрый, имел большое стратегическое значение. Отсюда, с водораздела, во все стороны уходили водные дороги. Отныне Великая Пермь окончательно покорила Москву.

Устюжские шильники

Регулярное поступление «заволочской» дани в казну Великого Новгорода, а позднее Москвы, нарушалось не только восстаниями лесных народов. Другим «возмутителем спокойствия» был Устюг. В городе, через который проходил основной путь на Югру, издавна существовала своя правящая верхушка, стремившаяся прибрать к рукам богатства «диких». Во главе этого сообщества стояли какие-то загадочные «устюжские князья». Возможно, это были представители младшей линии ростовского княжеского дома, в свое время владевшего Устюгом. Так или иначе, эти «князья» были докукой еще для новгородцев. В 1322 году новгородское войско под началом московского князя Юрия Даниловича штурмом взяло Устюг и заставило осмелевших «устюжских князей» вернуться к прежним условиям подчинения (23, 97). Однако порядок держался недолго. Зимой 1329 года «избиша новгородцев, котории были пошли на Югру, устюжскими князи» (23, 99).

Прошло время Новгорода. Пришло время Москвы. Среди прочего новгородского наследства Иван III получил и проблему устюжского своеволия.

Устюжские летописи хранят немало известий и о таких грабительских рейдах местных удальцов, которые позднее Степан Разин деликатно называл «походами за зипунами». В 1479 году «шильники здумали на Устюзе – Андреи Мишнев, да шед без ведома великаго князя да Емчю взяли» (55, 94). Новгородское слово «шильники» означало разбойников, бродяг и вообще отребье общества. Волость Емцу в бассейне реки Емцы (левого притока Северной Двины) населяли лесные племена, платившие дань Великому Новгороду.

Затея Андрея Мишнева окончилась удачно. Великий князь не стал наказывать его за самоуправство. И вскоре, летом 1481 года, атаман собрал новую рать. На сей раз путь их лежал на восток. «Того же лета Андреи Мишнев с шилники и с устюжаны ходили в Великую Пермь, да побии вогуличь под Чердынем, а на Каму шедши, да вьстретили гостей и тюменских тотар, да пограбили» (55, 95).

В погоне за богатствами остяков (хантов) и вогуличей (манси) частная инициатива сталкивалась с казенным интересом. Государь всея Руси не мог допустить, чтобы связки драгоценных собольих шкурок и прочие «дары леса» доставались устюжским «шильникам».

И тогда вновь застучали боевые барабаны московских полков...

Покорение лесных народов Северного Урала стало своего рода «семейным делом» князей Курбских. Прямые предки знаменитого обличителя тирании Ивана Грозного князя Андрея Курбского самоотверженно строили ту самую «тюрьму народов», из которой их потомок впоследствии так удачно сбежал.

В качестве подтверждения этому парадоксу приведем рассказ Устюжского летописца о событиях 1483 года: «Князь великий Иван Васильевич посла рать на Асыку, на вогульского князя, да и в Югру на Обь великую реку. А воиводы были великаго князя князь Федор Курьбский Черной да Иван Иванович Салтык Травин, а с ними устюжане и вологжане, вычегжане, вымичи, сысоличи, пермяки.

И бысть им бой с вогуличи на усть реки Пельни. На том бою убили устюжан 7 человек, а вогуличь паде много, а князь вогульский Юмшан убежал.

А воиводы великаго князя оттоле пошли вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю; воивали, идучи, добра и полону взяли много.

А от Сибири шли по Иртишу реце вниз, воюючи, да на Обь реку великую в Югорскую землю, и князей Югорских воивали и в полон вели.

А пошла рать с Устюга майя в 9 день, а на Устюг пришли на Покров святыя Богородица.

А в Югре померло вологжан много, а устюжане все вышли» (55, 95).

(Здесь необходим географический комментарий. В ту эпоху «Сибирью называлось не все огромное пространство северной части Азиатской России, а только часть теперешней Тобольской области, с укрепленным городком на речке Сибирке, впадающей в Иртыш» (211, 145).)

Походом в Югру командовал князь Федор Семенович Курбский. Его родной брат князь Дмитрий Семенович примерно в те же годы был московским наместником на Устюге (141, 91). Очевидно, Иван III считал обоих знатоками этого края. Братья Курбские принадлежали к многочисленному семейству ярославских князей, перебравшихся на службу к московскому государю. Их родовое владение – село Курба, к югу от Ярославля.

А вот рассказ о том же летнем походе 1483 года на Югру Вологодско-Пермской летописи:

«Отпустил князь великий с Москвы на князя на Вогульского на Асыку воеводу своего Ивана Ивановича Салтыка, а с ним своих детей боярских да вологжан. А другово воеводу князя Феодора Купрьского (Курбского. – Н. Б.), а с ним своих детей боярских да устюжан, да вычегжан, да вымич, да великопермьцов.

И поидоша в судех с Вологды, Иван Иванович Салтык, месяца апреля 25, и приидоша на вогуличи месяца июля в 29, и бои бысть. И побегоша вогуличи, Асыка и сын его Юмшан, и поидоша оттоле воеводы великого князя в Сибирь и повоеваша Сибирскую землю, и поидоша оттоле на великую реку Обь, ширина ее шездесят врѣст, и поимаша князя Молдана на реце Оби, и княжих Екмычевых дву сынов поимаша.

И прииде Иван Иванович Салтык на Вологду ноября в 9» (50, 276).

Из этих двух рассказов можно составить достаточно ясную картину похода. Желая наказать вогуличей за постоянные набеги на подвластных Москве «пермских людей», Иван решил устроить им свирепую экзекуцию. Вторая задача состояла в том, чтобы обложить всех «югорских князей» регулярной данью. Из Москвы были посланы два воеводы, которым поручено было возглавить отряды местного ополчения. Потомок смоленских князей Иван Иванович Салтык Травин принял командование над вологжанами. Князю Федору Курбскому отданы были устюжане, а также ополченцы из селений по реке Вычегде («вычегжане») и ее притокам, реке Выми («вымичи») и реке Сыsole («сысоличи»). «Хребтом» этого пестрого войска был отряд московских «детей боярских», а «глазами» – коренные жители края «пермяки».

Поход начался 25 апреля 1483 года. В этот день Иван Салтык выступил из Вологды в сторону Устюга. Несомненно, это была «судовая рать». Соединившись в Устюге с отрядом князя Федора Курбского, Иван Салтык двинулся дальше 9 мая. Путь московских воевод лежал вверх по Вычегде, а затем по ее верхним притокам. Перетащив свои суда через водораздел, завоеватели достигли верховьев реки Пелым и поплыли вниз по ее течению. У впадения Пелыма в реку Тавду (там, где позднее возник печально знаменитый Пелымский острог) на государево войско напали вогуличи. 29 июля произошла главная битва. Однако луки и стрелы лесных людей не могли причинить большого вреда облаченным в железо московским ратникам. Московские сабли и мечи собрали в этой битве обильную жатву. Вождь вогуличей Асыка и его сын Юмшан бежали с поля боя.

Продолжая свой путь, Федор Курбский и Иван Салтык спустились вниз по Тавде до Тобола, а по Тоболу вышли к Иртышу. Внезапность и быстрота были главными составляющими успеха всего предприятия. Не встречая особого сопротивления, государевы воеводы собирали богатую добычу. Впрочем, они обходили стороной владения тюменского хана Ивака, с которым Иван III поддерживал союзнические отношения (205, 144).

Выйдя через Иртыш к Оби, они повернули на север и пошли вниз по течению великой реки. В Югорской земле (нижняя Обь) появление московской рати с юга стало полной неожиданностью. Пользуясь этим, воеводы сумели захватить в плен местного вождя – «князя Молдана» и двух сыновей другого вождя – Екмычая.

Летописи не сообщают подробностей обратного пути московского войска. Вероятно, оно возвращалось обычным, торным путем, соединявшим Югорскую землю с верховьем Вычегды. На праздник Покрова (1 октября) войско вернулось в Устюг. А 9 ноября их встречала Вологда.

Карательная экспедиция Федора Курбского и Ивана Салтыка устрасила вогуличей. Весной 1484 года они прислали к пермскому епископу Филофею свое посольство с просьбой отпустить взятых в плен знатных соплеменников. Владыка не имел полномочий для решения таких вопросов. Однако он обратился к Ивану III с просьбой принять его вместе с послами от вогуличей. Такая встреча состоялась летом или осенью 1484 года. Тогда же Иван дал гарантию безопасности («опас») на приезд в Москву воинственного и доселе непокорного вождя пелымских «самоедов» – «князя» Юмшана.

Мирные даннические отношения с вогульскими князьями были для Москвы полезнее, чем война и набеги лесных людей на уже покорившихся пермяков. Пленные югорские князьки по указу Ивана III были отпущены в родные леса, а московская казна пополнилась новыми связками драгоценных собольих шкурок (50, 276).

Церемония примирения состоялась 31 декабря 1484 года в городке Усть-Вымь – резиденции пермского владыки Филофея. Она представляла собой довольно странное зрелище. Под сумрачным взглядом епископа лесные люди, а вслед за ними и русские трижды обошли вокруг елки, увешанной сделанными из бересты священными жабами. Под елкой на медвежьей шкуре вогуличи разложили две сабли, рыбу и хлеб. Русские, чтобы ненароком не оказаться в роли идолопоклонников, водрузили на елке крест (205, 150).

В конце церемонии обе стороны в знак верности договору «с золота воду пили» (50, 276). Впрочем, будущее показало, что каждая сторона по-своему понимала условия договора.

Поверив в окончательное покорение Югры, Иван III с 1484 года включил в свой официальный титул имя владетеля Югорского.

Теперь настало время поднять планку переговоров. 1 сентября 1485 года владыка Филофей покинул Усть-Вымь и отправился в Москву с новой «делегацией» вогулических «князей», во главе которой был их главный «князь» Юмшан. Иван III принял «самоедов» благосклонно, а владыку «почтил вельми» (50, 277).

«И с тех мест почал Юмшан дань давати великому князю, а дотолева дани не даывал,

ни знал великих князей, а лиха от него бывало и от отца его много» (50, 277).

Золотая баба

Оттесняя новгородцев и устюжан от Печоры и Югры, Иван III не только стал собирать здесь дань, но и занялся поисками легендарных сокровищ лесного края.

Тема сказочного богатства живущих где-то на краю света диких людей проходит через все европейское Средневековье. Об этом золоте мечтали короли и адмиралы, бедные дворяне и портовые шлюхи, бродяги и пираты. О нем рассказывали путешественники и искатели приключений.

Одну из таких историй приводит в своей книге побывавший в Монголии в середине XIII века монах-францисканец Гильом Рубрук. Передавая слухи о своеобразных нравах тибетцев, которые делают чаши из черепов и пожирают своих умерших родителей, «так как по чувству сыновней любви они не признают для них другой могилы, кроме своих внутренностей», Рубрук обращается и к вопросу о золоте. «В земле их имеется много золота, поэтому, кто нуждается в золоте, копает, пока не найдет его, и берет, когда нуждается, скрывая остальное в землю. Ибо если он станет прятать золото в сокровищницу или сундук, то верует, что Бог отнимет у него другое, которое находится в земле» (6, 128).

В скандинавских сагах упоминается недоступная и сказочно богатая страна Биармия. Полагают, что это название однозначно с русским именем Пермь или Великая Пермь. Так в древности называли земли, входящие ныне в состав автономной республики Коми.

В Москве времен Ивана III рассказывали множество легенд о внешности и образе жизни лесных народов Югры, а также о их фантастических богатствах. Бывалые люди уверяли, будто в устье Оби стоит огромный идол – Золотая баба. «Это статуя в виде старухи, держащей на коленях сына, и там уже снова виден еще ребенок, про которого говорят, что это ее внук» (5, 160).

Впрочем, у Югры были чудеса и посильнее Золотой бабы. В тех краях «живут люди чудовищного вида: у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, у других собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы у них грудь или длинные руки, но без ног. В реке Tachnin водится также некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками, ногами и другими частями тела совершенно человеческого вида, но без всякого голоса; она, как и прочие рыбы, представляет собой вкусную пищу» (5, 160). Есть там и удивительный народ, который умирает в осенний Юрьев день и возвращается к жизни в Юрьев день весенний.

Не знаем, верил ли Иван в легенду о Золотой бабе и прочих чудесах Югры. Однако если поначалу он искал здесь Только «мягкое золото» соболя и горноста, то позднее пришел к мысли, что эта земля может таить в себе руду драгоценных и цветных металлов. И тогда великий князь, не теряя времени, решил проверить это предположение.

Ненцы и немцы

Не имея собственных рудников, Москва не имела и мастеров горного дела. Привыкнув использовать западных специалистов в самых различных областях, Иван III звал в свои владения и иностранных «рудознатцев». Известно, что он обращался к венгерскому королю с просьбой прислать мастера, «который руду знает, золото и серебро, да которой бы руду... умел разделить с землею» (25, 165).

Неизвестно, каким путем попали в Москву те немецкие и итальянские «геологи», о которых пойдет речь в этом рассказе. Скорее всего, и тех и других привез с собой известный московский дипломат Мануил Ралев.

Семья Ралевых происходила из византийской знати, смытой волнами турецкого нашествия (236, 153). В 1485 году в Москву из Константинополя приехал Иван Раль с

двумя взрослыми сыновьями – Дмитрием и Мануилом. Это были опытные, искушенные в делах Южной Европы люди. Вскоре братья Дмитрий и Мануил Ралевы стали дипломатическими агентами Ивана III в Италии. Они занимались не только разного рода политическими интригами, но и поиском полезных для Москвы мастеров (271, 190).

В начале 1490 года Дмитрий и Мануил Ралевы вернулись в Москву после долгих странствий по Европе. Обратный путь русского посольства лежал через Любек (271, 190). Возможно, именно здесь Ралевы и нашли тех немцев-«рудознатцев», которые весной 1491 года отправились на поиски печорских сокровищ.

Впрочем, путь немцев в Москву мог быть и другим. В 1486–1492 годах происходил оживленный обмен посольствами между Иваном III и императором Священной Римской империи Фридрихом III (56, 165). Отношения между двумя столь далекими друг от друга государствами не осложнялись какими-либо проблемами, и потому между правителями быстро установилась взаимная «любовь». Их сближала общая вражда с польским королем Казимиром IV. Возможно, вместе с добрыми пожеланиями от Фридриха и его сына, римского короля Максимилиана, московские послы Юрий Траханиот и Василий Кулешин зимой 1490/91 года привезли Ивану и двух немецких «рудознатцев».

В Москве перед «геологами» была поставлена нелегкая задача. В сопровождении русских проводников немцы должны были добраться в низовья реки Печоры. Там в тайге жили «пермские люди» (предки современных коми) и «самоеды» (предки современных ненцев). Согласно рассказам новгородцев, давно посещавших дремучие леса Печоры, здесь можно было найти не только «мягкое золото» – пушнину, но и настоящее золото и серебро. Рассказы эти имели реальное подтверждение. «Закамское серебро» (то есть серебро, поступавшее в виде дани с народов Северного Урала) требовал от новгородцев еще Иван Калита. Летопись сообщает, что дань, которую лесные люди готовы были уплатить новгородцам во время карательного похода 1193 года, состояла не только из пушнины, но и из серебра (23, 40).

Государю не терпелось проверить слухи о золотых и серебряных россыпях на Печоре. На следующий день после праздника Благовещения экспедиция тронулась в путь.

Вологодско-Пермская летопись особо выделяет этот рассказ заголовком: «О золотой руде и о серебряной и о медной».

«Тое же весны (1491 года. – Н.Б.), марта в 26, князь великий послал на Печеру Ивана да Виктора руды искати серебряные, а с ними послал Ондрюка Петрова да Василья Иванова сына Болтина» (50, 286).

(Руководители экспедиции были, по-видимому, знатными устюжанами. В летописях есть известие о том, что в 1490 году некий Семен Болтин собрал отряд устюжан, который, по приказу великого князя, был отправлен на «лежачую» (то есть продолжительную) сторожевую службу в Кострому (55, 97). Очевидно, государь опасался тогда враждебных действий со стороны вятчан, которые в 1489 году были завоеваны московским воеводой Даниилом Щеней. В случае мятежа вятчане могли выйти по Унже на Волгу и напасть на Кострому.)

Семь месяцев ушло на дорогу туда и обратно, а также на поиски самой руды. Однако результат оправдал затраты.

«Тое же осени, октября в 20, приидоша на Москву Ондрюк Петров да Василей Иванов сын Болтина, что посылал князь великий с ними немец, Ивана да Виктора, на Печеру руды искати серебряные. И они руду нашли серебряную и медяную в великого князя вотчине на реце на Цылме, не доходя Космы реки за полднища, а от Печеры реки за семь днищ. А места того, где нашли, на десяти верстах, а от Москвы до того места, где руду нашли, полчетверты тысячи верст. А нашли руду лета 6999, августа в 8» (50, 287).

На первый взгляд может показаться, что немцы нашли руду в немыслимой глуши. Однако это не совсем так. Серебряное месторождение было обнаружено неподалеку от торной дороги, по которой ходили из Москвы в Югорскую землю. От Устюга дорога шла вверх по Вычегде до самого ее верховья. Неподалеку отсюда, за водоразделом, начиналась

река Ижма, приток Печоры. «Начальным сборным пунктом было устье реки Ижмы, оттуда шли Печорой вверх, дальше ее притоком Щугуром, затем переваливали «щелью» через Камень, то есть Уральские горы, и оказывались в долинах рек Сыгвы и Сосьвы, в самом центре Югорской земли» (176, 439).

От устья реки Ижмы (то есть от «начального сборного пункта» Югорского пути) до серебряного месторождения на реке Косме насчитывалось по прямой не более двухсот верст. По тамошним понятиям это было небольшое расстояние.

Итак, серебряную руду нашли почти что «на обочине» древнего Югорского пути. И все же устройство рудника за три с половиной тысячи верст от Москвы, в лесах нижней Печоры, было нелегкой задачей. Однако Иван III уже умел перемещать сотни и тысячи людей туда, куда ему было нужно. И вот ранней весной 1492 года начался новый этап печорской эпопеи.

«Марта в 2 отпустил князь великий Иван Васильевич всеа Русии Мануила Илариева сына Грека (то есть грека Мануила Ралева. – Н. Б.) да с ним своих детей боярских, Василья Иванова сына Болтина да Ивана Брюха Кузьмина сына Коробьина, да Ондрюшку Петрова, с мастера с фрязы серебра делати и меди на реце на Цылме, а делавцов (работников. – Н. Б.) с ними, кому руду копати, с Устюга 60 человек, с Двины сто человек, с Пенеге 80 человек, а пермич и вымич, и вычегжан, и усолич сто человек, тем корм провадити в судех до места, а не делати» (176, 288).

Все северные волости должны были выставить работников для осуществления фантастического проекта. На смену мастерам-немцам пришли мастера-«фрязы», то есть итальянцы. Вероятно, итальянцы не захотели ехать в такую даль и глушь без сопровождения своего опекуна Мануила Ралева. И вот еще недавно вращавшийся среди утонченной итальянской знати дипломат вынужден был превратиться в неприхотливого землепроходца. Его ждали таинственные людоеды и вполне реальные таежные комары, сомнительные переправы и многодневные переходы по сплошному бездорожью.

Впрочем, русские дипломаты той эпохи были привычны ко многому. Брат Мануила Ралева Дмитрий, в 1493–1494 годах ездивший заключать договор с Данией, вынужден был из-за вспыхнувшей вражды с ливонцами вместе с датским послом возвращаться Северным морским путем вокруг Скандинавии. Войдя в Белое море, они доплыли до Соловецкого монастыря, а оттуда где водой, а где сушей добрались до Северной Двины. Остальная часть пути была уже не столь сложной: Двиной вверх до Устюга, а оттуда к Москве (271, 231). Общая протяженность этого путешествия составила не менее пяти тысяч километров.

Источники сохранили противоречивые сведения относительно дальнейшей судьбы Печорского рудника – исторического предшественника заполярной Воркуты. Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, дважды посещавший Россию при Василии III и собравший много разнообразных сведений о ней, с полной определенностью утверждал: «В этой стране... вовсе нет серебра, кроме того, которое... ввозится туда» (5, 123). Отсюда следует, что рудник на Цильме не действовал уже в первой четверти XVI столетия.

Однако другой иностранец, живший в России во времена Ивана Грозного, в своих записках упоминает реку Цильму и так пишет о ней: «Здесь пластами выходит наружу серебряная руда» (77, 21). Очевидно, непреодолимым препятствием на пути к русскому серебру стала сложность переработки руды в этих глухих и безлюдных краях.

Что же касается грека-землепроходца Мануила Ралева, то он в печорских лесах не засиделся. Известно, что уже в 1495 году он состоял в свите, сопровождавшей «государя всея Руси» в поездке в Новгород (271, 231).

Повторение пройденного

Экзотическая история с печорским рудником разворачивалась на фоне продвижения

московских отрядов все дальше в глубь Югры. Непокорность вогуличей заставила Ивана III в 1499 году предпринять еще одну карательную экспедицию в их лесные края...

В далекий поход в Югру летом 1483 года князь Федор Курбский, по-видимому, брал с собой сына Семена. Полученный опыт сослужил тому неплохую службу. Через полтора десятка лет Семену пришлось пройти дорогами отца, но уже в качестве самостоятельного воеводы.

Зимой 1499/1500 года «посла князь великий воевод своих, князя Семена Федоровича Курбского, да князя Петра Федоровича Ушатого, да Василья Бражниника с силою, с устюжаны, и з двиняны, и с вычегжаны, и с вятчаны на Угорскую землю и на го-гуличи; они же шедшее города поимаша и землю повоеваша, и князей поймав приведоша на Москву, а иных князей и земских людей к роте (клятве. – Н. Б.) приведоша по их вере за великого князя, а иных князей многих людей югричь и гогулич тамо побиша; и приидоша на Москву к великому князю вси здрави лета 7008-го, марта» (46, 369).

Северные летописцы сообщают некоторые интересные детали. Весь поход был совершен на лыжах (55, 98). Воины не остались без добычи: «И плененную корысть по себе разделили» (55, 137).

Конкретные причины войны с Югрой не совсем понятны. Вероятно, местные князья были возмущены непомерными требованиями московских сборщиков дани. А может быть, при утверждении мира в 1484 году они не вполне поняли, что значит быть данниками московского государя. Но как бы там ни было, непокорность (или непонятливость) имела для вогуличей печальные последствия...

Эта уникальная по сложности зимняя война в дебрях Югры прославила Семена Курбского среди московских воевод. Сигизмунд Герберштейн считал его выдающимся человеком и даже создал своего рода «словесный портрет» покорителя Югры.

«...Симеон Федорович, от своей отчины Курбы прозванный Курбским, человек старый, сильно истощенный крайним воздержанием и самой строгой жизнью, которую вел с молодых лет. Именно в течение многих лет он воздерживался от употребления мяса, да и рыбой питался только по воскресеньям, вторникам и субботам, а по понедельникам, средам и пятницам во время поста он воздерживался и от нее. Великий князь посылал его в свое время главным воеводой с войском через Пермью в Югру для покорения отдаленных народов. Значительную часть этого пути он совершил пешком из-за глубокого снега, а когда тот растаял, остальную часть пути проплыл на судах и перешел через гору Печору» (5, 154).

Судя по рассказу Герберштейна, можно полагать, что этим железным людям, подарившим Москве богатства Югры, была знакома не только жажда наживы, но и более возвышенные чувства.

В Москве Герберштейн расспрашивал находившегося уже в преклонном возрасте князя Курбского о походе 1499 года, и тот, в частности, вспоминал, что при переходе через Уральский хребет он «потратил семнадцать дней на восхождение на гору и все-таки не смог одолеть ее вершины» (5, 161).

Рука Москвы

Укрепление московской власти на лесном северо-востоке шло медленно, но неуклонно. Одним из проявлений этого процесса стало привлечение местных жителей к военным предприятиям общерусского масштаба. Поначалу Иван III использовал устюжан и двинян только для походов на хорошо известных им направлениях: двинском, вятском, югорском. Однако постепенно география их службы расширяется. В 1490 году устюжане все лето простояли в Костроме. В 1495 году они ходили в составе войска великого князя в набег на северную Финляндию (55, 136). А в 1503 году прежних вольных людей отправили за тысячу верст на запад – сторожить Ивангород, любимое детище великого князя.

В чем состояла военная целесообразность странных на первый взгляд перемещений сторожевых полков через всю страну? Вероятно, Иван III не вполне доверял псковичам, которые тяготились гарнизонной службой в Ивангороде и норовили разбежаться по домам. К тому же они по давнему соседству могли иметь тайные связи с ливонцами. Впрочем, это была лишь одна сторона дела. Другая заключалась в том, что «переселение народов» было важной частью политической стратегии Ивана III.

Железной рукой произвола он перемещивал народы в кипящем котле российской государственности. Продуктом этой адской кухни должен был стать забывший свои местные амбиции и традиции, единый в своей покорности государю российский народ...

Но вернемся в тайгу Северного Урала. Московская политика кнута и пряника приносила свои плоды. И все же покорность местных племенных князьков временами взрывалась мятежом. Покончить с этим можно было только путем создания московского аппарата власти в этом крае. Того же требовали и интересы безопасности от набегов восточных соседей – сибирских татар и неподвластных Москве лесных племен. В итоге на смену правителям из местной родовой знати неизбежно должны были прийти московские воеводы.

Первыми получили своего «генерал-губернатора» пермяки. Устюжская летопись рассказывает об этом под 1505 годом.

«Князь великий Иван Васильевич свел с Великия Перми вотчичя князя Матфия Михайловича, а на Великую Пермь послал наместника своего князя Василья Андреевича Ковра. Сей же бысть первый от русских князей» (55, 99).

Троюродный брат первого покорителя Югры князя Федора Пестрого, Василий Ковер, был храбрым и опытным воеводой. Едва добравшись до своего нового места службы, он принужден был вступить в бой с сибирскими татарами.

«А приехал в неделю цветную (16 марта. – Н. Б.), а в понедельник на страстной недели рать пришла без вести ис Тюмени, Кулук салтан Ивака царев сын с братьею и с детми. Города не взяли, а землю Нижнюю извоивали, а Усолъе на Каме русаков вывели и высекли.

А князь Василей Ковер на поле воде (в половодье. – Н. Б.) в погоню послал русаков в судех. И они догнали их в Сылве на перевозе, заднюю заставу, да и побили» (55, 99).

В Великой Перми, на Печоре и в Югре московские воеводы строили бревенчатые городки-крепости в устьях рек, приводили к присяге на верность Москве местных родовых вождей и старейшин. Лесной край постепенно вращался в Московское государство. Однако развитию этого процесса препятствовало существование Казанского ханства. Его ликвидация в 1552 году в корне изменила геополитическую ситуацию на востоке.

Посох Стефана Пермского

Большую роль в освоении края играла церковь. Обращение язычников в христианство считалось подвигом, близким к служению апостолов. На эту стезю первыми шли люди пламенной веры, готовые пострадать и даже умереть за Христа.

Из Устюга начал свой жизненный, а потом и проповеднический путь «апостол Перми» Стефан Храп. Он обращал в христианство лесных людей, живших в бассейне Вычегды. Восхищенный мужеством миссионера и довольный результатами его деятельности, Дмитрий Донской выхлопотал для него епископский сан. Столицей новой Пермской епархии стало большое село Усть-Вымь в среднем течении Вычегды.

Пермские владыки исполняли свой пастырский долг среди бедности, невежества и затаенной враждебности местного населения. Возможно, именно поэтому сюда присылали из Москвы не честолобцев и стяжателей, а истинных подвижников веры. Им часто приходилось выступать в роли посредников между своими подопечными и московскими властями. Одновременно они старались примирить враждовавшие роды и племена лесных

людей. Эта миссия была не только сложной, но и опасной. Пермский владыка Питирим был убит вогуличами 19 августа 1456 года.

Даже в начале XVI столетия миссионерская деятельность среди лесных народов оставалась трудным и опасным делом. Вот что говорит об этом Си-гизмунд Герберштейн:

«Монахи-отшельники давно уже привлекли в веру Христову значительную часть идолопоклонников, долго и усиленно сея у них слово Божье. И по сей день отправляются они в разные страны, расположенные к северу и востоку, куда добраться возможно не иначе как с величайшими трудами и, вследствие голода, опасностью для жизни, не надеясь получить от этого никакой выгоды, которой и не ищут; подкрепляя иногда Христово учение и своей смертью, они ищут только совершить богоугодное дело, призвать на путь истины души многих...» (5, 106).

До наших дней сохранился старинный деревянный посох, принадлежавший, согласно преданию, святому Стефану Пермскому (217, 34). В середине XV столетия он был украшен резьбой по кости. В ней представлены различные сцены из жизни святого. Эту реликвию – символ миссионерского служения десятков и сотен подвижников – Русская церковь по праву может считать неоспоримым свидетельством своих исторических заслуг.

ГЛАВА XI ДИКИЙ ЮГ. ТАМ

*Когда я вступил в их среду,
мне совершенно представилось,
будто я попал в какой-то другой мир.
Гильом де Рубрук*

Много лет назад, когда наша страна на карте мира была больше похожа на яблоко, чем на огрызок от яблока, я ехал на упрямом уазике из Гуней в Токчин. Вокруг расстилалась уходящая до самого горизонта забайкальская степь. День клонился к вечеру. От низких сопок ложились тяжелые длинные тени.

Каждый подъем дороги открывал новые сочетания округлых желтовато-зеленых холмов и бесконечной равнины. Разнообразие в однообразии или, напротив, однообразие в разнообразии – таков был завораживающий мотив этой земли.

Казалось, будто волнистая равнина еще не вполне утратила мягкость божественной глины. Она еще не окаменела, не остыла. От нее исходило тепло глубинных недр Земли. Ее с любовью гладила скользящая по ней тень от облака.

Первозданную красоту Великой степи нигде не искажали следы человека. Лишь белая дорога, петляя между холмов, тонкой ниткой тянулась на запад.

Слева от дороги в оправе цветущих лугов струился воспетый древними монгольскими сказаниями «голубой Онон». На его берегах родился «потрясатель Вселенной» Чингисхан...

Воздух был так чист и прозрачен, как это бывает только в степи. Его хрустальная оптика порождала иллюзии. Гряда холмов на горизонте была видна так отчетливо, что казалась не столь уж далекой.

Объехав очередную сопку, мы остановились на краю распаханного поля. Грохот мотора умолк. Нас окружила глубокая тишина. Хлопнувшая за спиной дверца машины прогремела пушечным выстрелом.

Я вышел из машины и пошел вперед по дороге. Слева по склону холма тянулось вспаханное поле. Его сухая серая земля никак не соответствовала моим представлениям о плодородной почве.

Вскоре я заметил, что пахота рядом с обочиной дороги усыпана мелкими белыми камушками. На первый взгляд они напоминали обычный битый щебень. Однако, подняв

один такой камушек и рассмотрев его поближе, я был поражен неожиданным открытием. На моей ладони лежал отнюдь не известняк. Сквозь белую скорлупу таинственно глядел голубоватый агат.

Охваченный азартом собирателя, я принялся пересматривать все подряд. И скоро мой карман уже оттягивала целая горсть этих нечаянных степных драгоценностей...

Прошли годы. Степные агаты давно уже сгнули в хаосе каких-то бесконечных переездов. Но в памяти осталось это острое ощущение внезапного счастья, когда сухая мертвая земля, способная рождать одни колючки, вдруг выбросила передо мною россыпь мерцающих кристаллов.

Трава емшан

Вращаясь в бесконечном круге летних и зимних кочевий, дети степей почти не отделяли себя от природы. Степь была их большим домом, а звездное небо – надежной крышей. Размеренность жизни приучала их к спокойствию, а постоянное общение с животными избавляло от необходимости подыскивать слова. Поэтому они были спокойны и немногословны.

Их обожженные солнцем и выдубленные ветром плоские лица покрывал вечный загар. Выражение этих лиц мало менялось и казалось маской невозмутимости. Сидящий на коне кочевник был живым подобием бронзовой статуи.

Погруженные в природу, они едва ли задумывались над смыслом бытия. Да и саму эту природу они воспринимали как данность, как продолжение себя. Во всяком случае, они не имели привычки любоваться ею так, как это делают приехавшие «на природу» горожане. Ведь для человека, живущего на земле, восход солнца – это прежде всего начало трудового дня.

Однако стоило кочевнику оторваться от привычной «окружающей среды», – и он начинал тосковать. Могучее очарование степей стучало в его сердце, как пепел Клааса...

«Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива», – говаривал Радищев. Для склонного к задумчивости русского человека степная нирвана всегда была великим соблазном. Быть может, именно поэтому русские летописцы много веков сохраняли удивительный «заговор молчания» по отношению ко всему, что связано с жизнью Великой степи. На эту тему словно наложен был какой-то негласный запрет. «Поганые» появлялись на страницах летописей только как грабители и разбойники. И лишь изредка сквозь это загадочное молчание можно услышать живые голоса степного мира. Одно из таких редких исключений – знаменитая история о траве емшан. Вероятно, она пленила летописца своей мудростью и красотой. Напомним содержание этой древней степной легенды.

Великий князь киевский Владимир Мономах нанес половцам ряд сокрушительных поражений. Уцелевшие орды рассеялись кто куда. В степях по Северскому Донцу остался один лишь хан Сырчан. Узнав о смерти Владимира Мономаха, обрадованный Сырчан стал звать обратно в степи своего родича хана Отрока. Тот со своими людьми, спасаясь от русских, ушел на Северный Кавказ. Местные правители встретили его с честью и поселили в самых благодатных местах.

Зная, что Отрок доволен новой жизнью и не желает возвращаться в степь, Сырчан отправил к нему в качестве посла своего последнего придворного музыканта – «гудца» по имени Орь. На прощание хан велел послу: «Молви же ему моя словеса, пой же ему песни половецкия. Оже ти не восхочеть, дай ему поухати (понюхать. – Н. Б.) зелья (травы. – Н. Б.), именем емшан».

Хан Отрок встретил посла холодно. Он наотрез отказался вернуться в степь. Не стал он слушать и песни половецкие. И тогда Орь пустил в ход последнее средство. Он вытащил из-за пазухи ветку степной полыни («травы емшан») и дал ее понюхать хану.

«Оному же обухавшю, и восплакавшю, рче: «Да лучше есть на своей земле костью лечи,

и не ли на чюже славну быти». И приде во свою землю» (29, 236).

Под скрип колес

Запах полыни и тающий в бесконечности горизонт – это, так сказать, «поэзия» степной жизни. Но была у нее и своя «проза». Грязь и убожество войлочного дома... Кислый запах овчины и давно не мытых человеческих тел... Назойливые насекомые – вечные спутники домашних животных... И наконец, все те же однообразные звуки – бляение овец, мычание коров и скрип телег...

Кочевники никогда не смазывали деревянных осей своих повозок. Вся жизнь степняка проходила под аккомпанемент однообразного и унылого звука – скрипа деревянных колес. Под этот звук он уходил и в мир иной. Анонимный автор «Сокровенного сказания» – уникального памятника древнемонгольской литературы середины XIII столетия, рассказывая о смерти Чингисхана, оплакивает его в таких словах:

«Отошел ты, государь мой,
Став поклажей скрипучей телеги...» (17, 69).

Неизвестный автор «Задонщины» так изобразил приближение татар: «Уже бо вьскрипели телеги межу Доном и Непром, идут хинове на Русскую землю!» (30, 100).

Современному горожанину трудно не содрогнуться от этой дикой музыки. Но если все же вы однажды заметите, что скрип несмазанных колес перестал раздражать ваш слух, – можете поздравить себя: вы пробудили в себе спящие гены степной цивилизации.

Достигнув этой акустической толерантности, вы, быть может, откроете кое-что новое и в древнерусской литературе. Я, например, никогда не мог понять: отчего автор «Слова о полку Игореве» так нахваливал скрип половецких телег, сравнивая его с криком летящего в облаках лебедя. «А половци неготовами дорогами побегоша к Дону великому: крычат телеги полуношы, рцы, лебеди роспущени». Согласитесь, что это довольно смелое сравнение. Так, может быть, не так уж и неправы те, кто полагает, что в жилах автора поэмы текла степная кровь?

И все же мы не случайно назвали эту главу «Дикий юг». Для русских людей степь всегда была прежде всего «другим миром». Они называли ее «Диким полем». Образ жизни кочевников-степняков казался нашим предкам «диким», то есть первозданным и примитивным. И если степь и манила русского человека, то лишь как манит все непонятное и запретное.

Мои друзья этнографы давно убедили меня в том, что в мире нет «передовых» и «отсталых» народов; что каждая культура может быть понята и по достоинству оценена только в контексте данного социума. Все это, несомненно, так.

Однако не будем слишком буквально воспринимать любые истины. Доверимся интуиции слов. И если мы и ошибемся, то в компании с Пушкиным. Ведь это он сказал: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства» (220, 292).

Медленное время

Но вернемся на Онон. Здесь все та же предвечная тишина Великой степи. Под сенью этой тишины мы можем послушать свидетелей повседневной жизни кочевников в период «татаро-монгольского ига» – итальянца Плано Карпини и фламандца Гильома Рубрука. Первый ездил к татарам в 1245–1247 годах в качестве посла римского папы Иннокентия IV. Второй представлял интересы французского короля Людовика Святого и путешествовал к великому хану в 1253–1255 годах. Оба они написали подробные воспоминания обо всем, что видели и слышали в степях. Хорошим дополнением к рассказам Плано Карпини и Рубрука может служить книга венецианца Марко Поло, много лет прожившего при дворе внука Чингисхана – великого хана Хубилая. Много

интересного содержат записки китайских дипломатов и арабских путешественников, посещавших монголов в их городах и кочевьях.

Конечно, мы не забыли о том, что хронологической осью, вокруг которой вращается наше повествование, служит роковой 1492 год. Однако в истории, как в провинциальном ресторане, приносят не то, что значится в меню, а то, что есть на кухне. «Съеское» имя не забывалось и могло использоваться как основное или как прозвище (22, 95).

«Детское» имя ребенку часто давалось по какому-то случайному обстоятельству или событию в момент его рождения. Чингисхан при рождении был наречен Тэмуджином, так как в это время его отец одержал победу над вождем племени татар по имени Тэмуджин-Угэ. Старший сын Чингисхана был назван Джучи, так как появился на свет внезапно. Имя другого сына, Угедей, означало «стремящийся вверх». Впрочем, это имя будущий великий хан взял себе вместо неизвестного детского имени, которое ему не нравилось. Младший сын Чингисхана носил имя Толуй, то есть «Зеркало» (65, 69).

Один из внуков Чингисхана был назван Каши, так как в это время его дед завоевал область Каши. Этот Каши умер в молодых годах от чрезмерного пьянства. После этого имя Каши монголы объявили запретным, приносящим несчастье (66, 12).

Иногда имя означало определенное достоинство или преимущество, которым должен был отличаться тот, кто носил это имя. Так, например, Бату (в русском произношении – Батый) означает «крепкий», «могучий».

Часто имена призваны были сохранить и как бы «спрятать» ребенка от злых духов. Если, например, в семье часто умирали мальчики, то очередного мальчика называли «Девочкой». В целом «ассортимент» имен у монголов был очень широким. Однако фамилий и сложных имен, как у китайцев, они не знали (174, 140).

Едва научившись ходить, ребенок уже тянулся к лошади. «Дети их, – говорит Плано Карпини, – когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы» (6, 43).

Важным событием в жизни мальчика считалась первая самостоятельная охота. «Обычай же монголов таков, что в первый раз, когда мальчики охотятся, их большому пальцу на руке делают смазку, то есть его натирают мясом и жиром» (65, 230). Смысл обряда заключался в пожелании, чтобы отныне будущий мужчина всегда имел удачную охоту и мог прокормить себя и своих близких.

Шли годы. Мальчик превращался в юношу. Вступление юноши в брак было делом всей семьи, а иногда целого рода. Согласно традиции за невесту следовало выплатить своего рода выкуп – калым. Его размеры устанавливались в результате длительных переговоров между родственниками жениха и невесты. Естественно, родители хотели «продать» свою дочь подороже. Из-за этого невесты часто «засиживались в девках».

До полной выплаты калыма жениху категорически воспрещалось вступать в супружеские отношения со своей избранницей. Случалось, что выплата калыма производилась частями и растягивалась на несколько лет. Иногда жених «отрабатывал» калым в хозяйстве своего тестя. Утешением для него служила надежда на хорошее приданое невесты.

Для сватовства и обсуждения связанных с браком вопросов жених и его родичи несколько раз приезжали к родителям невесты. И каждый такой визит сопровождался обменом ритуальными подарками.

Но вот наступал долгожданный день. Родители невесты устраивали свадебное пиршество. На него принято было собирать всю многочисленную родню. Веселье сопровождалось известным у многих народов обычаем поиска женихом и его друзьями спрятавшейся невесты.

Задержимся на степной свадьбе подольше, чтобы посмотреть, как выглядели жених и невеста.

Монгольские мужчины были скуластыми, узкоглазыми и низкорослыми. Лицо

украшали редкая маленькая борода и усы. Плано Карпини замечает, что этими чертами они выделялись среди других племен и народов (6, 67).

Жених и невеста были одеты в традиционные монгольские халаты, запахнутые слева направо.

Женские халаты были несколько длиннее, чем мужские. «Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины» (6, 34). Сходной была и обувь: широкие сапоги с острыми загнутыми носками (198, 70).

Личные вкусы носителя халата проявлялись в расцветке и рисунках на ткани. «Цвет одежд выбирается красный, фиолетовый, пурпуровый и зеленый. Рисунки на тканях – изображения Солнца, Луны, дракона и феникса. И это без различий между благородными и подлыми» (174, 140).

Халаты туго подпоясывали узкими полосками скрученного шелка красного или фиолетового цвета. В мужской одежде пояс играл особую роль. Он символизировал социальное положение и личные достоинства (богатство, силу, мужество) его обладателя. Одновременно он служил оберегом от злых духов (131, 118). Поэтому монголы не жалели средств для приобретения дорогих и красивых поясов.

(Примечательно, что и в завещаниях московских князей XIV–XV веков пояса с монгольскими названиями упоминаются среди самых ценных вещей.)

В холодное время поверх халатов монголы надевали шубы, вывернутые мехом наружу. У простых степняков эти шубы делались из овчины, у знатных – из меха пушного зверя. Соболиный мех ценился более других не только за красоту и тепло, но также и потому, что в нем не заводились вши (73, 298).

Облаченные в меха косматые всадники представляли весьма колоритное зрелище. Впрочем, мех – это одежда совершенно особого рода. Забравшись в шкуры убитых ими зверей, люди бессознательно воспринимали от них нечто звериное. Помимо прочего, шуба из дорогого меха служила и признаком высокого социального положения человека.

Прическа мужчины была весьма замысловатой. Китайские косички встречались здесь с буйным запорожским «хохлом». «Мужчины выбривают себе на макушке головы четырехугольник и с передних углов ведут бритые макушки головы до висков. Они бреют также виски и шею до верхушки впадины затылка, а лоб до макушки, на которой оставляют пучок волос, спускающийся до бровей. В углах затылка они оставляют волосы, из которых делают косы, которые заплетают, завязывая узлом до ушей» (6, 98).

Замужняя женщина своим внешним видом должна отличаться от девушки. Таков был всеобщий закон древности. Поэтому «на следующий день после свадьбы она бреет себе череп с середины головы в направлении ко лбу» (6, 98). После этого она надевала на голову знаменитую «бокку»: собранный из древесной коры и обтянутый шелковой тканью высокий цилиндр. Верхняя часть бокки делалась прямоугольной. Ее украшал своего рода «букет» из стеблей трав, птичьих перьев или тростинок. Для устойчивости все это сооружение крепилось шнурком, завязанным под подбородком.

Описывая вид степных дам, едущих на лошадях в своих бокках, Рубрук не без юмора замечает, что «если смотреть на них издали, они кажутся солдатами, имеющими на головах шлемы с поднятыми копьями» (6, 99).

Вообще же монгольские «хатуни», конечно, мало соответствовали западноевропейским представлениям о женственности и красоте.

«И все женщины сидят на лошадях, как мужчины, расставляя бедра в разные стороны, и они подвязывают свои куколи (широкие распашные балахоны с завязками на правом боку. – Н. Б.) по чреслам шелковой тканью небесного цвета, другую же повязку прикрепляют к грудям, а под глазами подвязывают кусок белой материи; эти куски спускаются на грудь. Все женщины удивительно тучны; и та, у которой нос меньше других, считается более красивой».

К этому можно добавить, что степные женщины часто натирали себе лицо черной

мазью, предохранявшей кожу от ветра и солнца. «Они также безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо», – замечает по этому поводу Рубрук (6, 99). В одной из глав своей книги он рисует своего рода словесный портрет знатной монголки, жены военачальника Скатая: «...Рядом с ним сидела его жена, о которой я вправду полагал, что она отрезала себе между глаз нос, чтобы быть более курносой, ибо у нее там ничего не осталось от носа. И она намазала это место, а также и брови какой-то черной мазью, что было весьма отвратительно в наших глазах» (6, 103).

Впрочем, манера мазать лицо чем-то вроде гуталина была, по-видимому, некоторым изыском. Гораздо чаще монголки использовали для украшения лица желтые китайские белила (22, 75).

(Возможно, влиянием степной моды объясняется и шокировавшая иностранцев привычка русских женщин XVI столетия злоупотреблять белилами и румянами.)

Но вот отшумела степная свадьба и наступили семейные будни.

«Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут (овечий сыр. – Н. Б), готовить шкуры и сшивать их... Они шьют также сандалии, башмаки и другое платье... Они делают также войлок и покрывают дома» (6, 99). Кроме того, женщины охраняли стада овец и коз и доили их. Пасти овец считалось делом, недостойным взрослого мужчины (22, 105).

Серьезная «льгота» для монгольских женщин состояла в том, что они не стирали белье и не мыли посуду. Причина заключалась в том, что посуду монголы ополаскивали кипящей в котле похлебкой, а одежду не стирали вовсе. «Они не снимают и не стирают одежду до тех пор, пока она не износится» (22, 75).

Избавленный от домашних дел, мужчина, однако, имел свой собственный круг обязанностей. Он занимался изготовлением оружия и конского набора, строил юрту и повозку, караулил табуны лошадей и доил кобылиц. Из молока кобылиц степняки готовили свой любимый напиток – кумыс.

Молодая семья справляла себе новую кибитку и отправлялась в путь по незримым дорогам степей. Женщина правила скрипучей повозкой, которую тянули верблюды или быки. Скорость передвижения была крайне мала и ограничена неторопливым шагом щиплющего траву стада овец.

Впрочем, монголы, конечно, больше стояли на месте, чем ехали. За год они делали всего около десятка перекочевков (131, 16).

Добравшись до новой стоянки, монгольская семья ставила там свой войлочный дом – юрту. Деревянный каркас юрты в разобранном виде перевозили на волах или верблюдах. Установка юрты занимала около часа. Впрочем, встречались и юрты, которые перевозили в собранном виде на огромных деревянных платформах (22, 191).

Вокруг жилой юрты в определенном порядке размещали малую юрту для хозяйственной утвари, загон для скота, повозку, коновязь (два столба с натянутой между ними веревкой), прикрытую шкурами кучу сухого навоза – топлива для очага, а также шалаш-нужник (131, 26).

В юрте существовало строгое разделение пространства. Сам хозяин располагался в «мужской», западной части юрты, а женщины – в восточной. На стоянках монгольская юрта обязательно ставилась дверью на юг. У тюркских народов принято было обращать войлочный дом дверью к востоку (131, 26).

В центре юрты разжигали очаг, топливом для которого за отсутствием в степи дров служил аргал – сухой коровий и бычачий навоз. Из него же делали фитили для светильников, которые вместо масла заправляли бараньим жиром (174, 139).

Самым ценным предметом в нехитром внутреннем убранстве юрты были онгоны – войлочные идола, изображавшие духов и умерших предков. Перед началом праздничной трапезы хозяин обмакивал средний палец в чашу с напитком и брызгал на них несколько капель. Если монгол пил, сидя на коне, он брызгал и на гриву лошади.

(В древности «брызганье» совершалось примерно так, как оно совершается и в наши

времена. Равным образом жив и другой степной обычай: распределение за столом кусков разделанной бараньей туши в соответствии с возрастом и общественным положением человека (195, 103).

Уважение к предкам проявлялось и в привязанности к трем камням очага. Их называли «очаг отца» и повсюду возили с собой в качестве святыни (131, 18).

Состоятельный мужчина мог позволить себе иметь несколько жен. «Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого, или иной младший из родства даже обязан жениться» (6, 33).

Одна из жен считалась старшей. Ей принадлежало право решающего голоса во всех домашних делах. Однако дети от всех жен, включая и наложниц, имели равные права (6, 42).

Женская измена была у степняков делом крайне редким. Во многом это объяснялось патриархальным характером отношений и удаленностью одного аила (кочевья) от другого. Кроме того, за прелюбодеяние степной закон грозил самыми суровыми карами: «...отрезание уха, носа, губ и рвание ноздрей за прелюбодеяние холостого или женатого с девицей» (69, 72).

Впрочем, Плано Карпини замечает, что целомудренность женщин не мешает им выражаться вполне свободно. «Некоторые из них в шутку произносят достаточно позорных и бесстыдных слов» (6, 40). Вероятно, склонность к «мужским» шуткам возникла из совместных с мужчинами пьяных застолий. «У татар не запрещено мужчинам и женщинам на пирах сидеть смешанно и тем более друг друга уговаривать и угощать вином» (22, 81).

Вообще мускулистые степные «хатуни» вовсе не походили на изнеженных; затворниц мусульманских гаремов. Им не приходилось скрывать свои лица под чадрой (73, 289). Они сопровождали мужей в походы, играли важную роль в семейной и общественной жизни. Мать Чингисхана Оэлун-экэ при необходимости сама водила полки на битву, а его дочь Алахай-бэги управляла целым народом (66, 85; 22, 101). Дочь знаменитого темника Ногая Тугул лично участвовала в сражениях (73, 160). Рассказывая о Золотой Орде, арабский путешественник Ибн Баттута замечает: «В этом краю я видел чудеса по части великого почета, в каком у них женщины» (73, 288).

Зима заставляла степняков гнать свои стада на юг, а лето разворачивало их на север. Поворот «на лето» происходил в январе, а «на зиму» – в августе. Свои дороги были у весны и у осени. Главной заботой неизменно оставалась зеленая трава. Причем для каждого вида животных (лошадей, овец, коров, верблюдов) нужны были свои пастбища, свой травяной покров (174, 141).

Считалось, что степь – общее достояние «всех, кто живет за войлочными стенами». Поэтому летние пастбища («летники») принадлежали тому, кто первым их занял. «Зимники» обычно имели укрытия для скота и разного рода постройки. Поэтому они становились собственностью того, кто их благоустроил. Зимой монгольские лошади не нуждались в больших запасах сена, так как умели разрывать копытами снег и находить под ним траву.

Замкнутый в тесном мирке своей кибитки, кочевник мог месяцами не видеть никого, кроме членов своей семьи и пасущихся вокруг животных. Понятно, что его угнетало одиночество. Он искренне радовался всякому новому человеку. При встрече знакомые степняки заключали друг друга в объятия. (Рукопожатие получило распространение среди монголов лишь в эпоху великих завоеваний.) Потом они долго сидели у очага за неторопливой беседой. Разговор обычно касался домашних дел и хозяйства. «Их обычаи просты, а мысли сосредоточены на тех делах, о которых речь идет в данном случае.

Поэтому-то в их словах не бывает ошибок» (174, 141).

Однообразная степная жизнь требовала развлечений. Первым было, конечно, пьянство. Поводом для пирушки могли стать различные события семейной (свадьба, рождение ребенка) или хозяйственной жизни (стрижка овец, изготовление первого кумыса, клеймение лошадей, осенний забой скота и т. п.).

В Орде пили все и помногу. Чингисхан сетовал, что его люди «пропивают полностью коня, стадо и все, что у них есть» (65, 262). При попойках степняки быстро доходили до скотского состояния. «Пьянство у них считается почетным, и, когда кто много выпьет, там же извергает обратно, но из-за этого не оставляет выпить вторично» (6, 41). Суждение Плано Карпини совпадает с рассказом его современника, китайского посла Чжао Хуна. «Всякий раз, когда татары видят, что чужеземный гость, напившись, шумит, нарушает этикет, либо его рвет или он уснул, они бывают очень довольны и говорят: «Раз гость напился, то, значит, он с нами душа в душу!» (22, 83). Полтора века спустя те же нравы царили и при дворе Тамерлана – духовного наследника Чингисхана. «Для них праздник не в праздник и веселье не в веселье, если они не напьются пьяны», – замечает один посетивший Самарканд европеец (14, 162).

(Здесь невольно вспоминаются обычаи московского двора времен Ивана III. Там тоже считалось необходимым напоить чужеземного посла до умопомрачения, а заодно и выпытать у него нужные сведения. Впрочем, и сам Иван, по свидетельству Герберштейна, был так неводержан в питии, что порой засыпал за столом.)

К проступкам и даже преступлениям, совершенным в пьяном виде, монголы относились более снисходительно.

Ассортимент веселящих напитков в юрте кочевника ограничивался «тарасуном» – водкой из коровьего молока. «Вина, пива и меду у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы» (6,42).

Итальянский купец Иосафат Барбаро рассказывает, как однажды он пригласил в свой дом в Тане (Азове) знатного татарина из орды хана Кичик-Мехмеда (1435–1465): «Я привел его к себе в дом и всячески оказал ему честь, особенно вином, которое ему очень понравилось...» Два дня спустя Барбаро вместе с этим татаринном отправился в степь. «Мы выехали из города в три часа дня; он был мертвецки пьян, потому что пил до того, что кровь хлынула у него из носа. Когда я говорил ему, чтобы он так не напивался, он делал какие-то обезьяньи жесты, приговаривая: "Дай же мне напиться, где я еще смогу это добыть!"» (3, 145).

Только у ханов всевозможное питье имелось в изобилии. При входе в ханский дворец в Каракоруме Рубрук видел серебряное дерево, у подножия которого был устроен своего рода фонтан, где первая струя давала вино, вторая – очищенное кобылье молоко, третье – напиток из меда, а четвертая – рисовое пиво. Все это добро отнюдь не пропадало даром. Особым пристрастием к вину славился великий хан Угедей (1229–1241). На его застольях все перепивались до такой степени, что воры свободно пробирались во дворец и похищали ценные вещи из казны (66, 59)-

Зная об этой слабости своих наследников, Чингисхан особым постановлением запретил им пить больше трех кубков в день. Угедей не нарушил волю отца. Он просто распорядился изготовить для себя новый, более вместительный кубок (65, 263).

Государственный подход к этому вопросу проявил внук Чингисхана великий хан Хубилай. В 1292 году он издал указ, согласно которому на подвластных ему территориях (Монголия и Северный Китай) винокурение объявлялось монополией государства (123, 97).

Трудно даже представить себе, сколько же при этих нравах должны были выпивать за здравных чаш русские князья, приезжавшие в Орду в роли просителей. И не от того ли многие из них умирали в Орде или на обратном пути домой? Впрочем, Ибн Баттута недаром называет русских «плутовским народом» (73, 303). Они быстро заметили пристрастие татар к хмельным напиткам. Кажется, уже Иван Калита начал потихоньку

спраивать Орду своим неиссякаемым лесным «медом». Однако при этом русские и сами незаметно втянулись в процесс. К концу «татарского периода» они, по свидетельству Иосифа Волоцкого, пили столь же неумеренно, как и степняки (58, 318)...

Помимо пьянства степняки занимали свой досуг охотой, скачками, состязаниями борцов и игрой на двухструнном инструменте типа балалайки. Когда все это приедалось, садились играть в домино (128, 294). Монголам знакомы были и шахматы. Большим любителем этой игры был Тамерлан (14, 165).

Время от времени кочевники устраивали военно-спортивные состязания, собиравшие большое количество зрителей. Одно из таких состязаний изобразил в своих записках Иосиф Барбаро (середина XV века):

«В этих местах состязания происходят следующим образом. К деревянной балке, положенной горизонтально на два деревянных столба (это устройство похоже на виселицу), привешивают на тонкой бечевке серебряную чашу. Состязающиеся на приз стрелки имеют стрелы с железной частью в виде полумесяца с острыми краями. Всадники скачут с луками на своих конях под эту виселицу и, едва только минуют ее, – причем лошадь продолжает нестись в том же направлении, – оборачиваются назад и стреляют в бечевку; тот, кто, срезав ее, сбросит чашу, выигрывает приз» (3, 155).

Всеобщим праздником было наступление Нового года. Обычно его приурочивали к осеннему равноденствию (22 сентября). Однако в самой Монголии с 1267 года этот праздник в соответствии с китайской традицией перенесли на февраль (131, 49). В первый день Нового года монголы ходили в гости к родственникам и друзьям, дарили и принимали подарки, устраивали долгие семейные застолья.

Конец жизни рядового кочевника был столь же неприметен, как и ее начало. Почувствовав серьезное недомогание, он ложился в постель. Сигналом того, что в юрте есть больной и посещения нежелательны, служил воткнутый в землю высокий шест или копьё, обмотанное черным войлоком. Запрет на посещение больных объяснялся тем, что они опасались, как бы со входящими не явился «злой дух или ветер» (6, 101). Если где-то поблизости жил шаман, родственники больного обращались к нему за помощью. Он устраивал камлание и «отмывал» болезнь в воде в деревянной чаше (66, 24).

Когда болезнь оказывалась смертельной, приходилось подумать о похоронах. Больших хлопот здесь не предвиделось. В отличие от половцев и некоторых других кочевых народов, монголы не сыпали над могилой воина высокого кургана и не ставили надмогильных «каменных баб». Тело оставляли в степи на съедение бродячим псам и хищным птицам. И чем быстрее они делали свое дело, тем быстрее душа умершего, освободившись от плоти, взлетала на небо.

Впрочем, для знатных монголов обстановка перехода в иной мир была существенно иной. Их хоронили в больших ямах вместе с оружием, конями, утварью и рабами. Иногда тело помещали в особый деревянный сруб, поставленный на вершине холма (131, 32). Места родовых захоронений знати считались запретными для посещений. О них даже не следовало знать. «Погребение того, кто умирает, остается неизвестным», – замечает Рубрук (6, 101).

Кодекс Чингисхана

Одно из главных развлечений современных мужчин – разговоры о политике – было абсолютно чуждо монголам. Они беспрекословно подчинялись распоряжениям своего хана. Его считали почти мистической личностью и даже избегали называть по имени, предпочитая использовать титул (131, 120).

«Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми», – отмечает Плано Карпини (6, 49). Великий хан считался верховным собственником всего и вся. Он указывал родам и племенам места их кочевий. Он мог требовать уплаты любых налогов и брать у своих подданных любую часть их имущества. Из «имущества» не исключались и

женщины. «Если он просит девицу-дочь или сестру, они дают ему без всякого противоречия; мало того, каждый год или по прошествии нескольких лет он собирает девиц из всех пределов татар и, если хочет удержать каких-нибудь себе, удерживает, а других дает своим людям, как ему кажется удобным» (6, 49). Кочевники безропотно выполняли свои обязанности перед государством, воплощением которого были великий хан и его наместники. Они отдавали своим господам одну голову скота из ста, выполняли повинности по перевозке людей и грузов «по казенной надобности», служили загонщиками во время ханской охоты. В случае большого похода каждый улус выставял воинов в соответствии с названной пропорцией. Например, при походе монголов на Иран в 1251 году великий хан распорядился прислать по два воина от каждого десяти (202, 226). Существовали и натуральные оброки (например, кумыс) в пользу правителей (264, 40).

Высшим авторитетом для монголов был основатель их государства Чингисхан. Его золотую статую они возили с собой в походы (283, 256). Из поколения в поколение передавался свод неписаных законов – Яса Чингисхана. Хранителем Ясы «потрясатель Вселенной» назначил своего третьего сына – сурового и непреклонного Чагатая.

Законы Ясы касались самых различных сторон жизни. Вот некоторые из них.

«Прелюбодей предается смерти без всякого различия, будет ли он женат или нет.

Кто повинен в содомии, также наказывается смертью...

Кто мочится в воду или на пепел, также предается смерти...

Кто дает пищу или одежду полоненному без позволения полонивших, тот предается смерти.

Кто найдет бежавшего раба или убежавшего пленника и не возвратит его тому, у кого он был в руках, подвергается смерти...

Если кто-нибудь в битве, атакая или отступая, обронит свой лук, выюк или что-нибудь из багажа, находящийся сзади него должен сойти с коня и возвратить владельцу упавшее; если он не сойдет с коня и не возвратит упавшего, то предается смерти...

Он (Чингисхан. – Н. Б.) запретил своему народу есть из рук другого, пока представляющий сначала не вкусит сам от предлагаемого, хотя бы он был князь (эмир), а получающий – пленник; он запретил им есть что бы то ни было в присутствии другого, не пригласив его принять участие в еде; он запретил насыщаться одному более товарищей и шагать через огонь трапезной и через блюдо, на котором едят...

Он запретил мыть их платье в продолжение ношения, пока совсем не износится.

Он запретил им опускать руку в воду и велел употреблять что-нибудь из посуды для черпания воды...

Тот, у кого найдется украденная лошадь, обязан возвратить ее хозяину с прибавкою девяти таких же лошадей; если он не в состоянии уплатить этого штрафа, то вместо лошадей брать у него детей, а когда не было детей, то зарезать его самого, как барана...

Чингисханова яса предписывает... освободить от всякого налога и уважать храмы, посвященные Богу, а равно и служителей его» (208, 43).

Заветы Чингисхана на протяжении многих веков лежали в основе степного правосудия. Всевозможные бытовые конфликты и даже преступления кочевники выносили на рассмотрение мировых судей-биев. Их не избирали и не назначали. Бием мог стать всякий уважаемый человек, к которому спорящие обратились с просьбой рассудить по совести их дело. В своих решениях бий руководствовался древними нормами обычного права – адата. Эти нормы с течением времени смягчались. Однако в древности они были весьма жесткими.

Вот как описывает степной суд Иосафат Барбаро:

«Когда кто-то затевает с другим ссору, причем оба обмениваются бранными словами (однако не совсем так, как это бывает у нас, а без особенной оскорбительности), то оба, – а если их больше, то все, – поднимаются и идут на дорогу, куда им покажется лучше, и говорят первому встречному, если он человек с положением: «Господин, рассуди нас, потому что мы поссорились». Он же, сразу остановившись, выслушивает, что ему говорят,

а затем решает, как ему покажется, без всякого записывания, и о том, что он решил, никто уже не рассуждает. В таких случаях собирается толпа людей, и он, высказав свое решение, говорит: «Вы будете свидетелями!» Подобные суды постоянно происходят по всему лагерю...» (3, 146).

Адат допускал кровную месть по принципу «око за око». Однако если дело дошло до суда, то за такие преступления, как убийство, грабеж, крупное воровство, насилие и прелюбодеяние, полагалась смертная казнь (69, 24). Для вынесения смертного приговора требовалось свидетельство нескольких очевидцев либо признание самого подозреваемого. Получить признание от человека, на которого падали серьезные подозрения, можно было с помощью пытки. Одна из них состояла, например, в том, что обвиняемого били раскаленными головнями.

Впрочем, тяжкие преступления совершались редко, так как монголы в своем кругу были людьми весьма уравновешенными. «Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда. Там не обретаются также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками» (6, 40).

«Сокровища» рядового монгола были, конечно, весьма относительно. Денег в виде золотых или серебряных монет он практически не знал. Путешественники отмечали, что монголы не хотели отдавать им свои продукты за деньги и требовали взамен главным образом ткани (6, 105). Кажется, во времена Чингисхана и его сыновей деньги не вызывали большого интереса даже в столице империи. При раскопках Каракорума археологи нашли всего пару привозных монет. Своего чекана здесь не производилось (129, 187). Дань с покоренных народов взималась в виде слитков серебра, которые, судя по всему, хранились в ханской казне и не имели рыночного хождения (174, 143).

При огромном количестве скота случались все же случаи похищения овец или баранов. Пойманный на этом злоумышленник получал сто ударов палкой по спине (6, 100). Со временем угон скота («баранта») становится самым распространенным преступлением в среде кочевников Великой степи (69, 71). Таким способом мстили за обиду, спасались от голода или просто проявляли молодецкую удаль. Между угонщиками и сторожами стада порой происходили настоящие сражения.

Мелкий скот (овцы, козы) пасся под надзором неподалеку от юрты. Лошадей и коров монголы клеймили знаками собственности и отпускали их в степь пастись без пастуха. Отбившихся животных нашедшие всегда возвращали владельцу. Равным образом и потерянные вещи приносили к особым доверенным лицам, у которых эти вещи мог получить прежний владелец.

Китайские послы, посещавшие монголов в 1230-е годы, с восхищением отзывались об их честности: «Обычаи татар поистине таковы, что они не подымут на дороге утерянных чужих вещей. Однако неизбежно случаются грабежи. Но только совершают их люди из погибших государств» (174, 144).

Первобытная честность степняков восхищала и владимирского епископа Серапиона (умер в 1275 году), который в одной из своих проповедей восклицал: «Погании бо, закона Божия не ведущее, не убивают единовѣрных своих, ни ограбляютъ, ни обадятъ (обвиняют. – Н. Б.), ни поклепятъ, ни украдутъ, не запрятыся (желают. – Н. Б.) чужаго; всякъ поганый брата своего не продасть; но кого в них постигнетъ беда, то искупить его и на промысл дадутъ ему; а найденая в торгу проявляютъ!» (29, 454).

Многоверие

До второй половины XIII века в Великой степи господствовала шаманская «черная вера». Ее основу составляли одушевление сил природы и представление о второй жизни человека после смерти. После избрания великим ханом Угедей распорядился почтить

память отца не только трехдневной раздачей бесплатной пищи, но и свирепым жертвоприношением. «Выбрали сорок красивых девушек из родов и семей находившихся при нем эмиров и в дорогих одеждах, украшенных золотом и драгоценными камнями, вместе с отборными конями принесли в жертву его духу» (66, 19).

При этом монголы, как и другие кочевники, проявляли заметный интерес к христианству, главными представителями которого были здесь еретики-несториане.

Шаманов и несториан в Золотой Орде потеснил ислам. Ревностным мусульманином был брат и наследник Батые хан Берке (1255–1266). Со времен хана Узбека (1313–1342) ислам стал государственной религией Золотой Орды.

Ислам шел в степи с юга, из Средней Азии, Ирана и Турции. А в восточных провинциях распавшейся Монгольской империи быстро распространялся буддизм.

При всем том у монголов существовало множество суеверий, корни которых уходили в глубокую древность. Они не любили возвращаться по той же дороге, по которой приехали (66, 163). Они считали преступлением, если кто-нибудь задевал веревку, заменявшую порог юрты. Они панически боялись грозы и свято верили всякого рода гадалкам и прорицателям. С их помощью они тщательно выискивали «счастливый день» для любого начинания. Основой для важного решения было гадание на бараньей лопатке. Ее на время помещали в огонь, а затем по узору трещин пытались угадать веление судьбы.

В основе многих суеверий и запретов лежал первобытный страх перед силами природы. Монголы чтили огонь и верили в его очистительную силу. Всех, приходящих к хану, они заставляли пройти между двух костров. Категорически запрещалось плевать и мочиться на огонь, бросать в костер мусор, а также перешагивать через огонь и заливать его водой. Нельзя было касаться огня острым предметом и даже рубить дрова рядом с костром. Все эти действия могли обидеть или ранить духа огня. Напротив, считалось полезным ублажить этого духа, подливая масло в огонь.

Почтение к воде проявлялось в запрете «поганить» воду купанием или стиркой белья. Воспрещалось также есть снег (105, 91).

Считалось, что свист привлекает злых духов, а хлопки в ладоши, напротив, отгоняют их (131, 108).

Монголы обожали получать и делать подарки. При этом они внимательно следили за тем, чтобы ценность тех и других была равнозначной. Правителям соседних стран монгольские ханы часто посылали символические подарки, смысл которых (обычно угрожающий) следовало угадать.

Одним из предрассудков (а может быть, и достоинств) монголов было глубокое отвращение ко всякого рода торговле. Китайский дипломат отмечает, что все влиятельные люди в степи охотно берут подарки, но при этом «никто не понимает в торговле. Все, начиная с татарского правителя и ниже, только передают серебро мусульманам и заставляют их самих отправляться для торговли с тем, чтобы они уплатили проценты сверх взятой ими суммы татарскому правителю или другому лицу из знати. Мусульмане либо передают полученное ими серебро в рост другим лицам, либо сами торгуют в различных районах, либо же ложно заявляют, что они якобы ограблены, и заставляют население уездов и округов возместить данную сумму» (174, 144).

(Алчность и произвол мусульманских купцов, откупавших у татар сбор дани в русских землях, были главной причиной восстаний против «бесермен» во многих городах Северо-Восточной Руси в 1262 году. Впрочем, среди откупщиков летописи отмечают и иудеев (42, 41).)

Презрительное отношение монголов к торговле (как, впрочем, и ко всем остальным занятиям кроме войны и кочевого скотоводства) отчасти объяснялось тем удивительным высокомерием, с которым «дети степей» смотрели на все остальные, как правило, более культурные народы. «Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные» (6, 40).

Гордость степняков удивительным образом сочеталась с привычкой выпрашивать у чужеземцев любые мелочи обихода. «Они очень надоедливо и бесстыдно просят то, что видят, и если человек дает им, то теряет, так как они неблагодарны. Они считают себя владыками мира, и им кажется, что никто не должен им ни в чем отказывать; если он не даст и после того станет нуждаться в их услуге, они плохо прислуживают ему» (6, 102).

Это высокомерие во многом объяснялось эйфорией победителей. Однако в нем угадывается и подсознательный «комплекс неполноценности», который испытывают варвары по отношению к более высоким цивилизациям. Компенсацией за эту неполноценность и было нарочитое высокомерие.

Отношение монгольских ханов к покоренным народам (как, впрочем, и к своим соплеменникам) ярко проявлялось в придворных церемониях.

Генералиссимус степей

До середины XIII столетия главой всей Монгольской империи был великий хан, резиденция которого находилась в Монголии. В свободное от охоты и кочевья время великий хан жил в своем дворце в столице государства – городе Каракоруме.

Это было, так сказать, «родовое гнездо» далеко разлетевшихся по миру хищных монгольских орд.

*Наполнив грузную утробу
И сбросив тяжесть портупей,
Смотрел здесь волком на Европу
Генералиссимус степей. (135, 388)*

Каракорум не имел крепостных стен, так как монголы считали всякие защитные сооружения признаком трусости. Более того. Этот странный город почти не имел и домов. Большинство горожан жили в кибитках и войлочных юртах. И даже те, кто имел дом, ставили во дворе привычное степное жилище.

Столица империи должна была иметь внушительный вид. Зная, что монгольская знать избегает городской жизни, великий хан Угедей поступил примерно так же, как и Петр Великий при строительстве Петербурга. «Последовал указ, чтобы каждый из его братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Когда те здания были окончены и стали прилегать одно к другому, то их оказалось целое множество» (66, 40).

То немногое, что осталось в Каракоруме от ханского дворца (как, впрочем, и от самого древнего города), было тщательно изучено археологами. Они установили, что в целом стиль дворца Угедея был тесно связан с китайской традицией. Крыша была покрыта красной поливной черепицей, а пол выложен зеленой.

Красный цвет отмечал все, что так или иначе было связано с императором. Красной печатью скрепляли свои ярлыки и ханы Золотой Орды (99, 17).

В отделке дворца постоянно встречались изображения драконов – они берегли здание от пожара. Изображения драконов украшали также ханский трон и детали конской упряжи (22, 76). Ворота дворца были обиты позолоченной медью, а ручки имели форму львиной морды. В воротах по сторонам прохода стояли раскрашенные глиняные скульптуры мистических богатырей.

Неподалеку от дворца лежали на земле огромные каменные черепахи. Они служили основанием для каменных досок с текстами законов или какими-то магическими надписями. На Востоке черепаху за ее медлительность считали символом счастья. Не лишенный чувства юмора Угедей сделал ее и хранилищем законов...

Для защиты от воров и злоумышленников дворец был обнесен высокой глинобитной стеной (155, 142).

Когда хан садился на свой трон из слоновой кости, все находившиеся вокруг должны были падать на колени. Этот обряд имел китайские корни и был установлен при дворе в

1230 году (283, 245). Излагая перед ханом свое дело и получая ответ, проситель должен был стоять на коленях. Исключение иногда делалось для послов тех государей, которые не были данниками монголов.

В пределах Монгольской империи правители областей и селений, через которые проезжал ханский посол (живое воплощение хана), также должны были приветствовать его, стоя на коленях (22, 78).

Другим унижительным для иностранцев ритуалом были обязательные поклоны перед золотой статуей Чингисхана. Ее возили в особой кибитке вслед за кочующей ордой (283, 246). Полагают, что именно отказ кланяться этому «идолу» стал причиной казни князя Михаила Черниговского в ставке Батыя в сентябре 1246 года. Культ Чингисхана как своего рода «богочеловека» проявился и в чрезвычайно бережном отношении к его личным вещам и даже юрте. Сто лет спустя после его кончины, в 1331 году, хранившуюся в Каракоруме обветшавшую юрту «Покорителя Вселенной» тщательно отреставрировали (123, 98).

На Востоке страх всегда был главным атрибутом верховной власти. Простейшим способом добиться беспрекословного повиновения подданных были свирепые казни. Даже вечно пьяный добряк Угедей время от времени вспоминал об этом. Случалось, он приказывал разрезать преступнику грудную клетку и вырвать сердце и печень (об, 59). (Именно так был казнен в Орде в 1318 году тверской князь Михаил Ярославич.) Русских князей, попавших в плен к татарам после битвы на Калке, раздавили тяжелыми досками, на которых сидели пировавшие победители. Михаила Черниговского насмерть забили ногами, а потом уже мертвому отрезали голову.

Иногда ханы проявляли свирепость и по отношению к «своим». Поссорившись со своим двоюродным братом Гуюком, Батый велел схватить одного из его эмиров и заживо сварить в котле (73, 244). Доставалось и мусульманам, провинившимся перед завоевателями. Отличавшийся особой свирепостью внук Чингисхана Хулагу приказал удушить одного арабского правителя, набив ему рот кусками мяса, вырезанными из его тела. Другого схваченного врага он велел завязать в баранью шкуру и оставить умирать под палящим солнцем (121, 476).

Другим важнейшим атрибутом власти был подобострастный церемониал. Марко Поло так описывает обычаи двора внука Чингисхана Хубилая: «Когда великому хану пить, инструменты играют, а их тут множество; а возьмет великий хан чарку в руки, все князья и все, кто там, становятся на колени и низко кланяются. После того великий хан пьет, и всякий раз, когда великий хан пьет, повторяется то же самое» (6, 256). Аналогичную картину иностранные послы наблюдали и в ставке Батыя (6, 117).

Для развлечения хана при дворе содержалось множество музыкантов, певцов, акробатов и шутов. Не забыты были, разумеется, и девушки. Помимо нескольких законных жен, знатные ордынцы держали наложниц. Рассказывают, что пример в этом отношении подал сам Чингисхан, имевший несколько сотен наложниц. Этот рослый бородач однажды признался своим приближенным, что больше всего на свете ему нравится обладать женами побежденного врага, «превратить животы его прекраснеликих супруг в ночное платье для сна и подстилку... а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!» (65, 265).

Наместник Чингисхана Мухали, отправляясь в поход, всегда брал с собой 18 красавиц, которые должны были развлекать его пением и игрой на музыкальных инструментах (22, 82).

Платой за удовольствия, которые приносит власть, служила постоянная забота о сохранении этой власти. Правитель никогда не должен был выходить из своей роли. Ему полагалось внушать почтение даже своим внешним видом. Сохранился словесный портрет хана Золотой Орды Берке, младшего брата Батыя. Его автор – арабский историк той эпохи Эльмуфаддаль.

«В это время (около 1266 года) царю Берке было от роду 56 лет. Описание его: жидкая

борода; большое лицо желтого цвета; волосы зачесаны на оба уха; в одном ухе золотое кольцо с ценным осьмиугольным камнем; на нем (Берке) шелковый кафтан; на голове его колпак, и золотой пояс с дорогими камнями на зеленой болгарской коже; на обеих ногах башмаки из красной шагреновой кожи. Он не был опоясан мечом, но на кушаке его черные рога витые, усыпанные золотом» (73, 193).

Иосафат Барбаро рассказывает о приеме у хана Золотой Орды Кичик-Мехмеда (1435–1465): «Мы направились к ставке царевича, которого нашли под шатром и в окружении бесчисленных людей. Те, которые стремились получить аудиенцию, стояли на коленях, каждый в отдалении от другого; свое оружие они складывали вдалеке от царевича, на расстоянии брошенного камня. Каждому, к кому царевич обращался со словами, спрашивая, чего он хочет, он неизменно делал знак рукой, чтобы тот поднялся. Тогда проситель вставал с колен и продвигался вперед, однако на расстояние не менее восьми шагов от царевича, и снова падал на колени и просил о том, чего хотел. Так продолжалось все время, пока длился прием» (3, 145).

(Понятно, что при таких обычаях русские князья не любили ездить в Орду. Но как понять тогда частые замечания летописца о том, что тот или иной князь в Орде «был принят с честью»? Может быть, ему просто сократили дистанцию, которую следовало проползти на коленях?)

Тех, кто верно служил хану, он награждал одеждой и обувью. Среди историков существует мнение, что знаменитая шапка Мономаха – это не что иное, как золотая тюрбетейка, которой хан Узбек наградил за преданность Ивана Калиту...

Наследником престола у монголов обычно выступал младший брат правящего хана. Однако решающее слово принадлежало съехавшейся в столицу по случаю кончины правителя родовой знати. По мере размножения чингизидов вопрос о наследнике становился все более запутанным и зависимым от реального соотношения сил претендентов.

Круговращение

Величие и слава монголов исчезли как дым от степного костра. Монгольская династия продержалась в Китае около ста лет, в Иране – примерно столько же. Московская Русь платила дань татарам до 1470-х годов. Однако от самых унижительных проявлений ига – регулярных поездок великих князей на поклон к хану Золотой Орды – страна освободилась еще при внуке Дмитрия Донского великом князе Василии Темном (1425–1462). Он лишь однажды, да и то по собственной инициативе, ездил в Орду. Князь надеялся, что хан Улу-Мухаммед поможет ему в борьбе против мятежных галицких князей. Эти надежды не оправдались. Хан вскоре сам потерял престол. А борьба за московский трон продолжалась уже силами самих русских князей.

Степные орды истощали силы во взаимной вражде. Столица империи Каракорум была сожжена и разграблена во время войны между внуками Чингисхана в 1260-е годы. (Позднее то, что от нее осталось, неоднократно опустошали китайские войска.) Крымское ханство в начале XVI века окончательно разгромило Большую Орду, историческим преемником которой стало Астраханское ханство. Однако само Крымское ханство с 1475 года находилось в вассальной зависимости от Османской империи.

В первой четверти XVI века татары становятся для Москвы довольно отдаленной угрозой. И хотя страшный набег крымского хана Мухаммед-Гирея летом 1521 года заставил столицу вспомнить ужасы времен Батыя, жившие в Москве татары уже воспринимались русскими не как господа, а как «свои поганые».

Интересные, хотя и весьма краткие наблюдения над внешним видом и обычаями тогдашних татар приводит австрийский посол Сигизмунд Герберштейн:

«Это люди среднего роста, с широким мясистым лицом, с косящими впалыми глазами; волосы они отпускают только на бороде, а остальное бреют. Только более именитые носят

за ушами косы, и притом очень черные; телом они сильны, духом смелы, падки на любострастие, причем извращенное, с удовольствием едят мясо лошадей и других животных, не разбирая рода их смерти, за исключением свиней, от которых воздерживаются по закону. Относительно голода и недостатка сна они до такой степени выносливы, что иногда выдерживают это лишение целых четыре дня, предаваясь тем не менее необходимым трудам. И наоборот, добыв что-нибудь съедобное, они пресыщаются сверх меры и этим обжорством как бы вознаграждают себя за прежнюю голодовку, так что не оставляют ничего. Обремененные, таким образом, пищей и усталые, они спят по три-четыре дня подряд. В то время как они спят таким глубоким сном, литовцы и русские, в земли которых они (татары) совершают внезапные набеги, угоняя оттуда добычу, пускаются за ними в погоню и, откинув всякий страх, повсюду поражают их, забывших об осторожности и как бы мертвых от еды и сна, без караулов и в беспорядке. Если во время разъездов их мучит голод и жажда, они обычно подрезают жилы у тех лошадей, на которых едут, и выпив крови, утоляют голод; кроме того, они думают, что это полезно и для животных. Так как почти все они кочуют, не имея определенных жилищ, то обычно движутся по звездам, главным образом Северному полюсу (Полярной звезде. – Н. Б.), который на своем языке называют "железный кол"» (5, 167).

Далее Герберштейн рассказывает о неразборчивости татар в пище, об их ловкости в управлении лошадью, о меткой стрельбе из лука и ненависти к оседлой жизни. «Это люди весьма хищные и, конечно, очень бедные», – завершает он (5, 169).

Казанское, а затем и Астраханское ханства были разгромлены Иваном Грозным. При его наследнике царе Федоре пришел черед и Сибирского ханства. Кочевую Ногайскую Орду в 1630-е годы растоптали и загнали в Крым пришедшие из Китая калмыки. Наследники половцев казахи добровольно перешли в русское подданство...

Вращавшаяся вокруг невидимого «железного кола» жизнь степняка не оставляла места для культурного прогресса. «Кочевнику недостает привычки к упорному труду, которая вырабатывается целыми поколениями и без которой невозможно усвоение умственной культуры», – заметил известный востоковед В. В. Бартольд (89, 117).

Россия росла и крепла, а ее прежние повелители отступали все дальше и дальше в свои степи...

Шагреновая кожа

И русские путешественники прошлого века, и современные наблюдатели степной жизни невольно задаются одним и тем же вопросом: какая сила сделала далеких предков этих добродушных животноводов хозяевами целого мира? И какая сила разрушила их колоссальные империи, словно карточные домики?

Не оспаривая точки зрения Мефодия Патарского, заметим, что на сей счет существуют и иные мнения. Профессора, чья работа состоит именно в Том, чтобы все объяснять, объясняют это тем, что век варварских государств вообще скоротечен. В самой их основе лежит нечто хрупкое, как стекло. Это нечто – личностный характер всех государственных структур и отношений. Смерть сильной личности часто влечет за собой крах важного элемента, а то и всей системы. Вот что говорил об этом исследователь древних цивилизаций А. Тойнби:

«Главная слабость варварского этического кодекса состоит в том, что он носит личный, а не общественный или институциональный характер. Преданность вождю, которая опирается на ряд индивидуальных нравственных императивов, не может считаться равноценной заменой цивилизованной социальной системы. Варвары абсолютно не способны создать устойчивые длительные социальные и политические институты. Попытки такого рода творчества с их стороны всегда сопровождаются распрями и вспышками зверств. Внезапное падение с высот всемогущества в трясину разброда – обычная судьба варварской власти» (257, 553).

«Обычная судьба варварской власти» постигла и крупнейшую в истории империю Чингисхана. Дикий Юг, чьи овцы в XIII столетии едва не съели заодно с травой и всю европейскую цивилизацию, вскоре стал съезживаться как шагреновая кожа. Его ослепительно вспыхнувшая «пассионарная энергия» многое разрушила, но ничего не создала.

Интеллектуальное, а значит, и техническое превосходство земледельческих народов, собравшихся в крепкие государства, быстро подавляет кочевников и оттесняет их на задворки ойкумены. Им оставляют те земли, которые в данный момент никому не нужны. Но стоит обнаружить в этих землях нечто интересное для государства или для предпринимателей, как кочевникам тотчас предлагают убраться куда-нибудь еще дальше, в пески или пустыни.

Сейчас их осталось уже совсем немного, этих упрямых «детей степей», готовых променять покой оседлости на коловращение Полярной звезды. Степная цивилизация исчезает на наших глазах. Но Россия, несомненно, принадлежит к узкому кругу ее законных наследников.

Помимо сокрытых в бурятских сундуках старинных браслетов из серебра с кораллами, чей цвет так похож на цвет заходящего степного солнца, нам причитается в этом наследстве и еще одна мелочь. Способность услышать в скрипе бродячей телеги заоблачный лебединый крик...

ГЛАВА XII ДИКИЙ ЮГ. ЗДЕСЬ

*Варвары, захватившие цивилизацию,
фактически приговорены к нравственному надлому.
Тойнби*

Историки и публицисты много писали о последствиях монгольского завоевания для Руси. Большинство склонялось к тому, что «минусы» здесь многократно перевешивают «плюсы». В рядах этого большинства состоит и автор данных строк.

И все же Дикий Юг являлся русским людям не только в образе косматого «сыроядца» с окровавленной саблей в руке. Его мирными послами были степные невесты русских князей и татарские купцы, пригонявшие на Русь огромные табуны лошадей, верно служившие московскому государю касимовские «цари» и принимавшие православие беженцы из Орды.

С миром приходя на Русь, степняки приносили с собой свои законы и взгляды на жизнь, обычаи и привычки, слова и жесты. Все это вливалось в кипящий котел российской жизни и придавало ей особый, «полынный» привкус.

Сваты

Это старинное слово сейчас, наверное, уже не всем понятно. Поэтому для начала процитируем Словарь Даля: «Родители молодых и их родственники друг друга взаимно зовут сватами».

Неизвестный автор «Слова о полку Игореве», рассказав о гибели русского войска в битве с половцами, с горечью замечает: «Ту кроваваго вина не доста, ту пир докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую» (28, 376). «Соль» скрытого в этой фразе намек состоит в том, что сын князя Игоря Владимир к этому времени уже был помолвлен с дочерью половецкого хана Кончака.

После побега Игоря из половецкого плена и возвращения на Русь этот матримониальный союз был окончательно оформлен. Свадьба состоялась в 1187 году, когда сын Игоря был отпущен из половецкого плена.

Вся эта военно-брачная история выглядит довольно странно и вызывает целый ряд неразрешимых вопросов. Если Игорь собирался породниться с Кончаком, то зачем он пошел воевать с ним? Если он все же пошел воевать со своим сватом (отцом будущей снохи), то почему тот после этого не разорвал наметившегося брачного союза?

Вопросов в этом деле еще немало. Ясно же только одно. Реальные отношения русских с кочевниками и до прихода татар, и во времена Золотой Орды не укладываются в дидактическую схему «борьбы с внешним врагом» или «борьбы за независимость». В жизни все было гораздо сложнее. В политическом театре есть своя сцена и свои кулисы. И там, за кулисами, герои и злодеи мирно разговаривают друг с другом...

Впрочем, и политического театра в современном смысле в ту пору, пожалуй, еще не было. Скорее, это была своего рода арена. И было первобытное, непреодолимое желание всякого мускулистого индивида подраться на этой арене, свалить с ног противника и под восхищенные крики зрителей всадить в него нож по самую рукоять.

Однако прямые единоборства случались редко. Едва ли не единственным представителем этого жанра был брат Ярослава Мудрого черниговский князь Мстислав, «иже зареза Редедю пред полкы касожскими». Обычно драки бывали коллективными. И чем больше бойцов собирал под свои знамена каждый из князей, тем выше были его шансы на успех.

В поисках союзников среди обитателей степей русские князья издавна пользовались приемом брачной дипломатии. Простейшим и наиболее верным способом наладить добрые отношения с кем-то из «сильных людей» степи был династический брак. Он сулил жениху не только относительную безопасность от набегов, но и возможность в очередной драке с сородичами получить помощь от «поганных» сватов.

Конечно, на этом пути были свои тернии. Именитые степняки требовали большой «калым» за невесту, а могли и вообще отказать сватам, указав на недостаточную знатность жениха по сравнению с невестой. Степные невесты плохо приживались в княжеских теремах и редко приносили потомство. Они мало соответствовали русскому идеалу жены и хозяйки дома. И даже обязательное крещение невесты по православному обряду не могло исправить положения.

Наконец, степной брак был делом очень хлопотным. Сватовство, свадьба, а затем и послебрачные ритуалы неизбежно сопровождались длительными и утомительными поездками в степь.

И все же некоторые считали, что «овчинка» стоит «выделки». На половчанке, дочери хана Аепы, принявшей в крещении имя Анны, был женат первым браком Юрий Долгорукий. Устроителем этого брака был отец Юрия – знаменитый полководец и герой борьбы с половцами Владимир Мономах. А плодом супружеской жизни Юрия и Анны стал сын Андрей, вошедший в историю под именем Андрея Боголюбского.

Одновременно с Владимиром Мономахом женил своего сына на половчанке и другой неутомимый воитель – черниговский князь Олег Святославич (37, 259). На дочери половецкого хана был женат и великий князь Киевский Святополк Изяславич (162, 236).

Отец Александра Невского владимирский князь Ярослав Всеволодович в первом браке был женат на дочери половецкого хана Юрия Кончаковича. Судя по всему, брак этот был недолгим. О детях от этого брака источники не сообщают.

С приходом татар степные родичи поднялись в цене. Первым из русских князей «татарского периода» женился в Орде ростовский князь Глеб Василькович. Это произошло в 1257 году. Источники не сообщают каких-либо подробностей о его жене кроме того, что в крещении ее нарекли Феодорой. Известно также, что супруги прожили вместе около пятнадцати лет и, кажется, имели одного сына – Михаила (280, 156). Этот Михаил, князь Белозерский, как и его отец князь Глеб, часто ездил в Орду и был там, что называется, «своим человеком».

У Михаила Глебовича Белозерского было два сына – Федор и Роман. Первый из них, продолжая семейную традицию, в 1302 году женился в Орде на дочери какого-то знатного

татарина с nepроизносимым именем «Вельбласмыш Михайлович» (36, 528). Судя по отчеству, отец невесты был сыном христианина. Известно, что во второй половине XIII века христианство как ортодоксально-византийского, так и несторианского толка было довольно широко распространено в Орде. Понятно, что русские князья искали себе невест прежде всего среди христианизированной части ордынской знати.

Парадоксально, но именно ростовские князья, сыновья и внуки казненного татарами в 1238 году князя Василька Константиновича, отличались тесными родственными связями с Ордой. В 1302 году, одновременно с Федором Белозерским, в Орде вторым браком женился на дочери некоего Кутлукортки князь Константин Борисович Ростовский (36, 528). О детях от этого брака ничего не известно.

Другом и союзником ростовских князей был ярославский князь Федор Черный. В 1280-е годы он женился вторым браком на знатной татарке, принявшей в крещении имя Анны. Одни историки считают, что она была дочерью хана Менгу-Темира, другие называют ее отцом женатого на христианке темника Ногая, управлявшего тогда западными областями Золотой Орды (280, 83). В браке с Анной Федор имел двух сыновей – Давида и Константина. От них пошел весь позднейший род ярославских князей.

! Таковы некоторые сведения о женитьбах русских князей на степных невестах. Источники хранят гробовое молчание относительно случаев замужества русских княжон в Орде. Однако возможность таких браков не исключается. Даже византийские императоры не гнушались в ту пору выдавать своих дочерей за правителей «варваров». Трудно, впрочем, представить себе в этой ситуации визит «сватов» к родителям невесты. Ведь после такого визита бедные родители могли недосчитаться половины своего княжества...

Примечательно, что русские князья, отправляясь в Орду, никогда не брали с собой своих жен. Уникальное сообщение о семейном визите в Орду относится к известному своим тесными связями с татарами великому князю Андрею Александровичу Городецкому. В 1295 году «князь Андреи иде в Орду и с княгинею» (38, 249). Известно, что Андрей был женат на ростовской княжне Василисе Дмитриевне. Никакой родни в Орде она не имела. Странность этой ситуации объясняет лишь предположение некоторых историков о том, что Андрей был женат дважды (162, 121). Возможно, его вторая жена происходила из Орды.

Судя по летописям, интерес русских князей к степным бракам сходит на нет уже во времена Ивана Калиты.

«Свои поганые»

Распад Золотой Орды, начавшийся после кончины хана Джанибека в 1357 году и принявший необратимый характер во второй четверти XV века, позволил русским князьям вернуться к политике, принятой еще в домонгольские времена. Суть ее состояла в использовании одних кочевников (по выражению летописца – «своих поганых») против других. Многочисленные потомки Чингисхана, которых летописцы вежливо именуют «царевичами», вели непрерывную борьбу за власть. Проигравшие в степных усобицах всегда могли рассчитывать на теплый прием в русских землях. Василий Темный приютил у себя татарского «царевича» Касыма и дал ему во владение земли в нижнем течении Оки, между Рязанью и Муромом. Так возникло знаменитое «Касимовское ханство» – осколок степного мира в государственном теле России.

Касимовские татары на московской службе сохраняли свою веру и имели самоуправление. Их единственной обязанностью было участие в военных действиях под знаменами великого князя Московского. И эту обязанность они выполняли беспрекословно. От их дикого вида и пронзительных воплей холодели спины у ливонских рыцарей и литовских магнатов. Да и со своими оставшимися в степях сородичами касимовские татары воевали не хуже прирожденных москвичей.

Повинуясь только самому великому князю, эти татары стали чем-то вроде его личной

гвардии. Иван III всячески заботился о них, щедро награждал за службу и даже едва ли не каждый год лично навещал «своих поганных» в их приокских владениях (3, 226).

В московский правящий класс постепенно вливалась и опальная знать Казанского ханства. Стараясь всегда иметь наготове «запасного» претендента на казанский престол, московские князья держали у себя целую колонию «политических эмигрантов» из Казани. В зависимости от обстоятельств их то морили в далеких ссылках, то спешно прощали и ласкали при дворе.

Ярким примером такого рода превращений может служить судьба царевича Куйдакула, брата казанского хана Мухаммед-Эмина. Взятый в плен москвичами, он был сослан в Ростов, где жил под надзором местного владыки. В декабре 1505 года Куйдакул принял крещение с именем Петра и дал присягу на верность московскому великому князю Василию III. После этого он был освобожден из-под стражи. Желая прочнее привязать знатного степняка к Москве, Василий женил его на своей сестре Евдокии и выделил молодым особый удел. Конечная цель всей этой комбинации состояла в том, чтобы посадить «царевича Петра» на казанский трон вместо восставшего против московского влияния хана Мухаммед-Эмина.

Этим планам не суждено было осуществиться. Однако великий князь проникся к Петру таким доверием, что во время своих отлучек оставлял на него Москву. Полагают даже, что в случае своей кончины не имевший тогда детей Василий предполагал завещать престол не кому-то из родных братьев, а именно царевичу Петру (139, 99).

В XIV–XV веках татары оседали на Руси не только в связи с династическими браками или политическими интригами. Были и такие, которые просто искали лучшей жизни. Они поступали на службу к русским князьям в качестве советников, толмачей, посыльных, тайных осведомителей и еще бог весть кого. В житийном рассказе о гибели в Орде князя Михаила Тверского (1318 год) сообщается, что у князя было много служивших ему татар.

В Житии Пафнутия Боровского рассказывается о том, как князь Василий Серпуховской, рассердившись на преподобного, послал к нему свирепого порученца – «агарянина новокрещена, еще злонравна не отложиша варварскийи обычаи» (146, 123).

В Ростове в конце XIII столетия прославился своим благочестием некий Петр – переселенец из Орды, племянник хана Берке. Его истории было посвящено особое литературное произведение – «Повесть о Петре, царевиче Ордынском». Точные даты его жизни неизвестны. Однако не подлежит сомнению главное: знатный татарин прижился в Ростове, принял православие и даже основал монастырь. Местный князь радовался такому гостю и оказывал ему всяческие знаки внимания.

В исследовании тюрколога Н. А. Баскакова перечислено 300 русских дворянских фамилий, имеющих восточное происхождение (90, 27). Обычно их родоначальниками были выехавшие на московскую службу знатные татары. По подсчетам В. О. Ключевского в конце XVII столетия 17 процентов русских дворянских фамилий были «происхождения татарского и вообще восточного» (160, 193).

На Руси вчерашних ордынцев не принуждали принимать православие. Однако те хорошо понимали, что по-настоящему войти в состав московского правящего класса можно только через крещение. Для истинных степняков, язычников и шаманистов этот шаг не представлял особого труда. Веротерпимые по природе, они привыкли с уважением относиться ко всем богам. И под покровом новой веры могли хранить свои традиции, обряды и даже прежнее положение на ханской службе. Так, например, во второй половине XIII века «великий владимирский баскак» Амырхан принял крещение с именем Захария. Но и после этого он остался баскаком, то есть представителем Орды в русских землях. Баскаком в городе Боровске был и его младший сын Мартын (90, 25).

Сложнее происходил процесс «обрусения» у мусульман. Их религия была однозначной и нетерпимой. Но и они переходили в лоно Русской православной церкви. Одна из таких историй случилась в 1393 году в правление деда Ивана III великого князя Василия Дмитриевича.

«Тое же осени приехаша на Москву 3 татарина ко князю великому в ряд рядишася и биша ему челом, хотящее ему служити, иже беша почести и знакомити двора царева, и възхотеша креститися... Киприан митрополит приим я (их. – Н. Б.), нача учити... и облечеса сам во вся своя священные ризы и со всем своим клиросом бело образующим... и позвониша во вся колоколы, и собрася мало не весь град, и снидоша на реку Москву, ту сущу князю великому... и ту на реке Москве сам митрополит крести я (их. – Н. Б.). Беша же им по древнему по татарски имена Вахты хозя, Хидырь хозя, Мамат хозя, и наречени быша Онания, Озарья, Мисаил, и бысть радость велика въ граде Москве... и ти татарина новокрещени хожяху вкупе, аки союзом любви связаема...» (74, 443).

Все трое были видными людьми при дворе хана Тохтамыша. Имя первого в переводе означает Счастливый, второго – Могучий, третьего – Милостивый. Общее именование «хозя» (искаженное персидское «ходжа». – Н. Б.) означает «господин» (90, 214). О причинах переезда этих «господ» на московскую службу можно только догадываться. Заметим, что в эти годы Тохтамыш терпел одно за другим тяжкие поражения от могущественного среднеазиатского завоевателя Тимура.

Майдан истории

Многие века соседства с кочевниками степей... Около двух веков пребывания Руси в составе владений потомков Чингисхана... Все это должно было так или иначе отразиться на государственном устройстве, общественной жизни, культуре и менталитете наших предков. Должно... Но отразилось ли? И если да, то как?

Здесь для историка начинается «зона повышенной опасности» – область гадательного и спекулятивного. Работа в этой зоне опасна и для нервной системы, и для престижа ученого. Ведь хрупкие научные гипотезы и осторожные мнения нарастают у политических демагогов, создателей всякого рода «официальных точек зрения» и просто любителей, как выражался академик Рыбаков, «завонистых теорий».

Политический привкус «восточного вопроса» обусловлен тем, что Запад издавна стремился представить Россию как агрессивное варварское государство, унаследовавшее от монголов ненависть к европейской цивилизации. «Влияние монголов на Россию» стало излюбленной темой не столько для серьезных ученых, сколько для более или менее начитанных в историографии западных публицистов. Вывод, как правило, один: «поскреби русского – и найдешь татарина».

Естественно, что в этой ситуации русские ученые считали своим патриотическим долгом всячески открещиваться от «азиатчины» и отыскивать черты сходства между Россией и Европой. В итоге вопрос о влиянии татар на Россию стал таким же «скользким», как и вопрос о роли норманнов в создании Древнерусского государства.

И все же течение рассказа неотвратимо влечет нас к этому опасному сюжету...

Если мы хотим хоть как-то разобраться в полном сундуке разнообразных мнений по «татарскому вопросу», нам следует начать с того, что выделить три уровня обобщения. На первом, наиболее общем уровне, мы поместим вопросы, касающиеся воздействия Дикого Юга на русскую государственность и менталитет русского народа.

Наш путь степной...

Первым высказался на эту тему, пожалуй, Карамзин. Он полагал, что именно татары предоставили московским князьям возможность возвыситься над своими сородичами. «Москва обязана своим величием ханам», – утверждал историк (149, 153).

Суждение Карамзина в основе своей справедливо. Однако оно требует целого ряда дополнений. Разумеется, татары поддерживали Ивана Калиту и его сыновей исходя из своего собственного интереса. Он состоял главным образом в наведении элементарного порядка в охватившем Северо-Восточную Русь хаосе «безнарядья» и княжеских усобиц.

Хана интересовала своевременная уплата дани, а также возможность использовать объединенные силы русских князей для борьбы с Великим княжеством Литовским. Это последнее уже во времена великого князя Гедимины (1316–1341) начинает энергично теснить татар в Среднем Поднепровье.

Когда татары поняли, что «возвышение Москвы» зашло слишком далеко и стало грозить их собственной власти, было уже поздно. Начавшиеся в Золотой Орде после кончины хана Джанибека в 1357 году бесконечные усобицы развязали руки Дмитрию Донскому. Куликовская битва стала знаменательным событием, предвещавшим конец ордынского ига и возникновение Московского государства. Однако путь к этим рубежам оказался долгим и занял целое столетие. Успехи Москвы, как это обычно бывает, обеспокоили и сплотили ее внешних и внутренних врагов. В борьбе с ними московским князьям пришлось превратить страну в своего рода «военный лагерь» и взять на себя роль диктаторов (самодержцев).

Внешнее сходство московского самодержавия с деспотической властью татарских ханов дало нашим «западникам» неиссякаемый источник для сарказма (233, 190). Вот как представлял генеральную линию русской истории П. Я. Чаадаев: «Сначала – дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть...» (230, 123).

Занятые поисками внутренних закономерностей развития России русские историки второй половины XIX века не придавали большого значения «татарскому вопросу». Однако они и не сбрасывали его со счетов. С. М. Соловьев подчеркивал пронизывающую всю русскую историю «борьбу Леса и Степи». В. О. Ключевский проницательно заметил, что открытая вооруженная борьба с татарами, которую начал Дмитрий Донской, сделала его «национальным вождем Северо-Восточной Руси» (160, 22). Благодаря этому Москва окончательно закрепила свое лидирующее положение.

Отечественные историки советского периода весьма осторожно высказывались по «татарскому вопросу». Скороговоркой повторяя некоторые мысли Ключевского, они при этом делали акцент на изучении социально-экономических предпосылок централизации. Другой популярной темой была вооруженная борьба за независимость в XIV–XV веках.

В переломные эпохи всегда усиливался интерес к поискам «особого исторического пути России», к определению России как «особого типа социума» (181, 567). Идеи славянофилов (генетически связанные со взглядами Карамзина) были подхвачены и развиты Н. Я. Данилевским в его известном трактате «Россия и Европа». Определяя Россию как особую цивилизацию, одинаково чуждую Европе и Азии, Данилевский лишь вскользь коснулся «татарского вопроса». Он отметил, что тяжелое положение, которое занимали московские князья в качестве посредников между своим народом и свирепым татарским ханом, породило «то полное доверенности и любви чувство, которое русский народ сохраняет к своим государям» (125, 258). Необходимость собирать ордынскую дань позволила московским князьям «ввести более строгие формы народной зависимости по отношению к государству» (125, 258). А это, в конечном счете, способствовало объединению страны и созданию московского самодержавия.

Касаясь самого «татаро-монгольского ига», Данилевский назвал его «очень легкой формой зависимости» по сравнению, например, с положением греков и славян в Османской империи. «Степень культуры, образ жизни оседлых русских славян и татарских кочевников были столь различны, – полагал Данилевский, – что не только смешение между ними, но даже всякая власть последних над первыми не могла глубоко проникать, должна была держаться одной поверхности» (125, 257).

Особой напряженности историко-философские искания достигли в работах мыслителей, ставших свидетелями, а зачастую и жертвами великой «русской смуты» 1917–1921 годов. Вырождение романовской монархии, крах российского либерализма, примитивность космополитического марксизма – все это заставило по-новому посмотреть на далекое прошлое. Так возникло евразийство – учение об особом историческом пути

России, обусловленном ее географическим положением и близким знакомством с кочевой Азией.

Евразийцы порвали с традиционным для русских либералов обличением «азиатчины». По их мнению, двухвековое господство татар во многом определило русский национальный характер, придав ему необходимые для государственного строительства черты. «Туранская психика, – писал Н. С. Трубецкой, – сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству» (260, 370).

Московское государство не только возникло благодаря поддержке ханов, но и само стало историческим наследником «великой монгольской монархии» (260, 372).

Что можно сказать относительно этих смелых идей? Конечно, борьба за освобождение от власти татарских ханов, а позднее – необходимость отражать постоянные набеги всякого рода степных хищников «подтягивали» Московское государство. Но, разумеется, у нас нет никаких оснований благодарить их за эту «услугу». Что же касается «наследников» и «наследств», то здесь нам следует быть крайне осторожными в суждениях. Такого рода построения внешне довольно эффектны, однако по существу всегда грешат схематизмом. Российское государство, общество и национальный характер представляют собой единую систему, своеобразие которой обусловлено многими и в первую очередь своими, местными факторами.

Пять ключей к пустому сундуку

Что же касается «туранской психики», усвоенной русскими, то здесь едва ли следует идти дальше признания одного достаточно очевидного факта.

В русском национальном характере есть черты, которые традиционно принято считать присущими жителям Востока.

Опорой этому тезису поставим пять авторитетных суждений. Первое из них принадлежит французскому писателю и путешественнику Теофилю Готье, второе – В. О. Ключевскому, третье – американскому историку-русисту Ричарду Пайпсу, четвертое – Ивану Бунину, а пятое – П. Я. Чаадаеву. Сопоставьте эти суждения – и вы, быть может, получите некоторые выводы.

«Жители Востока порой жестоки в обращении с себе подобными, но всегда ласковы с животными, умеют их приручать, и те охотно идут к ним. На Востоке, в отличие от Европы, нет вечной суеты, гомона и смеха – так что ничто здесь не тревожит их. В людях, впитавших с молоком матери дух фатализма, есть что-то от безмятежного спокойствия животных» (119, 142).

«Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии. Она часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса; своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось» (160, 315).

«Подлинной религией русского крестьянства был фатализм. Крестьянин редко относил какое-то событие, особенно несчастье, за счет своих собственных поступков. Он видел везде «Божью волю» – даже в тех случаях, когда вина явно лежала на нем самом... Русские пословицы пронизаны фаталистическими настроениями...» (199, 212).

«В степи, где нет культуры, нет сложного и прочного быта, а есть только бродячая кибитка, время и бытие точно проваливаются куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет» (101, 168).

«Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и

будущего, среди мертвого застоя...

Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы, так сказать, чужды самим себе. Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно» (230, 125).

«Дух фатализма», располагающий к равнодушию и лени... «Безмятежное спокойствие животных» перед лицом обстоятельств, требующих быстрого и решительного действия... Отсутствие чувства преемственности в созидательной работе поколений, а стало быть, и чувства ответственности за свои дела перед будущими поколениями... Ставка не на здравый смысл, настойчивость и точный расчет, а на милость судьбы, на авось...

Все эти настроения, увы, давно знакомы нам и глубоко запечатлены в делах и судьбах наших. Как попал этот яд в нашу кровь? Из той ли отравленной чаши, которую подали в Орде отцу Александра Невского князю Ярославу? Или из того кубка, который Иван Грозный заставил выпить своего брата Владимира? В конце концов, какая разница. Ведь главное – найти противоядие. Найти в себе силы преодолеть эту древнюю одурь, это животное безразличие ко всему и вся...

Серьезные вопросы

На втором уровне обобщения мы разместим вопросы более частного, но также достаточно важного значения. Сюда можно, например, отнести вопрос о вкладе «своих поганых» (то есть кочевников на русской службе) в военные успехи Российского государства. Для оценки этого вклада достаточно сказать, что они помогали Василию Темному в борьбе с Дмитрием Шемякой, участвовали в большинстве крупных военных предприятий Ивана III.

Начало постоянного пребывания в Московской Руси большого контингента «своих поганых» относится к 1472 году. Под этой датой в летописях содержится целый блок известий, касающихся мирных отношений со степняками.

«Приехал служить к великому князю царевич Муртоза, сын казанскаго царя Мустофы, и дал ему князь великий Новгородок на Оце съ многими волостями» (51, 279).

(Здесь упоминается возникшее еще при Василии Темном «Касимовское ханство».)

«Того же лета, июля в 6, прииде из Орды Микифор Басенков с послом царевым Ахмутовым Болшие Орды с Каракоучюком, а с ним множество татар, 600 человек, коих кормили, а гостей с ними с товаром и с конми три тысячи и двесте человек, а коней с ними продажных было болши сорока тысячъ» (51, 279).

В 1476 году летописи вновь сообщают о татарских «гостях». «Того же лета, месяца июля 18, прииде к великому князю посол из Болшиа Орды от царя Ахмата, Бочкжа именем, зовя великого князя к царю в Орду; а с ним татарин 50, а гостей с ним с конми и с товаром всяким полшеста ста (550. – Н.Б.)» (41, 168).

Огромное количество «гостей», прибывших в Москву вместе с послами от хана Большой Орды Ахмата, указывает на оживленность и разнообразие товарообмена. Выносливые и недорогие татарские лошади пользовались на Руси большим спросом. Этот товар имел широкий круг покупателей: от великокняжеских конюшен до крестьянского скотного двора. Под 1508 годом летопись сообщает о приходе в Москву ногайского посла в сопровождении многочисленных торговцев лошадьми (40, 249). Во времена Ивана Грозного из этих ногайских табунов «великий князь получал каждую десятую лошадь в виде таможенной пошлины» (77, 76). Можно думать, что такой порядок существовал гораздо раньше.

Более подробные сведения о торговле Руси со степью относятся преимущественно к XVI столетию. Однако их можно достаточно уверенно проецировать и на более ранние времена. Известно, что правители Золотой Орды заботились о беспрепятственном движении купеческих караванов через свои владения. Поглощенный борьбой с Тимуром хан Тохтамыш (1381–1395) не забывал напомнить литовскому князю Ягайло: «Пусть по-

прежнему опять твои купеческие артели разъезжают; это будет лучше для состояния великого народа» (222, 6). В середине XV столетия послы и купцы из Герата благополучно проехали через всю Золотую Орду, затем поднялись по Волге и прибыли в Тверь (175, 36).

В Москве во времена Василия Темного жили татарские купцы, которые были достаточно состоятельны, чтобы одалживать деньги самому великому князю (255, 79). С другой стороны, некоторые из больших московских купцов могли говорить «половецки», то есть по-татарски (158, 445). За учителями не нужно было далеко ходить. В московском Кремле еще во времена Ивана III находился ханский двор, где размещались приезжавшие из Орды послы и купцы. Можно полагать, что и московские князья были более или менее знакомы с татарским языком. Дипломатическая переписка Ивана III с крымским ханом Менгли-Гиреем пестрит тюркизмами (191, 241).

Торговля с Востоком была чрезвычайно полезна для Московского государства. Запад закупал здесь исключительно сырье, а Восток – изделия русского ремесла. Запад выставлял на свои изделия высокие цены, которые делали их недоступными для простонародья. Восток с его дешевым ручным трудом довольствовался более скромными запросами. В итоге «в русском быту XVI века восточные товары имели значительно более широкое распространение, чем товары западного происхождения» (265, 5).

Начнем с экспорта русских товаров на Восток. Иран и Средняя Азия закупали в России большое количество выделанной кожи. Кочевники степей предпочитали изделия из железа, ткани и одежду. Русский лен в XIV–XV веках расходился не только по степям. Его закупали в Сарае купцы из Средней Азии и Индии (172, 103). Реликтом этой некогда оживленной торговли, дожившим до первой половины XIX века, стал «тайный язык» угличских, бежецких и кашинских купцов-холщевников. Он состоял главным образом из татарских слов (156, 403).

Московское правительство внимательно следило за этой торговлей, интересуясь в первую очередь двумя моментами. Во-первых, оно категорически воспрещало русским купцам без особого разрешения продавать кочевникам предметы вооружения (доспехи, оружие, древки для стрел). В список «заповедных» товаров попали даже топоры и ножи. Во-вторых, правительство стремилось наложить руку на крупные доходы от восточного экспорта. С этой целью царь Федор Иванович объявил продажу кожи на Восток монополией казны (265, 66).

На русских рынках Восток, помимо степных лошадей, был представлен прежде всего различными тканями. На их происхождение указывали уже их восточные названия – камка, тафта, атлас, бархат, бязь, миткаль. Другим восточным товаром были краски минерального и растительного происхождения. Одна из них – знаменитый лазурит, сияющий небесной голубизной на одеяниях ангелов рублевской «Троицы». Гордостью восточных купцов были драгоценные камни – древний атрибут верховной власти.

Оседавшие на Руси выходцы из степи принимали крещение и обзаводились семьями. И здесь всплывает деликатный вопрос о значении «горячей степной крови» для улучшения генофонда страны, основное население которой обитало в маленьких, отделенных друг от друга лесами и болотами деревушках...

Таких вопросов можно найти и поставить немало. Не имея возможности подробно рассматривать каждый из них, заметим лишь, что калькуляция «плюсов» и «минусов» в русско-ордынских отношениях отнюдь не сводится к известной фразе одного из героев Чехова: «Кругом одни убытки!» Нет, были и «прибытки». Их тщательный и объективный подсчет – задача для будущих поколений историков.

Ну а теперь опустимся на третий уровень обобщений, где пестрой кучей лежат на прилавке истории предметы, явления и слова. Всех их объединяет только одно: подлинное или мнимое татарское («монгольское») происхождение. Пожалуй, начнем со слов. Ведь «большая часть заимствованных слов заимствована нами вместе с новыми понятиями» (244, 18).

Сундук, тюфяк, башмак...

Вопрос о «татарских» заимствованиях в русском языке чрезвычайно сложен для серьезного исследователя. Все выводы здесь приходится строить на зыбком фундаменте из «возможно» и «вероятно». Вот лишь некоторые из затруднений.

Существуют языки монгольской группы и языки тюркские. На монгольском языке кроме самих монголов говорят, например, буряты. К тюркской группе относится язык половцев. Именно половцы составляли основное население Золотой Орды в XIV-XV веках.

Как известно, половцы не имели собственной письменности. Это крайне затрудняет изучение их истории и языка. Монгольские ханы для своих нужд пользовались сначала уйгурской письменностью. Позднее, с принятием ислама в Золотой Орде, в ханской канцелярии стали писать по-арабски. Знаменитые ханские ярлыки русским митрополитам в оригинале «писались на книжном тюркском языке золотоордынской эпохи уйгурскими или арабскими литерами» (99, 18).

Впрочем, все архивы Золотой Орды погибли еще в Средние века.

Итак, основная масса кочевников-ордынцев говорила по-тюркски, а правящий класс поначалу говорил по-монгольски, но постепенно тоже переходил на тюркский. При этом духовенство молилось и читало Коран по-арабски. Разумеется, происходило быстрое смешение всех этих языков. В тюркскую основу разговорного языка часто вплетались монгольские и арабские нити.

Еще одно препятствие на пути исчисления «татарских» слов в русском языке состоит в том, что тюркские слова входили в язык восточных славян и до Батыева нашествия. Постоянное общение с половцами, торками, черными клобуками и прочими степными народами, несомненно, и в этом отношении не прошло даром. С другой стороны, проникновение восточных слов в русский язык (особенно в язык населения южных областей России) продолжалось и после падения Золотой Орды. Поэтому очень трудно определить хотя бы примерное время проникновения тех или иных тюркизмов в русский язык.

«Исторический очерк распространения у нас тюркизмов может быть сделан в самых общих чертах, – писал известный лингвист А. И. Соболевский. – Мы имеем слишком мало памятников до половины XIII века с живым языком, чтобы могли сколько-нибудь точно определить древние тюркизмы (до нашествия татар). Точно также памятники XIII–XIV вв. не так много дают материала, как было бы желательно. Масса тюркизмов по памятникам появляется впервые в XV–XVI вв., но многие могли существовать у нас много ранее» (244, 60).

Подобно сочинителям житий святых, ученые обычно начинают исследование со смиренных рассуждений о неполноте и относительности своих познаний. Однако выполнив этот ритуал, им не остается ничего другого, как перейти к делу.

«Побежденные, – говорит Соболевский, – должны были угождать своим победителям, должны были посещать их орду. Результатом заискивания перед татарами явилось у нас в языке некоторое количество татарских названий одежд, вооружения, мер, монет (вместе с самими предметами). Значительное количество одежд и их принадлежностей в памятниках XIV–XVII вв. имеет татарские названия» (244, 60).

Далее ученый предлагает перечень этих заимствованных слов. Из мужской одежды: кафтан, ферязь, чекмень, азам, тигильяй, шаровары; из женской: шугай, терлик. Из обуви: башмак, чулок, ичиги. Из принадлежностей одежды: кушак, киса, кисет, калита, зень (карман). Из предметов вооружения: сагайдак, колчан, чечак, чекан, бехтерь (латы), юшман, кинжал, мисюрь, кистень, тюфяк (пушка). Из монет и мер: алтын, аршин, батман.

Другой ряд слов появился в результате знакомства русских с бытом татар и степной природой.

«Мы познакомились с новыми породами лошадей: аргамак; стали более точно, чем прежде, определять цвета шерсти: бур, карь, чал, булан, ал, игрен и игрень, мухорт... Далее мы получили слова: тавро, табун, чабан, отара, отава, чапрак, тебеньки, аркан, кибитка, тарантас. Затем мы получили целый ряд тюркских названий животных и растений: барс, кабан, бирюк, корсак... Названия птиц: беркут, балабан, сарыч; рыбы: сазан, балык; насекомых: таракан, саранча; растений: кизил, камыш...»

«При общении с татарами мы позаимствовались и разными кушаньями: калья, лапша; музыкальными инструментами: домра, накра, сурна, барабан, вероятно, балалайка; типами построек и их принадлежностей: очаг, печь, скамья, сарай, амбар, чулан, казна, лачуга, балаган, мизгит (мечеть). Далее тюркизмы – названия хозяйственных принадлежностей: чемодан, сундук, казанок, утюг, кирпич...»

«Наконец, находим еще тюркские названия явлений природы, по преимуществу степных: туман, буран...»

«Кроме тюркских слов мы получили от тюрков целый ряд арабских, персидских и вообще восточных. Это названия предметов восточной торговли, которая особенно усилилась, когда Киев был разрушен, степи заняты татарами и торговля с Грецией почти прекратилась». Сюда относятся главным образом названия тканей – атлас, парча, изарбат, алтабас, камка, тафта, мухояр, объяр, киндяк, зендень, изуфь, кумач, миткаль, бязь, бумазья, дымка, китайка – и принадлежностей ткани: бахрома, тесьма, кайма, мишура, гайтан (шнурок). Здесь и названия кож: сафьян, юфть. Тюркское происхождение имеет слово войлок.

Восточное происхождение имеют многие русские названия камней, металлов и минералов: алмаз, лал, изумруд, бирюза, булат, чугун, сулема, сабур, ямчуга, сургуч, сурьма.

Из пестрого ряда разнообразных слов восточного происхождения отметим общеизвестные: базар, ям (почтовая станция), кабала, барыш, магарыч, харч, богатырь, казак, ярлык.

«При сношениях с татарами русские выучивались говорить по-татарски, и привычка говорить на татарском языке имела следствием употребление татарских слов, без особой надобности, в русской речи. Таковы слова: балбес, башка, гайда, лафа, шарап (с середины XIV в.), бурда, ералаш, дуван, пай, шиш» (244, 71-78).

Причуды русского национального характера иногда проявлялись в языковых кулбитах. Так, например, русских послов, отправлявшихся в Орду, летописцы обычно называют татарским словом «киличеи» (от татарского слова «килиш» – ходить друг к другу); татарских же «киличеев» они почему-то называли по-русски «послами» (191, 253).

Русские взяли у татар не только отдельные слова, но и способ образования новых слов при помощи суффикса «-чи», который обозначал принадлежность к какой-то работе или делу. В русском произношении он зазвучал как «-щик». Так появились уже в документах XIV столетия слова данщик, побор-щик, тальщик, ямщик, заставщик, бельщик, доводчик, выведщик, рубежчик, кунщик.

Прием этот не только прижился в русском языке, но и получил определенное развитие. «На русской почве татарский суффикс «-чи» подчиняется закономерностям русского языка, грамматикализируясь по типу русских родовых слов. Например «-чи» дало «-чей», «-щик», «-ч» (басмач, силач)» (251, 140).

Голубой нужник

Кибитки и верблюды – это лишь одна, хотя и самая большая «матрешка» Дикого Юга. Внутри нее имеется другая, поменьше. Это юг городской, мусульманский, торговый. И соответственно, не такой уж и «дикий»...

В 40-е годы XIX века чиновник Министерства внутренних дел А. В. Терещенко по заданию своего ведомства (функции которого были значительно шире, чем у его

современного аналога) произвел раскопки в местечке Царево городище на Нижней Волге. Там, где Терещенко нашел одни только занесенные песком руины, некогда шумела столица Золотой Орды – город Сарай.

В те времена археология как наука в России еще не существовала. Нанятые чиновником землекопы работали усердно, но бестолково. Почти никакой документации раскопок не велось. Однако они были первыми. И потому им достался богатый урожай.

В своем отчете о работах, опубликованном в Журнале Министерства внутренних дел, Терещенко рисует впечатляющую картину. Городище было буквально нашпиговано древними вещами. Стоило вонзить лопату в землю, как раздавался характерный хруст. Железо упиралось в какой-то твердый предмет...

Перечень находок Терещенко занимает несколько страниц. И чего здесь только нет... Стена, убранный мозаикой, шестиугольные кирпичи пола, медная трубка от фонтана, детские свистки, керамические водопроводные трубы, мраморные тумбы, одиннадцать горнов со слитками железа на одном участке, а поодаль еще восемь горнов со слитками, обмазанные глиной ямы для хранения зерна, комнаты со стенами, а внутри их печи со сводами, склепы с человеческими костями прямо под полом жилой комнаты, резные вещи токарной работы, утварь монетного двора, мастерская сапожника, великолепные изразцы с позолотой и арабскими надписями, обломки стеклянной и фаянсовой посуды, прекрасный беломраморный подсвечник с арабской надписью, камни для растирания красок и сами краски, листки бумаги с вытесненными на них незабудками и золотыми ободками по краям, два деревянных гроба, обитые парчой и окованные металлом, медные и стеклянные наперсные кресты, чернильницы, холст, дверные петли, разнообразные замки, листы меди, зерна кофе, ароматная смола, точильные бруски, грифельные дощечки для письма, медная проволока, стеклянные бокалы, печать с изображением тигра, медное изображение быка, украшения из перламутра с резьбой и надписью и многое другое (254, 355-370).

Терещенко писал в своем отчете, что за несколько лет до него какие-то кладоискатели отрыли на сарайском городище даже золотую корону хана Джанибека (1342–1357), которая потом неведомыми путями уплыла из России и обнаружилась в кабинете восточных древностей в Иене.

Однако самая оригинальная (хотя и не самая драгоценная) находка осталась все же за Терещенко. В одном из древних помещений он откопал стоявший на кирпичном полу каменный постамент. Поверх него лежала каменная плита, облицованная небесно-голубыми изразцами. Посреди плиты зияла большая круглая дыра...

Кафедра археологии

Покорив многие народы, монголы почувствовали необходимость создания административных центров, куда стекалась бы положенная дань, где находилась бы официальная резиденция правителя, где жили бы купцы и ремесленники. Рассказывают, что мудрый советник Чингисхана китаец Елюй Чу Цай говорил своему господину: «Можно создать империю, сидя на коне. Но управлять ею, сидя на коне, нельзя».

В итоге «кочующее племя варваров» уже в первой половине XIII столетия обзавелось своими собственными городами. Они вырастали быстро и неожиданно, буквально «как мираж в пустыне».

Первая и вторая столицы Золотой Орды – Сарай-Бату и Сарай-Берке – были крупными центрами ремесла и торговли. В первой половине XIV века здесь появились дворцы, мечети и медресе, построенные мастерами из Хорезма.

Множество прекрасных произведений искусства попадало в эти города и как военные трофеи татар, и как подарки от искавших дружбы с ними соседних правителей. По международным торговым путям сюда прибывали товары из Китая и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Западной Европы.

Из городов Золотой Орды на Русь везли красивую поливную керамику. Осколки чашек, мисок и кувшинов ордынского происхождения археологи находят даже в гробницах московских князей XIV века (109, 80). В Новгороде почти все такого рода находки связаны с богатыми усадьбами (187, 168). Красивые импортные вещи всегда были дороги и доступны только состоятельным людям.

Заметим, что и сама городская культура Золотой Орды знала хорошие и плохие времена. Так, во второй половине XIII века «хорошие специалисты были большой редкостью» в ее молодых городах (166, 122). В период расцвета политического могущества Золотой Орды (первая половина XIV века) наивысших успехов достигает и ее синкретическая культура. Благодаря тесным религиозным, торговым и политическим связям двух регионов, «могучая культура среднеазиатских городов питала монголо-татарское ремесло» (187, 73).

В области декоративно-прикладного искусства специалисты говорят об использовании русскими мастерами XIV–XV веков не только форм и мотивов восточного декора, но и стиливых принципов (166, 155). Все это было связано с «модой» на восточные вещи, возникшей в ту эпоху. В гробнице новгородского архиепископа Василия Калики (умер в 1352 году) найдены остатки шелковой ткани, расшитой восточными узорами (187, 100).

В сокровищнице и гардеробе московских князей (насколько мы знаем то и другое по их духовным грамотам) было немало предметов с монгольскими названиями (85, 5–9). Кое-что вошло и во всеобщее употребление. Стоглавый собор (1551 год) принял особое постановление, запрещавшее носить тюрбеты («тафьи»), «занеже чюже есть православным таковая носити – безбожнаго Махмета предание» (68, 301).

Однако по мере упадка Золотой Орды начинается обратный процесс: воздействия на ее художественное ремесло приемов и традиций русских мастеров. Так, например, русская форма ковшика входит в моду в Орде (166, 120).

В военном деле и снаряжении русского воина влияние Орды не подлежит сомнению. В первые сто лет ига русские воины часто вынуждены были воевать вместе с татарами по распоряжению хана. Позднее они повернули оружие против своих недавних «союзников». И в том и в другом случае они внимательно присматривались к татарским приемам ведения боя и к вооружению «поганных». Наконец, оружие было едва ли не самым распространенным подарком в те времена.

И все же прав был известный русский монголист Д. Банзаров, полагавший, что «заимствованное от Востока вооружение не должно было изгонять собою древнего, собственно русского, но служило только к дополнению и усовершенствованию последнего» (87, 164). Степняки почти не имели собственной металлургии. Кузнецы в Орде были редкостью. Привозные железные доспехи и хорошие сабли были достоянием узкого слоя ордынской знати. Русские воины в массе своей были вооружены гораздо лучше татар. Единственное, что им пригодилось из татарского снаряжения – это «тигиляй». Так называли плотно подбитую ватой или пенькой безрукавку с высоким стоячим воротником. Практичность и дешевизна «тигиляя» обеспечила ему широкое распространение среди русских воинов (87, 165). В этой одежде они изображены на рисунке в известном сочинении о России барона Сигизмунда Герберштейна (первая половина XVI века).

Историки отмечают развитие при монголах дальней караванной торговли в Великой степи. Этому способствовало и сокращение транзитной торговли через Ближний Восток после утверждения там турок-сельджуков. «Ханы Золотой Орды с целью увеличения казны за счет сбора пошлин, которые составляли от 3 до 5% стоимости товара, оказывали покровительство транзитной торговле» (274, 69). Для обеспечения безопасности караванов при необходимости привлекались военные силы. Базары Сарая были завалены товарами, привезенными из Италии или из Китая, из Ирана или из Руси (138, 14–17). Однако сами монголы на мировых рынках могли выставить только рабов, скот и продукты животноводства.

Поставив за правило содействовать международной торговле, татарские ханы распространяли его и на русских купцов. Последние беспрепятственно передвигались по всей территории Золотой Орды. В источниках есть сведения о том, что в 1404 году русских купцов видели даже на базарах Самарканда (108, 215). Закупая восточные товары (ткани, пряности, лошадей, краски, сушеные фрукты) для внутренних потребностей страны, русские купцы, насколько известно, не занимались перепродажей их в западные страны (270, 241).

Смуты середины XIV столетия заставили жителей Сарая окружить свой город рвом и валом (263, 68). Однако настал день, когда и эти предосторожности оказались тщетными. В 1395 году знаменитый среднеазиатский завоеватель Тимур захватил Сарай и устроил здесь страшный погром. Эти события подорвали культурный потенциал столицы Золотой Орды. Начинается миграция уцелевших мастеров в другие регионы. Несомненно, какая-то часть их отправилась и на Русь.

Нападение русского войска под началом князя Василия Звенигородского на Сарай осенью 1480 года, по-видимому, поставило точку в культурной истории этого некогда славного города.

Балалайка Рихтера

На саранских базарах наши предки отоваривались не только мануфактурой и пряностями. Из Орды везли и кое-что посущественнее: новые идеи, новые подходы к решению тех или иных проблем. Вот этот невидимый груз усталых верблюдов давно не дает покоя любителям подниматься к истокам.

Первым, кто высказался на эту тему, был малоизвестный историк и публицист пушкинской поры Александр Рихтер (225, 2–32). К «татарскому наследию» он причислял многое.

«"Восточное великолепие" дворцов русских царей...»

Обычай заставлять послов «не иначе говорить речи, как стоя на коленях и повергаться перед троном на землю»; отсюда и знаменитое выражение «бью челом», то есть кланяюсь, стоя на коленях.

«Государи дарили по восточному обыкновению тех, которых хотели почтить, одеждами...»

«По свержении татарского ига, русские цари продолжали жить по-азиатски, редко являлись народу, проводили большую часть жизни во внутренности своих чертогов...»

Русские цари выезжали из дворца верхом, «и по татарскому обычаю шел подле стремян их придворный».

Обычай цариц выезжать верхом за город на прогулку. «Надобно полагать, что русские женщины переняли ездить верхом у татарок».

Татарская одежда и обувь народа: синие и белые армяки, какие и теперь носят монголы, «и белые шапки наподобие колпаков татарских». А также «короткие сафьяновые сапоги, унизанные жемчугом» и маленькая скуфья из золотых и серебряных нитей на голове.

Обычай не снимать шапки в присутствии самого царя.

Затворничество женщин.

Ночные караулы, рогатки на перекрестках, сторожа с медной доской.

Займствования в военном деле: оружие, «конские уборы и весь воинский снаряд».

Деление войск на десятки, сотни и тысячи, которое и до сих пор сохранилось у казаков. Привычка сражаться «не стоя на месте, а на скаку, действуя стрелами и копьями, то нападая, то вдруг отступая».

Мучительные казни: бить кнутом и плетью, ставить на правед, сажать на кол, рвать ноздри.

Тарханные (льготные) грамоты «от монголов введены в Россию».

Балалайка и барабан.

Денежная система «деньга» – «полденьги» – «алтын» вместо традиционных звериных «кун» и «мор-док». Монеты Золотой Орды, принятые и на Руси после «безмонетного периода».

Что можно сказать по поводу этих мыслей, которые сам Рихтер скромно называл «поверхностным обозрением»? На данный момент только лишь одно. Каждая из них требует отдельного критического рассмотрения.

При этом не следует забывать, что восприимчивость к чужому опыту, переимчивость – сильная, а не слабая сторона национального характера. И если бы мы уже взяли от соседей все полезное для нас – как далеко ушли бы мы сейчас по дороге истории...

ГЛАВА XIII КОВАРНЫЙ ЗАПАД

Сибирь начинается от Вислы.

Маркиз де Кюстин

Иван III первым из московских князей стал вырабатывать европейскую политику. В связи с этим он, быть может, первым из Рюриковичей должен был задуматься над «вечными вопросами»: что есть Запад? что нужно Западу от России? что нужно России от Запада?

Запад для Руси времен Ивана III был многолик. В широком смысле, как «другой мир», он начинался где-то вскоре за Можайском. Вязьма была отбита у литовцев только в 1494 году.

Великое княжество Литовское было близким и понятным. Это был как бы «полу-Запад». Здесь, в Вильно, при дворе великого князя Литовского московские послы обходились без переводчика.

Однако в Польше литовский «полу-Запад» быстро превращался в настоящий, католический, высокомерный и богатый Запад.

За Польшей начинались немецкие земли, номинальным главой которых был император Священной Римской империи германской нации. Это была уже совсем неведомая земля.

Севернее Литвы Запад глядел на Русь сытой и богатой Ливонией. А где-то далеко, за морскими просторами, лежала Швеция – туманная прародина Рюриковичей.

Наконец, у Руси был и свой, доморощенный «Запад» – Великий Новгород. Здесь важно прогуливались заморские купцы, горделиво высились башни и стены Готского и Ганзейского дворов. Здесь царил свойственный Западу дух прагматизма и предприимчивости. Здесь умели говорить на многих языках и читали такие книги, от которых мысль приходила к пагубному круговращению.

Что нужно было Западу от России? Да в сущности – ничего. Никто всерьез не собирался завоевывать ее бесконечные леса и болота. Литва, инстинктивно прихватившая в XIV столетии всю нынешнюю Белоруссию и Северскую Украину с «верховскими княжествами», толком не знала, что ей делать с этим беспокойным имуществом.

Швеция не предъявляла серьезных претензий на русские земли со времен Ореховецкого договора 1323 года.

У всех хватало своих собственных проблем.

Конечно, если бы Русь вдруг оказалась совсем беззащитной, – на ее земли тотчас нагрянули бы какие-нибудь чужеземные «просветители». Однако

Русь даже в самые тяжелые времена умела постоять за себя. И потому ее до времени оставили в покое.

Запад нужен был России гораздо больше, чем Россия – Западу. Скучные материальные ресурсы, косность и невежество, провинциальная узость интересов – вот то наследство,

которое Иван III получил от своих предшественников. Все это гирями повисло на ногах молодого Московского государства.

Для выхода из этого тупика необходимо было то, что позднее историки назовут «модернизацией».

Понятно, что соседний «полу-Запад» не хотел укрепления России на путях освоения ею достижений европейской цивилизации. Литва и Ливония не пропускали в Москву не только мастеров, но и любые товары, так или иначе относящиеся к военному делу. Москва со своей стороны весьма недоверчиво относилась ко всему, что приходило из этих традиционно враждебных ей стран. В итоге Иван III искал хороших иностранных специалистов для своей «модернизации» главным образом в немецких землях и в Италии. Так же поступал и сын Ивана Василий III. И только Иван IV, отойдя от заветов отцов, предпочитал дружить с Англией и Данией.

Первое «окно в Европу» прорубил Иван III. Здесь, как и во многом другом, он был прямым предшественником Петра Великого.

Московские летописи конца XV века пестрят сообщениями о событиях, так или иначе связанных с «латинянами». И в этой пестроте отразилась извечная противоречивость отношения русских к Зайаду. Если на монашеский север Русь привыкла смотреть с благоговением, на таежный восток – с любопытством, на степной юг – с некоторым высокомерием и страхом, то на «латинский» запад она смотрела со смешанным чувством презрения и вожделения.

Кнутометрия

За двести пятьдесят лет татарского ига и междоусобных войн страна выпала из общеевропейского культурного процесса. Она безнадежно отстала во многих областях. Городская жизнь и связанные с ней прогрессивные идеи заметны были только в двух-трех важнейших городах. Мерой всех вещей в России был не человек, а кнут. Размахивая огромным кнутом, Иван III погнал ошалевшую от испуга страну вскачь по дороге истории.

Возможности кнута были велики, но не беспредельны. Далекие горизонты открывал лишь союз кнута и циркуля. Иными словами, России необходимы были интеллектуальные (и прежде всего военно-технические) достижения Запада. Московские послы, ездившие в Италию, Германию и Венгрию, имели задание приглашать в Москву разного рода умельцев – инженеров, «рудознатцев», врачей, архитекторов. Иногда им удавалось соблазнить таких выдающихся «мастеров на все руки», как Аристотель Фиораванти.

Талантливые люди эпохи Возрождения были чрезвычайно «легки на подъем». Их манило все новое и неведомое. И все же известный и преуспевающий у себя на родине мастер едва ли поддавался бы на уговоры московских зазывал. Однако мир и тогда состоял не из одних счастливиц. Молодежь или мастера, не сумевшие по разным причинам создать себе имя и состояние, готовы были рискнуть и отправиться на край света, в далекую снежную Россию.

Путешествие из Италии в Россию сопровождалось множеством опасностей. Иногда мастеров задерживали в Крыму, Ливонии или Литве. Иногда они погибали в Москве, прогневав чем-то нашего тирана. Иногда Державный так высоко оценивал их мастерство, что навеки оставлял в своем лесном царстве. И все же высокие ставки оплаты, возможность проявить себя в крупных проектах и просто желание посмотреть неведомый мир оказывались сильнее доводов благоразумия. В итоге в 1492 году в Москве уже работала целая команда иностранцев, главным образом – итальянцев. Их главным делом было возведение и внутреннее благоустройство новой крепости. Под 6999 годом (1 сентября 1490 – 31 августа 1491) московский летописец сообщает:

«Тое же весны марта заложил Петр Антонии Фрязин две стрелницы (башни. – Н. Б.), едину у Фроловских ворот, а другую у Никольских ворот, а Никольскую стрелницу не по

старой основе заложиша, да и стену до Неглимны, города прибавиша» (49, 332).

«Того же лета Марко да Петр Антонеи архитектон Фрязове съврышиша большую полату великого князя на площади» (49, 332).

«Того же лета Петр Антонеи Фрязин съврышиша стрелницу Фроловъскую» (49, 332).

Работы главного наследника славы Аристотеля Фиораванти, итальянского зодчего Пьетро Антонио Солари радовали глаз своей прочностью и красотой. И в роковом 7000 году (1 сентября 1491 – 31 августа 1492) Иван III решил, наперекор устрашающим пророчествам, начать строительство первого в истории Москвы каменного великокняжеского дворца. Вероятно, главным архитектором был назначен все тот же Солари.

«Тое же весны априля в 5 в четверг вышел князь великы из своего двора из старого в княжо Иванов двор Юрьевича в новой, и с великою княгинею Софьею и з детми и с невесткою с великою княгинею с Оленою и со князем Дмитрием со внуком, а старой свои двор деревяной повеле разобрати того ради, что бы ставити новой двор камен» (49, 333).

Построенный итальянцами каменный дворец Ивана III не сохранился до наших дней. Нет и его подробных описаний. Однако, судя по косвенным данным, это было великолепное сооружение в стиле Ренессанса. Его главный фасад, обращенный к Москве-реке, украшала аркада, служившая опорой для открытой галереи второго этажа. Известно, что в отделке здания были использованы даже каменные скульптуры (20, 79).

«Укрепления этой крепости (московского Кремля. – Н. Б.), главные храмы, так же как дворе государя, выстроены из кирпича на итальянский лад итальянскими мастерами, которых государь за большие деньги вызвал из Италии», – отметил австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, посещавший Москву во времена Василия III (5, 133).

Здания, построенные итальянцами, отличались не свойственным тогдашней русской архитектуре пристрастием к симметрии и геометрической правильности линий. «А все в кружало, да в правило», – удивлялся московский летописец, рассказывая о строительстве Аристотелем Фиораванти нового Успенского собора (46, 302). Это означает, что всё делалось по циркулю и по линейке.

Та же чистота линий отличает Грановитую палату и Архангельский собор московского Кремля. Ею отмечены собор Спасского монастыря в Ярославле (1516 год) и собор Антониева монастыря в Красном Холме (1480-е годы), который, по-видимому, также строили итальянцы.

Итальянцы любили украшать свои постройки изящными арочными галереями в один или два яруса. В Москве эта средиземноморская красота поначалу также имела успех. Тяжелый куб храма словно поднимался и таял в кружеве колонн и арок. Однако вскоре выяснилось, что итальянские галереи зимой заваливает снегом, а большие окна плохо хранят тепло. Тонкий белокаменный декор требовал тщательного ухода и постоянной починки. В итоге пошли по обычному пути «наименьшего усилия». Арки галерей заложили толстыми стенками с узкими окнами, а обветшалый белокаменный наряд заменили неприхотливым кирпичом. В соответствии с местными вкусами купола из стройных полусфер переделали в огромные кособокие «луковицы», а ба-рабары глав, соответственно, надстроили на полтора или два метра.

В этом причудливом виде и поплыли венецианские гондолы по неторопливым российским векам.

Сто лет спустя пленительная итальянская геометрия; как чудное воспоминание, возродилась в творениях «зодчего Бориса Годунова». Имя этого мастера осталось неизвестным. Для царя Бориса им построена Троицкая церковь в Больших Вяземах и церковь Троицы в Хорошеве.

Итальянское «соло» странно и одиноко звучит в соборном хоре русского зодчества той эпохи. Оно столь же фантастично, как и мечта о новом Риме посреди прошитых волчьими стежками бескрайних снежных равнин...

Резкое усиление Московской Руси при Иване III привлекло к ней внимание не только ближних, но и дальних западных соседей. В первую очередь их интересовала возможность использовать военный потенциал молодого государства для борьбы с Турцией или Польшей. Первую идею лелеяли итальянцы, которые не сразу поняли, что дружественные отношения с крымским ханом, а стало быть, и с его сюзереном, турецким султаном, являлись краеугольным камнем внешней политики Ивана III. Когда они это поняли – все «антитурецкие проекты» с участием России развеялись как дым.

Иное дело – Польша и прочно связанная с ней Литва. С Великим княжеством Литовским Московская Русь в 1487 году начала энергичную борьбу, которая не прекращалась несколько десятилетий. В этой связи Иван готов был дружить с любым врагом польского короля и одновременно великого князя Литовского Казимира IV.

Помимо крымского хана, молдавского господаря и ливонских рыцарей Иван надеялся втянуть в войну с Польшей императора Священной Римской империи Фридриха III Габсбурга (1440–1493).

Империя представляла собой довольно хрупкое объединение различных германских земель. Границы его изменялись в зависимости от успеха военно-политических и династических предприятий императора. Путь к императорскому трону был долог и тернист. Сначала коллегия из семи выборщиков (крупнейших духовных и светских феодалов империи) избирала короля Германии. На дипломатическом языке той эпохи его называли «королем Римским».

Король становился императором только после одобрения римского папы. Без его благословения коронация была невозможна.

Власть императора была далеко не абсолютной. Правители отдельных областей имели право самостоятельно вершить суд, чеканить монету, разрабатывать богатства недр, брать таможенные пошлины и даже воевать между собой.

Интерес императора Фридриха и его сына Максимилиана (избранного на Франкфуртском сейме в 1486 году «римским королем», то есть фактически соправителем и наследником отца) к Московской Руси возник не случайно. Империя переживала трудные времена. Ее восточным владениям угрожали Венгрия и Польша. Естественно, имперская дипломатия начала поиски союзников для совместных действий против польских Ягеллонов. Одним из них и могла стать далекая Московия.

Странствующий рыцарь

В 1486 году в Москву прибыл некто Николай Поппель. Он называл себя «странствующим рыцарем» и любознательным путешественником. Такого рода люди встречались в тогдашней Европе. Однако Москва не верила в странствия из чистой любознательности. Уроженца Силезии Поппеля здесь приняли за польского шпиона. И лишь рекомендательное письмо императора Фридриха, подтверждавшее статус путешественника, спасло его от знакомства с тюремными крысами.

Вернувшись в Германию, Поппель заинтересовал тамошнюю знать рассказами о своеобразных нравах и амбициозных замыслах великого князя Московского. Император решил опять направить его в Москву, но на сей раз уже в качестве своего официального представителя. В итоге Поппель вновь явился в «Белокаменную» в начале 1489 года (271, 96).

Похоже, что многое в характере Поппеля роднило его с бароном Мюнхаузенем. Экстравагантные выходки и рассуждения приносили ему успех при дворах европейских государей. Однако в Москве право на оригинальность признавалось только за юродивыми.

Великий князь долго не желал лично говорить с императорским послом. В конце

Страшный суд. Икона третьей четверти XV в.

Монгол верхом на коне.
Китайский рисунок XVII в.

Монгольская пайцза. Середина XIV в.

Берег реки Онон - родина Чингисхана

Миниатюра лицевого Апокалипсиса. XVI в.

Ростовский собор. Конец XV в. Фото И. А. Вдовина

Церковь Иоанна Богослова на Ишне. 1687 г.

Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря. 1497 г.

Соловецкий монастырь Основан в 1429

Главы Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря XVI в.

Кенозеро. Фото И. А. Вдовина

Святитель Николай. Фреска Дионисия из собора Рождества Богородицы Феропонтова монастыря. 1500 - 1501 гг.

Феропонтов монастырь

Пресвятая Богородица. Фреска Дионисия из собора Рождества Богородицы
Ферапонтова монастыря

Святые воины. Фрески Дионисия из собора Рождества Богородицы Ферापонтова монастыря

Святые воины. Фрески Дионисия из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря

Тронная палата князя Андрея Угличского. Конец XV в.

Церковь Ризоположения из села Бородаты 1485 г.

Устюжна Железнопольская. Река Молога

Новгородская стена. *Конец XV в.*

Иосифо-Волоцкий монастырь

Берег реки Оки - южная граница русских земель в конце XV века.

Церковь Трифона в Напрудном в Москве. 1492 г.

концов встреча все же состоялась. Поппель предложил выхлопотать для Ивана у императора королевский титул. Затем он передал предложение императора выдать дочь московского великого князя замуж за какого-нибудь немецкого князя из дома Габсбургов.

Оба предложения вызвали возмущение в московских верхах. В вопросе о титуле Поппель, так сказать, «наступил на любимую мозоль» Ивана. «Государь всея Руси» не видел для себя никакой чести в том, чтобы получить от Фридриха королевский титул и тем самым фактически признать его старшинство. В Москве еще помнили те времена, когда за титулом великого князя приходилось ползти на коленях к ханскому шатру, а сан митрополита выпрашивать у константинопольского патриарха. Бальзамом для еще незаживших ран московского самолюбия служили громкие титулы «государя всея Руси» и даже «царя», которые присвоил себе Иван III.

Однако титулы интересовали Ивана не сами по себе, а лишь как символы могущества и независимости Московской Руси. Поэтому на предложение императора он ответил гордым отказом: «Мы Божию милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога» (25, П).

Столь же скептическое отношение вызвало у Ивана и предложение выдать дочь за немецкого князя. Он отказал Поппелю даже в его просьбе взглянуть на будущую невесту.

Посольство Николая Поппеля в январе 1489 года не принесло явных результатов. Однако оно расшевелило неторопливого «русского медведя». В Москве решили подробнее выяснить намерения и возможности императора Фридриха. С этой целью в марте 1489 года к императорскому двору отправилось московское посольство в составе Юрия Траханиота, Ивана Халепы и Константина Аксентьева. Единственным реальным вопросом, который разрешено было обсуждать московским послам, был вопрос о браке дочери Ивана. Однако Иван III был готов породниться лишь с сыном и наследником императора Фридриха римским королем Максимилианом.

25 июля 1489 года император Фридрих принял московских послов во Франкфурте. Эта было первое в истории, так сказать, «официальное знакомство» Германии с Россией. Во Франкфурте в это время проходил съезд («рейхстаг») немецкой знати. Его участники в полном составе присутствовали на приеме русских послов. С любопытством натуралиста глядели курфюрсты, князья и бюргеры на облаченных в странные, восточного покроя одежды русских бородачей. Во всей церемонии было много фантазмагорического. Главный русский посол, грек по национальности, говорил свою речь по-итальянски. Немецкого языка никто из послов не знал.

Грек говорил о том, что его государь, московский великий князь Иван, желает дружбы с императором и в знак уважения шлет ему дары. Они состояли из трех соболиных шуб и других мехов (86, 234).

Вежливый ответ императора был передан через переводчика, доктора фон Турна, также по-итальянски.

На следующий день состоялись private переговоры послов с императором. Их содержание не отразилось в источниках. Известно лишь, что после этих переговоров император не потерял интереса к «дружбе» с Москвой. Вместе с отпущенными домой русскими послами он вместо раздражавшего москвичей своими манерами Николая Поппеля отправил нового дипломата – доктора Георга фон Турна. Формально он именовался послом короля Римского Максимилиана.

Коварство и «любовь»

9 июля 1490 года любившая всяческие процессии Москва глядела на въезд пышного посольства. «Прииде посол из Рима великого князя Юрий Грек Траханиот, да с ним посол прииде от короля Римского Максимьяна Фердирикова сына цесарева, именем Юрьи Делатор о любви и о дружбе и о братстве» (46, 355).

Прибыв в Москву, Георг фон Турн (имя которого русские летописцы в соответствии с

итальянским произношением и русским искажением переименовывают в Юрия Делатора) был принят великим князем Иваном 18 июля 1490 года. На этой встрече посол от имени империи предложил Ивану заключить письменный договор о борьбе против общих врагов – польского короля Казимира IV и его сыновей.

Помимо этого, фон Турн предложил Ивану «славы ради» послать в империю русский отряд для участия в боевых действиях против Франции.

Союз с императором для совместных (или, точнее говоря, одновременных) действий против польского короля и великого князя Литовского Казимира IV в этот момент казался Ивану вполне реальным. Этому союзу благоприятствовала общая ситуация в Центральной Европе. После кончины 6 апреля 1490 года венгерского короля Матвея Корвина претендентами на опустевший престол выступили сразу трое соискателей: сын покойного Януш, король Римский Максимилиан Габсбург и сын польского короля Казимира IV Владислав Ягеллон, занимавший с 1471 года чешский трон. Открывалась перспектива большой войны между Габсбургами и Ягеллонами. В этом случае боевые силы Польши разворачивались на запад, оставляя Литву один на один с московскими воеводами. А между тем Иван I уже три года вел необъявленную войну против Литвы, стремясь отнять у нее верховья Оки, Северскую Украину и смоленские земли. Обещая Максимилиану помощь в войне с Польшей, Иван имел в виду не что иное, как продолжение своего натиска на Литву. Однако эти обещания должны были подтолкнуть римского короля к более решительным действиям по отношению к Польше. Словом, как это обычно бывает в дипломатии, каждая сторона искала выгод за счет другой. Проигрывал тот, кто оказывался более доверчивым или менее осведомленным о реальном положении дел.

Уклонившись от обсуждения вопроса о посылке русского «экспедиционного корпуса» для войны с Францией, Иван решил начать с заключения с римским королем письменного договора о дружбе и взаимопомощи против польских Ягеллонов. Проект договора был подготовлен московскими дьяками и вручен имперскому послу. Теперь этот проект должен был утвердить Максимилиан в присутствии московских послов, а затем Иван III в присутствии имперских послов. Ржавая карусель средневековой дипломатии начала свое неторопливое вращение.

Серьезный и представительный фон Турн произвел хорошее впечатление на московский двор. Летописи отмечают, что великий князь «почтил зело» имперского посла (49, 331). На прощание Иван подарил ему золотую цепь с крестом, серебряные шпоры, а также подбитую горностаем и расшитую золотом атласную шубу (86, 236).

Вместе с покидавшим Москву фон Турном Иван отправил в империю свое посольство, которое должно было принять от Максимилиана клятву на верность «докончальной грамоте» или, пользуясь дипломатическим языком той эпохи, «взяти с ним любовь и докончанье» (46, 355). Это второе московское посольство возглавил все тот же Юрий Траханиот. С ним отправились видный московский дьяк Василий Кулешин, участник первого посольства Иван Халепа и подьячий Юшко.

22 марта 1491 года московские послы были приняты римским королем Максимилианом в Нюрнберге. В эти же дни здесь проходил съезд немецкой знати, у которой король просил военной и финансовой помощи для продолжения войны за венгерское наследство. Эта война поначалу шла успешно для Максимилиана; Но затем его главный противник чешский король Владислав Ягеллон собрался с силами и вытеснил Габсбургов со всей территории Венгрии.

В этих условиях Максимилиан охотно утвердил довольно туманный союзный договор с Иваном III, надеясь, что москвит оттянет на себя хотя бы часть сил Ягеллонов.

Исполнив свою миссию, московские послы покинули императорский двор 23 июня 1491 года. В Москву они возвратились всего за день до начала 7000 года – 30 августа 1491 года. «Того же лета, месяца августа в 30, приидоша послы великого князя от короля Максимьяна Римского, Юрьи Грек да Василеи Кулешин», – сообщает летопись (50, 286).

Согласно неписаным законам тогдашней дипломатии поспешность считалась дурным

тоном или даже признаком слабости. Имперский посол Георг фон Турн во второй раз приехал в Москву для присутствия на церемонии утверждения Иваном союзного договора почти три месяца спустя – 18 ноября 1491 года (50, 287).

Вскоре в присутствии имперского посла Иван присягнул на верность договору. После этого фон Турн сообщил о том, что его король уже начал войну с Ягеллонами за Венгрию и предложил Ивану обсудить конкретные формы и сроки выступления московских сил против Польши.

Дальнейший ход переговоров приобретает несколько водевильный характер. Московская разведка своевременно доложила Ивану о том, что 7 ноября 1491 года римский король Максимилиан заключил со своим соперником чешским королем Владиславом Ягеллоном Пресбургский мир и уступил ему Венгрию. Таким образом, вопреки своим клятвенным обещаниям, изложенным в договоре с русскими, никаких боевых действий против Ягеллонов Максимилиан в обозримом будущем не предполагал.

Однако почтенный фон Турн не знал (или делал вид, что не знал) о заключении Пресбургского мира, в результате которого его миссия теряла всякий смысл. Щедро расточая комплименты великому князю, он продолжал уговаривать Ивана поскорее начать войну с Казимиром IV, чтобы помочь своему новому другу и брату, римскому королю Максимилиану. Более того. Следуя полученным инструкциям, имперский посол просил Ивана помочь ливонским и тевтонским рыцарям свергнуть власть Польши и перейти под покровительство империи. Рассматривая рыцарей как своих подданных, отнятых у него Казимиром, Максимилиан просил Ивана прекратить с ними всякую вражду и при помощи независимых посредников уладить пограничные споры. Несмотря на некоторый провинциализм своих представлений, московские дипломаты были, конечно, достаточно умными людьми, чтобы из опыта общения с Максимилианом сделать ряд важных выводов.

Первый из них состоял в том, что «любовь» великого князя Ивана с римским королем Максимилианом оказалась столь же мимолетной, как и всякая дипломатическая «любовь». В сухой остаток выпала горькая истина. Запад был не менее коварен, чем Восток. Клятвы и обещания выполняются им лишь постольку, поскольку они отвечают его сиюминутным интересам.

Второй вывод был еще горше первого. Оказалось, что римский король считает своего «любимого брата» великого князя Ивана полным идиотом. Об этом свидетельствовали фантастические планы отправки русского корпуса во Францию или же оказания Иваном помощи тевтонским рыцарям.

Конец любви – всегда печальная картина. Однако в дипломатии не принято проявлять эмоции. К тому же дипломаты лучше других знают, что события никогда не стоят на месте. И завтрашний день часто смеется над сегодняшним. А потому в Москве не только выдержали весь ритуал бессмысленных переговоров с фон Турном, но и отправили вслед за ним свое третье посольство к королю Максимилиану. Главой этого посольства был вновь назначен неутомимый Юрий Траханиот. Вторым послом стал Михаил Кляпик Еропкин.

.(Интересно, что главным лицом этой российско-германской. «челночной, дипломатий» неизменно оставался московский грек Юрий Траханиот. Что заставляло его брать на себя эту хлопотливую миссию? Имел ли он от всего этого какую-нибудь корысть? Иностранцы утверждают, что московские послы не получали от государя средств, необходимых на всякого рода дорожные расходы (5, 72). Зная традиции московских канцелярий, эту молву можно принять за правду. Однако это лишь одна сторона правды. Другая состояла в том, что скупость казны всегда давала официальным лицам моральное право наживаться за счет своей должности. Послы, например, за хорошую мзду брали под свою «крышу» купцов, да и сами зачастую под видом подарков везли в страну назначения товары для продажи.)

Послам поручено было официальным образом спросить у Максимилиана, в каком

состоянии находятся его отношения с Ягеллонами и правда ли, что он отступился своей «отчины» Венгрии. Иван просил императора держать его в курсе дел и в случае начала новой войны с Ягеллонами немедленно дать ему об этом знать. Одновременно послы должны были использовать любые источники для получения широкой и достоверной информации о положении дел в Центральной Европе.

Примечательно, что московское посольство, с точки зрения выбора пути, обычно шло по стопам имперского, а имперское – московского. В этом был свой тайный смысл. Следуя на некотором временном отдалении за иностранным послом, можно было узнать много интересного о том, с кем он встречался, что говорил и как себя вел. Важно было и то, куда отправился посол, покинув пределы Руси. Такого рода информация была необходима для правильного понимания истинных намерений дипломатов, а также «морального облика» каждого из них.

15 января 1493 года третье московское посольство прибыло ко двору короля Максимилиана, который находился в это время в Кольберге, близ французской границы. На встрече с москвитями король подтвердил, что действительно отказался от борьбы с Ягеллонами за Венгрию. Вместо прежнего бумажного союза против Ягеллонов он предложил Ивану заключить новый союз, на сей раз – для совместной борьбы с Турцией.

Московские послы прекрасно знали, как высоко ценит их государь мирные отношения с крымским ханом и стоявшим за его спиной турецким султаном. Поэтому идея антитурецкой лиги не вызвала у них никакого интереса. Ограничившись просьбой сообщить великому князю о намерениях Максимилиана относительно Венгрии и Польши, они отправились в обратный путь...

После возвращения третьего посольства в империю в Москве, наконец, окончательно убедились в том, что никаких интересных перспектив дальнейшая переписка с римским королем не открывает. Максимилиан пришел к аналогичному выводу несколько позже. Весной 1494 года он собирался отправить в Москву еще одно посольство. Однако, судя по молчанию русских источников, эта идея так и не была осуществлена.

Этнограф Снупс

В то время как московские послы собирали сведения о Западе, Запад решил поближе узнать Россию. С этой целью император Максимилиан и его дядя эрцгерцог Сигизмунд Тирольский выдали рекомендательные грамоты некоему Михаилу Снупсу. Это был еще один «любопытный путешественник» наподобие Николая Поппеля. Однако в отличие от Поппеля Снупс не был искателем приключений. Он собирался изучать природу России, жизнь и языки населявших ее народов.

В Россию Снупс ехал обычным путем: из Любека морем до Ревеля, а от Ревеля на Псков. В Любеке в августе 1492 года он столкнулся с третьим русским посольством, направлявшимся к Максимилиану. Снупс представил послам свои рекомендательные письма, которые они внимательно изучили и перевели на русский язык. После этого Юрий Траханирт по своим каналам немедленно дал знать в Москву о миссии «этнографа».

Прибыв в Москву осенью 1492 года, Снупс окунулся в атмосферу паучьего гостеприимства. Обычно Иван III поручал своим придворным устраивать для подозрительных иностранцев долгие хмельные застолья, во время которых те могли выболтать свои истинные цели. При этом любая попытка иностранца вырваться из-под тягостной опеки и самостоятельно познакомиться со страной решительно пресекалась. Снупс просил разрешения съездить на окраину страны и посмотреть народы, живущие по реке Оби. Возможно, его влекли туда и слухи о недавно открытых в тех краях немцами серебряных рудниках (271, 98). В ответ Снупсу было сказано, что места эти находятся слишком далеко и даже московские сборщики дани с трудом попадают туда...

Поняв, что затянувшееся «знакомство с Россией» может плохо кончиться не только для его печени, но и для всего организма, предшественник маркиза де Кюстина в январе

1493 года ни с чем покинул Москву. Тем же путем, через Ливонию, он вернулся в Германию.

Кот и еж

Первое знакомство Германии с Россией в 1486–1493 годах напоминает встречу кота с ежом. Кот никак не мог понять, что за существо скрывается под этими страшными иголками. Еж также был озадачен странным видом кота и на всякий случай стал пыхтеть, раздуваться и сворачиваться в шар. Но в конце концов все обошлось и каждый пошел своей дорогой.

Однако с тех пор немцев не покидало ощущение смутной тревоги, вызванной сознанием того, что там, на востоке, между Польшей и пустынями Татарии «кто-то есть».

Этот «кто-то» – загадочный «Московит». Его нельзя было безоговорочно причислить ни к одному из знакомых Западу видов правителей. Он был не азиатский деспот, но и не европейский просвещенный монарх; не смердящий варвар, но и не благовоспитанный европеец; не идолопоклонник, но и не католик.

Иван пугал Европу громкими титулами, которые он сам себе присваивал. На Западе всерьез воспринимали эти словесные побрякушки и полагали, что они свидетельствуют о намерении «Московита» завоевать весь мир. В действительности же его цели были не вполне ясны даже ему самому...

Сложное чувство, соединявшее в себе любопытство и тревогу, заставляло немецких государей внимательнее присматриваться к России. Примечательно, что император Фридрих, а вслед за ним и король Максимилиан направляли в Москву не просто дипломатов, а умных наблюдателей, своего рода «этнографов». В инструкции одному из своих послов в Россию австрийский эрцгерцог Фердинанд Габсбург требовал «тщательно исследовать как содержание их веры, так и обычаи, дабы мы, осведомленные таким образом со всех возможных сторон, могли бы вникнуть в религию и обряды этого народа, какие он имеет обыкновение соблюдать как в делах церковных, так и в светских» (5, 268).

Цель этой политической этнографии состояла в том, чтобы понять устройство русского общества.

Но русским явно не нравилась роль букашек под увеличительным стеклом. Они ревностно оберегали свою внутреннюю жизнь от чужих глаз. Иван III быстро спровадил из Москвы двух «этнографов» – Николая Поппеля и Михаила Снупса. Насколько известно, ни тот ни другой не оставили письменных воспоминаний о России.

Шуба Герберштейна

Первым, кто сумел войти в доверие к москвитам и ближе присмотреться к их образу жизни, был посол императора Максимилиана к великому князю Василию III Сигизмунд Герберштейн. Он дважды (в 1517 и 1526 годах) был в Москве и прожил здесь довольно долго. Умный и хорошо образованный дипломат сумел снискать симпатии московского государя, который на прощанье подарил ему роскошную боярскую шубу. Сохранился забавный старинный рисунок, на котором худощавый и долговязый барон Герберштейн облачен в огромную, как перина, русскую шубу.

Свои впечатления о России Герберштейн изложил в знаменитой книге «Записки о Московии». Это первая и, пожалуй, лучшая книга, написанная иностранцем о допетровской Руси. Она интересна не только своим содержанием, но и тоном повествования. В этом отношении она перекликается с записками о путешествии в Монголию Плано Карпини и Гильома Рубрука.

По существу, это встреча двух ищущих друг друга цивилизаций.

Католическая Европа страдает от разобщенности. Но права сословий и феодальных корпораций свято соблюдаются. Города получают свою долю власти и свободы. Эта

сословная свобода ведет к тому, что короли фактически не могут управлять страной. Эгоизм аристократии не знает никаких границ. К тому же в дела королей постоянно вмешивается Рим.

А между тем час окончательного выбора между свободой и независимостью неумолимо приближается. С юго-востока на Европу надвигаются полчища варваров. В 1521 году турки взяли Белград. «Путь в Австрию, Германию, Италию был открыт. До Вены оставалось меньше 150 км, до Венеции – меньше 400» (271, 209).

Сила деспотических государств Востока была очевидна, равно как и слабость противостоявшей им феодальной Европы. Монголы и турки дошли примерно до одних и тех же рубежей в Центральной Европе. Внезапное прекращение нашествия монголов в середине XIII века можно было объяснить скорее чудом, чем превосходством западной цивилизации.

Восток бессознательно искал в Европе того, что ему не хватало: творческую силу свободной личности. Но и Запад, не признаваясь в этом самому себе, искал в Азии свою утрату – тайну могущества государства, основанного на закреплении личности.

«Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми, – с тайным восхищением рассказывает Плано Карпини. – ...Во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия» (6, 49).

«Властью, которую он (Василий III. – Н. Б.) имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов мира... Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что если он прикажет кому-нибудь быть при дворе его или идти на войну или править какое-либо посольство, тот вынужден исполнять все это за свой счет» (5, 72). Эти слова Герберштейна исполнены того же смешанного чувства, что и восклицание Плано Карпини.

Власть восточных деспотов (равно как и власть московского государя) основана на страхе перед скорым и жестоким наказанием. Эта истина лежала на поверхности. Большинство европейских наблюдателей на этом и заканчивали свои рассуждения. Но Герберштейн заглянул глубже. Он понял, что страх наказания – это лишь одна из опор деспотического режима. Другая – радостная готовность людей к беспрекословному повиновению.

Как возникает эта готовность? Является ли она следствием деспотического режима или его причиной? Этот вопрос имел для Герберштейна не только «этнографический» интерес. Ведь именно готовность к повиновению верховной власти – это как раз то; чего не хватало Европе для успешной борьбы с внешними врагами и внутренними неурядицами. Секрет повиновения стоил не меньше, чем секрет «философского камня».

Внимательно наблюдая русских, общаясь с ними на их языке, который он не поленился изучить, Герберштейн все время искал ответ на свой вопрос. Он не давал ему покоя. Он ускользал от него, словно песок между пальцами. И даже когда Герберштейн, вернувшись домой, писал и переписывал свои «этнографические» воспоминания, этот вопрос всплывал перед ним как мертвец посреди пруда.

«Трудно понять, то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким...» (5, 74).

В России не только простые люди, но даже священники питают абсолютное доверие к государю. «Они считают правильным и непреложным для всех все, во что, как они видят, верит сам государь и что он думает» (5, 105). Они почитают его почти как самого Господа Бога.

Размышляя о происхождении московской тирании, Герберштейн не мог обойти вниманием и самого тирана. Великий князь Василий III, с которым барон встречался лично, не произвел на него сильного впечатления. И хотя Герберштейн старается избегать слишком резких оценок и характеристик, Василий предстает в его изображении как

человек хитрый, но при этом довольно посредственный, трусливый и алчный. Не имея собственных побед и достижений, он живет главным образом за счет наследия своего отца. «Он во многом подражал отцу и сохранил в целости то, что тот ему оставил; сверх того, он присоединил к своей державе множество областей не столько войной... сколько хитростью» (5, 68).

Именно Иван III, которого Герберштейн за «величие его деяний» почтительно именует Иваном Великим, был создателем московской державы (5, 66).

Автор записок тщательно собирал сведения о первом московском тиране. Его интересовали не только сами военно-политические успехи Ивана, но и причины этих успехов. Какой силой сумел он из праха всеобщей разобщенности создать могущественное государство? Каким образом он подчинил себе спесивую аристократию? По существу, это был все тот же вопрос о механизмах послушания, о природе московского самодержавия.

Но тайна Ивана Великого осталась сокрытой от постороннего взгляда. Пересказав несколько московских слухов об Иване III (о его грозном взгляде и сильном пьянстве, об интригах его супруги Софьи), Герберштейн вместо ответа на главный вопрос рассказывает своего рода анекдот про молдавского господаря Стефана, дочь которого Елена была женой старшего сына Ивана III Ивана Молодого. «Великий Стефан, знаменитый воевода Молдавии, часто поминал его (Ивана III. – Н. Б.) на пирах, говоря, что тот, сидя дома и предаваясь сну, умножает свою державу, а сам он, ежедневно сражаясь, едва в состоянии защитить свои границы» (5, 68). Этим анекдотом Герберштейн в шуточной форме признает и собственное поражение. Тайна Ивана Великого оказалась столь же сокровенной, как и тайна московской монархии.

Герберштейн открыл Россию для Запада. В своей книге он четко вывел два ключевых тезиса.

Россия сильна.

Россия не похожа на Европу.

Отсюда оставался всего шаг до третьего тезиса.

Россия враждебна Европе.

Герберштейн не стал делать этого третьего шага и призывать к крестовому походу против московитов. Возможно, миролюбие барона отчасти объяснялось «политическим заказом», породившим его книгу. Император Максимилиан хотел оправдаться перед Европой (и в первую очередь перед Польшей) за свои оживленные дипломатические контакты с Москвией. Поэтому от Герберштейна ждали сдержанности и объективности.

Но дело было не только в «политическом заказе». Похоже, что Сигизмунд Герберштейн, как всякий истинный наблюдатель, по-своему полюбил тот народ, изучению которого он посвятил столько времени и сил.

Однако многочисленные продолжатели и подражатели Герберштейна не замедлили сделать последний шаг и провозгласить третий тезис.

Россия враждебна Европе.

Это мнение постепенно стало характерной чертой европейского геополитического менталитета.

Его отметил и сделал предметом своего исследования выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский.

Русский кошмар

«Взгляните на карту, – говорил мне один иностранец, – разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своей массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?»

– «Россия, – не устают кричать на все лады, – колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, и, следовательно, угрожает спокойствию и

независимости Европы. Это – одно обвинение. Другое состоит в том, что Россия будто бы представляет собой нечто вроде политического Аримана, какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе» (125, 23).

Далее Данилевский опровергает этот взгляд и обвиняет Запад в двоедушии и предвзятости. Однако в данном случае нам важно лишь констатировать существование мнения, оспоренного Данилевским, не вдаваясь в сам спор.

Итак, Запад всегда опасался России, не понимая, зачем Господь создал это чудище. Но и Россия в свою очередь боялась Запада. Он страшил русских прежде всего своей непонятностью. В его открытости им всегда чудилось некое коварство.

Запад манил Россию соблазном всеобщего благоденствия. И платой за него он ставил самую малость – уподобление. Внутреннее устройство европейских стран, предоставлявшее права и свободы всем, кто достоин их иметь, казалось таким простым и доступным. Однако на деле все это было не более доступно для России, чем сверкающие бриллианты за прозрачной витриной – для уличного бродяги. Стоило только ей отказаться от своей архаической монархии и попытаться пересадить к себе весь «куст» западных общественно-политических институтов – как страна впадала в хаос и начинала разваливаться буквально на глазах.

Побаиваясь России, Запад со времен Герберштейна направлял сюда своих лучших аналитиков. Он внимательно слушал откровенные признания бежавших из России вольнодумцев. Это была умная политика, и со временем она принесла свои плоды. Запад вычислил ахиллесову пятую российской монархии. В ней слишком многое зависело от государя. Он служил своего рода стержнем, на который нанизано было всё и вся. Стоило оказаться на престоле какому-нибудь безумцу или проходимцу – и страну начинало трясти как в лихорадке.

Конечно, не все так просто. Даже самый безоглядный российский деспот должен был считаться с интересами и настроениями правящего класса. К тому же российский престол обладал какой-то магической способностью превращать космополитов и либералов в патриотов и государственников.

Так и идут еж с котом в одну сторону, но каждый по своей тропинке. Издалека поглядывают друг на друга с недоумением и опасением. А тропинки их то пересекаются, то опять расходятся. И теряются где-то на краю вечернего леса...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

ГЛАВА XIV КРЕСТЬЯНИН

*Перемены в низших классах происходят
гораздо медленнее, чем в высших.
Мишле*

Жил-был русский мужик.
Жил сто, двести, пятьсот лет...

Это был добродушный великан. Поутру он просыпался, натягивал штаны и рубаху, чесал в затылке и, потягиваясь, выходил на двор. Справив нужду и рассеянно оглядев просыпающийся мир Божий, он возвращался в избу.

Потом он плескал в лицо холодной водой и садился на лавку. На печи гомонили дети. В закутке жена возилась с посудой. Замешкавшийся с ночи таракан спешил добраться до родной щели. Все было привычно и правильно.

Солнце неторопливо поднималось над горизонтом. Окончив трапезу, мужик выводил со двора лошадь, подбадривал ее двумя-тремя сильными выражениями и отправлялся в поле.

Сегодня ему предстояло много работы...

Колос бумажной нивы

Как это часто бывает в России, пока один работает, двое других задумчиво глядят на него и обмениваются всякого рода замечаниями. Не станем же нарушать традицию и поговорим о том, что так или иначе связано с работой нашего героя.

Жизнь русского крестьянина конца XV столетия очень слабо освещена историческими источниками. К счастью, частично сохранились Новгородские писцовые книги 1495–1505 годов. Этот уникальный документ заслуживает особого внимания.

Захватив Новгородскую землю, Иван III решил произвести своего рода инвентаризацию всех ее хозяйственных угодий и населения. Целью переписи было точное определение податей и налогов в соответствии с московскими нормами. Тщательное изучение этих уникальных реестров позволяет историкам более или менее ясно представить картину повседневной жизни новгородского крестьянина. И картина эта, увы, довольно безрадостная.

«Таким образом, рассчитанные хлебные бюджеты крестьянских семей оказываются дефицитными, – делает вывод современная исследовательница. – В большинстве случаев зерна не хватает не только на семена, но и на собственное пропитание, а также на подкормку скота. Помимо этого надо учесть, что все крестьянские хозяйства должны были еще выделять зерно на уплату повинностей и налогов. А для получения денег хлеб нужно было продавать. Выход из такой тяжелой ситуации был только один, и он заключался в жесточайшей экономии зерна как в собственном рационе питания, так и при кормлении скота. В реальности это означало жизнь на уровне бедности большинства семей. Вполне возможно, что у крестьян была подсека, не учтенная при обложении, помогавшая улучшить их бюджет. Однако ее сокрытие не могло носить столь массовый характер. В реальной жизни экономическое положение крестьянских хозяйств в большой степени зависело от урожая. Недостаток хлеба частью компенсировался крестьянами за счет доходов от леса и реки, животноводства и технических культур. При скудости почв и неблагоприятном климате занятие промыслами было дополнительным источником существования многих крестьянских хозяйств. Значительным подспорьем были рыболовство, охота, бортничество и собирательство...

Низкое качество почв, их сильная заболоченность и повышенная влажность были одной из главных причин низкой урожайности. В свою очередь худородные почвы требовали тщательной обработки. Однако у крестьянина для этого просто не хватало времени. Пользуясь примитивными орудиями труда, русский крестьянин работал с минимальной интенсивностью. Его жизнь зависела от плодородия почвы и капризов природы. Крестьянин вынужден был трудиться день и ночь, используя все резервы своей семьи, затрачивая огромные силы и при этом получая небольшую производительность своего труда» (250, 119).

Новгородская земля была, конечно, не лучшей на природной карте тогдашней России. Однако южные черноземы были недоступны из-за набегов степняков, а угодья средней полосы, в принципе, мало чем отличались от новгородских. Таким образом, картина суровой борьбы за выживание везде была примерно одинаковой. Мало менялась она и с течением веков. «Крестьянская жизнь бедная, тяжелая...» – констатировал один внимательный наблюдатель второй половины XIX столетия (178, 27).

Земля и лошадь

Неумолимый закон природы состоит в том, что распаханная и приносящая урожай земля быстро истощается. Восстановить ее плодородие можно лишь двумя способами: дать земле отдохнуть несколько лет или удобрить ее навозом со скотного двора. Помимо навоза в качестве удобрения в старые времена использовали печную золу, речной или озерный ил. Двадцатый век стал веком минеральных удобрений.

Другой закон природы гласит, что всякому растению для полного созревания семян (у злаков – зерен колоса) необходимо определенное количество солнечного света, тепла и влаги. Иными словами, нужны погожие дни и время от времени – теплые дожди. Одни растения более взыскательны в этом отношении, другие – менее. Но свою норму требуют все.

Необходимость поддерживать плодородие земли хотя бы на минимальном уровне определяла весь уклад жизни земледельца. В средневековой Руси существовали три основных способа использования земли: подсека, перелог и трехполье.

При подсечном земледелии весь процесс начинается с расчистки земли от леса и кустарника. Когда срубленные деревья подсохнут, их поджигают. Потом гарь очищают от остатков стволов и выкорчевывают пни.

«Прадеды наши, – писал знаток деревенского быта С. В. Максимов, – выжигая лес, на следующий год засевали ляды (гари. – Н.Б.) рожью. Новая росчисть три года кряду давала урожай. На четвертый год ее оставляли, жгли лес в новом месте; туда же переносили и избу. Покинутая ляжна годится под новую пашню не раньше чем через 35 лет; срок 15–20 самый короткий, да и то очень редкий. Такими подсеками, десятками и сотнями починков, по мере стеснения людностью, врезались русские люди в самую глубь лесов» (178, 51).

Это была поистине война с лесом. Победить его можно было только общими усилиями сельской общины.

Уклоняясь от поземельного налогообложения, крестьяне часто устраивали поле где-нибудь в лесу, распахав с этой целью полянку или сведя полосу леса методом подсеки. Этот сокрытый от тогдашней «налоговой инспекции» источник дохода назывался «пашня наездом».

Перелог – это постоянное использование новой земли. В степи и лесостепи, где земли много, а людей мало, можно таким образом решать проблему плодородия. Однако распашка целины – дело тяжелое. Кроме того, здесь, как и при подсеке, крестьянин вынужден был наподобие кочевника постоянно перемещать свое жилище вслед за своими угодьями.

Оптимальной системой было трехполье. Крестьянский двор располагается как бы в центре круга, разделенного на три сектора – яровой, озимый к пар. Каждый год сектора последовательно меняются. Поле, которое отдыхало под паром и «переваривало» внесенные удобрения, засеивается. А одно из «работавших» полей уходит под пар. Через год наступает черед другого поля.

Понятно, что это идеальная схема. В реальной жизни существовало множество вариантов землепользования, соответствовавших местным особенностям. Так, например, трехполье как основная форма часто дополнялась перелогом и подсекой.

Но и у трехполья была своя ахиллесова пята. Оно могло существовать только при регулярном удобрении земли значительным количеством навоза. Проще говоря, трехполье требовало наличия в крестьянском хозяйстве большого скотного двора, где стояли лошади, коровы, свиньи и другая живность. Нехватка удобрения, вызванная падежом скота или же какими-то другими бедствиями, немедленно сказывалась на плодородии поля.

Смердящее плодородие

Забота о навозе пронизывала всю жизнь крестьянина. По существу, это была забота о хлебе, об урожае. Вот как рассказывает об этом в своей книге «Куль хлеба» С. В.

Максимов:

«В истощенную землю семя не бросишь: надо отдать ей то, что взял у нее, придать ей новые силы и новые соки. Такую службу давно уже указано служить навозу, или назему, – скотскому помету, смешанному с объедьями и подстилкою. Им удобряют землю, его навозят на поля не в один раз, а с передышкой, на особых телегах, на которых уже не повезешь воеводу. Телега с покатостью назад и с дверцами в эту же сторону, чтобы ловчее было скидывать железными вилами, а подчас и деревянной лопатой. Бывают навозные телеги и с обшитым опрокидным кузовом или ящиком.

Как пропахали землю ранней весной, когда совсем отлегла земля, так и наступило время «навозницы», или пора свозить навоз в поле со дворов и хлебов... Вozить навоз заставляют подростков: по полю разбрасывают сами хозяева – взрослые рабочие» (178, 73)...

«...Наступает время «навозницы». Работа не очень приятная, не очень благовоная, но зато она важнее многих и для наших северных земель составляет первое дело: поле с дерьмом – поле с добром. Навоз сбрасывается с телег вилами на поля в кучках. «Навоз отвезем, там и хлеб привезем».

«Навоз кладем густо, чтобы потом в амбаре не было пусто». Кучки разбрасываются по полосам, а по полю опять проходит соха. Соха перемешивает навоз с исхудалой землей и прибавляет ей силы плодородия» (178, 79).

Веками шагал вслед за своей навозной телегой великорусский пахарь. И его одежда, и сам он до костей пропахли скотным двором и горьким дымом курной избы. Этот запах навсегда сохранился в древнейшем названии сельского труженика – «смерд».

Господин Сам-три

Хорошая урожайность в русских землях в конце XV века определялась старинным выражением «сам-три». Это значит, что, посеяв мешок пшеницы, ржи, овса или ячменя, можно было по осени собрать три таких же мешка.

Много это или мало? Скорее мало, чем много. Ведь из этих условных трех мешков крестьянин должен был один мешок оставить на семена, а из другого продать значительную часть зерна, чтобы заплатить подати своему землевладельцу и государю. Оставшимся зерном он должен был кормить семью до нового урожая. А если говорить об овсе, то значительная часть его уходила и на лошадей, которым перед тяжелой работой или дальней дорогой полагалось дать овса. Наконец, крестьянину нужно было продать хоть немного зерна для себя, чтобы иметь деньги для личных нужд. Ведь далеко не все необходимые в хозяйстве вещи он мог изготовить своими руками.

Урожай «сам-три» позволял крестьянину снести концы с концами. Но если по каким-то причинам (капризы погоды, вредители полей, болезни растений и т. п.) урожайность падала значительно ниже этой черты, в дом стучалась беда. При недостатке хлеба мужик вынужден был либо голодать, либо проесть семенной фонд, либо уклоняться от уплаты податей, либо просить в долг у соседей или землевладельца.

Заметим, что эпоха Ивана III и его сына Василия была необычайно благоприятной в природно-климатическом отношении (250, 113). Она не знала ни многолетних голодовок, ни опустошительных эпидемий, ни каких-то небывалых стихийных бедствий.

Данные по урожайности в средней полосе России (в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря) выглядят следующим образом:

«В семи уездах, в число которых входил, в частности, и Тверской, урожайность ржи в отдельные годы в конце XVI в. колебалась от сам-2,45 до сам-3,3- Еще меньше была урожайность овса (от сам-1,8 до сам-2,56) и пшеницы (от сам-1,6 и сам-2). Посевы ячменя давали более высокие урожаи (от сам-3,7 до сам-4,2)». В Новгородской земле средняя урожайность зерновых была в ту эпоху на уровне сам-2 (250, 109, 120).

В южных черноземных районах урожайность была в два-три раза выше благодаря

плодородию земли. Поэтому русские крестьяне издавна с тоской глядели на юг и юго-восток. Однако там, на границе степей, свистели татарские стрелы. В погоне за хорошей землей легко можно было угодить в плен к «поганым».

Так и сидел горемыка крестьянин на своем окско-волжском суглинке, вымаливая у Бога погожие дни.

Госпожа Соха

Основными орудиями крестьянского труда с древнейших времен были соха и плуг. Несложная деревянная конструкция с двумя железными наконечниками («сошниками»), соха была проста и удобна в обращении. Ее сошники стояли почти перпендикулярно к земле и не зарывались глубоко в почву. Поэтому соху могла тянуть самая слабосильная крестьянская лошадь. Наткнувшись на камень или корень, соха останавливалась. Пахарь, поднатужившись, выдергивал ее из земли, переносил за препятствие и снова продолжал свою борозду.

На пронизанных корнями деревьев, глинистых и каменистых почвах средней полосы России крестьянин вынужден был почти все время держать соху на весу. Это было физически тяжело, но целесообразно. Поэтому соха здесь дожидая до коллективизации и уступила «поле битвы за урожай» только первым тракторам.

Однако у сохи был один весьма существенный недостаток. Она давала мелкую вспашку, плохо переворачивала и рыхлила землю. В итоге снижалась урожайность поля. При работе сохой она редко поднималась выше уровня «сам-три».

Русский крестьянин придумал великое множество всякого рода мелких технических усовершенствований для сохи. И все же она безнадежно отставала от своего главного соперника – железного плуга. Он глубоко зарывался в землю и хорошо ее перемешивал. Земля, обработанная плугом, давала обильные всходы.

Но плуг требовал мягкой, рассыпчатой земли. Эту тяжелую конструкцию не могла тянуть заморенная зимней голодовкой крестьянская кляча. Поэтому плугом пахали в южных (степных и лесостепных) районах, на мягких черноземных почвах. Обычно запрягали в плуг двух кастрированных быков – волов.

Помимо плуга и сохи крестьянин применял с десятков разного рода сельскохозяйственных орудий. Колосья жали серпом, в лугах гуляла коса, на току молотили цепы, комья земли после пахоты разбивала борона, в огороде мелькали лопаты и мотыги.

Вечными спутниками крестьянина были нож и топор.

Васильки во ржи

Проходя мимо колосающегося ржаного поля, горожанин непременно полюбуется на рассыпанные тут и там синие васильки. Крестьянин первым делом глянет на ржаной колос: крупный ли? спелый ли? и не тронут ли спорыньей? И лишь потом с досадой подумает про васильки: видно, плохо провеяны были семена ржи, вот и осталось много сорняков-васильков...

Рожь была главным злаком средневековой Руси. Ее важное достоинство состояло в том, что она могла быть озимой культурой. Иначе говоря, рожь умела выживать под снегом. Озимую рожь сеяли в августе. До первого снега она успевала взойти. Эти всходы («зеленя») уходили под снег и там как бы засыпали. Весной, когда снег сходил, рожь продолжала свой рост. В итоге даже за короткое северное лето она успевала созреть.

Ржаной хлеб был основным продуктом питания для русского крестьянина. Белый, пшеничный хлеб подавали только в богатых домах. Из пшеничной муки пекли калачи и пироги для праздников. Пшеница любит тепло и хорошую почву. Поэтому сеяли пшеницу главным образом в южных районах страны. В средней полосе она приносила хороший

урожай только в исключительных случаях – на удобренных золой гаях, на солнечных косогорах и т. п. Кроме того, в те времена не знали озимых сортов пшеницы. А яровая пшеница успевала созреть только в очень благоприятное лето.

Неприхотливой и быстросозревающей культурой был овес. Он занимал основные площади ярового клина. Овсяная каша и овсяные лепешки не сходили с крестьянского стола.

Помимо зерновых злаков крестьяне времен Ивана III на своих полях выращивали гречиху-, лен и коноплю. В огородах произрастали хорошо знакомые нам овощи (капуста, огурцы, горох, морковь, свекла), фруктовые деревья (яблони, вишни, слива) и кустарники (смородина, крыжовник). Роль картофеля, широко распространившегося в России только в середине XIX века, играла неприхотливая репа. Отсутствовали и сравнительно недавно завезенные помидоры.

Изба и двор

Красота предметов народного быта заключалась главным образом в их совершенстве. Подставка-свечек, деревянный ковш «скопкар», нехитрая мебель избы, наконец сама изба – все это идеально отвечало своему назначению. При тщательном исследовании, вероятно, можно вывести даже математическую формулу этого совершенства.

Изба была проста по конструкции. Она чем-то напоминала домики из детского конструктора. Венцы сосновых бревен соединялись вырубками на концах. Крыша делалась из теса или щепы. Под них укладывали слой бересты, которая предотвращала гниение дерева.

Маленькие «волоковые» оконца задвигались широкой доской. На зиму их затягивали бычьим пузырем. В целом в избе, конечно, было темновато. Мрак разгоняли с помощью горящей и днем лучины.

В узком смысле слова «изба» – это отапливаемое помещение, «истьба», «истобка». Так называли ту часть постройки, где находилась печь. «Подавляющее большинство печей были глинобитными, сводчатыми, с плоским подом; в начале рассматриваемого периода (XIII–XV века. – Н. Б.) встречаются изредка каменки, а в конце его – кирпичные печи» (221, 35).

Помимо теплого жилого помещения в доме иногда было и холодное. Оно называлось «клеть». Здесь летом жили, а зимой хранили всевозможную утварь. Между избой и клетью располагались сени. Отсюда одна дверь вела на крыльцо, другая – в избу, а третья – в клеть.

Важнейшей задачей было сохранение тепла. С этой целью у всех помещений – высокие пороги, а сам дом поднимали на высокий «подклет». Там, в подклете, тоже держали припасы.

Продолжением жилой части постройки служил хлев. Обычно его помещали под одной крышей с домом. Это позволяло уделять скоту часть домашнего тепла. Кроме того, над хлевом размещали сеновал, откуда по мере необходимости сбрасывали вниз сено и солому.

Дворовые постройки – амбар, сарай, колодец, баня, летняя кухня, нужник – располагались по периметру двора. От улицы и от соседей двор отделял высокий тын из заостренных кольев. Створки ворот запирались толстым брусом. Для людей была устроена небольшая калитка. Неподалеку от калитки ставили будку со свирепым псом.

Танцы с волками

Логика природно-хозяйственной ситуации – лоскутки плодородной земли, широкие полосы леса, овражисто-болотистый ландшафт, отсутствие хороших дорог – превращала русского крестьянина в угрюмого бирюка-одиночку. Средневековая русская деревня

состояла из одного, двух или трех дворов. «Исследователи в Новгородской земле в конце XV в. насчитывают всего 37–38 тысяч поселений, которые в то время были в основном мало дверными. Около 90% поселений состояли из одного – четырех дворов. Причем только один двор в конце XV в. имел 40,7% селений, в 30% селений было два двора, а 18,4% состояло из трех–четырех» (250, 121).

Конечно, время от времени крестьяне из соседних дворов-деревень сходились вместе для совместной работы, отдыха или богослужения. И все же большую часть времени они проводили в узком мирке своего двора, среди привычных лиц домочадцев. Не станем говорить о проблеме биологического вырождения в результате браков с близкими родственниками. Она и доныне запечатлена на множестве семейных фотографий в «красном углу»...

И все же: что они делали долгими вечерами в своих ослепших избах, под вой голодных волков в соседнем овраге? Чем отгоняли скуку и тоску? О чем говорили и о чем мечтали? Бог весть...

Нужно было обладать беззаботностью ребенка, чтобы жить на краю невозможного. Впрочем, беспросветная нищета и одиночество могли испортить и самый ангельский характер.

Отягощенная комплексом «вины перед народом», русская литература склонна была идеализировать крестьянина. Однако сходный образ жизни порождает и сходную психологию. А потому послушаем, что говорят о своих средневековых крестьянах мастера западноевропейской историографии.

Из-за вечной нищеты и долгов, замечает Мишле, «крестьянин ожесточается, характер его портится; в наболевшем сердце не остается места для доброжелательности. Он ненавидит богачей, ненавидит своих соседей, ненавидит всех и каждого. Одиноким на своем жалком клочке земли, словно на необитаемом острове, он дичает. Необщительность, прямое следствие нужды, крайне затрудняет борьбу с нею, мешает ему ладить с другими крестьянами...» (186, 28).

Кто смеется последним?

Неравномерность распределения трудовых усилий между временами года – невероятная напряженность летних месяцев и относительная бездеятельность в остальное время – наложила неизгладимый отпечаток на психологию русского крестьянина. Другой фактор, сильно влиявший на его сознание, – полная зависимость результатов труда земледельца от капризов природы. Об этом, тщательно подбирая слова, говорил в своих лекциях знаменитый историк В.О.Ключевский. Выросший в нищей пензенской деревне, он знал этот мир не понаслышке. А потому наберемся терпения и вчитаемся в эту пространную цитату из классика.

«Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии. Она часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса; своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбирать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось.

В одном уверен великоросс – что надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убратъся с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение

вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии.

С другой стороны, свойствами края определился порядок расселения великороссов. Жизнь удаленными друг от друга, уединенными деревнями при недостатке общения, естественно, не могла приучать великоросса действовать большими союзами, дружными массами. Великоросс работал не на открытом поле, на глазах у всех, подобно обитателю южной Руси: он боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. То была молчаливая черная работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношениями к людям. Потому великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда еще не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добьется некоторого успеха и привлечет внимание: неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их. Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех; легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своем величии. Он принадлежит к тому типу умных людей, которые глупеют от признания своего ума. Словом, великоросс лучше великорусского общества.

...Своей привычкой колебаться и лавировать между неровностями пути и случайностями жизни великоросс часто производит впечатление непрямоты, неискренности. Великоросс часто думает надвое, и это кажется двоедушием. Он всегда идет к прямой цели, хотя часто и недостаточно обдуманной, но идет, оглядываясь по сторонам, и потому походка его кажется уклончивой и колеблющейся. Ведь лбом стены не прошибешь, и только вороны прямо летают, говорят великорусские пословицы. Природа и судьба великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу...» (160, 315).

ГЛАВА XV ГОСУДАРЬ

*Править хотят все,
но способны на это немногие.
Блез Паскаль*

22 января 1492 года великому князю Ивану Васильевичу исполнилось 52 года.

В марте 1492 года минуло ровно тридцать лет, как Иван стал править русскими землями единовластно. А до этого он еще четырнадцать лет был соправителем своего слепого отца – великого князя Василия Васильевича Темного.

Этот долгий путь давил ему на плечи грузом потерь и разочарований. Но он же давал ему холодную, беспощадную опытность.

В искусстве политической игры Иван к этому времени стал уже не просто мастером, а великим мастером, гроссмейстером. Он выигрывал почти все партии, которые начинал.

Уже ближайшие поколения назовут Ивана «Великим». Его имя с благоговением произносили и во дворце, и в лачуге. «Он, спаситель и творец государства, был причислен своими людьми к лику святых», – несколько преувеличивая, утверждает один литовский писатель середины XVI столетия (20, 79).

Он и правда сумел добиться многого. Получив от отца венец московского князя, он

завещал сыну корону «государя всея Руси». А потомкам он оставил тайну своего небывалого могущества, рожденного из пепла многолетней смуты...

В этой главе мы не собираемся рассказывать о государственной деятельности Ивана, о его войнах и дипломатических интригах. Если читатель захочет поближе познакомиться с этими сюжетами, он может обратиться к нашей книге «Иван III» в серии «Жизнь замечательных людей».

Мы также не намерены описывать технологию власти. Понятно, что всякий пастух должен вести дело так, чтобы его овцы не разбегались, а псы не загрызли ни его овец, ни его самого. Он должен принимать меры против воров и волков, вовремя стричь овец и читать мысли баранов. Все эти правила достаточно ясно сформулировал младший современник Ивана III Пикколо Макиавелли.

Сейчас нас интересует верховная власть как форма проявления личности. Высшая форма личности – талант. Посредственность является личностью лишь в простейшем, биологическом смысле. Талант Ивана как руководителя (или, как тогда выражались, «пастыря словесного стада») был отшлифован многолетней практикой, а практика поднималась до высот искусства благодаря врожденному таланту.

Каким же он был в жизни, этот «отец русского самодержавия»? Источники позволяют лишь пунктиром наметить некоторые черты его характера.

Внешне князь Иван был, как говорится, «видный мужчина». Один итальянец, встречавшийся с ним в 1476 году, заметил, что «он высок, но худощав; вообще он очень красивый человек» (3, 229). В этом отношении Иван был схож с двумя другими правителями России – Петром Великим и Николаем I. Под старость он сильно сутулился, за что и получил от недругов прозвище «Горбатый».

Двуликий Янус

Опытный в своем ремесле государь похож на двуликого Януса. Одно его лицо выражает доброту и приветливость, другое – гнев и ярость. Несомненно, Иван был мастером своего дела и в соответствии с обстоятельствами изображал то милостивого, то грозного государя. Эта игра постепенно стала второй натурой. Вероятно, он и сам не всегда мог понять, где он играл роль, а где был самим собой. Иван умел так глянуть на провинившегося «ярким оком», что тот терял дар речи (64, 69). За это современники дали ему еще одно прозвище – «Грозный» (55, 171).

Понятно, что эта внутренняя сила личности особенно сильно воздействовала на женщин. Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн рассказывает об Иване, что «по отношению к женщинам он был до такой степени грозен, что если какая из них случайно попадалась ему на глаза, то при виде его только что не лишалась жизни». Впрочем, трепетали не только женщины. Когда Ивану случалось перебрать лишнего и заснуть прямо за столом, все приглашенные «сидели пораженные страхом и молчали» (5, 68).

Возможно, тяжелым в общении Иван стал к концу жизни, когда годы, болезни, а главное – семейная драма, сделали его раздражительным и погрузили в мрачное расположение духа.

Однако Иван порой любил и пошутить. «По пробуждении он обыкновенно протирает глаза и тогда только начинал шутить и проявлять веселость по отношению к гостям» (5, 68).

Юмор тиранов всегда имел довольно специфический характер. Шутки Ивана Грозного, например, могли по-настоящему развеселить, пожалуй, только сатану. Юмор Ивана III был сравнительно добродушным, хотя и не лишенным хамоватой издевки. Однажды псковичи прислали в Москву делегацию с просьбой дать им отдельного от Новгорода епископа. Просьба не встретила у Ивана сочувствия. Вместо епископа он на прощанье подарил псковичам... верблюда. Это меланхолическое животное в Древней Руси называли «вельблудом» и считали необыкновенно похотливым.

Другой раз Иван отшутился в переписке с крымским ханом Менгли-Гиреем. Тот просил за своего племянника Саталгана, находившегося на русской службе. «Царевич» чем-то сильно провинился перед государем и был по его приказу задержан в Москве. Хан оправдывает Саталгана тем, что он «от молодости и от глупости таково дело учинил». В ответном письме Иван заметил, что именно потому и держит Саталгана в Москве, «чтобы иного дела молодостию не учинил» (272, 304).

Лицемерие – одно из необходимых качеств любого политика. В глубине души питая ненависть к татарам, Иван, однако, до поры до времени был по отношению к ним почтителен до унижения. «Когда прибывали татарские послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих», – рассказывает Герберштейн (5, 68). Некоторые отечественные историки ставят под сомнение достоверность этого рассказа. Они относят его на счет обычной для западных: авторов недоброжелательности к России (86, 110). Однако в русских источниках нет сведений об обряде приема татарских послов, постоянно посещавших Москву и другие княжеские столицы в XIV–XV веках. Это умолчание само по себе достаточно красноречиво.

В приведенных выше известиях иностранцев домыслы причудливо переплетаются с правдой. Правда состоит в том, что вассалы ордынского хана (а посол представлял как бы образ своего господина) выслушивали его, стоя на коленях; что татарский посол, прежде чем пить поднесенный ему в знак уважения кумыс, по древнему монгольскому обычаю брызгал несколько капель на гриву своего коня; что князь одаривал ханского посла собольей шубой и должен был вести под уздцы его коня (82, 99).

Вероломство также входило в обычный набор приемов средневекового политика. Ивану случалось нарушать клятвы, скрепленные присягой на кресте. Не брезговал он и обычным жульничеством. Однажды он приказал дать попавшему в трудные обстоятельства венецианскому дипломату ссуду в размере семидесяти рублей. После этого он отправил в Венецию счет на 700 рублей (271, 187). Рассказывая эту историю, московский летописец, кажется, ничуть не осуждает государя. Обман «латинян» представляется ему своего рода «военной хитростью».

Как многие диктаторы, Иван порою был сентиментален. Когда ему сообщили о мятеже новгородцев, он «сжались зело о них и прослезися» (41, 171). После чего отдал приказ начать подготовку карательной экспедиции.

Великий князь хорошо разбирался в людях и знал каждому цену. Талантливый полководец Данила Холмский многим казался не вполне благонадежным и к тому же «имел порочащие его связи» среди правящей верхушки Твери. Однако Иван неизменно поручал ему самые ответственные военные кампании.

Государь умел оценить хорошую мысль, даже если она не совпадала с его собственными взглядами. Один из его приближенных позднее говорил, что Иван «против себя стречю (возражения. – Н. Б.) любил и тех жаловал, которые против его говаривали» (139, 284).

Историки отмечают приверженность Ивана ко всякого рода «советам» и «соборам» (80, 136). Они собирались в различном составе, но неизменно предшествовали важным решениям государя.

Готовность выслушивать мнения и возражения своего окружения была не только чертой характера Ивана, но и данью почтенной «старине». Все знали, как чтит своих бояр Дмитрий Донской. Все помнили, что именно московское боярство в конечном счете спасло от гибели бесталанного Василия Темного.

Впрочем, любовь Ивана к беседам с приближенными имела и личную, тайную подоплеку. Ему нужны были их вера, их одобрение. Он унаследовал от отца нервический, импульсивный темперамент. Порывы героизма и решимости сменялись депрессией, неуверенностью в своих силах. Конечно, возраст и опыт сглаживали эти качества. И все же, анализируя поведение государя, трудно отделаться от ощущения, что он все время пытается притормозить стремительный бег событий. Его одолевают сомнения: а не

является ли все происходящее дьявольским искушением? Ведь он получил от судьбы куда больше, чем просил. Он затеял всего лишь перестройку старого мира, а в результате построил новый.

Иван ставил и решал общенациональные задачи: военно-политическое объединение страны, завоевание независимости от татар, международное признание молодого Российского государства. Задачи такого масштаба невозможно было решить, опираясь на один лишь правящий класс. Здесь требовались общие усилия и жертвы самых различных общественных сил. Однако поддержку всего русского мира Иван мог получить только в качестве «отца народа». Понимая это, «государь всея Руси» одновременно стремился быть и «государем всех россиян». Он умел поставить предел эгоизму правящего класса, умел защитить интересы простонародья. Он не был «популистом» в современном понимании этого слова. Но он понимал, что сила его государства состоит в благополучии всех его подданных.

Современный исследователь той эпохи отмечает: «Политика Ивана III... не была однозначно направлена на поддержку феодального землевладения. Напротив, эта политика с необходимостью и достаточно осознанно учитывала интересы и крестьянства – основной массы русского народа и в конечном счете основной опоры и фундамента всего Российского государства» (80, 377).

Иван любил выступать в роли справедливого судьи. Библия называет праведный суд едва ли не главной добродетелью правителя. Понятно, что ему хотелось предстать в этой роли перед Богом и перед народом. Своим знаменитым Судебником 1497 года он создал стройную систему судебно-полицийских органов в масштабах всей страны. Всем причастным к судопроизводству категорически воспрещалось брать «посулы» (взятки, подношения) от тяжущихся сторон. К участию в процессе привлекались представители общин – своего рода «присяжные».

Однако у всякой медали есть и обратная сторона. Высший и окончательный суд государь оставил за собой. Его приговоры зачастую определялись не справедливостью, а политической целесообразностью. Вероятно, не обходилось и без личных симпатий и антипатий Державного. Именно так именовал Ивана Иосиф Волоцкий. Надо полагать, это почтительное прозвище было принято среди московского двора.

«Справедливый суд» стал излюбленным демагогическим приемом, с помощью которого Иван искоренял новгородскую аристократию. Жалобы бедняков на подлинный или мнимый произвол со стороны новгородских бояр немедленно получали ход и становились основанием для сурового приговора. Вероятно, тот же прием он использовал и при покорении других территорий.

Быстро уяснив подоплеку московского «правосудия», подданные Ивана принялись строчить доносы. Желание завладеть имуществом соседа, насладиться разорением того, перед кем еще недавно приходилось ломать шапку, или просто отомстить за какие-то старые обиды – всё это побуждало мелкие души к «ябедничеству». Суды оказались завалены всякого рода тяжбами. Наветы доносчиков порой невозможно было отличить от стонов попорченной справедливости. Множество людей стремились обратиться прямо к государю, чтобы он лично решил их дело. Всякого рода просители так сильно докучали Ивану, что он в конце концов перестал их принимать, переложив эту доуку на своих бояр. «Для бедных, угнетенных более могущественными и ими обижаемых, доступ к нему был прегражден» (5, 68).

Прежние московские князья жили с патриархальной открытостью. Иван пришел к выводу, что чем меньше государь появляется перед своими подданными, тем больший страх он у них вызывает. Каждый его выход к народу должен быть событием. Он должен сопровождаться торжественным ритуалом с участием двора и высшего духовенства. И как было здесь не вспомнить отточенный веками церемониал византийского двора. О нем Ивану могли много рассказать жившие в Москве греки.

Выпустив из бутылки джинна доносительства, государь потом не знал, как загнать его

обратно. В конце концов он решил припугнуть доносчиков суровым наказанием. По Судебнику 1497 года «ябедничество» поставлено в один ряд с тяжчайшими преступлениями. «А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубство или ябедничество, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью» (68, 55).

Не знаем, удалось ли государю образумить клеветников перспективой виселицы. Однако примечательно, что смертная казнь за ложные доносы остается в русском законодательстве и в XVI столетии (80, 202). При этом закон оставляет на усмотрение судьи определение обвиняемого как «ведомого лихого», то есть закоренелого злодея. Таким образом, конец намыленной веревки всегда торчал из-за пазухи вершившего суд боярина.

Византийский каблук

Неприязнь, которую питала старомосковская знать к Софье Витовтовне, словно по наследству перешла к другой Софье – Палеолог. Иностранцы, жившие в Москве, именовали ее на греческий манер – «деспина» (государыня). А русские за глаза презрительно называли «гречкой» (гречанкой). Греков на Руси традиционно считали хитрыми, лстивыми и коварными. Другим прозвищем Софьи (еще более ядовитым) было «Римлянка» (48, 203).

Тогдашняя греческая диаспора с надеждой смотрела на Софью. Ее многочисленная родня и просто беглецы из Византии заполнили московский дворец, вызывая раздражение и зависть у москвичей.

Кем же была эта византийская царевна для тогдашней Москвы? Благодетельницей или злым гением?

С ноября 1472 года и до своей кончины 7 апреля 1503 года Софья почти постоянно находилась рядом с Иваном III. Она родила ему семерых сыновей и пять дочерей.

Многие считали, что она сильно влияла на мужа. «Говорят, Софья была очень хитра и по ее наущению князь делал многое», – замечает Герберштейн (5, 66).

Мнение о пагубном влиянии Софьи и прибывших с ней греков на Ивана было широко распространено в тогдашнем московском обществе. Опальный боярин времен Василия III Берсень Беклемишев говорил так: «Добр-деи был отец великого князя Васильев князь великий Иван и до людей ласков... а нынешний государь не по тому, людей мало жалует; а как пришли сюда грекове, ино и земля наша замешалась; а дотоле земля наша Русская жила в тишине и миру» (139, 283). Главная виновница всех «замешательств» и «великих нестроений» в московской жизни – княгиня Софья. Она позорно бежала из Москвы на Белоозеро тревожной осенью 1480 года. Она принесла в Москву порочные нравы византийского двора. Она вынудила Ивана упрятать в темницу Дмитрия-внука и завещать трон Василию.

Впрочем, были и другие слухи, отмеченные Герберштейном. Рассказывали, что Софья постоянно попрекала Ивана его страхом перед татарами и в конце концов заставила быть смелее в этом вопросе. С помощью хитрой интриги она выдворила из московского Кремля постоянно находившееся там ордынское подворье (5, 66). Она убедила Ивана отказаться от позорной традиции выходить навстречу татарским послам и стоя выслушивать ханские послания. Возможно, в этих рассказах есть большое преувеличение (86, 110). И все же «нет дыма без огня». Софья, несомненно, обладала вулканическим темпераментом. Она старалась заставить людей быть такими, какими она хотела их видеть. Ее интересовали не только семейные, но и государственные дела. Она любила находиться в центре внимания. Венецианский посол Амброджио Контарини был принят Софьей в январе 1477 года. Она имела с ним долгую беседу. «Деспина обращалась ко мне с такими добрыми и учтивыми речами, какие только могли быть сказаны; она настоятельно просила передать ее приветствие светлейшей синьории» (3, 230).

Софья любила дарить и благодетельствовать. Однажды она вызвала сильный гнев Ивана тем, что без его ведома распорядилась кое-какими семейными драгоценностями, подарив их брату и племяннице (48, 203).

Надеясь снискать симпатии москвичей, Софья тщательно соблюдала все местные обычаи. Когда в браке с Иваном у нее родились подряд три дочери, Софья, мечтавшая о сыне, отправилась пешком на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Там, по ее рассказам, ей явился сам преподобный Сергий Радонежский и предсказал скорое рождение сына (41, 190).

Она вообще высоко ставила русских святых и благоговела перед особо почитавшимся всем московским двором старцем Пафнутием из Боровского монастыря. Узнав о смертельной болезни Пафнутия, Софья послала ему золотую монету. Впрочем, это оказалось явной бестактностью. Старец, отказавшийся уже от всего земного, велел отослать золото назад.

Когда в 90-е годы под угрозой оказались не только благополучие, но и жизнь ее детей, Софья превратилась в разъяренную фурию. Дворцовые доносчики доложили великому князю, что к Софье приходили какие-то «лихие бабы» и приносили какое-то «зелье», то есть яд. Иван III велел этих «баб» разыскать и утопить, а «с нею с тех мест начат житии в брежении», то есть стал держаться от жены подальше, опасаясь отравления (41, 263).

До наших дней не сохранилось ни одного портрета Софьи. Хотя известно, что портрет невесты Иван затребовал и получил из Рима в период своего сватовства к «деспине».

Исследование костных останков Софьи Палеолог в некрополе московского Кремля позволило отчасти воссоздать ее внешность. Это была женщина небольшого роста (около 160 сантиметров). Стараясь казаться выше рядом со своим рослым супругом, она, вероятно, носила обувь на высоких каблуках.

В преклонном возрасте Софья страдала ожирением и гормональными нарушениями. У нее были низкий голос и усики на верхней губе. Характерными чертами лица были опущенный вниз нос с горбинкой, полные губы и большие глаза. В целом лицо ее отличалось мужеподобностью (200, 101). Проще говоря, в старости Софья была страшна. Разумеется, она знала об этом. Вероятно, это отрицательно сказывалось на ее характере. И уж во всяком случае не прибавляло ей симпатий окружающих.

Тиран по матери

Иван никогда не стал бы Великим, если бы в его жилах текла только кровь Иванов да Василиев. Но он был еще и сыном своей матери, княгини Марии Ярославны. Эта железная женщина была достойной представительницей яркого и трагического рода серпуховских князей.

Мария стала невестой семнадцатилетнего великого князя Василия Васильевича, разумеется, не по любви, а по логике династических интересов. Обручение состоялось сразу же по возвращении Василия из Орды в октябре 1432 года, а свадьба – 7 февраля 1433 года. Несомненно, этот брак был заключен по воле Софьи Витовтовны. Расчетливая правительница хотела таким образом наложить руку на обширные владения серпуховских князей, единственным представителем которых оставался тогда брат невесты Василий Ярославич Серпуховской.

Этим брачным проектом Софья выставляла на всеобщее посмеяние боярина Ивана Всеволожского, дочь которого уже была сговорена невестой великого князя. Вся эта история закончилась трагически: оскорбленный Всеволожский стал призывать галицких князей к войне с Москвой. Затихшая было усобица вспыхнула с новой силой. Однако два года спустя Всеволожский попал в руки московских воевод. По приказу Василия (а по существу – княгини Софьи) он был ослеплен.

Скоропалительный серпуховской брак Василия был ответом на происки галицких князей. Сходные матримониальные планы вынашивал и Юрий Дмитриевич относительно

своих сыновей. В 1432 году Василий Косой женился на дочери князя Андрея Владимировича Радонежского – родного брата Ярослава Владимировича Серпуховского (отца жены Василия II).

Наследственными чертами серпуховского семейства (почти полностью истребленного эпидемией чумы в 1423–1425 годах) были мужество и благородство. Потомки Владимира Храброго знали себе цену и не хотели заискивать перед великими князьями. Они помнили, что в их жилах течет кровь не только Ивана Калиты, но и знаменитого воителя Ольгерда – великого князя Литовского. Его дочь Елена была женой князя Владимира Храброго. Не поладив с потомками Дмитрия Донского, серпуховские князья всегда могли надеяться на понимание, поддержку и убежище в Литве. Отец княгини Марии князь Ярослав Владимирович Серпуховской с 1411 по 1418 год жил в Литве.

Княгиня Мария Ярославна унаследовала крепкое здоровье своих предков. Она родила мужу восемь сыновей и двух дочерей. Она прошла с Василием через все муки его злополучной судьбы. Ей случалось скакать по несколько сотен километров, уходя от погони. Она умела, не мигая, смотреть в звериный прищур Дмитрия Шемяки. И не просто смотреть. Возможно, именно Мария стояла у истоков той интриги, которая имела целью уничтожение князя Дмитрия. Московский дьяк Степан Бородатый, подговоривший приближенных галицкого князя отравить своего господина, перешел после этого на службу к Марии Ярославне (46, 262, 282).

Впрочем, схватка с Шемякой оказалась далеко не самым страшным из того, что ей довелось пережить. Летом 1456 года Василий Темный приказал схватить и бросить в темницу ее родного брата – Василия Ярославича Серпуховского. Причины этой опалы неизвестны. На протяжении всей московской смуты серпуховской князь неизменно держал сторону Василия Темного и был самым верным из его сторонников. Кажется, его вина заключалась лишь в самом положении удельного князя. Василий Серпуховской томился в различных тюрьмах 27 лет. Он умер в 1483 году, а через два года умерла и княгиня Мария. Могла ли она что-нибудь сделать для смягчения участи брата? Просила ли она за него своего мужа, а затем и сына? Возможно. Но железная логика «собираения Руси» была неумолима.

Жертвой этой логики стал не только брат, но и сестра княгини Марии Елена Ярославна. Она была женой удельного князя Михаила Андреевича Вереиско-Белозерского. Ему приходилось терпеть постоянные притеснения и унижения сначала от Василия Темного, а затем от Ивана III. Сын Михаила Андреевича и Елены Ярославны князь Василий в 1483 году, опасаясь ареста, бежал в Литву.

Жизнь научила Марию Ярославну быть распорядительной и домовитой. Получив по завещанию мужа собственный удел в ростово-ярославском крае, Мария со временем занялась его благоустройством. Здесь она была полной хозяйкой. При случае она умела потеснить даже своих могущественных соседей – ростовских архиепископов. Однажды ростовский владыка Феодосий впал в немилость у митрополита Ионы. Ему грозило лишение сана. Княгиня взялась уладить дело. Но за посредничество потребовала (и получила) от владыки большое село Петровское близ Ростова.

Сыновья чтили и побаивались мать. Однажды она заставила Ивана, а заодно и митрополита Филиппа раньше намеченного срока совершить торжественное перенесение в новую гробницу мощей митрополита Петра (46, 298). Причина, по-видимому, заключалась лишь в том, что старая княгиня хотела поспеть в Троицкий монастырь к 5 июля – дню памяти преподобного Сергия. Оттуда она отправилась в свои ростовские владения.

Когда в августе 1472 года братья узнали о болезни матери, они тотчас сели на коней и помчались в Ростов. Помимо обычной сыновней заботы их гнала и затаенная мысль о судьбе обширных владений, которыми располагала их престарелая матушка. Согласно завещанию Василия Темного ее удел в случае кончины должен был перейти ко второму сыну, Юрию. Однако сам Василий когда-то захватил власть вопреки завещанию Дмитрия

Донского. Понятно, что и его собственное завещание могло быть в этом вопросе предано забвению. К тому же князь Юрий был в эти дни тяжело болен и потому не смог поехать с братьями в Ростов.

Судьба по-своему разрубила этот семейный узел. Старая княгиня вскоре выздоровела, а тридцатилетний богатырь Юрий скоропостижно скончался 12 сентября 1472 года.

Вскоре после этого Иван, по-видимому, договорился с матерью о том, что в случае ее кончины ростовский удел перейдет под его власть. Договоренность была оформлена письменно. Только после такого соглашения открылась следующая глава в истории о ростовском наследстве. В 1474 году Иван III купил у ростовских князей остатки их владений и передал эти земли матери (48, 194). В результате княгиня Мария стала, по существу, правительницей всего Ростовского княжества. Однако срок существования этого княжества равнялся сроку жизни самой княгини.

Вернувшись в Москву после тяжелой и опасной поездки в Новгород зимой 1475/76 года, Иван первым делом отправился в покои к матери, где и отобедал в узком семейном кругу (41, 167).

Мария приняла монашеский постриг 2 февраля 1478 года, узнав о том, что ее сыновья въехали как победители в покоренный Новгород (41, 188). Обряд совершил игумен Кирилло-Белозерского монастыря. Однако и после этого «инокиня Марфа» продолжала жить в миру и живо интересовалась всем происходящим.

Осенью 1480 года, когда хан Ахмат нацеливался на Москву, а Софья Палеолог с детьми и свитой бежала на Белоозеро, старая княгиня находилась в столице, одним своим присутствием вселяя мужество в души горожан. Именно ей принадлежит заслуга примирения Ивана с его восставшими братьями Андреем Угличским и Борисом Волоцким летом 1480 года.

Твердая в своем ортодоксальном православии, княгиня Мария жертвовала на монастыри и дружила с иерархами. В этом мире у нее были свои любимцы и свои опальные. Так, например, она многие годы питала неприязнь к знаменитому игумену Пафнутию Боровскому. Возможно, причиной послужило то, что своенравный старец вопреки запрету митрополита продолжал поминать среди прочих московских князей и мятежного Дмитрия Шемяку. Однако в конце концов Мария сменила гнев на милость и отдала должное высокому житию воровского игумена (31, 492).

Строгая ценительница монашеского благочестия, старая княгиня не любила «латинян». Но при этом она оказалась достаточно умна, чтобы, скрепя сердце благословить второй брак Ивана на «римлянке» Софье Палеолог.

Чем, кроме крепкого здоровья и высокого роста, Иван обязан был своей могучей матушке? Вероятно, тем же, чем и большинство из людей. Основами нравственности. Отвращением ко злу. Потребностью в милосердии. А еще – мужеством в схватках с огнем, всплесками кипучей и дерзкой силы, свойственной роду Владимира Храброго.

Правда и милость

Среди многочисленной свиты, сопровождавшей Ивана III в его поездке в Новгород зимой 1494/95 года, был и постельничий Федор Карпов. Вместе с другими молодыми аристократами он ведал личным имуществом государя, его походной казной и печатью. Постельничий должен был постоянно находиться при государе для всякого рода поручений и услуг. Даже по ночам он спал в одном покое с монархом или охранял его сон.

Федор Карпов происходил из измельчавших смоленских князей. Такие, как он, лишены были права носить титул. Однако «лишенцы», конечно, помнили о прошлом и чувствовали себя обиженными судьбой.

Со временем расторопный и деловитый постельничий мог сделать хорошую карьеру при московском дворе. Но, к несчастью для Федора, его родичи приняли участие в борьбе

придворных партий и в 1497 году подверглись гонениям. Сам Федор на плаху не попал. Но карьера его дала серьезный сбой. Лишь десять лет спустя его имя вновь появляется в придворных росписях чинов.

Смышленный от природы, Федор умел наблюдать и делать выводы. Он стал осторожен и уклончив. Такие люди преуспевают на дипломатическом поприще. И бывший смоленский князь постепенно стал одной из ключевых фигур в восточной политике России. Он умел вести тягучие разговоры с турецкими послами, крымскими мурзами и ногайскими биями. Он знал все оттенки азиатской вежливости. Но главное – он понимал, как там решаются вопросы. И умел добиваться тех решений, которые требовались Москве.

Внешняя политика всегда была любимой игрушкой государей. Поэтому тот, кто занимался ею профессионально, по роду службы, должен был быть очень осторожен. Ведь государь обидчив, как ребенок, и никому не позволяет без разрешения играть своими игрушками...

С возрастом Федор Карпов стал философом. Пресытившись человеческой хитростью, он возжелал мудрости. Он прочел все лучшее, что можно было тогда найти в московских библиотеках. Он познакомился и сблизился с умнейшими людьми своего времени: Максимом Греком, митрополитом Даниилом, псковским старцем Филофеем.

Много лет находясь у престола великого князя, Федор Карпов размышлял о назначении верховной власти, о том, каким должен быть идеальный монарх. Он пришел к выводу, что главное дело монарха – законы. Издавая справедливые законы и добиваясь их исполнения, монарх творит великое благо своему народу. Только законы могут остановить произвол сильного. Без них «силне вся възможесть» (32, 514).

Эта фраза была не столько метафорой, сколько картинкой с натуры. Московский двор издавна кишел взяточниками и казнокрадами. За деньги здесь давались хлебные должности и почетные назначения. За деньги становились епископами. За деньги провинившиеся получали прощение великого князя или митрополита. Произвол сильного питался беспорядком слабого. Наместники в провинциях занимались самым бессовестным вымогательством и при этом чувствовали свою безнаказанность. Они знали, что великий князь обычно закрывает глаза на такого рода грехи своих приближенных. Да и что он мог поделать? Ведь все лихоимцы были связаны бесконечными нитями родственных и служебных отношений. Эти нити тянулись на самый верх, в Боярскую думу и ближнее окружение государя. Не стоило ворошить это осиное гнездо без особой нужды...

Один иностранец, неплохо знавший московские порядки середины XVI столетия, так описывает эти своеобразные отношения:

«Все эти князья, великие бояре-правители, дьяки, подьячие, чиновники и все приказчики были связаны и сплетены один с другим, как звенья одной цепи.

И если кто-нибудь из них так тяжело грешил, что заслуживал смерти, то митрополит мощной своей мог освободить его и пустить на все четыре стороны. Если кто разбойничал, убивал и грабил, а потом с добром и деньгами бежал в монастырь, то в монастыре был он свободен от преследования, что на небе, даже если он покрал казну великого князя или в разбое на большой дороге взял то, что принадлежало казне великого князя. Одним словом, все духовные и мирские господа, всяческой неправдой собравшие добро, говорили, ухмыляясь: «Бог дал!»

Так управлялись они при всех прежних уже умерших великих князьях» (77, 42).

Единственный источник правды, монарх вправе по своему усмотрению делать исключение из установленных им законов. Иначе говоря, он может проявлять милость. Именно в ней – иррациональное очарование монархии. И в ней же – последняя надежда праведно и неправедно осужденных.

И постепенно в своих размышлениях Федор вышел на вопрос, который вот уже пятьсот лет не дает покоя историкам, философам и проповедникам.

Вопрос этот: есть ли у самодержавия душа?

Понятно, что множество людей, не задумываясь, ответят отрицательно. Какая может быть душа у кровожадного чудовища, у палача или тюремного надзирателя? И мы, конечно, не станем разубеждать этих людей. Тем более что у них есть серьезные основания для такого заключения.

Однако справедливости ради выслушаем и тех, кто придерживается противоположного мнения.

Итак, если у самодержавия все же есть душа, то что она собою представляет?

Душа самодержавия

Законодательство – это своего рода «машина», которая выполняет свою работу «невзирая на лица». Но так же как человек стоит выше созданной им машины, так и монарх должен стоять выше установленных им законов. Его превосходство проявляется в возможности оказывать милость, то есть корректировать работу машины, следуя некоему высшему моральному началу. Таким образом, можно предположить, что милость как осуществленное торжество духовного над материальным – это и есть душа самодержавия.

Однако это лишь одна сторона дела. Другая состоит в том, что и правда, то есть справедливый, нелицеприятный суд, – столь же необходимый атрибут верховной власти, как и милость. Только вместе, как две стороны одной медали, они и создают модель верховной власти, отвечающую народным представлениям об идеальном государе. Осуществленная мечта о гармоническом соединении правды и милости – это и есть «душа самодержавия».

В истории русской общественной мысли можно найти немало искренних и страстных обличителей абсолютизма. Но есть там и своего рода «поэты самодержавия». Их голоса возвышаются в период общественных бедствий, когда радикализм фанатиков, наглость проходимцев и жестокость толпы заставляют помянуть добрым словом еще недавно всеми проклинаемых и опостылевших царей. Тогда вспоминают и все то полезное, доброе, что было (или могло быть) в российском самодержавии.

Вот гимн, который пропел самодержавию известный русский публицист-эмигрант Иван Солоневич:

«Банальная интеллигентская терминология определяет «самодержавие» или как «абсолютизм», или как «тиранию». По существу же, «самодержавие» не может быть определено терминологически, оно должно быть описано исторически: русское самодержавие есть совершенно индивидуальное явление, явление исключительно и типично русское: «диктатура совести», как несколько афористически определил его Вл. Соловьев. Это не диктатура аристократии, подаваемая под вывеской «просвещенного абсолютизма», это не диктатура капитала, сервируемая под соусом «демократии», не диктатура бюрократии; реализуемая в форме социализма, – это «диктатура совести», в данном случае православной совести. Русское самодержавие было организовано русской низовой массой, оно всегда опиралось на Церковь, оно концентрировало в себе и религиозную совесть народа, и его политическую организацию. Политической организацией народа, на его низах, было самоуправление, как политической же организацией народа в его целом было самодержавие» (249, 56).

Это суждение можно было бы назвать традиционной славянофильской иллюзией. Однако и современные исследователи политических отношений русского Средневековья приходят к аналогичным выводам.

«Вопреки мнению, долгое время господствовавшему в нашей историографии, Русское государство не знало «закрепощения сословий». Обязанность государственной службы, т. е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстоять независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой

отношений между главой государства и его подданными. Средневековый патернализм не укладывается в категории политического и юридического мышления XIX–XX вв. с его повышенным рационализмом и формализмом. Освященный православной церковью патернализм – многовековая основа русского национального самосознания...»

Отношения между властью и народом в средневековой Руси отмечены «тем морально-политическим единством, которое обусловило сохранение Россией ее государственного единства, независимости и самого ее существования» (80, 432).

Итак, самодержавие было глубоким корнем нашей государственности. Самодержавие питало ее живительными соками народного энтузиазма. Оно было суровой реальностью и одновременно – светлым мифом русского Средневековья.

Миф преображал любого карлика, волею судьбы оказавшегося на московском престоле, в «земного бога». Но бывали и правители, достойные этого высокого звания.

«Приказывать труднее, чем повиноваться», – заметил философ (196, 100). И дело здесь не только в тяжком бремени ответственности, которое берет на себя всякий приказывающий. Искусство повелителя состоит главным образом в том, чтобы в каждом конкретном случае правильно понять свою роль. Понять – и хорошо сыграть ее. Хорошо сыграть – значит сделать все то полезное для своего народа, что возможно сделать в данной ситуации. Хорошо сыграть – значит почти поверить в необходимость происходящего на сцене и своей игрой убедить в этом зрителей.

Иван сделал все то, что мог сделать. И благоразумно остановился перед тем, что было выше его меры. Именно эта мудрость соответствия дает нам право вслед за современниками назвать его Иваном Великим...

ГЛАВА XVI ВОЕВОДА

*И пусть никто из вас не подсчитывает
численности этой толпы вандалов.
Война обычно решается не числом людей,
не ростом их, но душевной доблестью.
Велисарий*

Стремительный рост Московского государства в последней трети XV века во многом объяснялся принятыми Иваном III новыми принципами военного искусства.

Отныне великий князь отказался от роли несущегося впереди войска всадника на белом коне и в красном плаще. Он взял на себя менее эффектную, но более необходимую роль. А точнее, сразу несколько ролей.

Он – верховный главнокомандующий, ставящий стратегические задачи и обеспечивающий взаимодействие боевых сил на всем театре военных действий. Его распоряжения обязательны для всех. Как глава государства он располагает мощным карательным аппаратом, который обеспечивает беспрекословное повиновение воевод.

Он также и начальник тыла, организатор снабжения армии всем необходимым. Из летописей, а также из собственного опыта он знает, как часто громко начатые военные кампании оканчивались конфузом из-за плохой подготовки «материальной части».

Война не освобождала государя от других неотложных дел. Он должен был вести дипломатическую работу, следить за кознями внутренних врагов, присутствовать на богослужениях и многое другое.

В итоге Иван III довольно редко лично участвовал в военных кампаниях. Обычно во время войны он находился в Москве или же в каком-нибудь тыловом городе, где размещался штаб «верховного главнокомандующего». Четко работавшая система ямской гоньбы позволяла Ивану относительно быстро получать донесения воевод. Он тщательно отслеживал развитие событий и отдавал распоряжения общего характера.

Общая схема расположения русских полков на поле боя в эпоху Ивана III оставалась традиционной. В центре – большой полк. Здесь поднимают знамя великого князя. По сторонам его – полк правой руки и полк левой руки. Впереди – передовой и сторожевой полки, а сзади резервы. Часто где-нибудь в стороне, в укрытии размещался засадный полк. Командование большим, передовым или сторожевым полком считалось наиболее почетным назначением.

Самолюбивые воеводы часто затевали спор относительно того, кто из них главнее. Во время похода на Казань летом 1469 года перессорились воеводы «судовой рати». «А воиводы судовые рати нелюбье держат промеж себя, друг под другом ити не хочет» (55, 91).

Та же история повторилась и во время второй литовской войны 1500–1503 годов. Воевода сторожевого полка Юрий Захарьевич был возмущен тем, что оказался в подчинении у воеводы большого полка князя Даниила Щени. По местническим соображениям он считал Щеню ниже себя. Раздраженный этими препирательствами, Иван III писал обиженному боярину Юрию Захарьевичу: «Каковы воеводы в большом полку, таковы чинят и в сторожевом; ино не сором быть тебе в сторожевом полку» (7, 27).

Отсутствие великого князя на театре военных действий давало большую самостоятельность воеводам всех полков. Стремительно менявшаяся обстановка заставляла их проявлять инициативу и брать на себя ответственность. Вместе с тем наличие многочисленных и разнообразных по характеру подразделений требовало единоначалия и в самой действующей армии. Кто-то один из воевод должен был обладать правом решающего голоса. Иначе говоря, кто-то должен был иметь полномочия «главнокомандующего». Иногда великий князь приказывал одному из воевод быть «в свое место» (47, 156). Но чаще «большие воеводы» не имели ясного представления о субординации. Случалось, что один отказывался помочь другому, а в итоге вся армия терпела поражение.

Свой среди чужих

В эпоху Ивана III молодое Московское государство много и настойчиво воевало на всех направлениях. Такая ситуация благоприятствовала раскрытию полководческих дарований всех тех, кто ими обладал. Казалось, что история объявляет конкурс на вакантное место «национального героя». И победителем этого «конкурса» вполне может стать князь Данила Холмский. Однако самодержавие знает лишь одного «национального героя» – самодержца. А все остальные герои становятся невидимыми в ослепительных лучах его державной славы...

Терпеливый Иван Калита собрал своего рода «первоначальный капитал» – мощный экономический, политический, военный и духовный потенциал Москвы. Этот «капитал» вскоре стал приносить «проценты». Энергичные и даровитые люди со всех сторон потянулись в Москву. Их влекло очарование столицы. Здесь кипела жизнь, происходили события. Отсюда начиналась дорога к воротам славы. Задолго до того как объявить себя вселенским Третьим Римом, Москва стала русским Вавилоном.

Главным поприщем, на котором могли проявить себя перебравшиеся в Москву провинциальные аристократы, было военное дело. Все лучшие полководцы Ивана III были «приезжими». Иван Васильевич Стрига Оболенский принадлежал к «верховским князьям», родовые уделы которых лежали в верхнем течении Оки. Даниил Васильевич Щеня, как и его дядя боярин и воевода Иван Юрьевич Патрикеев, был потомком приехавшего в Москву в 1408 году литовского князя Патрикия Наримонтовича. Эмигрантом был и самый яркий в этой славной плеяде полководцев – князь Данила Дмитриевич Холмский.

Родоначальником рода Холмских был князь Всеволод Александрович – третий сын

тверского князя-мученика Александра Михайловича, казненного в Орде в 1339 году. Старший из братьев, Лев, умер в детстве. Вторым брат, Федор, был казнен вместе с отцом в Орде. В итоге Всеволод имел все права на трон великого князя Тверского. Однако интриги родных и двоюродных братьев оставили его ни с чем. Власть в Твери перехватила младшая линия князей, родоначальником которой был брат Всеволода Михаил.

Всеволод умер от чумы в 1364 году. Его сын Юрий (дед полководца) все еще претендовал на тверское княжение и за это терпел гонения от сородичей. В конце концов он примирился с неизбежным и довольствовался мирной жизнью удельного князя Холмского (169, 176). Центром его скромных владений было село Холм у истоков реки Шоши – правого притока Волги.

Отец полководца князь Дмитрий Юрьевич Холмский не имел братьев и потому получил весь отцовский удел. Кажется, он уже ни на что не претендовал и рад был тому, что имел. Правивший тогда в Твери князь Борис Александрович в официальных документах именовал его в числе других сородичей «своей младшей братею».

Дмитрий Холмский был отцом четырех сыновей: Михаила, Даниила, Василия и Ивана. Старший брат нашел свое место при дворе тверского князя Бориса Александровича. Там он сделал хорошую карьеру и при малолетнем наследнике Бориса князе Михаиле Борисовиче стал фактически главой всего тверского правящего класса. О выдающемся значении Михаила Холмского в Твери говорит и судьба его дочери Ульяны. Весной 1471 года она вышла замуж за родного брата Ивана III, удельного князя Бориса Волоцкого.

Когда Иван III решил положить конец независимости Твери, Михаил Холмский переметнулся на его сторону. Он был первым среди тех, кто 12 сентября 1485 года отворял перед Иваном ворота сдавшейся без боя Твери. Вероятно, он надеялся получить из рук Ивана если не тверской венец, то хотя бы звание тверского наместника.

Перейдя на московскую службу, старший Холмский, по-видимому, повел себя с тем же апломбом, что и в Твери. Он полагал, что его заслуги первого перебежчика дают ему особые права. Однако Иван не любил тех, кто пытался учить его благодарности. К тому же он хотел припугнуть собравшееся в Москве многочисленное тверское землячество, предводителем которого был Михаил Холмский. В итоге примерно год спустя Холмский был арестован и сослан в Вологду. Там находилась одна из самых страшных московских тюрем, где кончил свои дни в оковах удельный князь Василий Ярославич Серпуховской.

Ни брат Даниила, ни зять Борис Волоцкий ничем не смогли помочь Михаилу Холмскому.

При этой расправе Иван III не удержался от своего рода мрачного юмора. Главным пунктом обвинения была названа... измена Михаила Холмского прежнему государю, тверскому князю Михаилу Борисовичу.

Князь Данила Холмский в юности не захотел идти по стопам старшего брата. Похоже, что этот человек обладал крепким, самостоятельным характером. К тому же он был молод, честолюбив и отважен. Служба при тверском дворе сделала бы его вечным «вторым» после брата. А он хотел быть не вторым, а первым.

Данила покинул свой удел и отправился искать счастья в Москву. Благо и ехать-то было недалеко. От Холма до северо-западной границы Московского княжества – рукой подать. Вероятно, отъезд Даниила случился вскоре после кончины старого тверского князя Бориса Александровича в 1461 году.

В Москву уходили многие из предков Даниила. Однако все они рано или поздно возвращались на тверскую землю. Даниле возвращаться было, в сущности, некуда. Раздел маленького Холмского удела на четыре части оставлял ему совсем смешные владения. Впрочем, некоторые историки полагают, что весь удел перешел к старшему брату Михаилу, а Данила остался безземельным князем-изгоем (141, 112).

Московский великий князь Иван был почти ровесником Даниила. Вступив на престол весной 1462 года в возрасте двадцати двух лет, он тяготился опекой обступивших его со

всех сторон отцовских бояр. Эти седобородые ветераны кичились своими прежними заслугами и любили давать советы молодому правителю. Иван же нуждался не столько в советчиках, сколько в толковых исполнителях. Ему нужны были молодые, энергичные, способные люди, обязанные своим возвышением именно ему.

Данила Холмский пришелся ко двору молодому московскому князю. Его родовитость позволяла давать ему самые высокие посты, не раздражая местнические амбиции старомосковской знати. Его рано обозначившиеся полководческие дарования были востребованы в связи с наступательной политикой Москвы. Его права на тверской престол позволяли использовать Данилу как сильный козырь в дипломатической игре. Его блестящая карьера должна была привлечь на московскую службу других провинциальных Рюриковичей. Наконец, тверской изгой не был связан с удельными князьями московского дома, не был отягощен интересами собственной родни и вообще, судя по всему, сторонился дворцовых интриг.

В Москву Данила прибыл еще неженатым. Здесь ему быстро подыскали невесту – дочь Ивана Ивановича Всеволожского Василису (4, 41). Ее отец был сыном крамольного боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского, сильно досадившего Василию Темному. Грехи отца мешали карьере двух его сыновей. Однако дочери Ивана Ивановича шли нарасхват у лучших московских женихов. Вероятно, за этими невестами мерцало хорошее приданое угасающего рода. Своями Холмского стали князь Иван Булгак Патрикеев, С. Б. Морозов и князь В. С. Ряполовский.

Школа неудач

В этой книге автор не ставит своей целью представить читателю биографию князя Данилы Холмского. Ведь его биография – это, по сути дела, вся военная история Московской Руси второй половины XV века. Нам хотелось бы на примере Холмского и его собратьев по ремеслу выделить главные черты русского полководческого искусства той эпохи.

Известно, что природное дарование оттачивается практикой. Но и на высших ступенях мастерства никто не застрахован от неудач. Великим полководцам случалось проигрывать сражения. Ведь успех сражения (не говоря уже об успехе большой военной кампании) зависит не только от искусства главнокомандующего. Составляющими победы служат мужество солдат, исполнительность и расторопность командиров среднего звена, ум и ответственность генералов. Слабость каждого из этих звеньев может перечеркнуть любой, даже самый гениальный план сражения. А еще есть и такие факторы, как соотношение сил, оглядка на настроения государя, работа тыловых служб.

Московская армия во времена Холмского была столь же молодой, как и само Московское государство. Она имела много слабых мест. Без ясного представления о них нельзя узнать истинную цену побед.

Ахиллесовой пятой московской армии была раздробленность. Издавна войска выдвигались к месту сражения как по суше («конная» или, реже, «пешая рать»), так и водным путем («судовая рать»). По многим причинам это было абсолютной необходимостью. Однако при таком сценарии похода армия как бы распадалась на самостоятельные части. Связь между «конной» и «судовой» ратью практически отсутствовала. Одновременный выход обеих «ратей» в назначенный район всегда был сомнительным. Соответственно, противник имел шанс уничтожить московское войско по частям.

Другая слабость состояла в том, что московское войско не имело надежной разведки. Во время войн с Казанью и Большой Ордой это ощущалось особенно сильно. Татары могли получать данные о планах московского командования через свою разведывательную сеть, сложившуюся еще во времена баскаков. Русская разведка надежных осведомителей среди татар, по-видимому, не имела.

Оба эти недостатка отчетливо проявились уже в первой казанской войне (1467–1469)- Осенью 1467 года молодой Данила Холмский вместе с опытным старым воеводой Иваном Васильевичем Стригой Оболенским был поставлен во главе московского войска, посланного на Казань. Это был дебют Данилы на московской сцене. Цель похода состояла в том, чтобы возвести на казанский престол московского ставленника «царевича» Касыма. По данным нашей разведки, Касыма ждали в Казани его многочисленные сторонники. На деле все оказалось иначе...

Поход оказался неудачным (и едва не окончился трагически) главным образом из-за несогласованности действий «конной» и «судовой» рати. Московское войско вынуждено было в ожидании «судовой рати» стать лагерем на правом берегу Волги неподалеку от Казани. На другом берегу его уже поджидал правивший в Казани хан Ибрагим с большими силами.

Кто-то из воевод (вероятно, это был молодой и пылкий Холмский) предложил притворным отступлением заставить татар переправиться на правый берег, а затем внезапной атакой уничтожить их и захватить их корабли. Добытый таким образом флот можно было использовать для переправы на левый берег и штурм Казани. План был принят и почти удался. Все дело испортил какой-то нетерпеливый московский воин, раньше времени выскочивший из засады и бросившийся на татар. Сообразив, в чем дело, они поспешно отступили на свои корабли и уплыли обратно. Русским пришлось вернуться к своему томительному ожиданию...

Три века спустя после этих событий А. В. Суворов настойчиво требовал придерживаться золотого правила: «Никогда не надо слишком удаляться от своих ресурсов» (193, 547). Под Казанью московские воеводы оказались именно в этой ловушке. Рассчитанные на короткую победоносную кампанию запасы провизии закончились. Добыть ее, оставаясь среди враждебного местного населения и имея перед собой всю армию Ибрагима, было практически невозможно. Но нельзя было и немедленно уйти, бросив на произвол судьбы припозднившуюся где-то судовую рать.

Полководцы стояли под Казанью до последней возможности. Они увели свои полки только тогда, когда дальнейшее промедление стало самоубийственным. Судовая рать так и не пришла.

На обратном пути воины страдали от голода. Их путь пролегал по тем местам, где они уже все опустошили по дороге на Казань. Жившие в этих лесах «черемисы» (предки марийцев) враждебно относились к москвичам, добивали отставших и сбившихся с пути. Несмотря на Филипповский пост (с 14 ноября по 25 декабря), московские воины вынуждены были по примеру татар есть мясо лошадей, которые падали от голода еще быстрее, чем люди.

В конце концов Иван Стрита и Данила Холмский вывели весь «личный состав» своих полков в русские земли. Потери состояли главным образом в лошадях и брошенных обессиленными от голода воинами тяжелых доспехах. «Но сами все здравии при-идоша», – подчеркивает летописец (39, 163). Никаких взысканий воеводы не понесли. По-видимому, великий князь понял, что они сделали все возможное. После этого отступления его доверие к Холм-скому только укрепилось.

Помимо плохого взаимодействия между отдельными частями армии бичом московского войска была низкая дисциплина. В сочетании с алчностью полунитских московских дворян этот недостаток зачастую приводил к печальным последствиям. Так, например, поход московской рати на Смоленск летом и осенью 1502 года окончился безрезультатно главным образом потому, что воины не слушали распоряжений командующего – двадцатидесятилетнего сына Ивана III князя Дмитрия Жилки. Вместо того чтобы, рискуя жизнью, штурмовать высокие стены крепости, они рассыпались по окрестностям с целью грабежа и захвата пленных.

Разгневанный Иван III по возвращении полков устроил показательные экзекуции ослушникам-дворянам. Их били кнутом на торговой площади и бросали в тюрьмы (48,

215).

В ту же осень 1502 года смоленская история повторилась на ливонском направлении. Большое московское войско, усиленное полками из Новгорода и Пскова, преследовало отступавших из-под Пскова ливонских рыцарей. Магистр Ордена Вальтер фон Плеттенберг приказал своим воинам бросить повозки с имуществом близ озера Смолина и уходить налегке. Завидев богатый немецкий обоз, русские мигом забыли о неприятеле и кинулись на добычу. Среди них началось настоящее сражение за трофеи. Московский воевода князь Иван Иванович Горбатый тщетно пытался навести порядок. В ответ на его приказы со всех сторон неслась отборная брань. Между тем Плеттенберг, хорошо знавший нравы русских, приказал своим рыцарям остановиться, развернуться и ударить на превратившееся в толпу грабителей русское войско. План вполне удался. Теряя воинов и воевод, русские в панике отступили (98, 532).

Грандиозный поход на Казань летом 1508 года окончился катастрофой главным образом потому, что под стенами крепости московские воины обнаружили большую ярмарку. При появлении передовых русских отрядов торговцы в панике бежали в город, бросив свои товары и бочки с вином. При виде всего этого изобилия москвичи, утратив всякую дисциплину, превратились в толпу грабителей. Между тем казанский хан Мухаммед-Эмин, «узна их быти пияных и всех от мала и до велика, яко и до самых воевод, и помышляше, и времени подобна искаше, когда напасти на них» (33, 336). Собрав свое войско, хан вывел его из крепости и внезапной атакой разгромил перепившуюся московскую рать.

Многие неудачи московских боевых сил были связаны и с обычной для русских беззаботностью, надеждой на «авось». Летом 1472 года хан Ахмат внезапно появился у стен Алексина, одной из ключевых крепостей на южной границе Московского государства. Хан узнал от своих русских осведомителей, что в крепости «людей мало баше, ни пристроя городного не было, ни пушок, ни пищалей, ни самострелов» (50, 249). Воевода Семен Беклемишев, завидев татар, спешно переправился на другой берег Оки, оставив горожан на произвол судьбы. В итоге Алексин был сожжен, а жители его перебиты или уведены в плен.

Случай с Алексинем не был исключением. Ключевая крепость на ливонской границе, любимое детище «государя всея Руси», Ивангород в августе 1496 года был в одночасье захвачен внезапно появившимся шведским десантом. Успех шведов объяснялся просто. Крепость была совершенно не готова к обороне. В ней не оказалось «запасу ратного» и было на удивление мало войск. Вдобавок ко всему местный воевода князь Иван Бабич при виде врага стремглав бежал из крепости.

Летом 1505 года казанские татары внезапно напали на Нижний Новгород. Местный гарнизон был настолько слаб и малочислен, что защищать крепость было практически невозможно. Город спасло только смелое решение воеводы Хабара Симского. Он под свою ответственность велел выпустить из темницы сидевших там пленных литовских солдат, вооружил их и поставил на городские стены (70, 99). Они-то и отстояли город.

Священное безумие

В одной из своих знаменитых «биографий» Плутарх заметил, что «доблесть – выше всякого искусства и упражнения» (207, 32).

Эта способность действовать вопреки здравому смыслу и чувству самосохранения в древности ценилась очень высоко и считалась знаком избранничества. Все великие победы были плодом этого священного безумия, соединенного, однако, с точным расчетом и своего рода интуицией полководца.

На Руси издавна высоко ценилась доблесть полководца. Примером может служить сохраненная Устюжским летописцем история разгрома казанских татар, совершивших набег на костромские земли в 1429 году. Удельный князь Юрий Галицкий отправил

против грабителей свое войско. Однако оно не поспело за стремительными перемещениями степняков. И только два воеводы, князь Федор Добрынский и князь Федор Пестрый, соединившись, настойчиво преследовали уходящих с добычей вниз по Волге татар. Небольшой отряд погони состоял из наспех собранной дворовой челяди. Но «доблесть выше упражнения»... После нескольких дней бешеной скачки воеводы настигли татар за Нижним Новгородом. Еще немного – и они ушли бы за пределы русских земель.

О дальнейшем летописец рассказывает кратко, но взволнованно:

«И тотар побили, а иные убегли, а полон отполонили. Тем воеводам честь, а по смерти их вечная память» (55, 41).

Среди полководцев Ивана III Данила Холмский в наибольшей степени обладал этой редкой способностью «управляемого безумия». Проще говоря, он умел быть храбрым и умным одновременно.

После неудачного похода на Казань осенью 1467 года Иван отправил своих лучших воевод на защиту тех городов, которые могли стать целью для ответного наступления хана Ибрагима. Даниле Холмскому достался Муром – ключевая крепость на юго-восточных рубежах Московской Руси.

Весной 1468 года татары появились в окрестностях Мурома. Полагая, что московское войско будет отсиживаться в крепости, они принялись опустошать беззащитные деревни и села. Однако Холмский не дал им уйти безнаказанно.

«Того же лета татарове казанские имаша около Мурома и много полону взяша. Князь же Данило Дмитриевич Холмский иде за ними из Мурома и постиже их и бив их, полон весь отъима, а ини, с коней сметався, уидоша на лес» (48, 187).

За этим кратким известием летописца – вихрь погони, горячка сражения, слезы радости освобожденных пленников.

Заметим, что Холмский оказался единственным из воевод, сумевшим дать достойный отпор неприятелю. Оплотились воеводы, стоявшие выше по Оке. Они не смогли помешать татарам безнаказанно разорить пограничную волость Беспуту. Даже знаменитый Иван Стрига, стоявший в Костроме, позволил казанцам разграбить две большие ЁЛОСТИ и увести с собой толпы пленных (48, 187).

Личная храбрость и стремительность внезапных атак были отличительными чертами князя Холмского.

Они особенно ярко проявлялись там, где он имел возможность действовать вполне самостоятельно. Одним из таких случаев была знаменитая битва на реке Шелони 14 июля 1471 года. Здесь Холмский, имея за собой около пяти тысяч всадников, внезапной атакой разгромил новгородское войско, численность которого достигала сорока тысяч человек (48, 190). Не вдаваясь в подробности этого знаменитого сражения, положившего конец новгородской самоуверенности, заметим лишь, что Холмский победил не только безумной храбростью, но и отменным мастерством. Искусно маневрируя своими скромными силами, он в битве на Шелони сумел рассредоточить новгородскую армию и уничтожить ее по частям (98, 241).

Стремительный в атаке, Холмский умел быть расторопным и в походе. В той же первой новгородской войне он удивил всех необычайно быстрым перемещением своего войска, численность которого колебалась в пределах от пяти до десяти тысяч всадников. Новгородцы двинули на москвичей сразу несколько «ратей», наступавших по различным направлениям. Холмский передвигался так быстро, что успел перебить их одну за другой.

Во время второго похода на Новгород Холмский командовал передовым полком. Его воины поначалу остановились в большом селе Бронницы на левом берегу Меты, верстах в двадцати восточнее Новгорода. Из Бронниц передовой полк вскоре двинулся дальше. Вместе с другими силами он принял участие в окружении города. Маневр был выполнен стремительно и четко: московские воеводы прошли по льду озера Ильмень и в ночь с 24 на 25 ноября 1477 года почти одновременно внезапной атакой захватили княжескую резиденцию Городище близ Новгорода и все пригородные монастыри. В итоге город

оказался в кольце блокады, а москвичи получили хорошие пристанища для своих войск. Новгородцы собирались сжечь все это и тем самым заставить москвичей в лютый мороз располагаться в чистом поле среди сугробов. Однако сделать этого они не успели. Стремительный ночной рейд Холмского во многом предопределил исход всей кампании.

Три года спустя, когда на Русь поднялась орда хана Ахмата, Холмский со своим войском встал на самой границе, проходившей по левому берегу Оки. Ахмат более двухсот верст шел вдоль правого, степного берега Оки, высматривая подходящее место для переправы. И каждый раз, когда он находил его, на другом берегу ровными шеренгами вставали закованные в железо московские полки. Так Холмский «довел» Ахмата до Угры. Опасность прорыва татар в центральные районы страны была ликвидирована. Остальное довершили ранние морозы и громогласные пушки Аристотеля Фиораванти.

Летописи полны сообщениями о личном мужестве и самоотверженности московских воевод. Немало их погибло в бою или было замучено в казанском плену (33, 336). Однако в жизни всегда есть место не только подвигу, но и подлости. И это тоже часть нашей военной истории...

Проданные победы

Война ярко высвечивает то, что в мирное время остается в тени. Ценой любого достоинства и любого порока здесь обычно бывает чья-то жизнь. В то время как одни, не щадя собственной жизни, строили Россию, другие, не щадя чужих жизней, ее разрывывали. Впрочем, любопытно, что иногда это были одни и те же люди...

Среди тогдашнего «генералитета» московской армии встречались «сребролюбцы», готовые за взятку уступить достижения целой военной кампании. Разумеется, такие вещи редко всплывают на поверхность. И все же «шила в мешке не утаишь».

В 1458 году «князь великий Василей Василич рать свою послал на Вятку, а воевода у них князь Иван Васильевич Горбатой да князь Иван Ряполовской. И не успеха ничтоже: у вятчан посулы (взятки. – Н. Б.) поймали да им норовили (помогали. – Н. Б.), и ни Вятки и не взяли, и възвратишася» (39, 129).

По другим источникам, в походе участвовал и брат Ивана Ряполовского Семен (41, 112).

Свою версию похода на Вятку дает богатая уникальными сообщениями Ермолинская летопись. «Того же лета князь велики посылал на Вятку князей Ряполовских воеводами да Григорья Михайловича Перхушкова, и ни Вятки дошли, да не взяли, а норовил деи им Перхушков; и то дал Бог, что сами по здорову пришли» (47, 156).

Частица «де» («деи») указывает на то, что летописец излагает чужие слова, не ручаясь за их достоверность. По общему смыслу фразы можно понять, что обвиняли Перхушкова в тайном пособничестве вятчанам другие воеводы неудавшегося похода.

По-видимому, слухи о проданной победе поползли по Москве. Однако наказать виновных было нелегко. Клан Ряполовских (ветвь Рюриковичей, потомки князей Стародубских) стоял так близко к трону, что преследовать их великий князь не решился. Иван Васильевич Горбатый принадлежал к другому влиятельному и многочисленному клану – князей Суздальских. В итоге «козлом отпущения» стал младший из воевод – Перхушков. Очевидно, старшие воеводы дружно обвиняли его в измене, объясняя этим провал всего похода. «Того же лета князь велики, слышав, что Григорей Перхушков вятчаном норовил, и повеле его изымати, и вести в Муром, и посадити в железа» (47, 156).

Примерное наказание воеводы-взяточника было лишь половиной дела. Другая половина заключалась в том, чтобы «смыть пятно» неудачного похода с «мундира» московской армии. На следующий год Василий Темный вновь послал войско на Вятку. На сей раз он назначил воеводой «в свое место» (то есть с неограниченными полномочиями) племянника Ивана Юрьевича Патрикеева (47, 156). Его мать была родной сестрой

великого князя. Патрикеев победил вятчан и заставил их принять условия «как надобе великому князю» (46, 264).

Была ли неприглядная вятская история правилом или исключением? Нельзя однозначно ответить на этот вопрос. Однако напомним известный факт. Только Судебник 1497 года категорически воспретил судьям брать «посулы» (взятки, подношения) у тяжущихся сторон. Прежде это считалось хотя и сомнительным, но отнюдь не криминальным делом. Грань между добровольным вознаграждением судье со стороны того, кто выиграл процесс, и тем же вознаграждением, но полученным по предварительной договоренности как плата за определенное судебное решение, была достаточно размытой. К получению взяток подталкивало и традиционное представление о должности (воеводы, судьи) как «кормлении», то есть доходной статье (80, 190).

Но, привыкнув брать «посулы» за свои решения в качестве судьи, боярин подчас переносил эту привычку и на свои решения в качестве полководца.

Зимой 1466 года вятчане совершили грабительский поход в двинские владения великого князя Ивана III. Возвращаясь назад, они проходили мимо Великого Устюга. Сидевший там московский наместник Василий Сабуров имел строгий приказ государя: перехватить вятчан. Собрав войско, он устроил заставу и преградил путь грабителям. После трех дней переговоров «вятчаня наместнику дали посул» (55, 91). После этого он снял заставу и пропустил их обратно на Вятку со всей награбленной добычей.

Во время похода московских войск на Казань в 1524 году медлительность и нерешительность главного воеводы князя Ивана Палецкого многие объясняли тем, что он подкуплен татарами (5, 179).

Летом 1530 года русское войско героическим штурмом овладело внешним поясом укреплений («острогом») Казани. Хан Сафа-Гирей с ближайшим окружением бежал из внутренней крепости («града»). Оставшаяся в городе казанская знать просила московского «большого воеводу» князя Ивана Вельского прекратить боевые действия и увести войска от Казани. До полной победы и взятия Казани оставался один шаг. Но Вельский выполнил просьбу осажденных. Причину его сговорчивости анонимный автор «Казанской истории» с горькой иронией объясняет всесилием золота. «И нам мнится, яко сильнейши есть злато вой (воинов. – Н. Б) безчисленных: жестокаго бо умяхчевает, мяхкосердое ожесточевает и слышати глуха творит, и слепа видети. Сам прелстися воевода первый и много себе злата взя у казанцев. И того ради ни сам остана в Казани, ни иного же понуди. И возвратишася на Русь все со всем воинством, аще и падоша два воеводы на пути» (33, 354).

Однако зло должно быть наказано. И автор «Казанской истории» несколькими страницами ниже с удовлетворением сообщает, что великий князь Василий III, узнав о мздоимстве Вельского, пришел в ярость и хотел его казнить. Взятчика спасло от смерти только заступничество митрополита Даниила и игумена Троице-Сергиева монастыря Порфирия. За свой поступок Вельский был лишен всего имущества и заточен в темницу на пять лет. Там он сидел скованный по рукам и ногам, со дня на день ожидая, «когда глава его отсечена будет» (33, 356).

Литература всегда была склонна приукрашивать действительность. На деле Иван Вельский после казанского похода был в опале не более двух с половиной лет. В январе 1533 года он уже занимал почетное место тысяцкого на свадьбе удельного князя Андрея Старицкого (141, 127). После кончины Василия III он и вовсе пошел в гору, став одним из руководителей боярского правительства.

Шахматная доска

«Место военных действий – это шахматная доска генерала, именно его выбор обнаруживает способности или невежество военачальника», – говорил Наполеон (192, 126). Талант Дмитрия Донского и Кутузова ярко проявился уже в самом выборе места для главного сражения их жизни. Природные и ландшафтные особенности местности

изначально могут создавать серьезные преимущества для той или другой армии.

Разумеется, неприятель старается уклониться от сражения на неудобной позиции. Поэтому задача полководца не только в том, чтобы найти хорошее место, но и в том, чтобы заставить неприятеля дать сражение именно здесь. Уверенность в собственном превосходстве, нетерпеливое желание испытать судьбу или же обычное недоумие – все это часто подталкивает полководца к сражению на «проигрышной» позиции.

Историки очень редко могут точно указать место, где давали свои сражения полководцы Ивана III. Летописи не сообщают точных данных на сей счет. К тому же и ландшафт с тех пор мог сильно измениться.

И все же кое-что можно проследить. Так, например, «Митьково поле», на котором в июле 1500 года князь Даниил Щеня разгромил литовского гетмана Константина Острожского («битва при Ведроши»), было отличной позицией для московской армии. Многочисленные речки и речушки мешали литовцам зайти в тыл Даниилу Щене. Лесной массив близ поля битвы стал отличным укрытием для московского засадного полка.

Даниил Щеня выслал вперед небольшой отряд, который «раздразнил» литовцев и заставил гетмана, забыв об осторожности, устремиться в лобовую атаку на русские полки. При этом литовцы неосторожно оставили у себя в тылу речку Тросну. Единственный мост через нее был разрушен посланным Даниилом Щеней отрядом. В результате литовцы, обратившись в бегство, оказались в ловушке. После битвы русским досталось огромное количество пленных.

Умение ждать

Это качество столь же необходимо полководцу, как и умение наступать. Особенно если ждать приказывает сам верховный главнокомандующий...

В августе 1472 года Холмский неподвижно стоял на левом берегу Оки, глядя, как на той стороне татары сжигают мужественный городок Алексин и расправляются с его жителями. Судя по всему, государь категорически воспретил своим воеводам переправляться на другой берег. Распоряжение это было вполне оправданным. Ведь переправа влекла за собой всевозможные опасности. В этот момент войско становилось толпой плывущих голых людей. Для таких метких лучников, как татары, перестрелять их не составляло большого труда. Тем, кто доплывал до берега, приходилось облачаться в доспехи и садиться на коня под градом татарских стрел.

Переправляться через большие реки вплавь не любили и сами татары. Обычно они искали броды на Оке. Но именно там, возле бродов, и стояли сторожевые русские полки. Что касается русских войск, то они, отправляясь в степь, обычно переходили Оку по большому мосту близ Коломны.

В октябре 1480 года Холмский камнем лег на переправах через Угру, глядя, как на той стороне дымит походными кострами кибиточный город. Как ему, должно быть, хотелось внезапной ночной атакой разогнать это скопище варваров. Как славно было бы отомстить «поганым» за кровь своих предков – тверских князей-мучеников, казненных в Орде.

Но он стоял и ждал. И время само размывало Ахматову орду, как размывала Угра глинистый береговой обрыв.

Опустошение и устрашение

Военное дело жестоко по самой своей природе. Средневековая война была жестокой вдвойне. Грабеж и захват пленных, удовлетворение самых низменных инстинктов были своего рода платой, которая причиталась воинам за риск и тяготы похода. О постоянном денежном жаловании в русской армии не было и речи. Государство вознаграждало служилых людей поместьями и вотчинами. При крайней нужде им выдавались разовые денежные и продовольственные вспоможения. Все остальное они могли добывать за счет

неприятеля.

Опустошение чужой земли не только не осуждалось, но и поощрялось государем и его полководцами. Особенно если эту землю нельзя было сделать своей. Ведь богатство чужой земли было основой военного потенциала неприятеля.

Наконец, была и еще одна сторона дела. Русские полководцы умели двигаться по-степному быстро. Но это значит, что они шли практически без обозов. Чем же могли подкрепиться воины у походного костра? Степняки решали эту проблему по-своему. Они резали коней, которых гнали с собой именно для этой цели, и питались сваренной в котле кониной. К этому они добавляли похлебку из разведенной в горячей воде муки. На худой конец у них была в запасе конская кровь, которую они отсасывали из надрезанной жилы.

Русские воины многому научились у татар. Но все же они были не столь неприхотливыми в пище. Поэтому свой рацион они пополняли тем, что отбирали у местного населения.

Во всех войнах применяются различные способы устрашения населения и войск противника. Человек Средневековья, редко расстававшийся с ножом, был менее впечатлителен, чем современный европеец. Чтобы заставить его испугаться, требовались сильные средства. А чтобы память об этом испуге осталась надолго, нужны были какие-то наглядные знаки.

Сын Александра Невского Василий в 1257 году отказался подчиниться приказу отца о проведении татарской переписи в Новгороде. Разъяренный великий князь, силой захватив сына, отправил его во Владимир. Советники Василия, подбившие его на этот мятеж, были жестоко наказаны: «овому носа урезаша, а иному очи выимаша» (23, 82). Примерно так же в июле 1471 года расправлялся с новгородцами и князь Холмский. Разгромив у села Коростынь новгородскую «судовую рать», он «изымал» много пленных. «Да тем же изымым самим меж себе повелеша носы и губы резати и отпускаху их назад к Новугороду» (41, 134).

Этим свирепым расправам русские, по-видимому, научились у степняков. Описывая традиционные уголовные наказания у казахов, один русский этнограф второй половины XIX века отмечает: «За смертною казнью шли разные членовредительные наказания, как-то: отрезание уха, носа, губ и рвание ноздрей...» (69, 72). Впрочем, такие казни знало и византийское законодательство.

Во время казанского похода 1467 года московские войска сильно страдали от враждебности местного населения – «злой черемисы». Летописи не сообщают подробностей, но, судя по всему, эти лесные люди свирепо расправлялись с попавшими к ним в плен русскими. Узнав об этом, Иван III зимой 1467/68 года отправил в земли черемисы карательную экспедицию под началом воеводы Семена Романовича из ярославского княжеского дома. Поход обещал быть прибыльным. Поэтому великий князь отправил туда «многих детей боярских, свой двор».

Свои набеги в русские земли татары обычно устраивали зимой. Летом местные жители скрывались от карателей в лесах и непроходимых болотах. Зимой укрыться было негде. Этот опыт татар усвоили и московские воеводы.

Пройдя на лыжах сквозь глухие леса Заволжья, князь Семен внезапно нагрянул на беззащитные деревни и села черемисы. «И много зла учиниша земли той: люди изсекоша, а иных в плен поведоша, а иных изожгоша; а кони их и всякую животину, чего нельзе с собою имати, то все изсекоша; а что было живота их, то все взяша. И повоеваше всю землю ту, досталь пожгоша; а за один день до Казани не доходили» (46, 279).

Итак, московские дворяне не просто убивали лесных людей, но жгли их в огне. Самый простой способ состоял в том, чтобы загнать людей в избу, запереть дверь снаружи, а затем поджечь.

Впрочем, казанцы немедленно отомстили за своих подданных. На следующее лето они напали на южные волости устюжского уезда, осадили городок Кичменгу «и огнем сожгли и с людьми» (55, 91).

Такова была обычная жестокость средневековых войн.

Генерал свиты

Согласно нормам той эпохи, знатный человек должен был выступить, по меньшей мере, в трех общественных ролях: полководца, администратора и придворного. Соотношение этих ролей определялось его личными способностями. Но побывать в каждой из них было необходимо.

Князь Холмский уже в 70-е годы имел придворный чин боярина. Он заседал в Боярской думе, где, надо полагать, высказывался главным образом по военным вопросам. В качестве боярина свиты Холмский сопровождал Ивана III в Новгород зимой 1479/80 года. Примерно в эти же годы он был наместником во Владимире (141, 112). Другой знаменитый полководец той эпохи, князь Даниил Васильевич Щеня (Патрикеев), в 1490 году был наместником в Юрьеве-Польском (141, 32).

Московские государи не любили платить своим порученцам, и те часто вынуждены были устраивать государственные дела за свой счет. Наместничество было своего рода «компенсацией» за это неудобство для высшей знати. Оно позволяло за счет всякого рода «посулов» и поборов с местного населения пополнить семейный сундук, опустошенный на государственной службе.

«Знатнейшим, которые правят посольства или несут другие более важные обязанности, назначаются сообразно с достоинством и трудами каждого или должность начальника, или деревни, или поместья, – писал Герберштейн, – однако с каждого из них государю платится ежегодная определенная подать. Им же отдаются только доборы, которые вымогаются у бедняков, если те в чем-то провинятся, и некоторые другие доходы. Но такие владения он отдает им по большей части в пользование лишь на полтора года; если же кто-нибудь находится у него в особой милости и пользуется его расположением, То тому прибавляется несколько месяцев; по истечении же этого срока всякая милость прекращается, и тебе целых шесть лет приходится служить даром» (5, 73).

Историки вносят в этот рассказ некоторые уточнения. Наместничество обычно давалось не на полтора года, а на год. «Деревни» и «поместья» давались дворянам на весь срок их службы. Однако общая идея рассказа – бедность народа и скудность получаемых от него доходов, отсутствие постоянного денежного жалования у высших должностных лиц – вполне достоверна.

Тень Велисария

Любой диктатор остерегается своих победоносных полководцев. Он постоянно держит их «на мушке», окружает шпионами, лишает заслуженных почестей и подвергает унижениям. Над их головой постоянно раздается свист державного кнута. Одно неосторожное слово или слишком самостоятельное решение грозит полководцу опалой, темницей и даже гибелью.

Полководцы тоже люди. И как всем людям, им знакомо чувство страха. Храбрость в бою и храбрость перед «ярким оком» своего государя – это далеко не одно и то же. Рассказывают, что лучший меч Византии, знаменитый полководец Велисарий был так запуган императором Юстинианом, что, находясь в столице, боялся собственной тени (62, 329).

Конечно, тревога диктаторов не лишена оснований. История той же Византии полна восстаний, заговоров и переворотов, во главе которых стояли полководцы. Военное дело приучает к решительности, а восторженный рев легионов подстегивает честолюбие. Однако все это служит слабым утешением для «без вины виноватых».

Горькую чашу незаслуженного унижения пришлось испить и князю Холмскому. Источники не сообщают о причинах опалы на героя трех победных войн. Сохранился

лишь текст присяги на верность Ивану III, которую он принес 8 марта 1474 года. Приводим этот интересный документ полностью, разбивая текст на абзацы.

«Се яз, князь Данило Дмитриевич Холмский, что есми бил челом своему господину и господарю великому князю Ивану Васильевичю за свою вину своим господином Геронтьем митрополитом всея Руси и его детми, и сослужебники епископы – Никитою, епископом Коломенским, Прохором, епископом Сарским, Филофеем, епископом Пермским, и своею господою архимандрита – спаским архимандритом Германом, симановским архимандритом Антоньем, андрониковским архимандритом Иоанном, и осподарь мои князь велики меня, своего слугу, пожаловал, нелюбье свое мне отдал.

А мне, князю Даниле, своему осподарю великому князю Ивану Васильевичю и его детем служите до своего живота.

А не отъехати ми от своего осподаря от великого князя Ивана Васильевича, ни от его детей к иному ни х кому.

А добра ми ему и его детем хотети везде во всем.

А лиха ми своему государю великому князю и его детем мне, князю Даниле, не мыслите, ни хотети никакова.

А где от кого услышу о добре или о лихе государя своего великого князя и о его детех, о добре или о лихе, и мне то сказати государю своему великому князю и его детем вправду, по сей моей укрепленной грамоте безхитростно.

А в том во всем по сей моей грамоте ялся по мне осподарю моему великому князю Ивану Васильевичю и его детем и до моего живота господин мои Геронтеи, митрополит всея Руси, и с теми съ своими детми, и съ служебники, со владыками, и съ архимандриты, которые в сей моей грамоте писаны.

А через сию мою грамоту яз, князь Данило Дмитриевич, что иму думати и починати или явится что которое мое лихо перед моим осподарем перед великим князем Иваном Васильевичем и перед его детми, ино не буди на мне милости Божье и Пречистые Его Матери, и святых чудотворцов Петра митрополита и Леонтия, епископа Ростовского, и всех святых, также ни благословения осподина моего Геронтия, митрополита всея Руси, и его детей – владык и архимандритов тех, которыми есми бил челом своему осподарю великому князю Ивану Васильевичю, не буди на мне ни в сии век, ни в будущий; а осподарь мои князь велики и его дети надо мною по моей вине в казни волен.

А крепости деля яз, князь Данило Дмитриевич Холмски, осподарю своему великому князю Ивану Васильевичю целовал есми честный и животворящи крест и дал есми на себя сию свою грамоту за подписью и печатью осподина своего Геронтия, митрополита всея Руси.

А дана грамота на Москве, месяца марта 8 день лета 82.

А подпись у сей грамоты митрополича Геронтьева такова: Смиреньи Геронтеи, митрополит всея Руси» (2, 34).

Итак, князь Данила Холмский клянется и целует крест на том, что до конца своих дней будет верно служить «своему осподарю великому князю Ивану Васильевичю». В случае измены он готов принять любую казнь. Все это сильно напоминает договор о пожизненном холопстве. А между тем еще совсем недавно не только князья-изгои, но и «вольные люди» бояре свободно переезжали от одного княжеского двора к другому, сохраняя за собой все прежние приобретения и пожалования.

Гарантами исполнения клятвы князя Данилы выступают высшие духовные лица – митрополит Геронтий, три епископа и три архимандрита. Таким образом, в случае нарушения присяги Холмский мог укрыться от духовной кары только в Литве, где был свой православный митрополит.

Едва ли московские иерархи так сильно чтили заезжего тверского витязя, чтобы ради него рисковать карьерой. Несомненно, их поручительство было исполнением воли Ивана III. Ему нужно было навсегда вложить этот золотой меч в московские ножны.

Поручительство иерархов и клятва на кресте затрагивали религиозные чувства

Холмского. Знаменательно, что присяга была дана во время Великого поста, во вторник Крестопоклонной недели, когда образ Животворящего Креста Господня как бы витает над всем православным миром.

Однако Ивану этого показалось мало. В дело пошли и более земные чувства. Шесть московских бояр также поручились за верность Холмского. (Эта порука, как и крестоцеловальная грамота князя Данилы, сохранилась в списке конца XV – начала XVI века.)

«Се яз, Иван Никитинич Воронцов, выручил есми у пристава великого князя у Ивана у Васильевича у Замятии князя Данила Дмитриевича Холмского в вине великого князя в полутретье сте рублех.

А служить князю Данилу осподарю великому князю Ивану Васильевичю и его детем и до своего живота.

А не отъехать ему, ни збежати и до живота никуда ни х кому.

А куда князь Данило отъедет или збежит за тою за моею порукою, ино осподарю великому князю на мне, на Иване на Микитиниче, полтретья ста Рублев, а князя Данила в своей вине искати великому князю себе, а животы и села и състатки княжи Даниловы все, а то великому князю.

А на то послуши: Василеи Иванович Замытскои, да Иван Кондратьевич Судимонт, да Иван Зиновьевич, да дьяки великого князя Олексеи Полуехтович, да Василеи Долматов.

А запечатал сю грамоту поручную яз, Иван Микитинич, своею печатью».

На обороте грамоты есть дополнения к тексту, сделанные тем же почерком:

«По сей поручной кабале, став перед князем Иваном Юрьевичем, Иван Микитич Воронцов сказал, что выручил у пристава великого князя у Ивана у Васильевича у Замятии князя Данила Дмитриевича Холмского в вине великого князя в полутретье стеблех по тому, как в сей поручной кабале писано, князь Иван Юрьевич к сей поручной кабале и печать свою приложил.

А се такова подвись у сей кабалы. А подписал великого князя дьяк Василеи Мамырев».

Ниже на грамоте имеется еще одна надпись тем же почерком: «А таких поручных грамот восемь на князя на Данила на Дмитриевича: в дву тысячах рублех вся порука» (2, 34).

Таким образом, князь Холмский оказался заложником чести. В случае его бегства из Москвы восемь бояр должны были поплатиться очень крупной суммой по 250 рублей каждый. Вероятно, и в этом случае Иван III стоял за кулисами этого поручительства. В грамоте назван лишь один из поручителей – Иван Никитич Воронцов. Он был боярином у князя Юрия Васильевича Дмитровского (141, 157). После внезапной кончины своего сюзерена в 1472 году Воронцов перешел на службу к Ивану III. Судя по тому, что единственный сын Ивана Воронцова Семен появляется на исторической сцене лишь в 1493 году в довольно скромной роли Можайского воеводы, эта семья не отличалась богатством. Выплата 250 рублей в случае измены Холмского стала бы для нее подлинной катастрофой.

Вероятно, к делу были привлечены и свояки Холмского – князья Иван Булгак Патрикеев и В. С. Ряполовский, а также С. Б. Морозов.

Вся эта темная история вызывает много вопросов. Ясно лишь одно: Иван III знал цену талантливым людям и не хотел выпускать их из своих рук. В этом отношении судьба Холмского напоминает судьбу Аристотеля Фиораванти, которому запрещено было покидать владения «государя всея Руси». Опала на знаменитого полководца, по-видимому, была во многом «театральной». Великий лицедей, Иван вначале изобразил гнев, чтобы затем изобразить прощение. Ценой прощения была свобода. Отныне Холмский был навсегда прикован к московской колеснице незримыми цепями религиозной ответственности и морального долга.

Что послужило поводом для опалы на Холмского?

Вопрос этот не имеет принципиального значения. Однако источники позволяют сделать некоторые предположения.

В 1473 году псковичи обратились к Ивану III с просьбой дать им войско и хорошего воеводу для похода на немцев. Государь отправил к ним Данилу Холмского. 26 октября 1473 года московские полки вступили во Псков «и стаща станы по всему Завеличию» (64, 55).

Зима в тот год выдалась необычайно теплой. Грязь и талый снег сделали дороги непроходимыми для войск. Московские воеводы сидели во Пскове, проклиная погоду и коротая время в обычных солдатских развлечениях. Между тем ливонские немцы, уstraшенные военными приготовлениями русских, поспешили прислать во Псков своих послов. «И взяша мир с рижаны на 30 лет, а с юрьевци на 20 лет, а пива немцем въ Псков не возити, и оттоле преста крыча немецкая» (64, 56).

Псковичи были очень довольны таким исходом дела. Не потеряв ни единого человека, они добились выгодного для себя мира с немцами. Примечательно, что даже плохую погоду псковский летописец рассматривает как знак Божьей милости.

«И по смотрению Божию, хотя Бог възвратити оружие бес крови, обрати зимнюю студень на теплоту, и бысть вся зима тепла, и не лзе бяше псковичам пойти в немецкую землю множества ради вод».

28 января 1474 года московские полки выступили из Пскова в обратный путь. Воеводы имели основание быть недовольными итогами похода: за понесенные труды они получили от горожан весьма скромное вознаграждение. «И даша псковичи Данилью 100 рублов, а князем и бояром 50 рублов».

В Москве принялись разноречиво обсуждать псковский поход. Государь (искренне или лицемерно) возмущался тем, что поход, по сути дела, не принес ему никаких трофеев. Вероятно, роптало и войско, не получившее богатой ливонской добычи. Виновником происшедшего оказался князь Холмский. Вскоре по возвращении из псковского похода он был взят под стражу. Государь поручил караулить его приставу Ивану Замыatie. Учитывая существенную роль финансового вопроса во всей псковской истории, можно предположить, что Холмского обвинили в получении не только псковских даров, но и тайных посулов от немцев.

Московский скандал заставил псковичей отправить к великому князю посольство с благодарностью за помощь и дарами. Однако оно отправилось уже «на весну», то есть вдогонку событиям. В Москве псковские послы натолкнулись на холодный прием. Великий князь «не даде им ни подворья ни к собе на очи не пусти, и стоявшее на поли 3 дни, отъехалаша без ответа» (64, 56).

Обычным наказанием для обвиненного в подкупе был не только арест, но и конфискация имущества. Можно полагать, что та же судьба постигла и Холмского. Во всяком случае, государь едва ли оставил в его сундуке злополучные псковские 100 рублей. Подобное расточительство было не в традициях московского двора. Австрийский посол С. Герберштейн рассказывает, что сын Ивана III великий князь Василий III отбирал у своих послов подарки, полученные ими за рубежом (5, 73). Точно так же можно было отнестись и к подаркам, полученным полководцами при исполнении военных поручений.

Таким образом, князь Холмский вместо триумфа был брошен на тюремную солому. Ограбленный и оскорбленный, он, выйдя на свободу, вполне мог бежать в Литву. Но такой исход не входил в планы Ивана III. Проучив не в меру самостоятельного воеводу, государь хотел отправить его обратно на службу. Клятва на кресте и порука бояр стали удачным ходом, позволившим завершить дело так, как и требовалось великому князю. В своей присяжной грамоте Холмский смиренно называет себя «слугой» великого князя. А между тем тверской князь когда-то называл его своим «младшим братом». Но у столицы Руси были свои обычаи. Вместе со всеми Холмский научился нагибать голову, когда сверху раздавался свист державного кнута.

И за эту маленькую сделку со своей гордостью он получил место в пантеоне

московской славы.

Не знаем, как сгибались перед троном другие полководцы Ивана III. К сожалению, ни их собственных записок, ни воспоминаний о них современников не существует. И все же отметим одну красноречивую деталь. В 1505 году прославленный полководец князь Даниил Щеня вместе с новгородским наместником князем В. В. Шуйским пишут донесение великому князю Ивану. Послание начиналось так: «Государь и великий князь! Холопы твои Данило и Васюк Шуйский челом бьют» (229, 53).

Заметим, что «холопами» именовали себя представители двух знатнейших родов тогдашней России...

Дела семейные

Для полководца, чья жизнь проходит в седле, удачная семейная жизнь – большая редкость. Не знаем, справедливо ли это правило по отношению к Холмскому. Скупые сведения о его семейных делах носят чисто «анкетный» характер. У Холмского в браке с Василисой Ивановной Заболоцкой-Всеволожской было два сына – Василий и Семен. Оба они благодаря отцу быстро заняли видное место при дворе Ивана III.

Василий Холмский был удостоен небывалой чести: в феврале 1500 года великий князь отдал за него свою дочь Феодосию. Но брак, по-видимому, оказался слишком «скороспелым». Невесте не исполнилось еще и пятнадцати лет. Ровно через год после свадьбы она умерла. Впрочем, это не помешало Василию сделать карьеру. Он ходит в походы большим воеводой, получает боярский чин. Молодой великий князь Василий III всецело доверяет своему другу детства.

Единственным недостатком младшего Холмского была склонность к хмельным застольям, от которых он не мог отказаться даже во время походов (70, 100).

Гроза разразилась внезапно. В ноябре 1508 года Василий Холмский по неизвестным причинам был арестован и послан в заточение на Белоозеро. Тамешние темницы могли уморить даже Илью Муромца. Не позднее января 1511 года Василий Холмский покинул этот мир.

Его брат Семен не был столь знаменит. Однако и он летом 1497 года ходил под Нарву в качестве воеводы большого полка. Время и причину его кончины источники не сообщают. Известно лишь, что 20 января 1511 года старая княгиня Василиса Холмская сделала огромный поминальный вклад в Троице-Сергиев монастырь: три села и 29 деревень в Московском, Дмитровском и Рузском уездах (4, 41). И за этот вклад монахи должны были молить Бога о милости к душам князя Данилы Холмского, его сыновей Василия и Семена, а также самой княгини Василисы, жить которой оставалось совсем недолго.

Род Холмских был весьма малочисленным и пресекся в XVI столетии.

Не менее печальна и судьба потомков другого знаменитого воеводы Даниила Щени. Его единственный сын Михаил был видным полководцем времен Василия III. Он имел думный чин боярина. Однако это не спасло его от неоднократной опалы и тюрьмы. Только амнистия в августе 1530 года по случаю рождения наследника престола вернула князю Шенятеву свободу.

Внук Даниила Щени князь Петр Шенятев был достойным продолжателем семейной профессии. Он храбро сражался с литовцами, шведами и татарами. В годы опричнины Петр Шенятев ушел в монастырь. Иван Грозный приказал забрать его оттуда и предать жестокой казни. По одним сведениям, он был забит до смерти батогами, по другим – изжарен на железной сковороде...

В середине XVI столетия род князей Шенятевых пресекся.

ГЛАВА XVII ВОИН

*Движение в строю заглушает в человеке
сознание опасности, между тем как беспорядок
сводит ни к чему самую отвагу.
Макиавелли*

Летом 1472 года десятки тысяч косматых всадников стояли на правом, степном берегу Оки. Они пристально всматривались в пустынный левый берег и ожидали команды на переправу. На несколько верст кругом плыл тяжелый запах пота и навоза.

Каждый всадник помимо лука и стрел имел при себе аркан. У многих к седлу запасной лошади были приторочены сплетенные из ивовых прутьев корзины с крышками. В корзинах лежали связки ремней и веревок.

Между тем на левом берегу обозначилось какое-то движение. Из-за леса показались несколько конных воинов. Несколько мгновений они молча разглядывали орду. Потом один из них поднял трубу и протрубил сигнал.

И тотчас по зову трубы на берег волнами хлынули стоявшие за лесом русские полки. Они быстро заполнили прибрежную луговину. Вскоре передние шеренги замерли в той же неподвижной готовности, что и темное войско на правом берегу. Над полками колыхались на ветру огромные боевые знамена. В задних рядах все еще продолжались движение и перестроение. За лесом остались обозы и резервы.

Хан Ахмат застыл на своем арабском скакуне, словно каменная баба на кургане. Московская армия стояла лицом к югу, освещенная низким августовским солнцем. Хан был поражен не столько численностью русских сил, сколько их видом. Каждый воин был с головы до ног прикрыт железом. Начищенные до зеркального блеска железные доспехи сверкали, как серебро. Они делали русских воинов почти неуязвимыми для татарских стрел.

Московский летописец так описывает впечатление, произведенное на хана русским воинством: «И видево мнози полки великого князя, аки море колеблюшеся, доспеси же на них бяху чисты велми, яко сребро блистающее, и въоружены зело, и начят от брега отступати по малу» (41, 149).

Смрадная черная туча ушла от русских границ обратно на юг. А серебряные всадники потянулись на север, под своды родных лесов.

Государева служба

Основу московской армии в конце XV века составляли легковооруженные всадники, которых источники той поры называют «дворянами» и «детьми боярскими».

Существуют различные мнения относительно конкретно-исторического содержания этих названий. В давних спорах о «дворянах» и «детях боярских» как в капле воды отразилась одна из самых сложных проблем истории русского Средневековья – проблема терминов. Нет ничего более туманного и обманчивого, чем древнерусская терминология. Подобно российским законам, наши социально-правовые понятия отличались какой-то добродушной неопределенностью, сквозь которую лукаво усмехался произвол – любимый метод решения всех вопросов.

Неопределенность понятий усугубляется их изменчивостью во времени. Названия менялись гораздо медленнее, чем их содержание. Люди привыкали к словам и не хотели без особой нужды менять их на новые. Перемена смысла старых слов молчаливо подразумевалась и в письменном тексте не оговаривалась. Уточнения всегда можно было сделать в устной речи.

Учитывая относительность всех выводов, которые можно делать при таких исходных данных, мы все же предлагаем читателю новейшую точку зрения по этому вопросу. Кто же такие дети боярские?

В конце XV – начале XVI столетия так называли вполне взрослых людей, несущих военную службу с родовых или пожалованных вотчин. «Войско детей боярских формировалось по территориальному принципу. Социальной категорией, определяющей его структуру, являлся «служилый город». При комплектовании полков обязательно учитывались родственные связи. Отцы и сыновья, родные братья и кузены, дяди и племянники сражались в одном строю, помогая слабым, воспитывая молодежь» (183, 529).

К этому можно добавить, что, по крайней мере теоретически, дети боярские были свободные люди и могли, сохраняя свои вотчины, переходить на службу от одного суверена к другому. Однако практически к концу XV столетия такая возможность исчезла вместе с самостоятельными удельными князьями. Хозяином всего и вся стал «государь всея Руси».

Вотчины детей боярских были гораздо меньше по размерам, чем огромные вотчины бояр, монастырей или епископских кафедр. Часто бывало так, что доходов от этих вотчин не хватало для обеспечения служилого человека и его семьи всем необходимым. Обнищавшие дети боярские продавали остатки своих вотчин. Далее им открывалась прямая дорога в бесконечные ряды дворян.

Термин «дворянин» поначалу означал «мальчика на побегушках» – исполнителя всевозможных княжеских поручений. Возвышение великого князя Московского привело в середине XV века к созданию многолюдного и пышного «государева двора». Теперь дворянами называют не слишком знатных придворных. Наконец Иван III начинает энергично развивать систему поместий, которые даются за службу и на условиях военной службы. Держатели этих поместий, многие из которых были дворянами в прежнем, дворовом смысле, сохраняют название дворяне (183, 531).

Итак, дети боярские по своему социальному статусу были несколько выше дворян. Позднее эта тонкая разница исчезнет и они растворятся в море «дворян».

Дети боярские, как и дворяне, – офицеры и рядовые одновременно. Они составляли основу московского войска. И в этом смысле они – рядовые. Но при этом каждый из них имел при себе нескольких боевых слуг, для которых он – командир, офицер.

Согласно подсчетам современных исследователей, «численность войска в первой трети XVI века в походах на западном направлении составляла обычно 40-60 тысяч человек» (167, 79). Еще тысяч двадцать постоянно находились в крепостях по Оке для отражения внезапного набега крымцев. Для особо важных военных кампаний удавалось собрать до ста тысяч воинов.

Летописцы не считали нужным рассказывать о том, что и так всем было известно. Эта простая логика лишает нас возможности увидеть русских воинов 1492 года глазами их соотечественников. Единственное, что нам остается, – обратиться к запискам иностранцев. Они видели Московскую Русь «свежим глазом» и замечали то, что для самих русских не казалось интересным. Наибольшую ценность в этом отношении представляют записки Сигизмунда Герберштейна. Понятно, что в его наблюдениях есть некоторая поверхностность и тенденциозность. Далеко не все русские порядки Герберштейн понимал и комментировал правильно. И все же в целом это богатая фактами и добросовестная книга.

Много рассказывает Герберштейн об устройстве московского войска. И хотя его описания относятся ко времени правления сына Ивана III Василия, можно полагать, что и в 1492 году картина была примерно такая же.

«Каждые два или три года государь производит набор по областям и переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у каждого лошадей и слуг. Затем... он определяет каждому жалованье. Те же, кто может по своему имущественному достатку,

служат без жалованья. Отдых дается им редко, ибо государь ведет войны то с литовцами, то с ливонцами, то со шведами, то с казанскими татарами, или даже если он не ведет никакой войны, то все же ежегодно по обычаю ставит караулы в местностях около Танаиса и Оки числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар. Кроме того, государь имеет обыкновение вызывать некоторых по очереди из их областей, чтобы они исполняли при нем в Москве всевозможные обязанности. В военное же время они не отправляют поочередной службы, а обязаны все как стоящие на жалованье, так и ожидающие милости государя идти на войну» (5, 113).

Итак, русский дворянин практически каждый год находился на государственной службе. Помимо службы в действующей армии и в летней «пограничной армии» на Оке, он мог быть направлен и в своего рода «внутренние войска». Великий князь хотел постоянно иметь под рукой несколько тысяч воинов. Они обеспечивали охрану Москвы и Кремля и исполняли разного рода «особые поручения».

«Лошади у них маленькие, холощенные, не подкованы, – продолжает Герберштейн. – Узда самая легкая; седла приспособлены с таким расчетом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. Сидя на лошади, они так подтягивают ноги, что совсем не способны выдержать достаточно сильного удара копья или стрелы. К шпорам прибегают весьма немногие, а большинство пользуется плеткой, которая всегда висит на мизинце правой руки, так что в любой момент, когда нужно, они могут схватить ее и пустить в ход, а если дело опять дойдет до оружия, то они оставляют плетку и она свободно свисает с руки».

Легко заметить, что в этих описаниях проступают характерные черты татарского всадника: короткие стремяна, необычайная подвижность и вместе с тем неустойчивость в седле, использование плетки (6, 43, 64). Исследователь старинного оружия и снаряжения также отмечает: «Седла русские делались очень высокие и с короткими стремянами, которые давали возможность свободно поворачиваться во все стороны» (232, 141).

Оттуда же, из степи, происходил не только конский прибор, но и сама лошадь. «Москвитяне каждую весну из татарской Ногайской орды в обмен на одежду и другие дешевые вещи получают многие тысячи коней, наиболее подходящих для войны», – сообщает один литовский автор середины XVI века (20, 75). Эти многотысячные табуны татары начали пригонять к Москве еще во времена Ивана III.

«Обыкновенное их оружие, – читаем далее у Герберштейна, – лук, стрелы, топор и палка наподобие римского цеста, которая по-русски называется кистень, а по-польски – бассалык. Саблю употребляют те, кто познатнее и побогаче. Продолговатые кинжалы, висящие, как ножи, спрятаны в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом можно добраться до верхней части рукояти и схватить ее в случае надобности. Далее, повод узды у них в употреблении длинный, с дырочкой на конце; они привязывают его к одному из пальцев левой руки, чтобы можно было схватить лук и, натянув его, выстрелить, не выпуская повода. Хотя они держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плетку одновременно, однако ловко и без всякого затруднения умеют пользоваться ими.

Некоторые из более знатных носят панцирь, латы, сделанные искусно, как будто из чешуи, и наручи; весьма у немногих есть шлем, заостренный кверху наподобие пирамиды.

Некоторые носят шелковое платье, подбитое войлоком, для защиты от всяких ударов; употребляют они и копья» (5, 114).

И вновь перед нами встает образ татарского воина в его обычном снаряжении и с его типичными ухватками. «Нож, спрятанный глубоко в ножнах» – это так называемый «палеоазиатский нож» с гладкой и слегка выпуклой ручкой из твердого дерева. Он прочно вклинивается в ножны, состоящие из двух связанных ремешками и выдолбленных внутри дощечек.

Литовский автор середины XVI века, писавший об обычаях русских и татар, заметил: «А москвитяне хвалятся тем, что от нас переняли законы Витовта, которыми мы уже

пренебрегаем, а от татар – оружие, одежду и способ ведения войны без обозов, без редкостных яств и напитков» (20, 85).

Присмотримся к деталям описаний Герберштейна. «Кистень» и «бассалык» – татарские названия. По свидетельству Михалона Литвина, многие крымские татары, отправляясь на войну в Венгрию, шли почти безоружными, но при этом имели при себе кистень (20, 66). Плано Карпини отмечает, что монгольские воины в походе как минимум должны иметь «два или три лука или по меньшей мере один хороший и три больших колчана, полные стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи (сабли. – Н. Б.), острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые» (6, 53).

Таким образом, рядовой русский воин-дворянин был вооружен примерно так же, как и татарский всадник.

Михалон Литвин отмечает, что татары на войне носят белые остроконечные войлочные шапки и при этом почти никто из них не использует железных шлемов. Такие шапки необычайно дешевы, прочны и к тому же «их высота и блеск придают толпам татар грозный вид и устрашают врагов... Этому приему также подражают москвитяне» (20, 75).

Об этих шапках как любимом головном уборе московитов вспоминает и Герберштейн: «Одежду они носят длинную, шапки белые, заостренные, из войлока, из которого, как мы знаем, изготовляют себе верхнюю одежду варвары» (5, 121).

Как в татарском войске, так и в русском сабля была признаком обеспеченного человека.

Степное войско не знало пехоты. Дружины русских князей XIV–XV веков также были конными. Однако развитие огнестрельного оружия и влияние польско-литовского военного опыта заставило московских правителей в начале XVI столетия создать Собственную полевую артиллерию и пехотные части. Вот что говорит об этом Герберштейн:

«В сражениях они никогда не употребляли пехоты и пушек, ибо все, что они делают, нападают ли на врага, преследуют ли его или бегут от него, они совершают внезапно и быстро, и поэтому ни пехота, ни пушки не могут поспеть за ними.

Но когда перекопский царь поставил на Казанское царство племянника и на обратном пути раскинул лагерь в тринадцати милях от Москвы, нынешний государь Василий на следующий год расположился лагерем около реки Оки и впервые пустил тогда в дело пехоту и пушки, – может быть, для того, чтобы похвастаться своей силой и смыть позор, испытанный им в предыдущем году во время постыднейшего бегства, когда, как говорят, он несколько дней прятался в стогу сена, или, наконец, чтобы отвратить от своих пределов царя, который, как он предполагал, снова нападет на его владения. Во всяком случае, при нас у него было почти полторы тысячи пехотинцев из литовцев и всякого сброда» (5, 114).

Этот рассказ отражает реальные события. Крымский хан Мухаммед-Гирей летом 1521 года внезапным набегом прорвал оборонительный рубеж по Оке и подошел к Москве. И хотя захватить столицу ему не удалось, хан ушел назад с огромной добычей.

Горький урок, преподанный татарами, заставил Василия III заняться усовершенствованием московской армии. В частности, заслоны по Оке были усилены артиллерией и пехотой. Впрочем, по наблюдению Герберштейна, русские использовали артиллерию довольно неумело и притом исключительно для осады крепостей и обороны укрепленных рубежей. Применять ее в полевом сражении мешала привычная «татарская» стратегия русского воинства: «Московиты не умеют и не могут пользоваться этими ядрами (литыми железными. – Н. Б.) в бою, так как у них все основано на быстроте» (5, 116).

Архаизм московского войска, с точки зрения западной военной мысли, очевиден. В своем трактате о военном искусстве (1520 год) Никколо Макиавелли писал: «Конница, конечно, нужна, но все же это не первая, а вторая основа войска; она необходима и

необычайно полезна для разведок, набегов и опустошения неприятельской страны, для внезапной тревоги и нападения на противника (который из-за этого должен всегда быть в состоянии боевой готовности) и для перерыва подвоза припасов. Когда же дело доходит до решительного полевого сражения, то есть до самого существа войны и цели, ради которой вообще создаются войска, конница годится больше для преследования разбитого противника, чем для других дел, и по своей силе, конечно, далеко отстает от пехоты» (19, 62).

Войско в походе

Мерно покачиваясь в седлах, воины Ивана III движутся длинной вереницей вдоль берега Оки. Впереди у них еще несколько десятков верст. А потому у нас есть время поближе присмотреться к этим пропахшим дымом походных костров и обожженным степным солнцем усталым людям.

Начнем с того, что дворяне времен Ивана III были аристократами скорее по названию, чем по содержанию. Да и может ли бедняк быть аристократом? Конечно, на память приходит известное выражение «бедный дворянин» – определение благородного, но небогатого человека. Но это выражение возникло, увы, значительно позже, в эпоху буржуазного богатства.

Русский дворянин знал и любил землю. Он умел держать в руках не только оружие, но и соху. В трудные времена он выживал за счет «барской пашни» – приусадебной земли, обработанной своими собственными руками (237, 49). Казна жаловала воинов деньгами лишь в случае больших побед. Так, например, после взятия Казани летом 1487 года «князь велики воевод своих изжаловал, и бояр, и детей боярских, хто чего достоен» (55, 96).

Вопрос о «денежном довольствии» военно-служилого сословия, вообще говоря, весьма запутан. Истоки всех противоречий – в сложности и некоторой хаотичности самой системы выплат. По рассказам Герберштейна, во времена Василия III существовали определенные правила расчетов государя с воинством. В то время как крупная аристократия служила «своим коштом» и пополняла карманы главным образом за счет вотчин и «кормлений», малообеспеченные «дети боярские» могли претендовать на более или менее регулярное жалование от казны. «...Таких лиц, придавленных бедностью, он (великий князь. – Н. Б.) обыкновенно ежегодно принимает к себе и содержит, назначив им жалованье, но не одинаковое. Те, кому он платит в год по шести золотых, получают жалованье через два года на третий; те же, кому каждый год дается по двенадцать золотых, должны быть без всякой задержки готовы к исполнению любой службы на собственный счет и даже с несколькими лошадьми» (5, 73).

Таким образом, более высокое жалованье предусматривало постоянную готовность к исполнению любого поручения, а также более серьезные расходы по службе. Такой подход был возможен лишь при наличии достаточно развитой системы «бухгалтерского учета» и всякого рода «командировок».

Труба, барабан и флейта

У монголов принято было подбадривать своих воинов перед битвой громкими звуками музыкальных инструментов. Вот как описывает Марко Поло сражение между войсками великого хана Хубилая и мятежного князя Наяна:

«Увидел Наян со своими воинами, что вокруг стала рать великого хана, и перепугались все; бегут к оружию; скоро-наскоро вооружаются и толком, по порядку расставляют отряды. Снарядились обе стороны, и оставалось только схватиться; слышались тут многие инструменты, многие трубы и громкое пение. У татар вот такой обычай: когда их приведут И расставят биться, пока не прозвучит накар (большой барабан. – Н. Б.) начальника, они не начинают брани и все то время играют на

инструментах и поют; вот поэтому-то обе стороны так много играли и пели» (6, 247).

В этой связи невольно вспоминается известная сцена ночного гадания перед Куликовской битвой. Одним из источников этого фольклорного сюжета могло быть и подлинное воспоминание. В татарском лагере Дмитрий Волынец «слышит стук велик и кличь, и вопль» (30, 166). Над русским станом «бысть тихость велика» (30, 168).

Впрочем, в бой и русские полки шли под рокот барабанов и завывание труб. Вот, например, сцена штурма русскими войсками Казани 2 октября 1552 года. После взрыва мин, заложенных в подкопах под башнями, воины штурмового полка, отобранные самим Иваном IV, устремляются вперед под звуки труб и мерные удары накра. «Видевше же се воеводы велика полка, яко прииде им уже помощь Божия, и наполнишася духа храбра. И вострубиша воя их в ратныя трубы и в сурны во многия, и удариша в накры, весть подаючи и прочим полком всем, да готовятся скоро» (33, 514).

Каждый воевода имел огромный медный или обтянутый телячьей кожей барабан, с помощью которого он подавал сигналы своим воинам (232, 80). Его восточное название «накар» на Руси иногда заменяли словом «набат». Известная всему Востоку «зурна» на Руси произносилась как «сурна».

Трубы обычно служили для подачи сигнала к наступлению. «Наконец, построив передовые отряды, московиты затрубили наступление», – рассказывает Герберштейн о битве под Оршей в сентябре 1514 года (5, 70).

Музыкальные инструменты на поле битвы служили не только для подачи сигналов. Их завораживающие звуки воодушевляли воинов, укрепляли их боевой дух. Другим средством возбуждения отваги и одновременно устрашения противника был боевой клич. Воины Ивана III мчались на врага с криком «Москва!».

Зримым воплощением боевого духа служили стяги. Каждый полк знал свой стяг. Поднятые на высоком древке стяги указывали направление удара. Знаменосцами назначали самых сильных и мужественных воинов. Падение стяга вызывало панику и часто означало поражение. Поэтому самые отважные бойцы старались добраться до вражеского стяга и подрубить его древко.

На стягах русских полков времен Ивана III обычно вышивали образ Спаса Нерукотворного, архангела Михаила и святых воинов.

И все же ни трубы, ни знамена, ни барабаны не могли превратить трусов в героев. Боевой дух войск – величина очень изменчивая и не поддающаяся точному измерению. Многое зависело от характера войны, от авторитета воевод и главнокомандующего, даже от знамений и предчувствий.

Иностранные наблюдатели часто пытались дать характеристику боевого духа московских войск, стойкости воинов. При всей условности и тенденциозности этих оценок, они заслуживают внимания хотя бы как материал для размышлений.

«При первом столкновении они нападают на врага весьма храбро, но долго не выдерживают, как бы придерживаясь правила: "Бегите или побежим мы"» (5, 114).

«Великое несходство и разнообразие существуют между людьми как в других делах, так и в способах боя. Например, московит, как только пускается в бегство, не помышляет уже ни о каком ином спасении, кроме как бегством; настигнутый и пойманный врагом, он и не защищается, и не просит пощады.

Татарин же, сброшенный с лошади, лишившись всякого оружия, даже тяжело раненный, как правило, отбивается руками, ногами, зубами, вообще пока и как может до последнего вздоха.

Турок, видя, что лишился всякой помощи и надежды на спасение, покорно просит пощады, бросив оружие и протягивая победителю сложенные вместе руки, чтобы тот связал их; сдачей в плен он надеется спасти себе жизнь» (5, 116).

Ядовитые, а во многом и тенденциозные замечания иностранцев не должны закрывать от нас главного. Московская армия той поры – это национальная армия. Даже если считать касимовских татар своего рода «наемниками», то и в этом случае ядром армии

остаются собственно русские воины. Цели, во имя которых они сражались, стоили того, чтобы за них отдать жизнь. В особенности это относится к борьбе на южных и восточных рубежах страны. Вероятно, и литовские походы представлялись московским воинам справедливым и богоугодным делом. Зная, как серьезно относился Иван III к идейной подготовке своих военно-политических акций, можно не сомневаться в том, что и в московском войске велась соответствующая «воспитательная работа».

В летописном рассказе об отражении нашествия хана Ахмата осенью 1480 года сохранился уникальный фрагмент. По характеру он больше всего напоминает «слово» воеводы или пастыря, обращенное к идущим на битву воинам.

«О храбри мужествении сынове рустии! Подщитесь схранити свое отечество, Русскую землю, от поганных, не пощадите своих глав, да не узрять очи ваши распленения и разграбления домов ваших и убьения чад ваших и поруганна над женами и над дочерми вашими...» (48, 201).

ГЛАВА XVIII ИНОК

*Монашеские обеты суть спасение мира,
ими война и моровая язва отвращаются.
Григорий Великий*

Поздней весной 1491 года по лесной дороге, соединявшей Вологду с Кирилло-Белозерским монастырем, шел необычный путник. Это был рослый и широкоплечий инок. На вид ему можно было дать лет тридцать. Его черная борода еще не была тронута инеем седины.

На спине путник нес котомку, в которой умещалось все его нехитрое имущество – молитвенник, краюха хлеба, миска с ложкой, соль в туеске, огниво и трут. За широким кожаным поясом инока был прилажен топор. На другом боку виднелся нож в деревянных ножнах. В руке он держал длинный дорожный посох с рукоятью в виде креста.

За пазухой инок бережно хранил свое главное богатство – грамоту, скрепленную восковой печатью настоятеля Кириллова монастыря. В ней говорилось, что старец Нил благословляет своего духовного сына Иннокентия на «отходное житие» в том месте, где ему Бог укажет (218, 405).

Ученик

Взглянув на покрытого дорожной пылью странствующего монаха, никто не поверил бы, что перед ним – князь Иван Охлябинин (141, 88). По рождению он принадлежал к многочисленному клану ярославских князей. Почти все они к этому времени уже перебрались на московскую службу.

Однако князь Иван избрал для себя иной путь. Приняв монашеский постриг и забыв о родовой гордыне, он много лет провел в послушании у знаменитого своей ученостью старца Нила Сорского. Вместе со старцем он путешествовал к святыням Царь-града и на святую гору Афон. Вместе с ним подвизался в известном суровостью своего устава Кирилловом монастыре. А когда старец Нил, повинувшись небесному зову, покинул обитель и основал свой скит на речке Соре, Иннокентий и здесь не оставил учителя.

Нил Сорский любил ученика и посвящал его в самые сокровенные тайны «монашеского делания». Достигнув «возраста Христа», Иннокентий почувствовал, что настало время ему самому взять в руки пастырский жезл. Однако он гнал прочь эти мысли, памятуя слова древнего подвижника Исаака Сирина:

«Как мечущегося на всех льва, бегай охоты учить» (11, 59).

Должно быть, старец Нил в глубине души хотел, чтобы его любимый ученик стал во

главе собственной обители. Однако он хорошо знал, что истинные монастыри не создаются по прихоти или по указу. Они вырастают из аскетических подвигов и мудрости их основателя. Высокое звание основателя новой общины дается не тому, кто ищет власти и почестей, а тому, кто бежит от них. Возвышение есть плод смирения. Таков был неписанный закон «Святой Руси».

Весной 1491 года Иннокентий ушел из Сорского скита не для основания собственного монастыря, а на поиски полного уединения и «безмолвия». Он хотел встретить приближавшуюся кончину мира с чистой совестью и просветленной душой.

Миновав утопавшую в яблонево цвету Вологду, Иннокентий прошел еще с полсотни верст на юг. Здесь он обрел то, что искал. Перед ним раскинулся знаменитый Комельский лес. Это была почти непроходимая дебрь, тянувшаяся на несколько десятков верст вдоль реки Комелы и по верхним притокам Обноры. Дикость, отсутствие людей привлекали сюда отшельников.

Для поселения Иннокентий избрал северо-восточный Олонов конец Комельского леса. Однообразная болотистая равнина, поросшая лесом, оживлялась здесь лишь извилистой рекой Лежей, притоком Сухоны. Казалось, этот унылый ландшафт создан для скорби и покаяния.

На берегу речушки Еды, левого притока Лежи, Иннокентий срубил свою первую келью. Рядом с ней он поставил избушку-часовню. Все ее убранство состояло из большого четырехконечного креста, глядя на который Иннокентий обращался с мольбами к Спасителю.

Ни бродившие вокруг избушки волки и медведи, ни лихие люди, ни жуткие звуки ночного леса не могли прогнать отшельника с облюбованного им места. Завидев опасность, он смело шел вперед, раскинув руки подобием креста. Его боевым кличем было имя Иисуса Христа. Он знал, что Господь не оставит его в беде.

«Монашеские обеты суть спасение мира...» (127, 64). Эти слова Григория Великого – ключ к пониманию общественно-религиозного значения монашества. Пустынный не только спасал свою душу. Своим подвижничеством он добывал милость Божию для всей Русской земли. Ведь даже ради нескольких праведников Господь обещал пощадить Содом и Го-морру.

Все это знал и комельский отшельник. Знал и неустанно делал свое дело – великое дело спасения мира на путях молитвы и покаяния.

Последний, 7000 год Иннокентий встретил в своей часовне. Он лежал ничком на шершавых плахах пола, крестом раскинув руки. Он молил Господа о прощении. Просил продлить хотя бы ненадолго земное бытие людей, чтобы они успели раскаяться в своих грехах...

Пустынный со слезами любви и благодарности бил поклоны перед пахнущим смолой крестом. И мир продолжал вращаться на своих невидимых осях. И лесная речка Еда все так же невнятно лепетала на быстрине...

Путь совершенства

Отцы церкви говорили, что для каждого благочестивого человека открыты два пути – путь спасения и путь совершенства. Первый путь – для обычных людей. Здесь требуется лишь соблюдение христианских заповедей и выполнение обрядов. Следуя по этому пути, человек «спасает душу» от адского пламени.

Второй путь – для тех, кто решил всего себя отдать на служение Богу. За исполнение этого желания он должен заплатить уходом из мира и отречением от его радостей.

Русское слово «инок» означает «иной», «не похожий на других», «не такой, как все». Оно является переводом греческого слова «монах», смысл которого примерно тот же: «уединившийся», «одинокий»...

Вступая в ряды монахов, человек давал обеты нестяжания, послушания и целомудрия.

Тем самым он добровольно отказывался от возможности приобретать собственность, действовать согласно своей воле, а также подобно всем людям вступать в брак и иметь детей. Через эти ограничения инок стремился максимально приблизиться по образу жизни к самому Спасителю. Ведь согласно Евангелию, Иисус, отправившись проповедовать свое учение, не имел ни семьи, ни собственности и был во всем послушен воле пославшего его Отца.

Помимо этого монах должен был ограничивать себя и во всех других житейских потребностях и прихотях. Ему следовало мало есть и мало спать, проводить все время в трудах и молитвах. Некоторые иноки, «усмиряя плоть», носили под власяницей железные вериги, спали только сидя или же добровольно подставляли спину лесным комарам.

«Всякий человек от риз своих познается», – говорили в ту эпоху. Монахи носили особую одежду – черную мантию и клобук, широкий кожаный пояс и крестообразную перевязь – параманд. Каждая деталь одежды облачения инок символизировала воинские доспехи, а сам он считал себя воином, выступившим на бой с демонами.

Согласно правилам основателей христианского монашества, инок не имел права покидать обитель без разрешения игумена. Женщинам категорически воспрещалось посещать мужские монастыри. Строгий канонист игумен Иосиф Волоцкий отказался впустить в монастырь даже свою родную мать, пришедшую навестить сына.

Встречи монахов с родственниками разрешались, но только в особо отведенном помещении и под присмотром старцев.

Отношение мирян к монахам всегда было довольно противоречивым. При всем разнообразии оттенков, связанных с личным авторитетом и положением инок, русские люди высоко чтили само это звание.

При встрече с монахом полагалось отдавать поклон. Любое благодеяние в отношении отдельного инок или монастыря считалось богоугодным делом.

Однако, выходя из монастыря, монах попадал в невидимое кольцо отчуждения. На него смотрели со страхом и жалостью. От монахов настойчиво требовали строгого соблюдения обетов и аскетического образа жизни. Ведь их слабости и пороки имели не только личное, но и общественное значение. Они могли разгневать Бога гораздо сильнее, чем грехи обычных людей.

Сила отрицательного примера от проступков монахов была очень велика. Ведь согласно известному суждению Иоанна Лествичника, «свет для всех человеков – монашеское житие... Если же свет сей бывает тьма, то она тьма, то есть сущие в мире, кольми паче помрачатся» (60, 181).

Монашество всегда было постоянно действующей «службой жертвенности», убеждавшей весь мир в жизненности и силе христианских идеалов. Не случайно сам институт монашества возник именно тогда, когда закончились времена гонений и христианство стало общепризнанной религией Римской империи. Прежде быть христианином значило обречь себя на гонения, мучения и смерть. Теперь это стало не только безопасным, но и выгодным. Понятно, что среди христиан тотчас появилось множество карьеристов и лицемеров, искавших личного благополучия.

Жившие в IV веке основатели теории и практики христианского монашества Антоний Великий, Василий Великий, Пахомий Великий стремились сохранить в победившей и превратившейся в официальную идеологию религии дух подвижничества. Без этого христианство могло бы превратиться в мертвую букву древних текстов, а Церковь – в прибежище для всякого рода проходимцев.

Укрепляя авторитет Церкви в глазах народа, монашество служило и своего рода «громоотводом» для слишком сильных религиозных чувств. Оно позволяло использовать во благо Церкви энтузиазм благочестия. Незаурядные личности могли реализовывать свое стремление к совершенству на стезе монашеского подвига. Не имея такой возможности, эти > люди скорее всего превратились бы в бунтарей и обличителей социальной несправедливости.

Конкретные формы монашеского подвига были весьма разнообразны. Вот что писал об этом историк В. О. Ключевский: «В Древней Руси различали три вида иноческой жизни: общежитие, житие особое и отходное. Общежительный монастырь – это монашеская община с нераздельным имуществом и общим хозяйством, с одинаковой для всех пищей и одеждой, с распределением монастырских работ между всей братией; ничего не считать своим, но все иметь общее – главное начало общежития. Отходному житию посвящали себя люди, стремившиеся жить в полном пустынном уединении, пощении и молчании; оно считалось высшей ступенью иночества, доступной лишь тем, кто достигал иноческого совершенства в школе общего жития. Особое житие вообще предшествовало монастырскому общежитию и было подготовительной к нему ступенью. Оно было очень распространено в Древней Руси как простейший вид иночества и принимало различные формы. Иногда люди, отрекавшиеся, или помышлявшие отречься от мира, строили себе (кельи у приходского храма, заводи́ли даже игумена как духовного руководителя, но жили отдельными, хозяйствами и без определенного устава. Такой монастырь-«особняк» составлял не братство, а товарищество, объединявшееся соседством, общим храмом, иногда и общим духовником» (161, 245).

Общее житие

В средневековой Руси существовали многие сотни монастырей. Без них не мог обойтись ни один крупный город. Ведь помимо чисто религиозного значения монастырь исполнял целый ряд необходимых общественных функций. Он служил богадельней и ссудной кассой, школой и тюрьмой, крепостью и приютом для умалишенных, привилегированным кладбищем и складом припасов.

Однако всем этим задачам в полной мере соответствовал только общежительный монастырь (по-гречески – киновия). Создание и поддержание такого монастыря было делом сложным и трудоемким. Первый пример настоящего «общего жития» дал русским инокам преподобный Феодосий Печерский (около 1036–1074). За образец он взял общежительный устав константинопольского Студийского монастыря (Студийский устав). Однако со временем и в Киево-Печерском монастыре «общее житие» уступило место более легким порядкам «особного жития».

Возвращение русского монашества на стезю «общего жития» началось лишь во второй половине XIV века. Эту трудную задачу поставил перед собой энергичный и решительный митрополит Алексей (1354–1378). Большую помощь ему оказал преподобный Сергей Радонежский (1314–1392), создавший в безлюдном северо-восточном углу Московского княжества знаменитый впоследствии Троицкий монастырь. Затерянная в лесах обитель преподобного Сергия стала одной из первых в Северо-Восточной Руси подлинных киновий.

Неизвестно, какой именно устав – Студийский или Иерусалимский – был принят во времена Сергия в Троицком монастыре. Впрочем, различия этих уставов касались главным образом распорядка церковных служб. По части дисциплинарной и организационной они мало чем отличались друг от друга.

В основе дисциплинарной части общежительного устава лежали три принципа: равенство, послушание и четкое распределение обязанностей. Равенство обеспечивалось отсутствием у иноков какой-либо собственности и общей трапезой. (При этом за стенами монастыря иноки могли владеть движимым и недвижимым имуществом.) Залогом послушания служили различные формы воздействия игумена на братьев: от отеческого внушения до изгнания из монастыря. Распределение обязанностей определялось продуманной системой служб.

Житие Сергия сообщает о некоторых должностях, установленных в обители после введения «общего жития». Монастырская кладовая, где хранились съестные припасы, была поручена келарю. Другому брату было доверено попечение о старых и больных

иноках; «повар» отвечал за порядок в монастырской кухне («поварне»), «хлебник» – за выпечку хлеба. За правильностью совершения богослужения наблюдал «уставщик». Ему помогали дьячки и пономари. Они зажигали свечи и лампы, наводили порядок в храме, читали на клиросе. Особый монах – «будильник» – отвечал за своевременный подъем иноков по утрам. Помимо этого в киновии обычно существовали и другие «службы» – казначей, «трапезник» (старший в трапезной), «кутник» (разносящий блюда и напитки).

День в монастыре начинался рано. «Будильник» шел к келье игумена и, став под окном, громко произносил: «Благослови и помолись за мя, отче святой». Разбуженный этим возгласом, игумен отвечал изнутри: «Бог спасет тя». После этого «будильник» ударял в малый колокол и шел будить остальных братьев. Вскоре они уже собирались на паперти храма для утренней молитвы.

Вступление в храм совершалось в строго определенном порядке. Все братья выстраивались в шеренгу на паперти. Священники и дьяконы становились впереди. Иерей, которому надлежало совершать в этот день службу, входил в храм первым. Перед ним шествовал чтец с горящей свечой. Священник кадил перед иконами, произносил несколько ритуальных возгласов. Лишь после этого остальные иноки чинно, по порядку входили в церковь с пением псалмов. Все монахи, в том числе и неграмотные, должны были знать Псалтирь наизусть.

После службы монахи переходили в трапезную. Распорядок монастырской трапезы был так же строг и неукоснителен, как и уклад богослужения. В трапезной иноки занимали места за столом в соответствии со своим положением в обители. Сама трапеза была своего рода ритуалом. После краткой молитвы первым начинал есть игумен и только после него – остальные иноки. Кутник, обходя всех, наполнял чаши. С первой чашей все подходили к игумену за благословением. Во время трапезы один из братьев читал вслух жития святых. Разговоры за столом категорически воспрещались.

Обычно иноки имели две ежедневные трапезы – обед и ужин. Во время Великого поста допускалась лишь одна трапеза, а в некоторые дни положено было только «сухоядение». Обед состоял из супа («варева») и каши («сочива»). Мясные блюда полностью исключались из меню иноков. На ужин подавали подогретое «сочиво», оставшееся от обеда. По праздникам монахи имели на трапезе «утешение» – кутью и пироги. Летом на монастырском столе появлялись овощи и фрукты, грибы и ягоды. В определенные дни на трапезе допускалась свежая, соленая, копченая и вяленая рыба.

Остатки трапезы – куски и крошки хлеба – тщательно собирали и выносили за ворота, где их уже ждали нищие. Вообще забота о нищих была одной из главных социальных обязанностей монастыря.

Помимо мужских, существовали и женские монастыри. Они отличались более мягкими уставными нормами. Богослужение в них совершали престарелые священники, жившие за пределами монастыря.

Сладость безмолвия

Монашество имело по меньшей мере три ипостаси: образ жизни, ремесло и призвание. Оно начиналось переходом на строго определенный образ жизни, продолжалось овладением своего рода «профессиональным мастерством» и венчалось прорывом в горный мир. Этот прорыв требовал определенного склада ума и души, иначе говоря – призвания.

Первым признаком монашеского призвания была способность и тяга к одиночеству...

Одиночество – одно из самых сложных и сокровенных состояний человека. Оставим писателям и философам тему духовного одиночества – этой неизбежной кары для людей, поднявшихся над своей средой и эпохой, – и обратимся к одиночеству, так сказать, «материальному», пространственному. Огромное большинство людей бегут от него как от чумы. Оно и понятно. Ведь в тишине уединения сильнее звучат тревожные голоса души.

Слушать их – занятие не из легких. А зачастую – и не из приятных.

Однако для людей, умеющих черпать радость в своей душе и в небесах, нет лучшей доли, чем уход от мира в молчаливое братство монахов.

Для избранных среди избранных путь совершенства пойдет и дальше – к полному одиночеству затерянной в скалах пещеры или ветхой хижины посреди дремучего леса. Там, в глубокой тишине, они достигают заветного безмолвия.

«Когда же чувства заключены безмолвием, не позволяется им устремляться вне, и при помощи безмолвия устареют памятования; тогда увидишь, что такое – естественные помыслы души, что такое – само естество души, и какие сокровища имеет она сокрытыми в себе» (11, 20).

Безмолвие – это, пожалуй, самое сложное и многозначное понятие в лексиконе русского монашества. Оно означает не только тишину вокруг и молчание языка, но и бесстрастие, победу над земными желаниями. Оно есть цель и награда многих лет монашеского подвига. Только достигнув безмолвия, инок услышит небесные голоса и увидит ослепительное сияние Фаворского света.

Блаженство безмолвия доступно лишь посвященным. Для них оно ценнее всех земных блаженств. Ученик преподобного Сергия Радонежского Епифаний Премудрый, рассказывая о юности своего учителя, замечает: «Божественная сладость безмолвия вькусив, и тоя отступите и оставите не хотяше» (30, 314).

И все же ради того, что он считал своим христианским долгом, святой готов был пожертвовать даже «сладостью безмолвия». Многие годы он посвятил благоустройству Троицкой обители. Он деятельно участвовал во многих церковно-политических событиях своего времени. И только за полгода до кончины «великий старец» передал игуменский посох своему ученику Никону, удалился от всех дел и забот и вновь «безмльствовати начят» (30, 402).

Лестница Иакова

В Древней Руси была широко известна библейская история о том, как праотец Иаков, сын Исаака, однажды увидел во сне лестницу, соединявшую небо и землю. По ней спускались и поднимались ангелы (Бытие. 28, 12-13).

Образ небесной лестницы (по-древнерусски – лествицы) использовал в своем знаменитом трактате «Лествица» преподобный Иоанн Синайский (VI век). «Святые добродетели, – говорит он, – подобны лествице Иакова... Добродетели, будучи связаны одна с другою, произволяющего возводят на небо; а страсти, одна другую рождая и одна другою укрепляясь, низвергают в бездну» (60, 94).

«Лествица» Иоанна Синайского (Иоанна Лествичника) с древнейших времен была любимой книгой русских иноков. Ее образы нашли отражение и в живописи. На иконах и фресках монахов часто изображали карабкающимися на небеса по высокой лестнице. Каждого из них пытаются сбросить вниз лохматый черный демон – носитель одной из «страстей».

Все обитатели монастыря не только на иконе, но и в жизни выстраивались по ступенькам двух «лестниц». Первая – лестница духовного совершенства. Восхождение по ней начиналось с первых дней пребывания человека в монастыре.

Поселившись в монастыре, новичок должен был длительное время состоять в звании послушника. Это был своего рода испытательный срок. Послушника отправляли на самые тяжелые работы. Надзор за ним поручался одному из опытных в духовной жизни монахов – старцу. Если испытуемый проявлял смирение и вел себя должным образом, ему разрешали вместо мирской одежды надеть рясу. Так он становился рясофором – носителем рясы. Спустя еще некоторое время соискатель «ангельского чина» удостоивался пострижения «в мантию», то есть становился полноправным монахом.

Дальнейший путь по лестнице духовного совершенства предусматривал лишь одну

ступень – пострижение в «великую схиму». Оно давалось лишь наиболее заслуженным монахам, проявившим особое рвение в борьбе с демонами. Подняться на эту ступень мечтали многие. Великосхимник как бы поднимался над рядовыми обитателями киновии. Он имел право на особый распорядок жизни, который предусматривал больше свободного времени для келейной молитвы. Иногда монахи этого разряда становились полными отшельниками или поселялись с двумя-тремя братьями в скиту близ главного монастыря.

Наряду с лестницей духовного совершенства существовала и лестница должностей, занимаемых монахами в обители или за ее пределами. На нижних ее ступенях находились исполнители однообразных и тяжелых работ – повар, привратник, «будильник», посыльный. Грамотный инок мог подняться выше, став диаконом или священником. Монах, получивший сан священника, именовался иеромонахом, а диакон – иеродиаконом.

Еще выше стояло монастырское начальство – келарь, казначей, эконо́м, екскле́сиарх и наконец сам настоятель. В обителях часто существовал своего рода «верховный совет» – 12 «соборных старцев». В число этих двенадцати входили высшие должностные лица монастыря. «Соборные старцы» решали все вопросы жизни обители. Остальным инокам полагалось безропотно принимать их постановления.

Впрочем, при решении особо важных вопросов настроение рядовых иноков все же учитывалось. Одним из таких вопросов было избрание игумена. В разных монастырях (или даже в одном и том же монастыре, но в разное время) уровень «демократии» в этой ситуации был различным. На выбор кандидата в той или иной мере влияло и пожелание прежнего игумена, и мнение вышестоящих церковных властей – епископа или митрополита.

Игумены наиболее крупных монастырей имели сан архимандрита. Из числа архимандритов и авторитетных игуменов подбирались кандидаты для поставления в сан епископа. Согласно древней традиции, только монахи (как люди, наиболее близкие к Богу) могли быть архиереями Русской православной церкви. Помимо этого, они обычно выступали в роли духовных отцов светской знати – князей и бояр.

Монастыри были наиболее ярким проявлением древнерусской религиозности. С ними связывали надежду на милость Божию к многострадальной Русской земле. Основание новой обители считалось весьма богоугодным делом. При таком взгляде вполне понятно, что в средневековой Руси существовало огромное количество больших и малых монастырей.

Голубое и черное

В палитре русских иконописцев каждый цвет имел одно или даже несколько символических значений. Так, например, багряный означал царственное происхождение и верховную власть. Он также указывал на пролитую кровь мучеников и искупительную жертву Спасителя. Желтоватый, напоминавший серу цвет одежд святых монахов понимали как намек на духовный огонь, который очищает и переплавляет все существо подвижника. Небесно-голубой символизировал принадлежность к горнему миру (212, 433).

В палитре жизни краски перемешивались куда более причудливо, чем на иконе. По выражению одного древнерусского писателя, в монастырях одни «ищут Иисуса», а другие – «хлеба куса». Вторые, надо полагать, всегда имели численное превосходство над первыми. Однако монашество как институт держалось именно на плечах первых. Это были люди особого склада. Собеседники ангелов. Мечтатели, видевшие Бога в каждом восходе и закате, в таинственных узорах звездного неба и в непостижимом порядке муравейника...

Как и всякое подлинное призвание, монашеское призвание таилось уже в генах младенца.

В детстве ребенок узнавал сокровенное значение своего имени, которое часто можно

было истолковать как предсказание. Феодосий Печерский (по-гречески – «Богом данный») был назван так прозорливым священником, угадавшим его особое предназначение. Сергей Радонежский в крещении получил имя Варфоломея в честь одного из двенадцати апостолов.

Автор жития обязательно указывает на какие-то необычайные происшествия, случившиеся со святым в детстве. Небесный избранник изначально находился под опекой высших сил.

«Литературный этикет» не противоречил реальности. Восторженная душа ребенка окружала ореолом тайны и самые обычные события. А разве не случалось в жизни любого из нас событий не вполне объяснимых или даже совсем необъяснимых?

Уходу будущего инока из мира часто способствовало какое-нибудь внешнее обстоятельство: семейное несчастье, наличие родственников или друзей в монашеской среде, наконец просто близость монастыря.

Для людей с живым умом лучшим способом скрасить монотонность монастырской жизни было познание Бога и познание человека, в первую очередь – самого себя.

«Самопознание, – учил Иоанн Лествичник, – есть верное понятие о своем духовном возрасте и неразвлекаемое памятование легчайших своих согрешений» (60, 170). Но что может быть труднее для человека, чем правильно оценить свой «духовный возраст»?

Самопознание было тем «медом», который собирали в свои духовные «соты» многие поколения русских иноков. Однако лишь немногие из них решились изложить свой опыт на бумаге. И среди этих немногих первым был учитель Иннокентия Охлябинина старец Нил Сорский. Перебирая, как четки, мысли святых отцов и древних подвижников, добавляя к ним свои собственные суждения, он создал своего рода трактат об иноческом подвиге.

Одно из одиннадцати «Слов», составляющих «Устав» Нила Сорского, посвящено процессу зарождения и развития греховного желания в сознании человека. Вглядываясь в тайники души, Нил различает несколько ступеней «страсти»: прилог, сочетание, сложение, пленение и страсть.

Победив греховные помыслы, инок открывает свою душу для высших наслаждений. За внешним однообразием монастырского уклада скрывались головокружительные прорывы в область невидимого. Скучность телесной пищи с лихвой возмещалась неизреченной сладостью пищи духовной. Вот как описывает переживания молящегося инока преподобный Исаак Сирий:

«Иное дело – молитвенное услаждение, а иное – молитвенное созерцание. Последнее в такой мере выше первого, в какой совершенный человек выше несовершенного отрока. Иногда стихи делаются сладостными в устах, и стихословие одного стиха в молитве неизменно продолжается, не позволяя переходить к другому стиху; и молящийся не знает насыщения. Иногда же от молитвы рождается некое созерцание, и прерывает оно устную молитву, и молящийся в созерцании изумевает, успenea телом. Такое состояние называем мы молитвенным созерцанием, а не видом и образом, или мечтательным призраком, как говорят несмысленные. И опять, в сем молитвенном созерцании есть мера и различие дарований; и это еще молитва: потому что ум не переступил туда, где нет уже молитвы, в такое состояние, которое выше молитвы. Ибо движения языка и сердца в молитве суть ключи; а что после сего, то уже есть вход в сокровенные клетки. Здесь да умолкнут всякие уста, всякий язык; да умолкнут и сердце – этот распорядитель помыслов, и ум – этот правитель чувств, и мысль – эта быстропарящая и бесстыдная птица, и да прекратится всякое их ухищрение. Здесь да остановятся ищущие; потому что пришел Домовладыка...» (11, 74).

Но озарения всегда были уделом избранных. Расплатой за них служила нестерпимая боль от возвращения к грубой действительности, от столкновения со злобой, невежеством и завистью собратьев. Ведь даже в лучших общежительных монастырях аромат ладана смешивался с духом казармы и зловонием конюшни...

Выходцам из среды знати всегда было гораздо труднее вступить на «путь совершенства» нежели простолюдинам. Во-первых, они сталкивались с дружным сопротивлением родственников, для которых такое решение было ударом по престижу всего рода, по его «карьерному потенциалу». Во-вторых, за монастырской стеной юный аристократ попадал в чуждую ему социально-культурную среду. В лесных монастырях «общего жития» преобладали люди малограмотные и простодушные. Их культурные интересы и бытовые потребности были минимальны. «Старец», которому должен был подчиняться знатный послушник, вполне мог оказаться вчерашним крестьянином или отпущенным на волю холопом.

Такого рода затруднения привели к появлению во второй половине XIV столетия привилегированных общежительных монастырей. Они располагались вблизи городов и представляли собой нечто вроде позднейших гвардейских полков. Состав насельников такого монастыря комплектовался главным образом за счет знати. Естественным «фильтром» для отсева нежелательных элементов служило неписаное правило: при поступлении давать монастырю значительный имущественный или денежный вклад. И хотя великие светильники русского монашества преподобные Феодосии Печерский и Сергей Радонежский осуждали такую практику, она существовала во многих монастырях.

Известно, что, послужив некоторое время солдатом в гвардейском полку, молодой дворянин уходил отсюда в линейный полк уже с офицерским чином. Примерно так же складывалась и судьба многих выдающихся представителей русского монашества XV века, чье происхождение связано с московским правящим классом. Кирилл Белозерский ушел из Симонова монастыря, чтобы со временем основать и возглавить обитель на заволжском севере. Иосиф Санин покинул Пафнутьев Боровский монастырь и после долгих странствий по разным обителям устроил собственный монастырь близ Волоколамска. Нил Майков покинул Кирилло-Белозерский монастырь и положил начало знаменитому Сорскому скиту. Корнилий Комельский начал свой иноческий путь в Кирилло-Белозерском монастыре, но потом отправился странствовать и в конце концов основал свой собственный монастырь на реке Нурме в Комельском лесу.

Знатное происхождение в сочетании с хорошим образованием давали этим людям право на власть. Без этой впитанной с молоком матери уверенности в своем превосходстве они никогда не стали бы руководителями иноческих общин. И даже на последней глубине смирения они оставались господами для окружавших их и беспрекословно повиновавшихся им «простецов».

(К середине XIX века состав иноков в русских обителях становится всецело крестьянско-мещанским. Это обстоятельство создавало большие нравственные затруднения для редких дворян, которые вступали на монашескую стезю. Узнав о намерении своего племянника уйти в монастырь, святитель Игнатий Брянчанинов (1807–1867) советовал брату Петру отправить сына в скит при Оптиной пустыни. Свой совет он объяснял среди прочего и тем, что «в этом скиту живет довольно дворян, под руководством старца, также из дворян, весьма хорошей жизни; занимаются переводом с греческого св. Отцов и изданием их. Вот нравственная сторона: есть уединение и есть духовное общество, свое, благородное, а этого нет ни в одном монастыре русском. Св. Пимен Великий сказал, что всего важнее хорошее общество. И так, что особенно важно в мирском быту для благовоспитанного человека, то остается особенно важным и в монашестве» (245, 690).)

Учитель

Но вернемся к нашему пустыннику – монаху Иннокентию. Прошли годы. Отшельник

стал главою небольшой обители – Иннокентиевой пустыни. По укладу жизни она больше всего напоминала скит Нила Сорского.

На месте первой часовни выросла церковь во имя Спаса Преображения. И теперь уже сам Иннокентий, как некогда его учитель Нил, открывал своим ученикам сокровенные тайны великого искусства спасения души...

Забываясь о благополучии своей пустыни, он написал для нее краткий устав. В нем Иннокентий касается лишь самых «больных» вопросов тогдашнего монашеского обихода.

Игумен хорошо знал, как легко возникают и как долго тлеют обиды в замкнутом монашеском мире. Старые распри всегда разгорались с новой силой после кончины общепризнанного лидера – основателя монастыря. Случалось, что в результате этих конфликтов община распадалась. Именно поэтому Иннокентий прежде всего просит братьев сохранять в обители «духовный мир».

Старец заботится о том, чтобы оградить своих иноков от всякого рода сексуальных «искушений». С этой целью он не допускает пребывания в монастыре мальчиков, женщин и даже животных женского пола. О том же говорил в своем общежительном уставе и знаменитый современник Иннокентия преподобный Иосиф Волоцкий (58, 318). Этого правила издавна придерживались и в скитах (226, 103). На этом же настаивал и учитель Иннокентия Нил Сорский.

Вопрос о мальчиках требовал особой оговорки. Ведь церковные каноны допускали монашеский постриг для отроков начиная с десяти лет (16, 93). Однако совместная жизнь «голоусых» подростков и седобородых «старцев» порождала множество проблем. Один из основателей христианского монашества Василий Великий считал правильным принимать в обитель детей любого возраста, но при этом содержать их в особых помещениях. Только на церковной службе они могли находиться вместе с иноками. По достижении необходимого возраста дети могли принять монашеский постриг. Однако прежде они должны были перед лицом священника подтвердить добровольность своего решения. Если подросшие дети не желали оставаться в монастыре, их следовало беспрепятственно отпустить (71, 131-135).

Указания Василия Великого признавались, но едва ли исполнялись в русских монастырях. Строительство особых детских приютов и их содержание требовало слишком больших затрат. А между тем суровая действительность той эпохи почти ежедневно выбрасывала к воротам монастырей осиротевших и бездомных детей. Христианское милосердие не позволяло прогнать их прочь. В итоге обители были полны «отрочат», искушавших иноков своими «гладкими» лицами. Чаще всего их брали к себе в келью для всяческих услуг монастырские «старцы».

Признавая такое положение недопустимым, церковный Стоглавый собор 1551 года постановил: «А по кельям бы архимариты и игумены и строители и соборные старцы и вся братия молодых ребят-голоусов однолично (ни в коем случае. – Н. Б.) не держали» (67, 321).

Запрет доступа женщин в мужской монастырь был нормой, подтвержденной всеми авторитетами христианского монашества. Однако Иннокентий не случайно вынужден был повторить эту прописную истину. В реальной жизни и здесь все было не так просто. Несколько десятилетий спустя Иван Грозный в своих вопросах Стоглавому собору с горечью констатировал: «А по келиям инде (кое-где. – Н. Б.) небрежно (по недосмотру. – Н. Б.) жонки и девки приходят...» Еще хуже обстояло дело в городских особножительных монастырях: «В нашем царстве на Москве и во всех градах монастыри особые: живет в нем игумен да чернца два или три и где како ся лучило, да тут же в монастыре миряне с женами и с детьми живут...» (67, 269, 276).

Другой «вечной» темой назиданий было пьянство монахов. Следуя традиции Кирилло-Белозерского монастыря, Иннокентий воспрещает иметь в обители хмельные напитки. И здесь он солидарен с Иосифом Волоцким. Вопрос также требовал особого рассуждения, поскольку греческие уставы разрешали подавать несколько чаш разбавленного водой

виноградного вина на монастырской трапезе. Ссылаясь на греков, многие русские обители держали запасы медов, квасов и вин для праздничного «утешения» братии и чествования знатных гостей.

Стоглавый собор 1551 года осуждает пьянство монахов и требует «горячего вина по монастырем не курити (не изготавливать. – Н. Б.) и не пити, и хмельнаго пития пив и медов не держати им». Однако здравый смысл заставил иерархов оставить некоторую лазейку в монастырском «сухом законе». «И пити квасы житные и медвяные, всякие кождо по своим обиходом, а от вин от фрянзских (виноградных. – Н. Б.) не возбраняются: нигде бо несть писано, что не пити вина, но токмо писано, не пити вина в пьянство. А еще где брящут фрянзские вина, то в славу Божию испивают, а не в пьянство» (68, 321). К этому можно добавить лишь одно: дороговизна привезенных из южных стран виноградных вин делала их доступными только для богатых иноков или крупных монастырей.

Причиной конфликтов в монашеской общине часто бывал «квартирный вопрос». Общежительный устав нивелировал имущественное неравенство иноков, но не стирал его полностью. Не имея собственности в стенах монастыря, инок вполне мог обладать ею в миру. Он берег эту собственность как своего рода «страховку» на тот случай, если по какой-то причине вынужден будет покинуть монастырь и переселиться в другую обитель. Изгнанный из монастыря бедняк или бессребреник мог стать вечным скитальцем. Вот почему даже в образцовой киновии, Троице-Сергиевом монастыре, иноки имели движимую и недвижимую собственность. А стало быть, они могли использовать эти средства и для улучшения своих «жилищных условий».

Каждый инок хотел иметь отдельную келью. Иногда он строил ее за свой счет. Получив келью, он тут же принимался за ее благоустройство. В это дело он вкладывал не только душу, но и деньги. Понятно, что, покидая обитель, иноки часто требовали от игумена возврата затраченной ими суммы или хотя бы разрешения продать свою келью другому насельнику монастыря. Однако торг в монастыре был неуместен. Иннокентий настаивает на том, что никаких компенсаций за утраченное имущество уходящий инок требовать не вправе. И здесь он мог сослаться на древние церковные каноны, согласно которым всякое имущество, внесенное в монастырь, уже не подлежит возврату (16, 132).

Некоторые тезисы Иннокентия носят характер личных пожеланий. Так, например, он завещает братьям посвятить церковь, строительство которой предполагалось в монастыре, празднику Третьего обретения главы Иоанна Предтечи. Можно думать, что это желание объяснялось не только особым почтением Иннокентия к «ангелу пустыни» Иоанну Предтече, но и какими-то обстоятельствами биографии комельского подвижника. По-видимому, этот праздник был каким-то образом связан с традицией Ниловой пустыни. Известно, что там над могилой Нила Сорского в 1656–1659 годах был построен каменный собор в честь Третьего обретения главы Иоанна Предтечи (226, 133).

Текст устава Иннокентия Комельского сохранился до наших дней в списке XVI столетия. Приводим его с некоторой адаптацией, разбивая на абзацы и выделяя курсивом ссылки на устав Нила Сорского.

«Завет инок Иннокентия, Се аз убогий инок Иннокентий написал семи сей завет.

Аще кому повелит Бог жити в пустыни сей нашей, прежде всех о сем молю вас. Господа ради поминайте мене грешнаго в святых молитвах своих, и яз вам отцем и братьям нашим земне челом бию.

А еже завещаю вам, чтобы промежу вам брани (ссоры. – Н. Б.) и которы (распри. – Н. Б.) не было. Но молю яже о Христе и мир духовный посреди вас.

А юных и безбородых иноков не приимати ни постригати zde таковых. А мирских юных безбрадных на служение не держати.

А женскому полу всячески в нашу пустыню не входити. И еже безсловесных коих женскаго роду не быти у нас.

Пьянственаго же пития отнюдь не подобает нам держати.

А еже како пребывати в пустыни нашей – о молитве и о пении, како питатися и когда подобает исходити потребы ради во благословено время, и о рукоделии, и о прочем – сия вся вчинена суть в писании господина нашего и учителя моего старца Нила, написано в книге сей от верхней доски. Сего ради аз вскоре претекох и вкратце написах, понеже тамо обрящещи вся благоугодна суть Богови.

О церкви. Живущая наша братия, иноцы в пустыни нашей, аще начнут богоугодно житии и хранити заповеди Божия, и восхошут церковь Божию воздвигнута, – то есть на Божиим благоволением и на их изволении. Аще и благоволит Бог, да будет церкви во имя святаго великаго Иоанна Предтеча, крестителя Господня, Третье обретение честныя его главы, иже месяца мая 25. Сей бо есть великий Иоанн наставник всем иноком и пустынножителем.

А о создании и украшении церковнем написано впреди в словеси написания старца Нила словес, еже есть в книзе сей.

Аще кто брат наш инок поставит себе келию в пустыни нашей, и потом аще отойдет из пустыня сия, – и тех келий не продати ни отдати никому и не купите у него никому. Но владеют теми келиями настоятель и ту живущая братия. Аще ли жь прежде-реченный брат возвратится в пустыню, и убо над теми келиями власти не имать.

Аще ли убо настоятель по совету с братьями вос-хотять продати которому брату избыточные келий – да продадут. И потом аще отъидет из пустыня сия той брат, иже есть купивый келий, не има власти продати или отдати кому те келий, якоже выше написано есть. Но владеють теми келиями настоятель и ту живущая братия. Тако аще возвратится тот брат в пустыню сию, одинаково не имат власти над теми келиями.

Аще убо от братии многия келий поставит или многажды келий купит, и по отхождении и по приходе не имут над теми келиями власти.

Аще восхошет настоятель и братия возвратившемуся брату дати прежнюю бывшую его келию, – то есть на их произволение.

А преставающийся братии от жития сего в сей нашей пустыни келий ни продати ни отдати никому. Настоящий ту живущая братия иноцы на месте сем да не торгуют келиями, ни меняють промежю себя. Но кийждо в своих келиях живет.

О самочинниках. Аще который в пустыни нашей брат наш инок не восхошет управляти свое жителство по божественных заповедех, и по написанию господина нашего и учителя старца Нила, и по сему нашему писмени, но убо самочинием и самовольством восхошет водитися, – такового настоятель и братия да накажут. Аще ли и по наказанию не исправится, сего убо настоятель и братия измещут от пустыня яко плевую от жита безо всякия боязни, по сему нашему завещанию.

Аще той брат в чюство придет и восхошет управлять своя жителство по Бозе и святых отец предании и по писанию господина и учителя моего старца Нила и по сему нашему завету, – сего убо настоятель и братия примут в пустыню сию.

Сия убо аз инок Иннокентий написах, яко да по смерти моей тако творима будет» (84, 14–16).

Далеко не каждый основатель монастыря писал для него особый устав. В этом отношении Иннокентий Комельский был продолжателем традиции Нила Сорского, любившего книги и довольно много написавшего в назидание своим инокам и мирянам. Как правило, основатель ограничивался устным завещанием. Энергия и жизнеспособность монашеской общины зиждились прежде всего на харизматической личности ее основателя. Личный пример, безмолвная проповедь совершенного дела – основной учебник древнерусского монашества.

ГЛАВА XIX ЛЕТОПИСЕЦ

Всякое «было» есть загадка.

Ф. Ницше

Летописи похожи на рухнувшую Вавилонскую башню. В этих развалинах путь к истине (или к ее зыбкому образу) преграждают немыслимые хитросплетения списков и редакций одного и того же первоначального (но, увы, давно потерянного) летописного текста. Но главная проблема заключается в том, что даже если мы понимаем конструкцию этого причудливого сооружения, то мы никогда не можем вполне понять его назначение.

Время в летописи забавляется с историком, как привидение с ночным прохожим. Оно то раздваивается, а то и «растраивается» из-за того, что несколько поколений летописцев пользовались различными календарными системами. Иногда оно и вообще исчезает. И тогда весь год закрывает одна короткая фраза: «Не бысть ничего».

Отсчет реальной, обозримой истории человечества начинается в летописи не с привычного нам Рождества Христова, а на 5508 лет раньше, с таинственного Сотворения мира. Оглядываясь на прошлое, человек чувствовал себя тогда в три раза старше.

«Ничему не удивляйся», – советовал своим ученикам древнегреческий философ Пифагор. Этому совету должен последовать всякий, кто захочет работать с русским летописанием. (Заметим, что и среди самих историков не так-то много желающих всерьез заняться этим кропотливым делом.) Ведь здесь на каждом шагу спотыкаешься о необъяснимые явления. И даже искушенные специалисты, работа которых состоит главным образом в том, чтобы все объяснить и распутать все узлы текста, зачастую вынуждены недоуменно разводить руками.

Один пример. Казалось бы, о чем еще писать благочестивому книжнику-монаху в 7000 году, как не о конце света? Однако ни один тогдашний летописец (насколько мы знаем их труды) не говорит об этом ни полслова.

Но тут, как говорится, и спросить не с кого. Ведь мы не знаем по имени ни одного из летописцев времен Ивана III...

Так кем же были эти люди – создатели русских летописей?

Со времен Карамзина и Пушкина считалось, что летописец, выполняя свой религиозный долг, бесстрастно фиксировал события «с точки зрения вечности». Сто лет спустя ключом к загадке признали суждение филолога А. А. Шахматова: «Рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям; рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы; если летописец был монахом, то тем большую свободу давал он своей пристрастной оценке, когда она совпадала с интересами родной обители...» (275, XVI).

Мнение Шахматова показалось плодотворным. Его взяли на вооружение несколько поколений ученых. Взяли – и, как водится, довели до крайности.

Стоило только летописцу сказать о ком-то доброе слово, как его тотчас уличали в тенденциозности. Смысл его работы стали сводить главным образом к «черному» или «белому пиару». В итоге, на опустевший престол пушкинского Пимена усадили целкопера по прозвищу «Чего изволите?».

Эрозия памяти

От предвзятости летописца открывалась прямая дорога к предвзятости историка. Разумеется, ее скрывали в лесу «малых истин». Однако негласно, «по умолчанию», сознательная или бессознательная предвзятость признавалась неизбежной.

В последние годы отечественные историки открыто заговорили об условности и субъективности наших представлений о прошлом. Выяснилось, например, что летописец создавал сразу две картины: историческую и мифологическую, сотканную из образов Священного Писания. Смешивая их, историк получает заведомо искаженное изображение минувшего. В довершение всего и эту сомнительную реальность, добытую из летописей, историк подгонял под свои собственные представления. «Неосознанная подмена того, «что было на самом деле», образами, которые были порождены этим самым «что было», а также отождествление современных образов с образами людей прошлого – источник химер общественного сознания, основа для пропагандистских трюков самых разных свойств и качеств», – замечает И. Н. Данилевский (124, 6).

Зарубежные историки давно говорят о необходимости анализа самого феномена памяти, которая «приводит прошлое в настоящее, однако окрашивает его в свои особые цвета и оттенки» (268, 15).

Но, признав субъективность исторической памяти, историк тотчас наталкивается на головоломный вопрос: а нет ли в этой субъективности своей неуловимой логики?

Эрозия «канонизированного» прошлого (сопровожаемая обещаниями некоей новой, проникновенной близости с «подлинным» прошлым) оставляет тревожное ощущение возможной «потери памяти». Впрочем, не следует воспринимать все это слишком «эсхатологически». Опыт 1492 года и в этом отношении внушает определенный оптимизм. Прошлое и будущее будут существовать до тех пор, пока существует настоящее. А оно для каждого из нас закончится только тогда, когда будет угодно Богу. Не позже, но и не раньше.

Что же касается новых тенденций в историографии, то они, как всегда, уходят корнями в забытое прошлое. Виток спирали познания вновь вывел на Карамзина. Он не скрывал соучастия историка в создании истории и не требовал ответов на неразрешимые вопросы.

Кому нужна история?

В надежде приблизиться к тайнам летописных витражей попробуем воспользоваться приемом наводящих вопросов. Вот первый из них: кому и зачем нужна история?

Тут, кажется, ответ не за горами. История нужна всем. Но при этом разным «потребителям» нужен разный «сорт» истории.

История нужна правителям. Они ищут в ней свою награду и оправдание. Они сравнивают себя с героями прошлого. Они и сами хотят «войти в историю». С этой целью они строят дворцы и храмы, пишут мудрые законы, благоустраивают свою страну. Желание «войти в историю» бывает столь сильным, что для его утоления безумцы поджигали прекрасные храмы и совершали небывалые преступления. Однако в узде здравого смысла это желание – великий двигатель прогресса.

История нужна простому человеку. Она – его единственное неотъемлемое достояние. Проиграв все, он хранит ее как свой последний козырь в неудавшейся игре с жизнью. Конечно, это его личная, «маленькая» история. Каждый знает, кто его родители, где он жил в детстве, с кем дружил и с кем враждовал. Эти простые сведения, в сущности, очень важны. Они дают нам своего рода «систему координат», пользуясь которой мы ориентируемся в своем личном времени и пространстве. Человек, потерявший память о своем прошлом, подобен животному. Его единственным маяком становится поиск пропитания.

Но маленькому человеку нужна и «большая» история. Трудящиеся, чьи имена, как дорожную пыль, сметает ветер времени, могут утешать себя мыслью о том, что они положили камень в основание пирамиды фараона или триумфальной арки императора.

История нужна народу. Это его память. Народ, не знающий своей истории, теряет чувство собственного достоинства. Он превращается в стадо. И любой ловкий демагог может погнать это стадо, куда ему вздумается.

«Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства», – говорил Пушкин (220, 292). И чем выше поднимается народ в своем развитии, тем сильнее становится интерес и уважение к своей истории.

Впрочем, как мы уже однажды заметили, не следует ждать от яблони апельсинов. Народ не может и, вероятно, не должен знать свою историю во всей ее сложности и незавершенности. Народу нужна не столько сама история, сколько уверенность в том, что она у него есть. И что его история достойна великого народа.

Подведем итоги. История нужна всем, так как она дает каждому его долю бессмертия или, скорее, второй жизни. А в этом нуждаются и народы, и правители, и простые люди...

И здесь мы вновь вернемся к нашему летописцу и... к Пушкину, который, как известно, «наше всё». Со свойственной ему чуткостью к музыке жизни он уловил то, что осталось недоступным для ученых. Он «услышал» тихий голос летописца. И монолог, который он вложил в уста старца Пимена, откроет нам то, чего не откроют десятки ученых книг:

*Еще одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду –
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною –
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погибло невозвратно...*

Теорема Пугачева

С точки зрения осведомленности в отечественной истории, современное российское общество напоминает пирамиду, состоящую из четырех уровней. Это несведущие, приобщенные, увлеченные и посвященные.

Основание пирамиды составляют несведущие. В большинстве своем это люди, которым интересно только то, что приносит им какую-то практическую пользу. Соответственно, истории для них как бы не существует вообще.

Поднимаясь, пирамида по законам геометрии, сужается. Ее второй уровень – приобщенные, то есть все те, кто вынес из школьных лет смутные воспоминания об этом предмете и даже некоторый абстрактный интерес к нему. Они помнят, что истории про

Ивана Грозного, Петра Великого и Емельяна Пугачева были интереснее, чем теорема Пифагора и что на стене висела большая карта Древней Руси с изображением скачущих куда-то наискосок всадников.

Над уровнем всадников, – которые однако же скакали не напрасно, и остались в памяти миллионов повзрослевших школьников как нечто достойное внимания, – поднимается третий ярус. Здесь расположились увлеченные. Это учителя, краеведы, любители исторических романов и биографий. Их отношение к истории более непосредственно и эмоционально, чем у искушенных профессионалов. Они не столько знают, сколько любят «дела давно минувших дней». И этим сильным чувством они увлекают окружающих.

Именно здесь, среди увлеченных, отчетливо проступает экзистенциальное значение истории. Тем, кто достоин, она помогает жить.

Нет, не в том сомнительном смысле политического назидания, который вложен в известную сентенцию: «*Historia est magistra vitae*» – «История - учительница жизни». Антитезис на этот тезис давно известен. «История ничему не учит, потому что дает примеры всего, что угодно», – говорил Поль Валери. И в этом парадоксе французского писателя не меньше убедительности, чем в античном афоризме.

История помогает им жить. Рядом с унылой повседневностью вдруг возникает вторая реальность, наполненная событиями, цветущая подвигами и приключениями. И когда первая жизнь становится невыносимой, они могут просто уйти туда, во вторую комнату. И запереть за собой дверь на ключ...

Над пестрым миром увлеченных сверкающим ледником нависает уровень посвященных. Это – вершина пирамиды. Здесь живут ученые, посвятившие свою жизнь изучению той или иной области истории. Присмотримся к этим людям повнимательнее. Ведь они – душеприказчики нашего мудрого летописца.

Историки

Эта странная профессия родилась не вчера. Первый великий историк Геродот жил в Древней Греции в V веке до нашей эры. Цицерон называл его «отцом истории». Геродот был человеком большого ума и яркого политического темперамента. Известно, что его выслали из родного города Галикарнаса в Малой Азии из-за конфликта с местным правителем. Второй родиной Геродота стали Афины, где он со временем вошел в круг самых знаменитых людей.

Любимым занятием Геродота были путешествия. Его одолевало желание увидеть своими глазами все чудеса света. Он объехал Средиземноморье, побывал на границах далекой Скифии и во внутренних областях Египта. И везде он собирал сведения об истории народов, о великих людях прошлого и настоящего. Свою задачу он видел в том, «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния... не остались в неизвестности» (113, 5).

Одной из главных черт людей незаурядных является соединение в их характере прямо противоположных качеств. Таким был и Геродот. Он обладал редким даром почти детского удивления всему необычному. И в то же время это был искушенный наблюдатель человеческих характеров, знавший цену всему и вся. Он умел одновременно верить – и не верить, понимать – и не понимать...

«Отец истории» давно сам стал историей. Но его беспокойные гены живут в каждом, кто вправе называть себя Историком. Кто же они и чем занимаются сегодня, эти далекие потомки Геродота?

Для большинства людей слово «историк» ассоциируется со школьным учителем историй или, скорее, с учительницей-«историчкой». Карта, указка, очки на носу, несколько занятных рассказов про каких-то древних героев, разрисованные портреты в учебнике, шпаргалки с датами на экзамене...

Однако расхожее представление, как всегда, далеко от истины. Портрет настоящего историка значительно сложнее, чем школьная карикатура.

Историк – это одинокий странник во времени и пространстве. Отсвет давно погасших костров накладывает на его лицо рембрандтовские светотени. Его работа – удел избранных. Он должен обладать аналитическим складом ума, мощной памятью и несокрушимой работоспособностью. Заметим, что почти все выдающиеся историки – мужчины. Иначе говоря, это «мужская профессия».

История как наука сильно отличается от «истории» в школьном смысле этого слова. Историк-профессионал получает информацию непосредственно из подлинных документов – «исторических источников». Работа с источниками требует особой «источниковедческой» подготовки. Историк не просто коллекционирует факты и уточняет детали. Он всегда пытается решить или хотя бы приблизить к решению какую-то крупную научную проблему. Для историка обязателен «проблемный подход». Отдав должное вопросам «кто?», «где?» и «когда?», он все же предпочитает им вопрос «почему?».

Наконец, историк всегда соотносит свое исследование с тем, что уже сделано предшественниками. Иначе говоря, он прежде всего изучает огромную «историографию вопроса».

Люди, профессионально занимающиеся изучением истории, сегодня не принадлежат к элите общества. Жизнь их полна самоограничения. Пользуясь выражением Пушкина, можно сказать, что они «постриглись в историки». Понятно, что при таких условиях историков осталось едва ли не меньше, чем тигров в уссурийской тайге.

Как приходят к истории. Будущий историк обычно с детства любит всякий старый хлам. Он может часами копаться в бабушкином сундуке, увлеченно перебирая пожелтевшие семейные фотографии и забытые письма. Он читает книжки о героях прошлого и заставляет родителей купить ему томик Дрюона. Уже в старшем классе он примазывается к какой-нибудь археологической экспедиции и самозабвенно копается в новгородском гумусе или евпаторийском песке. Потом он всю зиму штудировать пособие по отечественной истории Орлова-Георгиева, а летом с триумфом поступает на исторический факультет хорошего университета.

Студенты-историки отчетливо делятся на «романтиков» и «прагматиков». Первые, ни, мало не заботясь о будущем хлебе насущном, спешат записаться на кафедру археологии, этнографии или Древнего мира. Вторые притираются к каким-нибудь более модным и хлебным специальностям. Романтики со временем могут стать прагматиками, но прагматики романтиками – никогда.

Окончить факультет – еще не значит стать историком. Три четверти выпускников, помахав рукой почтенной alma mater, пойдут работать кто куда. Их одухотворенные лица можно потом увидеть и на думской трибуне, и на телеэкране, и в офисе солидной фирмы, и в чиновничьем кресле. Но это – не историки. Это всего лишь люди, которые окончили исторический факультет. Пройдет пара лет – и они забудут почти все» чему их учили.

Теперь вернемся к той, последней четверти. Ведь на нее вся надежда. Здесь люди, поступившие в аспирантуру для продолжения исторического образования. Перед ними – три года, отведенные для написания кандидатской диссертации. Три года напряженной работы памяти и ума. Три года головокружительных полетов во времени. Три года нищеты и снисходительного сочувствия тех, кто уже обзавелся собственным счетом в банке и новенькой иномаркой.

До финиша доходят далеко не все. Едва ли не половина аспирантов за эти три года куда-то исчезает. Одних уводит заманчивая подработка, незаметно переходящая в работу. Другие вязнут в семейных проблемах. Третьи находят себя слишком умными для бумажной рутин диссертации...

Но вот наконец и долгожданная защита. Совет, букет, банкет...

Все позади. Мы на вершине. Теперь самое время перевести дух и осмотреться...

Как стать историком. Однажды Хемингуэй взялся учить литературному мастерству

юношу, который непременно хотел стать писателем. Для начала мэтр решил посмотреть его первые публикации. Тот долго отказывался их показать.

«Я думал, может быть, это из скромности, пока он не показал мне свою вещь, напечатанную в одной из миннеаполиских газет. Написано это было ужасно. Но многие другие, подумал я, начинали не лучше, а этот юноша так необычайно серьезен, что позволяет надеяться: по-настоящему серьезное отношение к писательскому делу – одно из двух неперемненных условий. Второе, к сожалению, талант» (269, 79).

Талант нужен историку ничуть не меньше, чем писателю. Было бы наивно искать алгебраическую формулу этого таланта. Как, впрочем, и вообще рассуждать на эту тему. Заметим лишь, что, насколько нам известно, талант историка на дороге не валяется и платить за него приходится довольно дорого.

Но что касается «по-настоящему серьезного отношения к делу», – то здесь мы можем сказать нечто более определенное.

Занимаясь своими собственными историческими исследованиями и наблюдая за тем, как работают коллеги, поневоле делаешь некоторые наблюдения, понемногу переходящие в убеждения. И хотя я не слишком привязан к своим убеждениям и уж, конечно, не собираюсь навязывать их другим – я все же надеюсь, что они могут кому-то пригодиться хотя бы как материал для размышлений. А потому – «за дело, господа, за карты...»

Итак, что нужно делать чудаку, желающему стать настоящим историком?

Прежде всего трижды переспросить свой внутренний голос, чтобы избежать роковой ошибки. Убедившись в серьезности своих намерений, надо переходить к делу.

О книгах. Конечно, для начала придется прочесть гору книг. Но ни в коем случае не читайте все, что попадает под руку. Ведь под руку, как и под ногу, обычно попадает далеко не лучшее. А время, потраченное на пустяки, не возвратишь, как неудачную покупку в магазин.

Короче говоря, советую установить на вашей книжной полке строжайшую иерархию. Читайте книги по ранжиру. Начните с «генералитета». В любой области истории есть свои классики, труды которых стали точкой отсчета для всех остальных. Начав с классики, вы ее же и кончите, так как у вас просто не останется времени для прочего.

Научитесь читать книги быстро. На самом деле это не так трудно. Здесь не нужна какая-то особая методика. Важно лишь отметить, что серьезные книги по истории в первом приближении можно разделить на два вида: информационные и научно-исследовательские. В первых вы можете найти массу фактов, изложенных в виде более или менее внятного рассказа; во вторых, – поиск ответа на какой-то довольно узкий научный вопрос.

Информационные книги читайте внимательно, с карандашом в руке. Из них можно почерпнуть сведения, необходимые для всякого начинающего историка. Научно-исследовательские труды лишь на одну десятую состоят из собственных идей автора. Остальные девять десятых – это аргументация (или иллюстрация) выдвинутых положений, изложенная варварским языком специалиста. Проверить прочность этой аргументации может только другой специалист. Не будучи таковым, не ломайте зубы об этот гранит. Разумнее ухватить то новое, что предлагает автор книги. Обычно он говорит об этом в концовках глав и в заключении ко всей книге.

Избегайте профессиональной узости. История, какой ее оставили нам наши великие учителя, – это синтез истории как совокупности фактов и их объяснений, философии как определенного взгляда на жизнь и литературы как способности достойным образом представить свои знания и размышления. А потому старайтесь построить свое чтение таким образом, чтобы равномерно зачерпнуть из этих трех источников.

В творческом соревновании историков часто выигрывает тот, кто знает нечто такое, чего не знают другие. Поэтому не бойтесь тратить время на изучение того, что не имеет прямого отношения к вашему ремеслу. Бывает так, что ключом к какой-нибудь исторической загадке вдруг станет биология или астрономия, химия или математика.

Не торопитесь братья за источник. Конечно, это наш краеугольный камень. Однако об него не долго и споткнуться. Серьезная работа с ним требует глубоких знаний. И прежде всего следует ясно представлять, что, собственно, мы ищем в этом источнике. Или, иначе говоря, в чем состоит проблема. А это знание приходит лишь после основательной проработки историографии.

О людях. История – это прежде всего деятельность преследующего свои цели человека. Кажется, об этом говорил еще Карл Маркс. И с этим не поспоришь. Таким образом, чтобы понять историю, надо прежде понять человека. Задача неподъемная и для титана мысли. Поэтому опустим планку и скажем так: историк должен понять кое-что в человеке.

Конечно, древние люди значительно отличались от нас по мотивации своих поступков. Эти различия определялись характером того общества, в котором они жили. К тому же они знали о мире гораздо меньше нас. И это тоже сказывалось на их поведении. Ведь известно, что чем больше мы знаем, тем меньше действуем...

В их поведении порой отчетливо звучат возвышенные мотивы – вера, надежда, любовь... А рядом с ними – алчность, тщеславие, зависть и многое другое, вполне современное. Ну и, конечно, вечные инстинкты – самосохранение, продолжение рода, властолюбие. Все это переплетается самым причудливым образом и создает уникальный рисунок характера. И прошлое здесь почти неотличимо от настоящего.

«Есть только одна наука о людях во времени, – говорит Марк Блок, – наука, в которой надо непрестанно связывать изучение мертвых с изучением живых» (94, 29). Поэтому попытайтесь хотя бы отчасти понять то общество, в котором вы живете. Наблюдайте людей. Вызывайте их на разговор. Старайтесь выяснить мотивы их поведения. Преодолейте в себе желание учить – эту профессиональную болезнь историков. Слушайте не только исповедь интересных людей, но и болтовню рыночных торговцев. Не зря же Пушкин советовал учиться русскому языку у церковных просвирен.

Сопоставляйте свои собственные характеристики людей с литературными образами.

Ваши наблюдения – это своего рода прикладная психология. Поэтому нырните в научную литературу по психологии. Возможно, она вам кое-что разъяснит.

Когда вы научитесь слушать людей, вы постепенно начнете их понимать. А там, глядишь, вы и полюбите их со всеми их причудами и мелкими грехами. Пусть даже той специфической любовью, которой натуралист любит своих букашек и бабочек.

Доброжелательный интерес к людям – это для историка условие, «*sine qua non*» – без которого нельзя. Иначе вы навсегда останетесь служителями плоской фактологии.

Не нужно бояться слова «патриотизм». Пусть его боятся другие. Историк России по роду своей деятельности не может не быть патриотом. «Чтобы человек имел охоту заниматься русской историей, нужно было, чтобы он любил самую Россию», – заметил однажды историк Русской церкви Е. Е. Голубинский (115, 350).

Историк, не любящий свою страну, – это какой-то мутант, ошибка природы.

О стране. Любить Россию – дело довольно сложное, особенно для человека, который не без основания полагает, что он дает стране гораздо больше, чем она ему. Поэтому попробуем для начала хотя бы примириться с ней. Хотя бы понять ее трудности. И поблагодарить за то, что, несмотря на все эти трудности, она все же сумела нам кое-что дать.

Историк должен много ездить по стране. Ему необходимо видеть ее исторические места, ее музеи и архитектурные памятники. Он должен хорошенько протрястись по ее разбитым дорогам. Он должен помнить ее звуки и запахи. Он должен пить воду из ее родников и гладить ладонью ее старые стены.

Собирайте и рассматривайте географические карты. Ведь это – образ страны. Обвешайте ими все стены своего кабинета. Скоро вы почувствуете их странный магнетизм. Карты смотрят на вас пристальным взглядом степного волка.

Но не бойтесь этой магии. Начертите на картах пройденные вами дороги. А главное –

высматривайте места, которые стоит посетить. Ведь даже и названия порою так заманчивы. Каргополь, Няндомы, Чарозеро...

Путешествуя по России, не огорчайтесь, если однажды заметите, что люди не понимают цели ваших странствий и смотрят на вас с подозрением. Учтите, что для обывателя историк – это что-то совершенно потустороннее. Когда вы назовете ему свою профессию, он придет в замешательство, не зная, завидовать вам или сочувствовать. Иные будут принимать вас за обманщика, другие – за блаженного. Пусть так. Не рассыпайтесь в объяснениях перед болванами. Иначе вам придется потратить на объяснения всю свою жизнь. Думайте о том, что придет время, когда в кругу друзей вы вдоволь посмеетесь над их самодовольством.

И вот еще что. Никогда и никому не завидуйте. Помните, что вы – избранные. Вы обладаете такими способностями, по сравнению с которыми способность делать деньги (не говоря уже о прочих сомнительных талантах) выглядит детской забавой. Но не пытайтесь это кому-то доказать. Это недоказуемо. Кто понимает – понимает. А кто не понимает – едва ли когда-нибудь поймет.

Старайтесь как можно меньше походить на тех неповоротливых туристов с фотоаппаратами на животе, которых, словно стадо гусей, гоняют от памятника к памятнику охрипшие экскурсоводы. Исторiku необходимо жить среди народа. Скажем более. Ему следует хотя бы некоторое время пожить той жизнью, которой живет народ. Он должен знать вкус последней корки хлеба и цену последнего рубля! Без этого он так и останется вечным «туристом» в своей стране.

Любые комплексы губительны. Особенно – комплексы национальные. Русские, как известно, весьма Подвержены этой болезни. Они попеременно (а то и одновременно) грешат то наивным высокомерием, а то постыдным унижением перед Западом. Все это – детские болезни. Лекарства от них известны: Хорошее воспитание и образование, путешествия и чувство юмора.

Взрослому негоже болеть детскими болезнями. Поэтому при первой же возможности поезжайте за границу. Надеюсь, вы не так глупы, чтобы мечтать остаться там навсегда. Вы просто едете посмотреть мир. Вам самое время взглянуть на классическую Европу, амбициозную Америку, проснувшуюся Азию. Все это очень важно для профессионального роста историка. Ведь нашу русскую жизнь со всеми ее достоинствами и недостатками мы лучше понимаем, поглядев издалека.

О самодовольстве. Эта болезнь не различает степеней и званий. Самодовольный академик мало чем отличается от самодовольного лавочника. Печать самодовольства на челе неизгладима, как следы оспы.

Первый симптом этой болезни у историка – уверенность в том, что истина трепещет, как пойманная муха, в паутинных сетях его гипотез.

А между тем понятие истины в истории вообще весьма условно. И чем глубже в прошлое – тем очевиднее эта условность. Поэтому историк, ответственно относящийся к своим словам, никогда не скажет: «Я знаю, как это было на самом деле». Он скажет: «Основываясь на своем опыте и своих знаниях, я представляю себе это дело следующим образом... Как говорят художники, «я так вижу». Но это вовсе не значит, что другой не может увидеть все это совершенно по-другому...»

Самодовольство приводит к печальным последствиям. Недавно один уважаемый историк объявил войну другому не менее уважаемому историку. Он выпустил в коллегу целый колчан бумажных стрел. Он упрекнул его во всех грехах, какие только могут быть у научного работника. В азарте наступления он едва не дошел до прямых оскорблений...

Всегда найдутся любители поглазеть на драку: «Как он его отделал! Ну а что же тот теперь ему ответит? Аи да потеха...» Однако все это довольно грустно. Ведь если нас так мало, то нам, пожалуй, стоило бы побереечь друг друга...

А если вникнуть в суть обвинений, то сразу всплывает в памяти евангельское присловие: «врачу, исцелися сам...». Первый историк уличал второго главным образом в

тех методах и приемах, в тех передержках, которыми полны и его собственные работы. Таковы общеизвестные, но обычно умалчиваемые условности жанра. Вышка, с которой он «расстреливал» своего коллегу, – это лишь его собственное мнение о тех или иных предметах. Мнение, возведенное в абсолютную истину.

«Есть все основания утверждать, – говорит Монтень, – что невежество бывает двоякого рода: одно, безграмотное, предшествует науке; другое, чванное, следует за нею. Этот второй род невежества так же создается и порождается наукой, как первый разрушается и уничтожается ею» (188, 397).

И да сохранит вас Бог от этих двух родов невежества...

О кладбищах. Не следует, конечно, спешить на кладбище. Это вовсе не то место, куда следует спешить. Однако историку полезно по временам захаживать туда своей неторопливой походкой. Ведь история – это в некотором смысле одно огромное кладбище. Историк имеет дело почти исключительно с мертвыми. Поэтому он должен поддерживать с ними хорошие отношения. Он должен понимать их проблемы...

Нет зрелища печальнее и вместе с тем поучительнее, чем этот бесконечный ряд могил. Одни отмечены камнем с надписью, другие – ржавым крестом, третьи – лишь оплывшим от времени холмиком земли. На кладбищах не только иерархия памятников, но также иерархия мест. Одно дело – центральная аллея или площадка у ворот, и совсем другое – дальний угол у самого забора.

Оно и понятно. Ведь это еще Земля. А Земля не может обойтись без иерархии. Впрочем, говорят, она есть и на Небе...

Но оставим поверхностные наблюдения и обратимся к сути. Надгробия, портреты, имена... Куда же делись все эти люди? Они умерли... Да, это верно. Они умерли. Но что значит: умерли? Станный вопрос. Умерли – это значит, что их больше нет. Их нет, и уже не будет никогда. Понятно. Но кто объяснит мне смысл этих коротких слов «нет» и «никогда»?

Историк обречен на дружбу с «никогда». Это его крест, его тайные вериги. Оно издевательски подмигивает ему с портретов великих людей. Оно трется о его ноги, когда он сидит в кафе. Оно черным котом мурлычет на его письменном столе.

Не прогоняйте этого кота. Он все равно не уйдет. Если, конечно, вы родились историком...

О вежливости. Вежливость есть признак хорошего воспитания.

В исторических трудах вежливость необходима не меньше, чем в жизни. Она имеет здесь несколько видов. Есть вежливость по отношению к читателям и вежливость по отношению к коллегам. Есть также вежливость по отношению к героям прошлого. С нее мы и начнем.

Еще Аристотель сформулировал простую истину: «Чтобы уметь судить о деле, нужно самому уметь его делать» (83, 263). Ни один из историков не управлял государством и не выигрывал сражений, не строил флот и не пахал землю. Однако историки охотно рассуждают на все эти и на многие другие темы. Более того. Они обожают давать советы.

Возможно, в этой склонности проявляется какая-то тайная ущербность самого историка, его личный комплекс неполноценности. Но как бы там ни было, такая тенденция совершенно недопустима. Не объясняйте Дмитрию Донскому, каким путем ему лучше было бы пройти на Куликово поле. Не упрекайте Ивана III в том, что он послал на Угру своего сына, а сам остался в Москве. Поверьте, он не меньше вас был заинтересован в освобождении Руси от татаро-монгольского ига. И вообще, не забывайте очевидную истину. Они – хозяева в истории, а мы – всего лишь их гости. Они действовали, а мы – изучаем их действия. Герои – они. Ведь «героизм, – говорит Карлейль, – это прежде всего доблесть, отвага и способность делать» (152, 177).

И еще одно. Герои прошлого, в отличие от тех, кто изучает их деяния, «играли вслепую». Они не знали результатов своих действий. Не знали и не могли знать. Ведь результат, как ближний, так и дальний, определяется таким количеством «переменных» и

«неизвестных», учесть которое не сможет даже целый институт.

Другое, также весьма распространенное проявление невежливости по отношению к деятелям прошлому – это стремление объяснять их поступки прежде всего низменными мотивами. Конечно, мотивы – это вопрос практически неразрешимый. Ведь мы и сами порой не можем дать себе ясный отчет в мотивах своего поступка. Однако здесь полезно вспомнить суждение нашего великого историка С. М. Соловьева: «Мы считаем непозволительным для историка приписывать историческому лицу побуждения именно не нравственные, когда на это нет никаких доказательств» (248, 198).

Теперь о вежливости по отношению к коллегам. Мы назвали бы ее «научной вежливостью». Она есть результат хорошего образования и состоит в некоторых простых правилах. Вот наиболее важные из них.

Сноски, сноски и еще раз сноски... Гирлянды сносок под каждой страницей. К этому следует приучить себя уже на первом курсе. Делая выписки из литературы или из источников, не забывайте везде пометить «выходные данные» и номер страницы. Конечно, это довольно скучное занятие. Но это первое требование научной вежливости. И первый признак профессионального подхода. Утешайте себя тем, что со временем вы сможете забыть об этом. Ведь мэтры не делают сносок...

Высказывая какую-то идею, не забудьте дать ссылку на того автора, который высказал ее раньше вас. Учтите, что новые идеи в исторической науке крайне редки. И если вам показалось, что вы набрали на блестящую мысль, – нужно поскорее окатить свою разгоряченную голову холодным ковшом историографии. Ведь если вы не сделаете этого сами, вам непременно помогут другие. И при этом еще обвинят вас в сознательном плагиате.

Научитесь отличать научные публикации источников от всякого рода публицистики и беллетристики. Работайте только с первыми, причем старайтесь ссылаться на новейшее издание.

В науке принято говорить на профессиональном языке. Он сух и малопонятен для непосвященных. К тому же он откровенно враждебен языку Пушкина и Тургенева. Однако отнеситесь к нему как к иностранному, и тогда вам будет проще сладить с ним. А этого непременно нужно добиться. Ведь прежде чем вы станете мастером, вам некоторое время придется побыть подмастерьем. Так что поскорее научитесь соблюдать суровые законы цеха.

Когда вы пишете для узкого круга посвященных и хотите добиться их одобрения, – обратите внимание на тон. Найдите правильное соотношение между почтительностью скромного ученика – и дерзостью молодого гения. И то и другое необходимо. Все дело в правильной пропорции.

О словах. Со времен обличительной «гласности» история перестала быть священным догматом и стала рыночным товаром. Хотим мы этого или нет, но дело обстоит именно так.

Догмату положено быть темным и устрашающим, а товару – ярким и привлекательным.

Сегодня произведения историков должны соответствовать законам рынка. Не следует, конечно, понимать все это слишком упрощенно и сетовать, будто нас заставляют торговать своей наукой и своими убеждениями. Желających торговать этим товаром всегда было более чем достаточно, и принуждать их к этому не было никакой необходимости. А в наше время на этом рынке наблюдается скорее отсутствие спроса, чем отсутствие предложения.

Соответствие, о котором я говорю, состоит главным образом в том, что историки должны подумать о читателях своих произведений. Конечно, есть узкий круг посвященных, где вас прочтут хотя бы для того, чтобы обругать. Но если вы претендуете на большее, – вам следует подумать о стиле. Необходимо научиться писать так, чтобы ваши тексты были не только умны, но и, так сказать, «хорошо одеты».

Умение писать – это восхождение, которым люди занимаются всю жизнь. Понятно, что немногие доходят до вершин. Однако каждый должен идти, пока хватит сил, и дойти до тех высот, до коих его допустит Бог.

С чего начать? С простого. Вдумывайтесь в каждое слово, улавливайте его смысловые и звуковые оттенки. Слова должны играть в тексте свою негромкую мелодию. Но именно мелодия и завораживает читателя, как дудочка факира.

Об интонации. Найдите правильную интонацию. Речь идет об интонации рассказчика. Пожалуй, это еще труднее, чем найти необходимые слова.

Интонация историка – это его суть, его отношение к истории. Подделать ее крайне трудно. Ошибки в интонации выдают иностранца даже тогда, когда все слова произнесены правильно.

Садясь за работу, историк должен настроить себя так же тщательно, как настройщик настраивает инструмент перед концертом. Он должен сказать себе примерно следующее. «Мы глубоко чтим прошлое. Но мы не падаем ниц перед ним. Мы говорим о нем, как дети о родителях. Ведь это наше прошлое. Сегодня оно принадлежит нам, а завтра мы будем принадлежать ему...»

И все же дух высокомерия гораздо чаще овладевает историком, чем дух самоуничтожения. И на то есть свои причины. Старая мудрость гласит: «Для камердинера нет великого человека». Историки – камердинеры истории. Они видят прошлое вблизи и, так сказать, «без галстука». Все это располагает к некоторому высокомерию, а точнее говоря, – к обывательскому скепсису.

Однако скептическое расположение ума в данном случае недопустимо. Напротив. Мы должны до некоторой степени уподобиться священнику перед литургией. Входя в историю, мысленно совлечем свои будничные одежды и облачимся в особые, священнические одеяния. Оставим за порогом суетные мысли и суетные движения. Мы – в храме, на амвоне. Внизу мы видим лица людей, собравшихся на таинство причащения временем. А сверху на нас безмолвно взирают все сто веков человечества. Так будем же достойны своего положения...

Где научиться всему этому? Боюсь, что не на факультете.

О старых мастерах. Читайте старых мастеров. Учитесь у них. Они владели искусством рассказа. Конечно, они приспособливали свой рассказ к литературным вкусам, настроениям и убеждениям слушателей. Карамзин был сентиментален, Соловьев многоречив, а Ключевский ядовит. Но это было именно то, чего от них ждали, что принесло им славу. Попробуйте понять, чего сегодня ждет от вас читатель или слушатель. Попробуйте предложить ему то, что он хочет. Но при этом не будьте слишком расчетливы. Это может погубить все дело. Оставьте место для куража. Читатель это тоже любит.

Короче говоря, пишите для себя, но не забывайте, что вы на сцене.

Ни в коем случае не замыкайтесь на своем, на русском. Не забывайте, что российская историографии всегда была ветвью европейской исторической науки. Там корни – здесь плоды. Идите на выучку к старым мастерам, и в первую очередь – мастерам стиля. Читайте как можно внимательнее Мишле и Карлейля, Тэна и Ренана. Переписывайте в свою тетрадь лучшие пассажи из их произведений. Копируйте. Ведь именно так поступают начинающие художники, чтобы понять секреты кисти старых мастеров.

От историков, если позволит время, перейдите к писателям. Учитесь у них искусству письма. Но никогда не забывайте о тонкой грани, отделяющей историю от литературы.

Доискивайтесь корней. Это занятие придает уверенности. И у наших учителей были свои учителя. Добравшись до них, вы увидите, например, как сквозь неповторимые тексты Карлейля просвечивают блаженный Августин и Марк Аврелий, Монтень и Паскаль.

О самом себе. Наука – это прежде всего систематизация. А коли так, попробуем, коллеги, для начала систематизировать самих себя. Кто мы? Зачем мы пришли с нашими лопатами на это старое кладбище?

Есть люди, которые стали историками для того, чтобы собирать информацию. Это их призвание. По сути дела, они коллекционеры. И как любой настоящий коллекционер, такой историк находит счастье в самом процессе пополнения своей коллекции.

Есть люди, которых сделала историками страсть к решению интеллектуальных головоломок. История предоставляет им неограниченные возможности для удовлетворения этой страсти.

Есть люди, которые стали историками потому, что им не хватило духу стать революционерами. Ведь что ни говори, а уход в историю – это еще и протест против современности. Это побег. Если, конечно, «беглеца» не, отправили туда для выполнения особого задания...

Уйти в другую эпоху, в другое общество – и чем дальше, тем лучше – это наш вызов, который мы бросаем самодовольной современности.

Понятно, что ни один из этих типов историков не существует в чистом виде. И каждый живой историк – это сочетание «коллекционера», «интеллектуала» и «революционера» в той или иной пропорции. Но именно эта пропорция в конечном счете и определяет итог.

Конечно, есть еще немало людей, которые стали историками по недоразумению. Можно сказать, что они приплыли сюда по течению обстоятельств. Они охотно уплыли бы отсюда куда-нибудь еще. Но ниже по течению – одни омуты. А выгребать против течения они не умеют.

Жаль, что пароходы по реке обстоятельств уже лет пятнадцать как не ходят...

О поросенке. Еще немного – и я закончу свои наизидания. Но напоследок мне хотелось бы вернуться к тому, что кажется мне главным в профессии историка и что, признаюсь, уже давно не дает мне покоя – к великой тайне времени.

В самой основе нашей профессии лежит некая условность или, скорее, двусмысленность. Историк изучает историю. Но что такое история? Это исчезнувшая жизнь. Она отличается от жизни живой, существующей, только тем, что та уже исчезла, а эта еще нет. Стало быть, можно сказать, что историк изучает жизнь. Но как вы отнесетесь к взрослому, серьезному человеку, который скажет, что его профессия – изучение жизни?

Другая двусмысленность заключается в том, что история – это то, что, по-видимому, было, но чего сейчас уже нет. Таким образом, историк изучает то, что не существует. Он подобен человеку, который, энергично орудуя ножом и вилкой, плотоядно причмокивая, разделяет жареного поросенка... на пустом блюде.

Да-да, он счастлив и доволен собой. Он вполне уверен, что перед ним на блюде благоухает роскошный обед. Он так твердо внушил себе эту идею, что явственно видит поросенка там, где трезвый взгляд не найдет ничего, кроме дулевского фарфора. В сущности, бедняга не совсем нормален. Его рассудком владеет галлюцинация.

Не станем разубеждать убежденного. Однако иллюзии пагубны. И рано или поздно за них приходится дорого платить. Поэтому предложим тем, кто только начинает всерьез заниматься историей, присягнуть на двух простых истинах. Одна из них – «все было». Вторая – «все прошло».

Блюдо пусто – и с этим надо примириться. Но не бросайтесь же в другую крайность. Не сомневайтесь: там действительно лежал когда-то дымящийся жареный поросенок.

Впрочем, не бойтесь своих сомнений в достоверности прошлого. Когда эта странная мысль впервые придет к вам – не спешите подставлять голову под холодную воду. Вы просто перешли из средней школы истории в высшую.

О вещах. При нашей профессии нельзя не верить в прошлое. Однако сомнения неизбежны. И вот в такие сумеречные дни вам самое время наведаться в приют одиноких вещей.

Вот каменный топор лохматого человека, а вот ржавый замок из Замоскворечья; вот татарская стрела, а вот сапог, в котором его хозяин ходил, быть может, на Казань...

Все эти вещи когда-то имели владельца. Они были по-своему привязаны к нему и благодарны за то, что он взял их в свою жизнь. Благодаря ему, они перестали быть

бесконечно одинокими, как одинока всякая не тронутая человеком материя во Вселенной.

Но настал день, когда они потеряли хозяина и остались висеть где-то посередине между миром мертвой материи и миром людей. И люди сжалились над ними и определили их в приют одиноких вещей.

Достаньте любую вещь из-под земли, как это делают археологи, или просто приласкайте ее взглядом сквозь стекло музейной витрины – и она не останется в долгу. Она расскажет вам то, чего не знает ни один учебник. А главное, она подтвердит под присягой, что прошлое действительно было.

Итак, подружитесь с осиротевшими вещами. Они – народ благодарный...

Давным-давно кто-то принес к нам на кафедру пучок засушенных цветов и трав. Его поставили в вазу и поместили посреди длинного стола, за которым мы сидим на наших заседаниях. Так и стоит он там уже много лет, не старея и не молодея. И в этих окостеневших растениях природа как бы дает нам свое наизидание. Лучшее, что может сделать история, это сохранить неповторимую форму прежней жизни. Но ее сок, ее вкус и аромат уже исчезли. Все это нам может дать лишь та мимолетная жизнь, которая шелестит весенней листвой за пыльными окнами наших кабинетов.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ КРУГ ЖИЗНИ

ГЛАВА XX ДВА КАЛЕНДАРЯ

*Прекращение – не что иное, как превращение.
Марк Аврелий*

В безмерности потока времени человек всегда ощущал великую и грозную тайну. Только разделив этот поток на некие условные части, можно было свыкнуться с ним. Тот, кто первым придумал это деление, по праву может быть назван благодетелем человечества. В средневековой Руси это благодеяние, естественно, приписывали Богу. При этом книжники часто ссылались на апокрифическую Книгу Еноха – библейского праотца, взятого живым на небо. Вот как рассуждал об этом в одном из своих посланий новгородский архиепископ Геннадий (1484-1504):

«Якоже писал есть Енох праведный: "Преж даже вся не быша постави Бог века творного и потом сътвори всю тварь видимую и невидимую и по всем том създа человека в образ свой. И тогда раздели бо век человека ради на времена, и на лета, и на месяцы, и на дни, и на часы, – и да разумеет человек времен премену и четет своя жизни конець"» (147, 390).

«Толко то и дано разумети, что коемуждо человеку знати своя жизни конець – сиречь колко лет жил и котораго лета преставися», – заключает Геннадий, подводя читателя к выводу о невозможности для смертного вычислить время конца света.

Русского человека никогда не смущала некоторая неопределенность сроков, понятия и представлений. Напротив, в ней он чувствовал себя как рыба в воде. Возможно, неопределенность, открывавшая простор для интуиции и произвола, отвечала его подсознательной потребности в свободе выбора.

Мягкой расплывчатостью отличались и древнерусские представления о времени. В повседневной жизни XIV–XV веков удивительным образом совмещались две годовые системы – мартовская и сентябрьская (43, 285). Впрочем, в летописях этого времени с ними мирно уживалась еще и третья – «ультрамартовская».

Не будучи вполне уверенным в том, какое «лето» нынче на дворе, наш беззаботный

предок не особо интересовался и точными границами времен года. Во всяком случае, его представления на сей счет существенно отличались от наших. «По древнерусским представлениям о временах года, осенью считалось время с 24 сентября по 25 декабря», – утверждает один современный исследователь (169, 128). «Пределы времен года на Руси были крайне неопределенны еще в период формирования многонационального русского государства», – полагает другой (273, 15).

Второе мнение кажется более убедительным. Действительно, в летописных известиях времен Ивана III можно найти примеры самых широких толкований времен года. «Тоя же зимы, декабря в 7 день...», «Той же зимы, месяца ноября 21...», «Тоя же зимы, марта в 15...», «тоя же весны, июня в 11...», «тоя же осени, декабря...» и даже «тоя же весны, месяца июля в 5...» (44, 206, 211; 41, 212, 221; 49, 329). «Весной» считали время и ранее 25 марта: «Тоя же весны, месяца марта в 23...» (41, 212).

Текучим было и время суток. Часы дня и ночи отсчитывали по солнцу: от рассвета или заката. Соответственно, такое понятие, как, например, «в третьем часу ночи», передвигалось вместе со временем заката.

Не интересуясь точным определением времени, русский крестьянин внимательно следил за природой, за ее изменениями в соответствии с движением годового круга. Здесь он расставлял своего рода «вехи» – памятные дни, названные именами святых. За долгие века русский крестьянин научился жить в согласии с окружающей его прихотливой природой Северо-Восточной Руси, подчинил ей весь уклад своей незатейливой жизни.

Весна

Первые теплые лучи весеннего солнца пробуждали земледельца от зимней задумчивости. Примечательно, что по древнему восточнославянскому календарю год начинался одновременно с весной – 1 марта. И хотя Русская православная церковь в конце XV века уже твердо следовала византийской традиции, согласно которой год начинался 1 сентября, в народе больше придерживались древней, природной периодизации. Так возникло своеобразное сочетание аграрного и церковного календарей, определившее конкретное восприятие времени древнерусским человеком. Церковные праздники, совпадавшие с ключевыми моментами аграрного цикла, обретали двойное значение. Их отмечали с особым энтузиазмом, сопровождая различными полужыческими обрядами. Даже канонические имена святых переименовывали на свой лад и сопровождали забавными прозвищами: Герасим Грачевник, Матрона Настовица, Мартын Лисогон, Ирина Рассадница.

Впрочем, отношения между церковным и аграрным календарями были полны противоречий. Церковный календарь предусматривал многодневные (Великий, Петровский, Успенский, Рождественский) и однодневные (например, в среду и пятницу каждой недели) посты. В эти дни Церковь запрещала празднества и веселье. Православные должны были скорбеть о своих грехах и воздерживаться от «скромной» пищи.

С другой стороны, в церковном календаре существовал целый ряд дней (воскресенье, «двунадесятые праздники»), когда христиане не должны были работать.

Различия двух календарей постоянно порождали «конфликтные ситуации». В то время как аграрный календарь указывал на «веселье», церковный предписывал скорбь. В те горячие деньки, когда крестьянин должен был работать с утра до вечера, ему было не до праздничного застолья и безделья. Последнее противоречие на Руси обычно разрешали в ущерб «духовному». Проще говоря, при необходимости в праздники работали, как и в обычные дни. Это обстоятельство отметил еще Герберштейн.

«Именитые мужи чтут праздничные дни тем, что по окончании богослужения устроят пиршество и пьянство и облачаются в более нарядное одеяние, а простой народ, слуги и рабы по большей части работают, говоря, что праздничать и воздерживаться от

работы – дело господское. Граждане и ремесленники присутствуют на богослужении, по окончании которого возвращаются к работе, считая, что заняться работой более богоугодно, чем попусту растрачивать достаток и время на питье, игру и тому подобные дела. Человеку простого звания воспрещены напитки: пиво и мед, но все же им позволено пить в некоторые особо торжественные дни, как, например, Рождество Господне, праздник Пасхи, Пятидесятница и некоторые другие, в которые они воздерживаются от работы, конечно, не из набожности, а скорее для пьянства» (5, 103).

Даже главный Богородичный праздник – Успение – для некоторых был рабочим днем. «Когда меня по моей просьбе в первый раз провожали в церковь в крепости на Успение Богоматери, я видел, как у крепостного рва работало много бедных крестьян», – отмечает Герберштейн (5, 103).

Благополучие русского крестьянина во многом зависело от капризов природы. Поэтому он внимательно вглядывался в ее жизнь, пытаясь по приметам угадать будущие удачи и неудачи. Первый день марта был в этом отношении одним из самых знаменательных. В этот день по церковному календарю праздновалась память святой мученицы Евдокии. В народе говорили: «Какова Евдокия, таково и лето. На Евдокию погоже, все лето пригоже». Если в этот день шел снег, крестьянин считал это предзнаменованием хорошего урожая, если дул теплый ветер – дождливого лета, если холодный – холодного (148, 100).

Ранняя весна еще не требовала от крестьян ежедневного тяжелого труда. Поэтому здесь оставалось время для веселых праздников, в которых христианское благочестие сливалось с ликованием о пробуждении природы. 9 марта, в день Сорока мучеников севастиийских, ожидался прилет жаворонков. Хозяйки пекли к этому празднику особые печенья в виде жаворонков, которые продавали у входа в храм.

Главным событием ранней весны было Благовещение Пресвятой Богородицы. Оно отмечалось 25 марта. По некоторым древним представлениям, именно в этот день Бог с небес благословлял землю и начиналась настоящая весна. Соответственно, существовало множество примет на Благовещение, по которым можно было узнать характер будущего лета.

Ничто не должно было противоречить ликующему настроению праздника. В этот день категорически воспрещалось работать. Отдавая дань древним верованиям, крестьяне на Благовещение сжигали всякие старые вещи и прыгали через костры. Церковь осуждала эти «бесовские действия», предпочитая более благочестивый обряд: выпускать на волю птиц из клеток. Священники по просьбе крестьян совершали в этот день обряд освящения семян.

Месяц апрель в Древней Руси иногда называли «цветень». Пробуждение природы уже говорит о себе на каждом шагу. Однако весна несет с собой и новую заботу: кончаются зимние запасы, более скудной становится пища людей и животных. 1 апреля Церковь празднует память преподобной Марии Египетской, а крестьяне горько приговаривают: «Марьи – пустые щи».

12 апреля, помолившись святому этого дня Василию Парийскому, крестьянин констатирует: «Василий Парийский землю парит». А еще через три дня, в день памяти святого апостола Пуда, приступают к своим весенним работам пчеловоды. И это начинание отмечено присказкой: «На день святого Пуда вынимай пчел из-под спуда».

И все же главный праздник весны земледельца – день памяти святого великомученика Георгия 23 апреля (весенний Юрьев день). Примечательно, что само имя Георгий в переводе с греческого означает «земледелец». В этот день крестьяне впервые выгоняли домашний скот из теплого хлева на пастбища. При этом они совершали молебны святому Георгию, которого считали как бы хозяином полей и лугов. Всадник на белом коне, Георгий Победоносец, в этот день объезжает свои угодья. Он отгоняет волков, бережет скот от болезней. В разных местностях России существовало множество легенд и обрядов, связанных с почитанием святого Георгия как небесного помощника крестьян.

К середине апреля в средней полосе России приурочивали начало ранней вспашки полей. После пашни и боронования поле было почти готово для сева. Теперь на яровое поле вывозили удобрение – навоз со скотного двора. Из-за недостатка скота в крестьянском хозяйстве и низкого качества кормов навоза всегда не хватало. Его берегли и даже порой покупали у соседей. Ведь благодаря такой подкормке земля улучшала свое плодородие.

«Яровое сей на Егорья», – говорили в народе. Однако зачастую этот срок отодвигали и на первые дни мая. Крестьяне старались правильно выбрать день для начала сева каждой культуры. Решающее слово в этом вопросе оставалось за стариками. Здесь требовались многолетний опыт, наблюдательность и интуиция. Поспешность или медлительность могли пагубно сказаться на урожае. При определении срока учитывались не только реальные погодные условия, микроклимат данной местности, но и расположение каждого поля: на солнцепеке или в тени, на холме или в низине.

Сам процесс сева требовал от крестьянина большого опыта. Зачерпывая горсть семян из лукошка, он должен был точно и равномерно разбрасывать их по пашне. Потом следовало присыпать зерна землей с помощью все той же сохи или бороны.

За первыми заботами народ не забывал и о весенней радости жизни. Около 2 мая, дня памяти святых Бориса и Глеба, прилетали соловьи. Потому и сам этот праздник часто называли «соловьиным днем». Никола летний (9 мая) открывал купальный сезон. Купание естественным образом наводило на мысли о русалках. И потому последнюю неделю перед Троицей в народе так и прозвали – «русальная неделя».

10 мая, следуя какому-то древнему обычаю, отмечали «именины матушки сырой земли». В этот день не принято было работать на земле, чтобы не нарушить ее покой (178, 73). На другой день, 11 мая, Церковь отмечала византийский праздник – Основание Царьграда императором Константином в 330 году. На Руси слышали название праздника по-своему и решили, что работать в этот день также нельзя, чтобы не обидеть какого-то небывалого Царя града и не накликать губительного для полей града (148, 129).

Земля между тем делала свое великое дело. Растения набирали рост и силу. К 29 мая озимая рожь начинала колоситься. Святую этого дня народ звал Феодосией Колосяницей, а сам день отмечал как большой праздник. Тогда же принято было гадать о будущем урожае.

Лето

Вершина лета, избыток сил цветущей природы воплотились в празднике Ивана Купалы. В ночь на 24 июня (праздник Рождества святого Иоанна Предтечи) по селам и деревням зажигали огромные костры, вокруг которых молодежь водила хороводы. Игры, песни, пляски не прекращались до самого утра. А когда начинало светать, все отправлялись к рекам и озерам. Древние, языческие корни празднования Ивана Купалы были очевидны всем. Церковь резко осуждала этот обычай.

Считалось, что целебные травы, цветы и корни следует собирать именно на Ивана Купалу, когда они достигают полноты своих сил.

29 июня среди череды напряженных крестьянских трудов (весь цикл работ по заготовке сена, вывоз навоза на паровое поле, его запашка и бороныба) вновь выдавался просвет – день святых апостолов Петра и Павла, а в просторечии – Петров день. Старая пословица гласит: «У мужика то и праздник, что Петров день». Народные гулянья, утех и развлечений были тем слаще, что им предшествовал длительный Петров пост (от второй недели после Троицы до Петрова дня).

Отгуляв веселый Петров день, крестьянин вновь брался за косу. Об этом напоминали ему и календарные поговорки. На праздник святых бессребреников Косьмы и Дамиана (1 июля) обычно шутили: «Кузьма и Дамьян пришли, на покос пошли». Это была не легкая, но веселая и дружная работа. На сенокос молодежь одевалась в нарядные рубашки (120,

41).

Главным событием жаркого июля был день святого пророка Ильи (20 июля). В этот день нельзя было выходить на полевые работы, чтобы не рассердить грозного Илью Пророка. Подобно древнему Перуну, Илья считался повелителем небесного огня. Время сильных гроз и ливней совпадало с днем его памяти. Крестьяне в своих молитвах просили Илью дать в меру дождливых и солнечных дней для созревания урожая. Они устраивали в его честь мирские пиры, на которые собиралась вся деревня.

Успех жатвы был теперь главной заботой. Ведь «новый хлеб на Ильин день». Начало страды сопровождалось и горьким вздохом о скоротечности времени. «На Илью до обеда лето, а после обеда осень».

Август в народе часто называли серпень, то есть месяц серпа. Жатва яровых в самом разгаре. Поле покрывается ровными рядами туго перевязанных золотистых снопов. Работа жнеца изнурительна и требует большого внимания. Ведь каждое неловкое движение ведет к утере драгоценных зерен из колоса. Потом снопы складывают в скирды. Дав скирдам просохнуть одну-две недели, их разбирали и в виде снопов везли на гумно. Там они ждали следующей обработки – просушки в овине и молотбы на току.

Но жатва – лишь одна сторона медали. Одновременно с ней начинался в первой половине августа и сев озимой ржи.

В августе работает крестьянин с утра до позднего вечера, бережет каждый час. Но и тут случались свои передышки, свои праздники. Открывал их череду Всемиловитый Спас (1 августа), в просторечии именуемый Спасом медовым или Спасом мокрым. Первое название происходит от того, что в этот день на пасеках подрезают соты в ульях, а второе – от обряда освящения воды, совершаемого духовенством. В освященной воде рек и озер считалось полезным искупаться (148, 153).

Вслед за Спасом медовым приходил Спас яблочный – праздник Преображения Господня (6 августа). В этот день принято было приносить в храм для освящения всевозможные плоды садов и огородов. Существовало распространенное мнение, согласно которому до Яблочного Спаса не следовало употреблять в пищу никаких овощей и фруктов, кроме огурцов.

15 августа весь православный народ праздновал Госпожин день – Успение Божией Матери. На сей раз в храм несли для благословения семена и колосья. Жатва подходила к концу. Крестьянин благодарил небесные силы за ее благополучный исход, а сам праздник Успения часто называл Дожинки.

На другой день – праздник в честь образа Спаса Нерукотворного. В народе его называли Спас хлебный или Спас ореховый. И вновь усиленные молитвы Спасителю с благодарностью за хороший урожай ярового хлеба и прошением о будущем урожае озимых.

18 августа наступало время вспомнить о бессловесных тружениках и героях летней страды – лошадях. День памяти святых мучеников Флора и Лавра считался «лошадиным праздником», а сами святые – покровителями лошадей. Даже на иконах их изображали благословляющими коней. На «лошадиный праздник» животным давали полный отдых и даже совершали обряд окропления их святой водой. Несоблюдение этого древнего обычая грозило конским падежом.

Вместе с концом августа наступал и конец уборки яровых. 26 августа Церковь вспоминала святую мученицу Наталию. В народе ее звали Наталией Овсяницей. Убрав в этот день последний сноп овса, крестьяне делали из него чучело и чествовали его веселым застольем.

Осень

Начиная с XIV столетия началом нового года стали считать 1 сентября. Святой этого дня – преподобный Симеон Столпник – получил народное прозвище Симеона

Летопроводца. Проводы лета в этот день соединялись со всякого рода хозяйственными расчетами. Обычный срок найма работников, а также всякого рода деловых и торговых сделок – от весеннего Юрьева дня до Семенова дня. Понятно, что окончание общего дела также отмечали пиром.

От Семенова дня начиналось знаменитое бабье лето. Теперь женщины могли отдохнуть после изнурительной летней страды, заняться относительно легкими работами (трепать пеньку, мять лен) и хоть недолго насладиться последним теплом солнечных дней. Впрочем, осень не стояла на месте. 15 сентября чествовали святого мученика Никиту, прозванного в народе Гусепролетом.

Поглядев с непонятной тоской на улетающих диких гусей, крестьянин переводил взор на сырую осеннюю землю. Торчащие из грядки пожухлые листья репы живо напоминали ему о том, что еще не окончена работа на огороде. О том же говорило и второе, более прозаическое прозвище святого Никиты – Репорез. Вздохнув, мужик принимался дергать репку, очищать ее от налипшей земли и срезать ботву. В однообразном крестьянском рационе репа заменяла современный картофель. Ее уборка тянулась до первых чисел октября.

Суровые природные условия центральной части России (короткое дождливое лето, ранние заморозки) обычно не позволяли зерновым культурам полностью дозреть. Поэтому от крестьян требовалось еще много труда, чтобы получить готовое зерно. В сентябре начиналась неизбежная и тяжелая работа – сушка собранного в снопы зернового хлеба. В огромных сараях (овинах) снопы ставили на решетки, а внизу под ними разводили костры. Жар от огня подсушивал колосья. Теперь они готовы были отдать крестьянину все свои зерна во время молотбы на току. Заметим, что топили овины обычно вечером и ночью.

Поддержание ровного огня в овине требовало большого опыта, внимания и сноровки. Малейшая неосторожность могла привести к беде. И все же овины часто горели. Зарево этих пожаров далеко расходилось по черному ночному небу. И потому святую Феклу, память которой приходилась на 24 сентября, наградили красивым, но жутковатым прозвищем – Заревница.

Второй месяц осени – октябрь – в просторечии называли Листопад. Он открывался большим церковным праздником Покрова Божией Матери (1 октября). Этот праздник в годовом круге жизни имел особое значение. Он знаменовал собой начало осенней поры свадеб. Формальным поводом к тому служило само название праздника. Покров на голову надевали замужние женщины. На Покров часто выпадал первый снег, покрывавший землю белой пеленой, похожей на фату невесты. Но не только название, но и время праздника соответствовало свадебному обряду. Закончились почти все труды в поле и на огороде. Амбары и кладовые полны запасов. Все это позволяло на время забыть о хлебе насущном и заняться устройством семейной жизни.

Народная интерпретация церковного календаря-месяцеслова наглядно показывает, как сильно менялись характер жизни крестьянина и направление его мыслей с приходом первых холодов. В октябре и ноябре он думал главным образом о своем физическом и душевном здравии, о благополучии семейном. 16 октября молился Лонгину Сотнику об исцелении от глазных болезней, 18 октября просил святого Юлиана уберечь от напастей малых детей, а на другой день ставил свечку великомученику Садоку, спасающему от внезапной кончины (148, 36-38). В субботу перед днем памяти святого Дмитрия Солунского 26 октября (Дмитриевскую субботу) принято было поминать умерших родственников.

В ряду этих семейно-бытовых праздников особо выделялся день памяти святой Параскевы Пятницы – покровительницы брака и домашнего очага. Он отмечался 28 октября. Двойное имя святой объяснялось просто: день недели, названный восточными славянами пятницей, по-гречески именовался параскевой. Согласно житию, родители святой были ревностные христиане и среди дней недели особенно чтили пятницу – день

распятия Иисуса Христа. По Божьему Промыслу именно в этот день у них родилась дочь, которую они называли Параскевой (Пятницей).

Святой Параскеве Пятнице посвящали женщины первый пучок льняной пряжи, прясть которую начинали именно в эти дни. Ее просили об исцелении от всяких телесных недугов. На икону Параскевы Пятницы, которая имелаась едва ли не в каждом доме, привешивали целебные травы, которые через это получали сугубую силу. Ее также считали покровительницей торговли. Многообразие чудесных способностей святой Параскевы Пятницы поразительно. По своему авторитету среди простонародья она стоит в одном ряду с главными лицами христианского пантеона. Исследователи древних верований пришли к выводу, что культ Параскевы Пятницы стал христианской метаморфозой языческого культа женской богини семьи и плодородия.

Ноябрь открывался «профессиональным праздником» кузнецов. Его приурочили к дню памяти святых Космы и Дамиана (1 ноября). В середине месяца (15 ноября) чтили Гурия, Самона и Авива – покровителей семьи, которым принято было молиться при всяких неурядицах между супругами. А 24 ноября спешили поставить свечку и пропеть акафист святой великомученице Екатерине – покровительнице женщин. В этот день девушки гадали о своих будущих женихах.

Зима

Студеный месяц декабрь в Древней Руси часто так и называли – студень. Достаток свободного времени позволял подумать и о такой проблеме, как образование детей. В первый день декабря, на память пророка Наума, обычно начинали учить мальчиков грамоте. При этом служили соответствующий молебен и вспоминали старую пословицу: «Пророк Наум, наведи на ум».

6 декабря вся Русь, от крестьянина и до великого князя, праздновала Николу зимнего – память святителя и чудотворца Николая Мирликийского. Историки до сих пор не могут объяснить причин, по которым этот святой занял в религиозном сознании русского народа одно из первых мест. Иностранцы, отмечая этот феномен, называли Николу «русским Богом». В своем житии Никола предстает как защитник и небесный покровитель бедняков. Он всегда готов вступить за невинно пострадавшего, отстоять справедливость. Помимо этого Никола заботится о тех, кто в пути, кто терпит бедствие на воде.

В народе Николу зимнего принято было отмечать общей трапезой – Никольщиной. Щедрые куски со стола перепали нищим. Такой важный день имел и свои сельскохозяйственные приметы. «Перед Николой иней – овсы хороши будут», – толковали крестьяне.

Желанным маяком долгих зимних вечеров был светлый праздник Рождества Христова. О нем начинали думать с самого начала сорокадневного Рождественского поста. Самому празднику предшествовал Рождественский сочельник с традиционной постной кутьей (зернами пшеницы, ячменя и риса, сваренными в воде, подслащенной медом) и взваром (сушеными фруктами, отваренными в воде). Слово сочельник (или сочевник) происходит от древнерусского названия каши – сочиво. Весь день накануне Рождества Христова принято было соблюдать строгий пост и воздерживаться от пищи. Лишь с появлением на небе первой звезды вся семья садилась за стол и приступала к трапезе.

В русской деревне отмечали сочельник не только кутьей и молитвой, но и хороводами, песнями, плясками вокруг огромного костра. Это наследие языческого праздника Коляды – праздника солнца, которое с конца декабря вновь набирает силу, увеличивая продолжительность дня. Древние обряды возмущали духовенство. Но полностью искоренить «бесовские игрища» оно так и не смогло.

В самый день Рождества Христова (25 декабря) церковные причетники с пением псалмов отправлялись по соседним домам славить Христа. Их везде встречали с честью,

дарили угощением и подарками. Да и сами миряне в этот день любили ходить друг к другу в гости, поздравляя с праздником. С этого дня и до праздника Богоявления наступала череда веселых дней – Святки. Молодежь устраивала на Святки шествия ряженных, пляски, вечерние гадания.

Через две недели после Рождества Христова приходил другой большой праздник – Богоявление (Крещение). И вновь канун праздника (Крещенский сочельник) отмечали постом до первой звезды, а затем – обильной трапезой. На Крещение духовенство освящало воду в реках, а смельчаки купались в проруби.

Но и в самый разгар святочного разгула у крестьянина не шла из головы мысль о будущем хлебе. Великие праздники давали свои приметы на сей счет: «На Богоявление снег хлопьями – к урожаю; ясный день – к неурожаю».

16 января в церковном календаре – Поклонение веригам апостола Петра. У крестьян на этот день была своя заметка. Они полагали, что именно к этому дню при правильном распределении уходит половина из запасенного на зиму корма для скота. Поэтому и самого святого называли Петр Полукорм. Смотрели и на запасы хлеба в амбаре. Если его оставалось более половины – считали это добрым знаком, предвестием доброго лета и хорошего урожая.

Снежный месяц февраль (по-древнерусски – снежень) открывался праздником Сретения (2 февраля). «На Сретение зима с летом встретилась», – приговаривали крестьяне. И уныло прибавляли: «Солнце на лето, зима на мороз». Однако уже недалеко было и до последних, власьевских морозов, которые обычно приходили около дня памяти святого Власия (11 февраля). Сам же святой Власий считался в народе покровителем домашних животных. В этот день крестьяне заказывают ему особые молебны. Историки полагают, что святой Власий является прямым наследником «скотьего бога» Белеса, которому поклонялись древние славяне.

Последний святой уходящей зимы Василий-исповедник (28 февраля) уже как бы протягивал руки к долгожданной весне. В народе его звали Василий Капельник и полагали, что его день приносит с собой первую весеннюю капель.

ГЛАВА XXI МЕЖДУ СВЕТОМ И ТЬМОЙ

*Можно ли человеку зрети
единым оком на небо,
а другим на землю?
Стоглав*

16 сентября 1406 года в подмосковном селе Голенишеве умер знаменитый своей ученостью и политическим темпераментом митрополит Киприан.

Незадолго до кончины святитель составил «прощальную грамоту», а также в дополнение к ней продиктовал писцам небольшое религиозно-философское рассуждение. В нем Киприан как бы подводил итог своему богатому жизненному опыту.

Это своеобразное завещание было прочитано над гробом святителя. Оно так впечатлило непривычное к византийской риторике московское духовенство, что стало образцом, по которому писали завещание и другие митрополиты.

«Дивство (удивительно. – Н. Б.), како шествуем вси равным образом: от тмы на свет, от света во тму; от чрева материя с плачем в мир, от мира же печального с плачем во гроб; начало и конец плача. Каа (какая. – Н. Б.) потреба посредем (посреди них. – Н. Б.): сон, сень, мечтание, красота житейскаа?» (38,403).

От первого плача до последнего плача. В этих печальных скобках – вся жизнь человеческая. Так и шел он отмеренные ему годы между светом добра и мраком зла, уклоняясь то в одну, то в другую сторону. А ценою жизни, как обычно, было страдание.

И все же кипящая полнота бытия стоила, конечно, своей цены...

Поехали...

Рождение младенца во все времена было радостным событием. По этому случаю в дом немедленно звали священника.

«Лишь только родится младенец в православной семье, тотчас приглашается к родившей священник, который в трех молитвах просит Бога: а) о восстановлении естественно ослабленных сил родившей, б) об охране ее и младенца от всякого зла и в) о прощении грехов ее.

Наречение христианского имени новорожденному... бывает до крещения в знак того, что он вступает в новое общество и чрез христианское имя получает себе в соименном святом покровителя на всю жизнь» (184, 102).

Священник (как в наше время врач) должен был идти в дом к роженице по первому требованию, в любое время дня и ночи. От его молитвы могла зависеть не только ее жизнь, но и жизнь ребенка. Однако стража, охранявшая по ночам городские улицы, имела приказ хватать всякого полуночника, обращая особое внимание на пьяных. Ведь именно под покровом ночи открывались запрещенные властями корчмы. Эту коллизию отметил в своей грамоте новгородскому духовенству от 26 мая 1551 года митрополит Макарий. В ней, в частности, говорится: «А которого попа в его приходе зовут к болю (больному. – Н. Б.) или к родильницы ночью, и им ходити с фонари, по царской заповеди. А поймают которого попа и диякона в нощи без фонаря, и вымут питье, и прикашики царские емлют на них заповеди (штрафы. – Н. Б.) по царскому указу» (68, 379).

На седьмой день (а иногда и ранее) новорожденному давали имя. В знатных семьях выбор имени подчинялся неписаным правилам приличия. Круг соответствующих высокому социальному статусу имен охватывал не более одной десятой от всего фонда православного именослова.

На сороковой день совершалось таинство крещения. Впрочем, срок этот был достаточно условный и допускал отклонения. Однако тянуть с крещением младенца было опасно. Ведь если он умирал некрещеным, священник наказывал родителей строгой епитимией – трехлетним постом (227, 59).

«По народным поверьям, душами некрещеных детей распоряжается дьявол, – пишет В. И. Белов. – Нередко по смерти ребенка мать горевала не оттого, что его не стало, а оттого, что дитя умерло некрещеным» (91, 262).

Младенца трижды опускали в холодную воду. Подогревали воду только для больных детей. «Священник остригает также у младенца прядь волос, закатывает ее в воск и кладет в храм на определенном месте» (5, 99).

Выбор «крестного отца» был серьезным делом. Родители часто приглашали на роль «восприемника от святой купели» сразу нескольких человек, надеясь на их будущую помощь ребенку. Эту практику пресек только Иван Грозный, запретивший иметь более одного крестного (68, 287).

В знатных семьях большое значение придавали и тому, какой священник будет совершать таинство крещения. Так, например, Василий Темный поручил окрестить сына Ивана не придворному священнику, а игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию. У Троицы крестил сына Василия и сам Иван III. Таинство совершили сразу два иерарха: великокняжеский духовник ростовский архиепископ Вассиан и троцкий игумен Паисий. Пример правителя всегда был путеводным для знати. Вероятно, и бояре крестили своих сыновей в монастырях. Простые люди обходились услугами приходского священника.

Состоятельные родители часто брали ребенку кормилицу. Она могла принадлежать к дворовой челяди либо быть свободной. В любом случае роль кормилицы в богатом доме была почетной и сулила хорошее вознаграждение.

Особое беспокойство родителей вызывали разного рода детские болезни, уносившие

даже в княжеских семьях примерно каждого третьего ребенка. Иван III потерял таким образом четырех из тринадцати своих детей. Его отец Василий Темный – четырех из десяти, а дед Василий I – четырех из девяти. Неполнота наших летописей делает эти подсчеты лишь приблизительными. Однако общая пропорция достаточно очевидна.

(Знаменательно, что схожая ситуация сохранялась на Русском Севере вплоть до коллективизации. Здесь в крестьянских семьях «женщины рожали по 15–16 погодков, но около одной трети детей умирало» (91, 261).)

В знатных семьях мальчика, достигшего трех лет, впервые сажали на коня и при этом остригали прядь волос. Этот древний обряд («постриг») знаменовал первый шаг ребенка на пути возмужания. Вероятно, тогда же к мальчику помимо кормилицы и нянек приставляли воспитателя-мужчину. Он назывался «кормилец» или «кормиличич». Это была важная должность. Летопись как о важном событии сообщает о гибели во время потешной схватки «кормиличича» Дмитрия Донского (48, 140).

Среди историков существуют различные мнения относительно уровня грамотности в Древней Руси (233, 198; 179, 270). Очевидно, что это была привилегия главным образом высшей аристократии, духовенства и состоятельных горожан. В таких семьях мальчиков с семи лет отдавали учиться грамоте. Роль учителя обычно исполнял клирик приходской церкви, монах или подьячий. Одновременно с общим образованием начиналось и профессиональное. Отец понемногу приобщал сына к своему ремеслу. Мать учила дочерей всем домашним делам и устроениям.

В первой трети XVI века в больших городах действовали и школы грамотности. Вспоминая те времена, митрополит Макарий на соборе 1551 года с грустью вспоминал: «А прежде всего в росий-ском царствии на Москве и в Великом Новгороде и по иным городом многия училища бывали, грамоте и писати и пети и чести учили. И потому тогда грамоте и писати и пети и чети гораздых много было» (68, 290).

Согласно тогдашним правилам, начиная с семи лет, ребенок должен был ходить на исповедь и причащаться Святых Тайн. «Они дают причастие семилетним детям, говоря, что в этом возрасте человек уже может грешить», – свидетельствует Герберштейн (5, 102).

Одновременно с образованием шел и процесс воспитания. Здесь господствовал ветхозаветный принцип «любяи сына своего жезла на нь не щадит» («любящий сына своего палки для него не пожалеет») (33, 60). От ребенка требовали послушания, соблюдения приличий и строгого исполнения норм обрядового благочестия. Забота о воспитании детей считалась не только моральной, но и религиозной обязанностью родителей. «Аще что дети согрешают отцовым и матерним небрежением, им о тех гресех ответ дати в день Страшного суда» (33, 84).

Примерно с пятнадцати лет мальчик переходил во взрослую жизнь. Во всяком случае, в этом возрасте ему уже можно было вступать в брак. «Отроковица» могла выйти замуж в двенадцать лет. Обручение иногда совершали гораздо раньше. Впрочем, вопрос о границе совершеннолетия, а стало быть, и полной ответственности за свои поступки, не имел однозначного ответа (78, 50). Здесь, как и во многом другом, наши предки ясности закона предпочитали неопределенность произвола.

Примерно с пятнадцати лет дети служилых людей шли на службу, дети купцов – в лавки, а дети ремесленников – за верстак или наковальню.

Конечно, этот возраст сегодня кажется слишком ранним для полной самостоятельности. Однако в ту эпоху жизнь человека вообще была гораздо короче, чем сейчас. Даже государи редко доживали до 60 лет. Дмитрий Донской прожил 38 полных лет, его сын Василий I – 53 года, а внук Василий Темный – 47. На этом фоне Иван III, проживший 65 лет, казался настоящим долгожителем.

Начиная самостоятельную жизнь, юноша первым делом должен был решить – «кем быть?». Понятно, что в реальности выбор обычно был предопределен происхождением. Переход из одного сословия в другое был почти невозможен. Средневековье не любило выскочек и самородков.

«Самый загадочный персонаж древнерусской литературы», Даниил Заточник говорил так: «Ни богатства ми, ни убожества, Господи, не дай же ми: аще ли буду богат – гордость восприму, аще ли буду убог – помышляю на татьбу и на разбой, а жены на блядню» (227, 26). Иначе говоря, богатство побуждает к высокомерию («гордости»), а бедность – к преступлению и пороку.

Конечно, искушение не всякого доводит до греха. И все же Даниил знал, что говорил...

Гордость

Московское общество времен Ивана III строилось главным образом на личных отношениях. Мир был тесным. В столице, как в большой деревне, многие знали друг друга. И все сверху донизу и снизу доверху обращались друг к другу на «ты». Однако это патриархальное «ты» в разных устах уже звучало совершенно по-разному.

В наследство от Киевской и Владимирской Руси Московская Русь получила то, что Б. А. Романов назвал «рабовладельческим мышлением» (227, 45). Два века покорности Золотой Орде довершили дело. Рабская психология стала вездесущей.

К концу XV столетия главные хранители аристократической гордости, военные «вольные слуги», некогда свободно переезжавшие от одного двора к другому и служившие тому князю, который умел их должным образом почтить, исчезли вместе с породившей их удельной системой. На смену им пришли бессловесные придворные «государя всея Руси». С утра до вечера они толпились в кремле, показывая свою преданность и ожидая какого-нибудь поручения. Одних пускали во внутренние покои, другие топтались в передней, третьи глотали пыль во дворе.

В этой замкнутой среде, где зависть шепталась с подлостью, царили угодничество и подобиострашие. Таков был в общих чертах двор любого тирана. Но московский двор был еще и штаб-квартирой главнокомандующего вечно действующей армии. Это придавало суеде придворных некоторую целеустремленность и многозначительность.

Московская идеология была проста. Под «государством» понимали то, чем владеет государь. Он – собственник государства. Оно – его наследственная вотчина. Государь все знает и отчитывается за свои действия только перед Богом. Он – земной бог.

«Они (русские. – Н. Б.) прямо заявляют, что воля государя есть воля Божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божьей. Поэтому также они именуют его ключником и постельничим Божьим и вообще веруют, что он – свершитель божественной воли» (5, 74).

Задача всех остальных состоит лишь в том, чтобы, не мудрствуя лукаво, исполнять повеления государя. Своих преданных слуг он достойно наградит, а изменников казнит. Эта схема своей простотой и ясностью так нравилась русскому народу, что даже Петр Великий, всю жизнь призывавший служить не царю, а Отечеству, так и не смог его в этом разубедить.

Все общественные связи во времена Ивана III были направлены на чью-то конкретную личность. Проще говоря, каждый кому-то служил. Именно кому-то, а не чему-то. В этих условиях понятие «гордость» (в значении аристократического достоинства) неизбежно теряло свой смысл. На смену ему пришло библейское толкование этого слова – в смысле «высокомерие», «надменность», «спесь». Этим, по сути, бранным эпитетом современники по каким-то неведомым нам причинам наградили старшего сына Ивана Калиты Семена.

Итак, господа служили государю. Зависимые люди всех мастей служили своим господам. И каждый, кому служили, был гордым по отношению к тем, кто служил. Вынужденный унижаться перед тем, кому он служил, каждый при этом старался унижить того, кто служил ему. Здесь действовал не только закон подражания, но и закон внутреннего равновесия.

Кулачное право процветало на всех этажах общественного здания. Оно проникло и в духовное сословие. «Попы же в церквах бьются и дерутся промеж себя, а в монастырях

такое же безчиние творится», – сетовал Иван Грозный, обращаясь к Стоглавому собору (68, 273). Впереди кулаков шли бранные слова. Православные «лаются без зазору всегда всякими укоризнами неподобными, скаредными» (68, 274).

В этих условиях даже чувство собственного достоинства становилось недопустимой роскошью. О нем лучше всего было вообще забыть. Или хорошенько спрятать его под плащом самоуничижения...

«Все они, – говорит о русских Герберштейн, – называют себя холопами, то есть рабами государя. Те, кто познатнее, имеют рабов, чаще всего купленных или взятых в плен. Те же свободные, которых они содержат в услужении, не могут свободно уйти, когда им угодно. Если кто-нибудь уходит против воли господина, то его никто не принимает» (5, 112).

Размышляя над причинами этого всеобщего холопства, Герберштейн выносит тяжкий приговор: «Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе» (5, 112). Но здесь австрийский посол едва ли проницателен. Рабство (во всех его формах и степенях) едва ли когда-нибудь может стать удовольствием для человека. Однако на Руси сильное развитие этого состояния (а вместе с ним и мироощущения) предопределялось объективными причинами. Вот лишь некоторые из них.

Колыбель русской государственности, Киевская Русь, по своему социально-экономическому укладу была раннефеодальной монархией. Феодалные отношения строились здесь на базе еще неизжитого рабовладения. Параллельно с рабством сохранялись и патриархальные родовые отношения, основанные на произволе старейшин. Это тяжелое наследство позднее пополнилось монгольским презрением к личности и собственности. В итоге свобода заняла далеко не первое место в той шкале ценностей, которой руководствовались русские люди времен Ивана III. Да и само это понятие рассматривалось отнюдь не в современном его значении. Под свободой понимали главным образом «волю», то есть возможность произвола (164, 116).

Суровые природно-климатические условия Московской Руси делали задачу простого биологического выживания необычайно сложной. Только объединение усилий значительного количества людей давало шанс на успех. Таким объединением помимо сельской и городской общины была крупная боярская или монастырская вотчина. Трудившиеся здесь несвободные люди различных категорий, по сути дела, также образовывали своего рода «общину» с вотчинником во главе. Таким же главой патриархальной общины, состоявшей из некоторого числа холопов, был и всякий знатный человек.

В то время как крестьянские общины, словно римские когорты, стояли насмерть в сражении с армией невзгод, – выпавшие из их строя люди быстро выбивались из сил. Выжить без покровительства «сильных мира сего», за которое приходилось платить свободой, было для них практически невозможно. И по мере того как зависимое состояние превращалось в норму, все меньше оставалось действительно гордых людей, подобно Даниилу Заточнику остро ощущавших унижение и стыдившихся «холопья имени» (227, 33). И все больше становилось приспособленцев, действовавших по схеме так возмущавшей свободолюбивого Герберштейна. Однажды волею обстоятельств получив свободу, они спешили продать себя новому хозяину. Однажды продав в рабство своего сына, они всегда готовы были повторить эту сделку.

Холопство как образ жизни способствовало развитию определенных психологических стереотипов. Да и формально свободный крестьянин был, по существу, рабом природы. Это рабство также формировало его взгляд на жизнь. В итоге сложился тот самый «русский менталитет», который, пройдя сквозь века, стал любимой темой рассуждений иностранных наблюдателей русской жизни. Вот что говорит об этом современный американский славист Дениэл Ранкур-Лаферьер:

«Одним из следствий принижения личного является приписывание большой значимости коллективному, частью которого является это личное... В России принижение

личного имеет целый ряд и других последствий,... Например, замечено, что русские с готовностью подчиняются властям, добровольно идут на страдания и в самых различных обстоятельствах ведут себя в пораженческой, самоубийственной и, в целом, мазохистской манере» (224, 40).

Автора этих рассуждений можно, конечно, заподозрить в предвзятости и даже русофобии. Но как тогда быть с классиками нашей литературы? Они порой не менее суровы в своих оценках «русского менталитета». Не будем трогать Горького с его глубокой нелюбовью к русскому крестьянству. Но вспомним хотя бы строчки из записной книжки Бунина, датированные 1916 годом. Он вспоминает свой разговор с солдатом, приехавшим с фронта на побывку:

«Молодой малый, почти мальчишка, но удивительная русская черта: говорит всегда и обо всем совершенно безнадежно, не верит ни во что решительно!» (101, 222).

Татья

«Девушка погубляет красу свою блядную, а муж свое мужество татьбою», – заметил Даниил Заточник (21, 154). Кажется, это был не столько узор пера, сколько картинка с натуры.

Воровство (во всех его разновидностях) было и в XV столетии вполне обыденным явлением. Русские города кишели ворами всех видов. С наступлением темноты ворота и калитки городских усадеб закрывались на засовы, а во дворе спускали с цепи лютых псов. Домострой советует хозяевам вставать ночью и слушать, что делается в доме и на дворе (33, 132). Даже на огороде следует днем и ночью держать сторожа.

И все же ловкий «тать» мог незаметно пробраться в дом или на подворье. Застав вора на месте преступления, хозяин имел полное право убить его. Такой поступок не представлял большой моральной проблемы. «Убийство – это самое заурядное явление в описываемую эпоху самозащиты и самоуправства, не говоря уже о разбое», – замечает Б. А. Романов, говоря о нравах XII столетия (227, 86). В период монголо-татарского ига и ожесточенных княжеских войн цена человеческой жизни упала еще ниже.

Наиболее дерзкие из воров («церковные тати») не боялись посягнуть даже на церковное имущество. Впрочем, в подвалах и подклетах церквей часто хранили свои товары купцы. Для охраны храма от воров обычно нанимали сторожа, который ночью спал на паперти.

Судебник Ивана III предписывал беспощадно казнить «ведомых лихих людей», то есть тех, кто неоднократно попадался на воровстве. Казнь совершалась через повешение. Имущество вора шло на уплату иска потерпевших. Остаток делили между собой судебные чины.

Для тех, кто впервые попадался на краже, наказание также было весьма суровым. Виновного били кнутом на торговой площади, а из его имущества оплачивали иск потерпевшего. Если вор не мог заплатить стоимость украденного, его отдавали в холопы к потерпевшему до отработки долга. Два вида воров приговаривались к смертной казни даже при первой поимке: «церковные тати» и участники похищения людей.

Как всегда, российский закон оставлял некоторые существенные вопросы на усмотрение непосредственных исполнителей судебной процедуры. От них зависели, например, количество ударов кнутом, а также их сила (68, 73). Понятно, что вор готов был отдать палачу последнее, чтобы выжить после экзекуции.

При расследовании дела о воровстве судебные чины могли явиться с обыском в дом к подозреваемому. Обнаружив хранящуюся под замком украденную вещь («поличное»), следователи с полным основанием объявляли подозреваемого виновным в краже. Однако здесь была одна существенная деталь. Краденую вещь могли подбросить на двор к честному человеку его недруги. Иногда это делали и сами судебные чины с целью вымогательства. Поэтому принципиальное значение имело место, где найдено было

«поличное». Если оно хранилось под замком, ключ от которого имел лишь сам хозяин дома, – то его вина была очевидна. Если же вещь находили там, где ее легко мог подбросить кто-то из слуг, она не являлась бесспорным доказательством вины.

Случалось, что честный человек мог купить на торгу краденую вещь и в итоге попасть под подозрение в воровстве. В этом случае ему необходимо было представить нескольких свидетелей того, что вещь действительно куплена им.

Пойманного «татя» обычно подвергали пытке с целью выяснить его сообщников. «Поймав их, они первым делом разбивают им пятки, потом оставляют их на два-три дня в покое, чтобы пятки распухли, а затем разбитые и распухшие пятки велют терзать снова. Чтобы заставить преступников сознаться в грабеже и указать сообщников злодеяний, они не применяют никакого иного рода пыток» (5, 118).

Вор мог по тем или иным соображениям оговорить, назвать своим сообщником честного человека. Поэтому первым делом «следователь» должен был запросить общину, к которой принадлежал подозреваемый, относительно его благонадежности. Если община (или пять–шесть «добрых христиан» под присягой) давала гарантии благонадежности – подозреваемого отпускали под поручительство. Если нет – его брали под стражу и подвергали пытке.

Оговор был одним из основных способов вымогательства для корыстных судебных чинов. На допросе они подсказывали татю, кого назвать соучастником. После этого, не дожидаясь поручительства, оговоренного тащили на пытку и освобождали лишь за немалую мзду. С другой стороны, судебные чины за мзду могли отпустить явного преступника или смягчить его участь.

Особой формой воровства было незаконное изменение границ земельных владений. Перепахав межу или стесав знаки-зарубки на дереве, злоумышленник начинал пользоваться чужой землей как своей. За это его следовало бить кнутом и оштрафовать на один рубль (68, 61).

Россия Ивана Великого была, в сущности, очень бедной страной. Нищета толкала людей к воровству и взяточничеству. Распространенность этих пороков затрудняла их наказание. Ведь наказанию должны были подвергнуться едва ли не все. В свою очередь безнаказанность способствовала распространению зла. Так возникал извечный круг русской продажности.

Спас Ярое Око

Помочь государству в борьбе с общественными пороками призвана была церковь. Духовенство убеждало людей, что «небесные силы» следят за каждым их шагом. Согласно Книге Еноха, ко всякому делу Бог приставил своего ангела. «И ангелы есть, которые над временами и годами, и ангелы, которые над реками и морем, и ангелы, которые над земными плодами и всякой травой, дающие пищу всякому живому существу, и ангелы всех душ человеческих, которые пишат все их дела при жизни пред лицом Господним» (15, 293).

Наглядным воплощением идеи небесной кары стала знаменитая московская икона «Спас Ярое Око». Слегка приподняв бровь, Спаситель смотрит на человека пронзительным, всевидящим взглядом...

Строгие нормы обрядового благочестия должны были приблизить людей к христианской морали. Русская церковь в те времена требовала от своих чад примерно следующее. Каждый православный должен был утром, встав с постели, и вечером, перед сном, помолиться Богу. Сядя за трапезу, он должен был прочесть краткую благодарственную молитву. В воскресные и праздничные дни требовалось отстоять обедню в приходском храме. В церкви православный венчался, крестил своих детей, отпевал умерших родственников. Не менее чем раз в год (обычно на Страстной неделе), а также перед кончиной он должен был исповедаться и причаститься Святых Тайн.

Наконец, необходимо было соблюдать посты и участвовать во всякого рода церковных событиях.

Особенностью русской религиозности было усиленное почитание икон, которые имелись в каждом доме. Войдя в избу, гость прежде всего кланялся иконам, висевшим напротив двери, в «красном углу».

За совершенные человеком проступки он подвергался церковному наказанию – епитимье. Самая легкая епитимья состояла в определенном количестве поклонов перед иконой. Самая тяжелая – пожизненное лишение причастия. Где-то посередине между ними находилось запрещение присутствовать на богослужении в храме. «Существует множество причин, к тому же совершенно ничтожных, – говорит Герберштейн, – по которым у них запрещается вход в церковь, однако недопущенные становятся обычно у дверей и оттуда видят и слышат священнодействие так же, как если бы они были в храме» (5, 102).

Церковная проповедь не могла искоренить зло. И все же звон колоколов отгонял демонов. Трудно даже представить, каким адом стала бы жизнь в России, если бы хоть на один день замолкли ее колокола...

ГЛАВА XXII МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

*Вся ты прекрасна, возлюбленная моя,
и пятна нет на тебе!
Песнь Песней. 4, 7*

*И нашел я, что горше смерти женщина,
потому что она – сеть.
Екклесиаст. 7, 26*

Достигнув известного возраста, мальчики и девочки начинали смотреть друг на друга с непонятным волнением. Пробуждавшиеся чувства со временем становились все более определенными и неотступными. Наконец юноша находил предмет своих мечтаний. Почувствовав на себе его взгляд, девушка расцветала всей прелестью своего весеннего ожидания.

Однако эта вечная тема далеко не сразу и отнюдь не всегда заканчивалась свадебным пиром.

Девушки у воды

Влюбленным на этом этапе нужен был всего лишь «рай в шалаше». Но их умудренные горьким опытом родители смотрели на дело несколько иначе. Они знали, что житейские бури быстро сносят все романтические «шалаша». Они хотели, чтобы брак принес в дом достаток и благополучие. И потому кандидатура возможного зятя или невестки рассматривалась на семейном совете со всех сторон. И часто итогом этого рассмотрения становился отказ.

Отказ родителей невесты был для жениха тяжелым, но не смертельным ударом. В случае, когда чувства молодых были сильны и взаимны, юноша при помощи своих друзей устраивал «умыкание», то есть похищение невесты. Это был древний обычай, корни которого уходили в языческие времена. Еще автор «Повести временных лет» монах Нестор, изображая дикие нравы древлян, отметил: «И брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девица» (27, 30).

Обычно девушка заранее знала об этом проекте и принимала в нем деятельное участие. Но иногда робость, страх перед родителями или иные мотивы удерживали ее от

согласия на побег. И тогда жених увозил ее силой.

Прожив вместе несколько дней в каком-нибудь укромном месте, они возвращались по домам уже фактическими мужем и женой. После этого родителям приходилось дать свое согласие на брак и тем самым замять скандал.

Однако случалось так, что жених-похититель, ближе познакомившись с достоинствами и недостатками невесты, отказывался от намерения вступить с ней в брак. Бывало, что родители ни за что не хотели породниться с «умычником». В том и другом случае приходилось обращаться с жалобой на похитителя к местному иерарху или его доверенным лицам.

Со времен святого Владимира вопросы семейно-брачного права на Руси решались церковными властями. Древнейший русский свод законов о браке, морали и половых отношениях – Устав князя Ярослава Мудрого – возник еще в середине XI века. Он служил важным ориентиром и в судебной практике XV–XVI веков. В отличие от аналогичных византийских законов, русские отличались снисходительностью к человеческим грехам. Однако наказание было «комплексным» и состояло из трех приговоров. Первый приговор устанавливал размер штрафа, одну часть которого виновный должен был выплатить пострадавшему (обычно это была женщина), а другую – разбиравшему дело епископу.

Помимо штрафа виновному назначалось духовное наказание – епитимья. Она могла состоять в лишении причастия на длительный срок, изгнании из храма, множестве поклонов перед иконой, строгом посте. Наконец, некоторые преступления семейно-бытового круга судились не только епископским, но и княжеским судом.

Но вернемся к истории с «умыканием», которая стала предметом рассмотрения церковного суда. В этом случае похититель должен был выплатить громадный штраф, половина которого предназначалась митрополиту, а половина – самой девушке. Штраф ожидал и всех тех, кто принимал участие в похищении. Помимо церковного суда этой историей мог заинтересоваться и княжеский суд. Тогда виновных ожидали новые неприятности.

Понятно, что и сама девушка после такого скандала едва ли могла быстро найти себе нового жениха. Поэтому ее родителям следовало крепко подумать, прежде чем подавать жалобу властям.

Вот как изображена эта ситуация в Пространной редакции Устава князя Ярослава Мудрого:

«Аще кто умчить девку или насилить, аще боярская дочи будеть, за сором ей 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота; аще будеть менших бояр, гривна золота ей, а митрополиту гривна золота; а добрых людей будеть, за сором рубль, а митрополиту рубль; на умыцех по 60 митрополиту, а князь их казнить» (67, 189).

(Гривна золота равнялась по ценности 10–12 гривнам серебра или слитку золота весом в 160 граммов. Соучастники преступления, «умычники», платили митрополиту по 60 кун. Эти архаические денежные единицы во времена Ивана III уже не имели практического значения. Их заменили иные, не сохранившиеся до наших дней тарифы. Равным образом, не следует буквально понимать и слова «митрополит». В конце XV столетия каждый из десяти епископов Московской Руси имел право вершить суд в пределах своей епархии. Митрополит имел свою собственную епархию, где также выступал в роли епископа. Однако епархии были очень велики, дороги плохи, а епископы немощны. Поэтому на практике судом и сбором штрафов занимались чиновники епископской канцелярии во время периодических разъездов по приходам.)

На родине Ивана-дурака всегда было много молодцов, желающих в одночасье разбогатеть, женившись на боярской дочери. Единственным способом достичь этого было похищение (или принудительное овладение девушкой) со счастливым концом – женитьбой. Однако в том случае, если решившийся на это дело удалец оказывался человеком слишком уж нежелательным для невесты и ее родителей, его поступок из разряда «умыкания» переходил в разряд «пошибания», то есть изнасилования.

«Аще кто пошибает боярскую дочь или боярскую жену, за сором ей 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота; а меньших бояр – гривна золота, а митрополиту – гривна золота; нарочитых людей – два рубля, а митрополиту два рубля; простые чади – 12 гривен кун, а митрополиту 12 гривен, а князь казнитель» (67, 189).

(Последние слова – «а князь казнитель» – обычно понимают так, что при необходимости исполнению приговора церковных властей содействовала княжеская администрация. Там же решался и вопрос о судьбе преступника, не имеющего средств для уплаты крупных штрафов за «умыкание» или «пошибание». Закон умалчивает об этом. Но, скорее всего, он становился холопом и должен был отработать долг.)

Жизнь девушки до брака была полна искушений и опасностей. Но более всего она боялась остаться невестребованной или, проще говоря, «засидеться в девках». Виновными в этом часто оказывались родители, которые не смогли решить вопрос о приданом или оказались слишком привередливы в выборе жениха. Желая заставить родителей более ответственно отнестись к этому вопросу, Устав Ярослава грозит им крупным штрафом за невестребованную дочь.

«Аже девка засядет великих бояр, митрополиту 5 гривен золота, а меньших бояр – гривна золота, а нарочитых люди – 12 гривен, а простой чади рубль» (67, 190).

От родителей, имевших дочь «на выданье», требовалась большая житейская мудрость. Иногда они своей властью заставляли дочь выходить замуж за человека, которого она ненавидела, или, напротив, категорически отвергали горячо любимого ею юношу. У этого вечного сюжета мировой литературы часто бывал печальный конец.

«Аще девка не въсхошет замуж, то отец и мати силою дадят. А что девка учинить над собою, то отец и мати митрополиту в вине» (67, 191).

От воды до беды

Не вытерпев томительного ожидания, девушка иногда начинала свою собственную игру. Риск неудачи был велик, а ценой проигрыша становилась поломанная жизнь. Причем не только самой «девки», но и рожденного ею вне брака ребенка...

«Аще же девка блядет (ведет распутную жизнь. – Н. Б.) или дитяти добудет у отца, у матери или вдовою, обличившее, пояти ю в дом церковный.

Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудет, да погубить, или в свиньи ввержет, или утопить, обличивши, пояти и в дом церковный, а чим ю паки род окупить» (67, 190).

Этот загадочный «дом церковный» на деле представлял собой либо женский монастырь, либо какое-то исправительно-воспитательное заведение при монастыре. Когда первый гнев стихал, родители, как правило, старались забрать оттуда свою согрешившую дочь. Однако и в родном доме она несла церковное наказание. За умышленное убийство младенца церковные каноны позволяли лишить женщину причастия сроком на десять лет (78, 39). Однако в реальности срок снижался до пяти и даже до трех лет. Помимо этого грешница должна была понести наказание за внебрачную связь с мужчиной. Но здесь необходимы некоторые пояснения...

Покаянная дисциплина средневековой Руси четко различала два вида греха. Первый – «блуд», то есть половая связь, при которой оба «партнера» не состояли в браке. Вторым – «прелюбодеяние», то есть связь с женатым мужчиной или замужней женщиной. В первом случае виновные лишались причастия на семь лет, во втором – на четырнадцать. При образцовом поведении наказуемого (добровольный пост, отказ от вина, «милостыня» церкви) продолжительность епитимьи могла сокращаться.

Случалось, что родители отрекались от дочери-«блудницы» и она надолго оставалась в «доме церковном». Обычай отправлять согрешивших девушек в монастырь, откуда они зачастую уже не могли вернуться к обычной жизни, в конце концов мог превратить женские обители в нечто противоположное их назначению. Этот процесс стал заметным даже для иностранцев. Один из них, рассказывая о Москве в 1668 году, замечает: «У москвитян, у вельмож особенно, существует старая и очень подозрительная дружба и

свобода сношений с монахинями, а у этих с ними. Оттого некоторые из них девицы лишь по названию, а на деле – бесчестные матери. Своих преступно зачатых и позорно рожденных детей они воспитывают так, чтобы, выросши, они обрекли себя затем на монашество...» (12, 395).

Сыр и толока

Излишняя доверчивость девушки могла стать причиной и еще одной беды. Знакомый парень или холостой мужчина позвал ее зайти к нему в дом. Но там уже сидит целая компания веселых (и сильно подвыпивших) мужчин. Дверь за спиной захлопнута. Неосторожный визит заканчивается «толокой» – групповым изнасилованием.

Глубокомысленный ученый может усмотреть здесь пережиток какого-то архаического группового брака. Однако несчастной жертве от этого, разумеется, не легче. Теперь ей остается либо молчать о происшедшем, либо жаловаться местному архиерею и начинать унижительный процесс.

«Аже девку умолвить (зазовет. – Н.Б.) к себе кто и дать в толоку, на умолвнице (на том, кто зазвал. – Н. Б.) епископу 3 гривны серебра, а девице за сором 3 гривны серебра; а на толочнех (соучастниках. – Н. Б) по рублю, а князь казнить» (67, 168).

Но самое ужасное заключалось в том, что потеря девушкой невинности, ставшая темой для всеобщего обсуждения, практически лишала ее возможности достойным образом выйти замуж. И если дочь богатых родителей могла надеяться на то, что хорошее приданое все же сделает ее желанной невестой, – то для «бесприданницы» не оставалось и этой надежды...

Но вот, наконец, родители жениха и невесты приходили к соглашению. В знак твердого сговора о скорой свадьбе совершался древний обряд «резания сыра». Невеста выносила на подносе сыр, ее отец разрезал его и раздавал всем присутствующим в доме. Казалось, что до свадьбы совсем недолго. Но случалось так, что некий «доброжелатель» рассказывал жениху или его родителям какую-нибудь историю, бросающую тень на честь девушки. Сомнения в ее невинности резко снижали «рыночную стоимость» невесты. Возмущенный жених устраивал скандал и отказывался от брака. В этом случае он должен был заплатить невесте 3 гривны «за сором», то есть за оскорбление, а также заплатить 6 гривен митрополиту и оплатить родителям невесты все убытки хозяйственного характера.

Разрезанный сыр становился зловещим символом. Случившегося не вернуть, как не соединить разрезанного. Никакие штрафы не могли исцелить душевное потрясение девушки, вызванное насилием или позором. Иногда отчаяние толкало ее на скользкий путь «уличной девки».

Колечко с бирюзой

Улицы средневековых европейских городов были полны продажных женщин. Москва не составляла исключения. Понятно, что такого рода наблюдения не попадали на страницы летописей или в отчеты дипломатов. И все же «шила в мешке не утаишь»...

Участник голштинского посольства ко двору царя Михаила Федоровича Адам Олеарий в своем знаменитом «Описании путешествия в Московию» рассказывает, что в Москве перед кремлем находится огромная рыночная площадь. Она «весь день полна торговцев, мужчин и женщин, рабов и празднующихся. Вблизи помоста (Любного места. – Н. Б.)... стоят обыкновенно женщины и торгуют холстами, а иные стоят, держа во рту кольцо (чаще всего с бирюзой) и предлагая их для продажи. Как я слышал, одновременно с этой торговлею они предлагают покупателям еще кое-что иное» (24,164).

Намек Олеария раскрывает другой иностранец, чешский путешественник Бернгард Таннер, посетивший Москву в 1678 году. Вот как описывает он бойкую торговлю на Никольской улице, неподалеку от кремля:

«Любо в особенности посмотреть на товары или торговлю стекающихся сюда москвитянок; несут ли они полотна, ниток, рубах или колец на продажу, столпятся ли так позевать от нечего делать, они поднимают такие крики, что новичок, пожалуй, подумает, не горит ли город, не случилось ли внезапно большой беды. Они отличаются яркой пестротой одежды, но их вот за что нельзя похвалить: весьма многие, и по преимуществу пожилые, с летами утратившие прелесть красоты, имеют обыкновение белиться и румяниться – примесью безобразия подделывать красоту либо юность. Некоторые во рту держали колечко с бирюзой; я в недоумении спросил, что это значит. Москвитяне ответили, что это знак продажности бабенок» (12, 395).

Знаменитый Домострой, созданный в середине XVI столетия, описывает такую житейскую ситуацию. Хозяин набрал больше слуг, чем может прокормить. Беднягам приходится самим заботиться о себе. Мужикам – заниматься разбоем, а «или женки или девки, у неволи заплакав, и лгать и красть, и блясть» (33, 104).

Свадьба

Но вернемся к нормальному, благополучному течению событий.

К девушке из знатной семьи посватался жених. Заметим, что зачастую он никогда не видел ее, а она – его. После визита свахи родители невесты на семейном совете всесторонне обсуждали достоинства и недостатки жениха. Через прислугу и родню они пытались разузнать, не пьяница ли он, не игрок ли, не замешан ли в какую дурную историю. Взвесив всё, родители невесты давали свое принципиальное согласие. Вслед за этим они садились составлять список приданого, которое могут дать за дочь. В будущей семейной жизни оно оставалось ее личной собственностью и в случае развода возвращалось вместе с ней назад. Поэтому богатое приданое считалось одним из устоев крепкой семьи.

Получив список приданого, родичи жениха внимательнейшим образом изучали его. Если он соответствовал их ожиданиям, то дело переходило в следующую стадию. Жених присылал в дом невесты кого-то из своих близких (обычно – женского пола) для проведения «смотрин». За трапезой «смотрилыщица» имела возможность не только рассмотреть невесту вблизи, но и поговорить с ней.

(Свадебный ритуал со временем менялся. В XVII столетии, по свидетельству Г. Котошихина, родители невесты, уверенные в достоинствах своей дочери, иногда шли навстречу желанию жениха и позволяли ему увидеть ее до свадьбы (18, 182).)

О своих впечатлениях «смотрилыщица» рассказывала жениху и его родне. Вывод мог быть не только положительным, но и отрицательным: «И будет той смотрилыще та невеста не полюбитца, и она скажет жениху, чтоб он к ней болши того не сватался, присмотрит ее, что она глупа или на лицо дурна, или на очи не добра, или хрома, или безъязычна, и тот жених от тое невесты отстанет прочь...» (18, 175).

Но вот «смотрины» прошли благополучно. Теперь стороны составляют «брачный сговор» – официальный документ, где подробно поименовано все приданое, назван срок свадьбы, а также размер штрафа в случае внезапного отказа одной из сторон. Этот документ иногда составлялся задолго до свадьбы: «за неделю и за месяц, и за полгода, и за год и болши» (18, 175).

Венчание молодых в церкви совершалось священником после обедни, то есть в первой половине дня. За совершение этого таинства следовало внести определенную плату. Размер «венечной пошлины» во времена Ивана III составлял «с первого браку алтын, а со второго два алтына, а с треженца четыре алтына» (68, 318). Перед венчанием священник должен был произвести «обыск», то есть удостовериться в том, что у молодых нет никаких канонических препятствий для брака: близкого родства или свойства, другого брака и т. д.

Заметим, что в крестьянской среде церковный брак долгое время считали «боярским

обычаем».

Здесь свадьба представляла собой сельский праздник с плясками, музыкой и застольем.

Венчание было лишь одним из эпизодов свадебных торжеств. Чем богаче были семьи жениха и невесты, тем сложнее становился сценарий свадьбы и тем больше людей принимали в ней участие. Но «без этих длинных обрядов и свадьба не в свадьбу» (178, 29). До наших дней сохранились записи древнерусского свадебного чина, восходящие к середине XVI столетия.

Современного человека боярская свадьба поразила бы прежде всего парадоксальным сочетанием сложного церемониала – с первобытной простотой основных идей, безудержной расточительности – со скопидомным подсчетом и оценкой каждого подарка. И, конечно, веселой и бестолковой суетой, яркостью нарядов, радостно-бессмысленными лицами.

Дружки жениха и невесты, свахи и целый полк всякой челяди без конца ездили из дома жениха в дом невесты и обратно. Во главе кавалькады скакал на лошади священник с крестом. Каждый новый акт действия сопровождался взаимными подарками, поклонами, поцелуями, вопросами о здоровье, заздравными чарками и застольем. Приглашенные на свадьбу, а также зеваки, наблюдавшие с улицы за развитием событий, имели достаточно времени для разговоров. Две темы были в центре внимания и обсуждались всесторонне. Одна – размер приданого, другая – первая брачная ночь.

Обряды начинались с того, что из дома невесты в дом жениха торжественно перевозили огромную пуховую перину, на которой и должно было состояться главное событие свадьбы. После венчания в церкви следовало долгое застолье в доме жениха. Здесь невесту впервые «открывали», то есть снимали прикрывавшую ее лицо прозрачную завесу.

После третьей перемены блюд молодые удалялись в «сенник», где дружки, свахи и прочие свадебные чины заранее готовили все необходимое для заветной ночи. Многие мелочи убранства спальни имели символическое значение. Например, основанием для постели служили накрытые ковром 27 ржаных снопов – древний образ плодородия. Другим символом плодородия и достатка в семье служил каравай хлеба, который часто упоминается в старинных свадебных обрядах (178, 28).

Молодоженов наконец оставляли одних. В комнатах между тем продолжался пир. А под дверями спальни оставались сидеть два «постельничих».

Исполнив свою миссию, жених выглядывал из-за двери и приказывал им звать «боярынь», чтобы помочь невесте омыться. После этого они застирывали ночные сорочки невесты и жениха. Вслед за этим, не медля, отправляли дружку сообщить родителям невесты, что превращение девушки в женщину благополучно совершилось.

Остаток ночи молодые могли провести по своему усмотрению. «А как свекры и друшка и сваха из сенника выйдут, а жених с невестой что хотят, то делают» (33, 188).

Наутро жениха торжественно вели в баню, а невесту свахи мыли за занавесом. Потом раздавались звуки трубы, зурны и бубна. Под эту музыку в доме жениха начинались утреннее застолье и свадебное веселье.

Потом был визит к тестю и теще, в ходе которого зять благодарил их за хорошее воспитание дочери. Случалось, правда, что после ритуальных поклонов и громогласных благодарностей жених шепотком говорил родителям невесты нечто совсем другое. «А будет невеста пришла за него замуж девства своего не сохранила, и он им, отцу и матери, за то пеняет потиху» (18, 178).

Далее общее застолье перемещалось в дом жениха. Тут уже принимались за работу всякого рода «народные артисты» – плясуны, скоморохи, песенники. Иногда гулянье продолжалось несколько дней. «И на том веселии девиц и мусик (музыки. – Н. Б.) никаких не бывает, кроме того, что в трубки трубят и бьют в литавры», – уныло замечает Котошихин (18, 179).

Замкнутый характер жизни, а также ряд других особенностей тогдашнего русского общества превращали брак в своего рода сделку между родителями жениха и невесты. Молодые не имели возможности до брака присмотреться друг к другу. И хотя перед венчанием они должны были объявить о том, что по своей воле вступают в брак, на деле за этими словами часто стояли безысходность и безразличие. Походный образ жизни аристократии и продолжительные отлучки мужа также не способствовали теплым отношениям в семье. Нравственный итог этой ситуации Сигизмунд Герберштейн выразил в следующем суждении:

«Любовь между супругами по большей части умеренна, в особенности у мужей именитых и знатных. Это происходит оттого, что они женятся на девушках, которых раньше никогда не видели, а затем, занятые государевой службой, вынуждены бывают покидать жен и в это время пятнают себя позорными связями на стороне.

Положение женщин весьма плачевно. Они (москвиты) не верят в честь женщины, если она не живет взаперти дома и не находится под такой охраной, что никуда не выходит. Они отказывают женщине в целомудрии, если она позволяет смотреть на себя посторонним или иностранцам. Заключение дома, они только прядут и сучат нитки, не имея совершенно никакого голоса и участия в хозяйстве; все домашние работы считаются делом рабов...

Весьма редко допускают женщин в храмы, еще реже – на беседы с друзьями, и только в том случае, если эти друзья – совершенные старики и свободны от всякого подозрения. Однако в определенные праздничные дни они разрешают женам и дочерям сходить вместе для развлечения на широком лугу. Здесь, усаживаясь на некое колесо, наподобие колеса Фортуны, они едут то вверх, то вниз; или иначе – привязывают веревку, так что она провисает, и, сидя на ней, они после толчка раскачиваются и движутся туда-сюда, или, наконец, они забавляются определенными песнями, хлопая при этом в ладоши; плясок же они совершенно не устраивают» (5, 112).

Понятно, что женщины разных сословий выглядели и держались по-разному. К сожалению, ранних описаний их внешности и манер не сохранилось. Но вот как рисует знатных москвичек один немецкий дипломат, посетивший Москву в 1669 году:

Эти женщины «с лица столь прекрасны, что превосходят многие нации...

Они стройны телом и высоки, поэтому их длинные, достигающие сверху до самого низа одежды сидят на них очень красиво. Они, по своему обычаю, сверх меры богато украшают себя жемчугом и драгоценностями, которые у них постоянно свисают с ушей на золотых колечках; также и на пальцах носят драгоценные перстни. Свои волосы, будучи девицами, заплетают в косу и еще украшают жемчугом и золотом так, что это выглядит чудесно, а на конец свисающей косы навешивают они кисть из золотых или шелковых нитей или переплетенную жемчугом, золотом и серебром, что очень красиво; на ногах носят кожаные сапожки разных расцветок.

Эта московитская женщина умеет особенным образом презентовать себя серьезным и приятным поведением. Когда наступает время, что они должны показываться гостям, и их с почетом встречают, то такова их учтивость: они являются с очень серьезным лицом, но не недовольным или кислым, а соединенным с приветливостью; и никогда не увидишь такую даму хохочущей, а еще менее с теми жеманными и смехотворными ужимками, какими женщины нашей страны (Швеции или Германии) стараются проявить свою светскость и приятность. Они (москвитки) не изменяют своего выражения лица то ли дерганьем головой, то ли закусывая губы или закатывая глаза, как это делают немецкие женщины, но пребывают в принятом сначала положении. Они не носят точно блуждающие огоньки, но постоянно сохраняют степенность, и если кого хотят приветствовать или поблагодарить, то при этом выпрямляются изящным образом и

медленно прикладывают правую руку на левую грудь к сердцу и сейчас же изящно и медленно опускают ее, так, что обе руки свисают по сторонам тела, и после такой церемонии возвращаются к прямому положению» (12, 349).

(Впрочем, после всех этих величественных движений женщины удалялись в свои покои, где принимали прибывших с гостями жен и дочерей, а за большим столом оставались одни мужчины. Общее застолье мужчин и женщин допускалось только на свадьбе или в узком кругу близких родственников.)

Воспитанность и скромность в сочетании с развитым чувством собственного достоинства были свойственны преимущественно женщинам высшего московского общества. Простолюдинки, разумеется, вели себя куда проще. Герберштейн рассказывает трагикомическую историю о русской жене одного жившего в Москве немца-кузнеца. Она удивлялась и даже возмущалась тем, что муж не бьет ее, как это принято у русских. Тогда кузнец решил последовать этому обычаю. «В этом занятии он упражнялся затем очень часто и в нашу бытность в Московии сломал ей наконец шею и ноги» (5, 112).

Все это можно было бы счесть за скверный анекдот. Однако кулачное «воспитание» жены, чад и домочадцев действительно было тогда обычным делом. Автор Домостроя советует доброму христианину «по всяку вину по уху ни по видению (глазам. – Н. Б.) не бити, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колотить, никаким железным или деревянным не бить» (33, 122). Известно, что именно таким «воспитательным приемом» Иван Грозный отправил в лучший мир своего старшего сына Ивана. Герберштейн рассказывает, что слуги и поденщики усердно исполняют свое дело только тогда, когда хозяева их хорошенько побьют (5, 121).

Однако было бы не совсем правильно видеть русскую женщину той эпохи исключительно как бесправную и забитую затворницу терема. Чего стоит одно только положение Псковской Судной грамоты (XIV–XV века) относительно участия женщин в судебных поединках. Но здесь необходимо сделать небольшое отступление...

В сложных случаях имущественная тяжба могла решаться «полем», то есть судебным поединком между истцом и ответчиком. Этот поединок рассматривался как своего рода Божий суд. Побеждал тот, кто первым ранил или сбивал противника с ног. Допускались все виды оружия, кроме лука и пищали. В ход шли различные хитрости и коварные приемы. Стороны часто пользовались услугами наемных бойцов. А теперь, памятуя все это, прочитаем одну из статей Псковской Судной грамоты:

«А жонки з жонкою присуждать поле, а наймиту от жонки не бытии ни с одну сторону» (67, 342).

Оставляем читателю самому представить единоборство двух разъяренных «жонок», каждая из которых в случае победы могла получить значительное имущество...

Понятно, что от женщины, которая готова драться в судебном поединке, можно было ожидать многого и в других отношениях.

К женщинам из простонародья следует отнести и описанную едва ли не каждым вторым иностранцем картину общественной бани в Москве. Мужское и женское отделения разделяет тонкая дощатая перегородка с дырками и щелями (12, 384). Все входят в баню через общую дверь, «иногда совершенно голые, держа лишь веник перед стыдными частями» (12, 376).

Баня вообще по природе своей была месторождением разного рода грешных помыслов. Стоглавый собор 1551 года особым постановлением осудил псковичей за привычку иметь одну баню (в смысле – помещение) для мужчин и женщин и постановил: «Не подобает в банях мужем с женами в одном месте мыться» (68, 307).

Под пологом ночи

Одной из основ семьи всегда были «наслаждения брачные». Безгрешность супружеского ложа освящалась словами апостола Павла: «Жена не властна над своим

телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга...» (1 Кор. 7, 4–5).

Однако церковные правила запрещали половую жизнь в те дни, когда христианин обязан был «духовную жертву возносить к Богу» (170, 71).

«Жену свою люби и в законе живи по заповеди Господни: в неделю и в среду, и в пяток, и в праздники Господни и Великий пост в чистоте пребывайте», – требует Домострой (33, 162). Помимо этого православные должны были «в чистоте пребывать» всю первую неделю после Пасхи, а также в ночь перед причастием. Даже простое посещение храма требовало определенного воздержания. «Тот, кто спал со своей женой до полуночи, может, омывшись, идти в церковь; тот же, кто после полуночи, – нет», – сообщает любознательный Герберштейн (5, 102).

Супружеская жизнь запрещалась также во время женского очищения, беременности, а также в послеродовой период (до сорока дней).

Со временем строгость религиозных ограничений супружеской жизни неуклонно возрастала. Впрочем, духовенство как в первые века христианства, так и во времена Московского государства довольно снисходительно относилось к нарушению супругами этих требований (170, 74).

Условия жизни простонародья часто не позволяли соблюдать не только религиозных запретов, но даже простых приличий. «Как образ жизни, так и все остальное чисто первобытное. Видишь отца, мать, дитя, слуг и служанок спящими как попало, на одной даже печи, в которой каждый совершает всякую всячину, не сообразуясь с правилами благопристойности» (12, 373).

От соблазна до греха

Благополучной семейной жизни во все времена угрожало множество «подводных камней». И первым «нарушителем спокойствия» был, конечно, муж. Его положение «хозяина дома» открывало ему широкие возможности для самоутверждения.

Иногда мужу не хватало близости с женой и он отправлялся искать любви на стороне. Супружеская измена была в ту пору вполне обычным явлением. «Прелюбодеянием у них считается только тот случай, когда кто-либо имел общение с чужой женой», – замечает Герберштейн (5, 111). Связь с незамужней «девкой» или вдовой, а тем более с рабыней, большим грехом не считалась. Устав Ярослава Мудрого не предусматривает за нее какой-либо церковной кары или штрафа, относя этот вопрос на усмотрение светской власти. «Аже муж от жены блядеть, митрополиту нет кун, князь казнити» (67, 190). Впрочем, и без «кун» церковные власти могли наказать «блудника» семилетним отлучением от причастия (78, 39).

Случалось, что муж открыто заводил на стороне вторую семью. Тут уже церковный суд должен был сказать свое веское слово. Загулявшего супруга следовало принудительно вернуть к первой жене, а вторую отправить в «дом церковный», то есть в монастырь. Однако в реальной жизни все было построено на компромиссах. Источники свидетельствуют о том, что в XII веке духовенство фактически мирилось с таким положением. Особенно когда в роли грешников оказывались влиятельные и состоятельные люди (227, 198).

Оказавшись в чужом доме, женщина порой становилась желанной как любовница для отца и братьев мужа. Если эта греховная связь становилась известной, виновных ожидало наказание владычного суда. Оно заключалось в денежном штрафе и церковной епитимье.

Если же искать любовь «на стороне» решалась жена, ее ожидала ссылка в «дом церковный» (67, 507, 190). Ее любовник должен был заплатить штраф церковным властям и понести епитимью.

Вообще, неверно было бы думать, что отношения полов в ту эпоху были более пуританскими, чем в любые другие времена. И если надзор церкви за этой областью

человеческих отношений был повседневной реальностью, то такой же реальностью было и постоянное нарушение запретов. Об этом свидетельствуют и сборники исповедальных вопросов, сохранившиеся в рукописях XV века. Приведем комментарий историка, изучавшего эти тексты.

«Исповедальные вопросники содержат длинные перечни тех лиц и существ, с которыми девушка или женщина могла согрешить, «сотворив блуд» с ними. Вот перечень из одного вопросника:

Отец родной. Крестный отец. Отчим. Деверь, зять, кум. Отец духовный. Монах. Схимник. Поп, дьякон. Дьячок, пономарь. Слуга монастырский. «Или со скотом блуда не сотворила ли?»

Далее в этом бесстыдном перечне идут вопросы о лесбиянстве, о взаимном онанизме и о таких технических деталях, которые здесь немыслимо даже назвать.

Перечень мужских прегрешений еще шире. Что касается потенциальных объектов блуда, то в их число кроме пассивных педерастов входят и родная дочь, и сестра, и невестка, и падчерица с мачехой, и даже сноха с тещей.

Исповедующийся должен отвечать и на такие вопросы, как: не занимался ли онанизмом в церкви во время «божественного пения»? не держал ли публичный дом с проститутками («ции корчму и блудныя жены держал на блужение приходящим»)?» (231, 95).

Роман Февронии

Тема чувственной любви – словно вырванная (или ненаписанная) страница древнерусской литературы. Отношения между мужчиной и женщиной вообще очень редко привлекали внимание книжников. Их воображение не простиралось дальше образа неприступной для искушения верной жены («мужелюбицы»).

Некоторое разнообразие в этот однообразный ландшафт вносит знаменитая «Повесть о Петре и Февронии». Устная версия этой истории возникла в XV столетии, а литературная обработка была сделана в первой половине XVI века.

Трогательная взаимная привязанность муромского князя Петра и его жены Февронии помогает им выдержать все испытания, посланные судьбой. Впрочем, отношения героев изображены такими безгрешными, что вполне могли бы сойти за отношения двух однополых существ. Самый «сексуальный» момент всей истории состоит в следующем. Оказавшись в изгнании, Петр и Феврония плывут на корабле. Некий случайный попутчик, также путешествующий с женой, начинает настойчиво ухаживать за Февронией.

Князь Петр, личность весьма недалекая, слабая и инфантильная, никак не реагирует на сложившуюся ситуацию. Тогда Феврония сама ставит ухажера на место.

«Святая же разуме духом злый его помысл и вскоре обличи его, глагола ему: "почерпи воды из реки сию сторону судна сего". Он же почерпе. И повеле ему пити. Он же испи. И паки повеле ему святая почерпнути с другую сторону судна и испи-ти. Он же сотвори тако. Она же рече: "коя вода слаждыше?" Он же отвеща: "едина есть вода и вкус един". Святая же рече ему сице: "и женское естество едино есть. Ты же, свою жену оставя, на чужую мыслиши"» (76, 277).

Все женщины одинаковы. Таков был столь же бесспорный, сколь и безрадостный итог изучения женской темы древнерусским книжником.

История Петра и Февронии – это почти житие. И завершается она с житийным оптимизмом. Супруги умерли в один день и были похоронены в одной гробнице.

Однако жизнь сплетала и более драматические сюжеты. Непреодолимая страсть мужчины, известная еще со времен Давида и Вирсавии, столкнувшись с добродетелью «мужелюбицы», порой разрешалась преступлением или безумием. Такова история княгини Юлиании Вяземской, рассказанная летописцем под 1406 годом. Вот вкратце ее содержание.

Один из самых отъявленных негодяев своего времени, князь Юрий Смоленский, лишившись своего княжества, временно обосновался в Торжке. Здесь он стал домогаться жены служившего ему князя Семена Вяземского Юлиании. Выбрав подходящий момент, Юрий перешел к делу...

«Она же сего не хотяше, и яко лежи въсхоте с нею, она же, предобраа мужелюбица, мужески въспротивися ему, иземши нож удари его в мышку (мышцу. – Н. Б.) на ложи его; он же възярився и въскоре сам уби князь ея, а ей повеле руки и ноги осеши, и в реку въвръгоша ю...» (40, 81).

Злодеяние приобрело столь громкую огласку, что Юрий потерял покровительство московского князя Василия и бежал в Орду.

Развод за 12 гривен

Древняя Русь не любила разводов и повторных браков. Церковные каноны и Священное Писание с осуждением относились к этому явлению. Никакой статистики разводов, разумеется, не сохранилось. Однако очевидно, что развод был довольно редким явлением. Среди простонародья сохранению семьи способствовала, прежде всего тяжелая повседневная борьба за существование. Победить в этой борьбе можно было только вдвоем. А чем выше по социальной лестнице, тем большее значение имели для мужа связи с родственниками жены, вопрос о возврате приданого, а также «общественное мнение».

И все же браки расторгались.

«Развод они (русские. – Н. Б.) допускают и дают разводную грамоту; однако тщательно скрывают это, ибо знают, что это вопреки вере и уставам», – отмечает Герберштейн (5, 111).

«Аще муж распустится с женою по своей воли, а будет ли венчальная (жена. – Н. Б.), и дадут митрополиту 12 гривен, будет ли невенчальная, митрополиту о гривен» (67, 190).

Выражаясь современным языком, официальное признание брака расторгнутым стоило 12 гривен в том случае, если это был церковный брак, и 6 гривен – если супруги не венчались, но жили одной семьей значительное время. Забавно, что «ропуст» (развод) гражданского брака попал в церковный преискурант. Очевидно, и в первой половине XVI столетия, когда был написан данный список Устава Ярослава, церковные браки были редкостью в крестьянской среде. Венчание считалось здесь боярской роскошью. Супруги могли прожить вместе всю жизнь, не оформляя своих отношений. Община, «мир», знал, кто есть кто. Для полного спокойствия они заручались благословением местного батюшки. И этого им было вполне достаточно.

Впрочем, для детей расплатой за пренебрежение их родителей церковным браком могла стать проблема наследства. Ведь ребенок, рожденный вне церковного брака, считался незаконнорожденным и соответственно не мог претендовать на роль законного наследника.

Проблемы с наследством возникали и тогда, когда состоятельный человек имел детей не только от первой и второй жены, но также от третьей и четвертой. Эти последние со строгой церковно-юридической точки зрения не имели никаких прав, так как родились в тех браках, которые считались незаконными. Однако один снисходительный древнерусский законодатель (новгородский князь Всеволод Мстиславич) распорядился не обижать этих детей и давать им долю наследства. А если делить особенно и нечего, то дать сыну от незаконного брака хотя бы «како робичичу (сыну от рабыни. – Н. Б.) часть: конь да доспех и покрут (каравай хлеба. – Н. Б.)» (23, 488). С таким наследством юноша мог отправляться за удачей на все четыре стороны.

Устав Ярослава называет ситуации, при которых развод был допустим и даже необходим. «А сими винами разлучите мужа с женою.

1) А се первая вина. Услышать жена от иных людей, что думают на царя или на князя, а мужу своему не скажет, а опосли обличиться – розлучити.

2) А се вторая вина, оже муж застанеть свою жену с любодеем или учинить на ню послухы и исправу, разлучити.

3) А се 3-я вина, аще подумаеть жена на своего мужа или зелием (ядом. – Н. Б.), или инеми людьми, или иметь что ведати мужа еа хотять убити, а мужу своему не скажет, а опосле объявиться, и разлучити и (их. – Н. Б.).

4) А се 4-я вина, аще без мужня слова иметь с чюжими людьми ходити, или питии, или ясти, или опроче мужа своего спати, потом объявиться, разлучити и.

5) А се 5-я вина, оже иметь опроче мужа ходити по игрищам, или в дни, или в нощи, а не послуша-ти иметь, розлучити и.

6) А се 6-я вина, оже жена на мужа наведеть тати, велить покрасти, или сама покрадет, или товар, или церковь покрадши, инеем подаеть, про то разлучити» (67, 192).

Существовало несколько причин, по которым первый брак считался оконченным, так сказать, «сам по себе». Самой главной из них была смерть мужа или жены. Если муж не возвращался с войны, жена должна была ждать его не менее трех лет. После этого ей разрешалось вступить в новый брак (219, 83).

Другой веской причиной для «роспуста» было желание одного из супругов уйти в монастырь. Впрочем, московские князья и цари часто злоупотребляли этой лазейкой в церковном праве. Жена принимала постриг вопреки церковным правилам отнюдь не добровольно. Василий III отослал в монастырь свою бездетную первую жену Соломонию Сабурову, а сам вскоре женился на Елене Глинской.

Однако второй брак всегда был делом сомнительным. «Если же кто-нибудь женится на второй жене и таким образом становится двоебрачным, то это они хоть и допускают, но не считают законным браком. Жениться в третий раз они не позволяют без уважительной причины. Четвертой же жены они никому не разрешают, считая даже, что это не по-христиански» (5, 111).

Впрочем, в отношении третьего брака для знати, как обычно, делались послабления. Известно, что великий князь Семен Гордый вступил в третий брак без благословения митрополита Феоноста. Разразился громкий скандал. Однако щедрая милостыня, посланная в Константинополь к патриарху, позволила уладить дело.

Иван Грозный, женатый семь раз, вообще пренебрег всеми канонами и традициями. Однако авторитет царской власти (равно как и страх перед расправой за любое противоречие государю) был уже настолько велик, что никто не осудил его за эти причуды.

Вместо заключения

Последний раз я был там, кажется, в конце сентября позапрошлого года. Тогда стояла на редкость сухая и солнечная осень. Огромные старые березы вдоль дороги напоминали корабли под золотыми парусами. Было ясно, что не сегодня завтра весь этот пышный наряд рухнет, как подтаявший снег с крыши.

Мой возмущенный русскими дорогами вишневым «гольф», сердито пофыркивая, накручивал последние километры от переправы через Шексну.

Когда мы подъехали к поникшим палисадникам на окраине Кириллова, уже смеркалось. Основной инстинкт подсказывал, что надо пока не поздно мчаться в гостиницу и умолять о ночлеге. Однако кто-то умнее меня велел не спешить и прежде подъехать к озеру.

Оно и вправду было великолепно в своем вечернем покое. Прижатое к горизонту багровое солнце снизу подсвечивало облака золотом и пурпуром. Отражаясь в застывшей воде, они наполняли мир каким-то фантастическим мягким сиянием. И в это небесное зеркало смотрелся древний монастырь. Залитый вечерним солнцем, он был словно

ожившая декорация из исторической драмы.

Наутро мы пришли в монастырь. Заспанная Казанская башня лениво отворила нам свои тяжелые ворота.

Вокруг раскинулся огромный и пустой, как армейский плац, «Новый город».

Эта гигантская крепость в бескрайних лесах не имеет рационального объяснения. Невероятная мощь ее стен и башен, которые никогда не подвергались (и едва ли могли подвергнуться) нападению врагов, стала воплощением тех страхов и химер, которыми так богато было русское Средневековье. Строители верили, что крепость предназначалась для войны небесных сил против темного воинства Сатаны.

Свернув с аллеи, мы идем по схваченной густым инеем траве. Еще вчера она была зеленой и свежей. А сегодня, побелев, трава ложится под ноги с сухим, безжизненным хрустом...

Наша цель – невзрачная деревянная церквушка, стоящая в углу плаца в окружении стайки рябин. Это прежде всего вопрос вежливости. Ведь скромная «деревяшка» – старейшина этих мест. Она родилась в 1485 году в селе Бородавы на Шексне. Там она и прожила все пять веков своей жизни. И только недавно ее перевезли сюда «покою ради и сохранения». Так иногда добросердечные дети и внуки забирают старушку из деревни в городскую квартиру.

Конечно, ей все здесь внове и все непривычно. Там среди лесов и лугов, под лай собак и вой волков, она чувствовала себя дома. Здесь – другие виды и другое общество. Но что поделаешь: старость.

Итак, мы кланяемся старушке и идем дальше в «Старый город».

Наша прогулка – не экскурсия по памятникам архитектуры. Для этого пришлось бы взять экскурсовода. Но мы, сбежав от назидательности экскурсий, свернем туда, где трава не измята, а истины не банальны.

Пожалуй, нигде нельзя так сильно ощутить сумрачное очарование XV столетия, как в Кирилло-Белозерском монастыре. Здесь все – либо подлинное, либо так давно подделанное, что и сама подделка уже стала подлинником.

515

Вот на взгорье келья преподобного Кирилла, а вот – его часовня. По этим скользким склонам он карабкался с вязанкой дров на плечах. Здесь едва не сгорел от пущенного кем-то пожара.

А вот и вросший в землю Успенский собор. Его построили мастер Прохор и двадцать ростовских каменщиков в 1497 году. Этот молчун – ровесник Судебнику и Юрьеву дню.

Около собора и под его папертью – могилы. Здесь спят, укрывшись зеленым одеялом травы, смиренные иноки и государственные мужи, вологодские купцы и замерзшие ямщики. Всем им дал последний покой преподобный Кирилл Белозерский.

А вокруг, как монахи на панихиде, стоят молчаливые старые стены. И только шум ветра в кронах берез нарушает глубокую, настоящую на веках тишину.

Но стоит, сделав несколько шагов, открыть низкую калитку в монастырской стене – и распахнется уходящая в небо озерная даль. Уставшая от мрачных теснин душа ласточкой взмывает над водой. Старые камни монастыря невозмутимо глядят ей вслед. А там, над озером, над дальним лесом прозрачное северное небо распаивает нам свои объятия.

Таков и был он, этот век камня и неба, далекий пятнадцатый век.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца ХTV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964.
3. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
4. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
5. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988.
6. Джованни дель Плана Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997.
7. Древнейшая разрядная книга (официальной редакции). М., 1901.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей ХTV-XVI вв. М.; Л., 1950.
9. Житие Андрея Юродивого / Серия «Византийская библиотека». СПб., 2001.
10. Идея Рима в Москве XV–XVI вв. Источники по истории русской общественной мысли. М., 1989.
11. Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом Ниневи, «Слова подвижнические». М., 1854 (Творения святых отцов в русском переводе, с прибавлениями духовного содержания, издаваемые при Московской Духовной академии. Т. 23).
12. Иностранцы о древней Москве. М., 1991.
13. Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897.
14. Клавихо Г. Жизнь и деяния великого Тамерлана // Тамерлан. М., 2003.
15. Книги Еноха. (Тайны земли и неба.) М., 2003.
16. Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных, и святых отец. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992.
17. Козин С. А. Сокровенное сказание. Т. 1. М.; Л., 1941.
18. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.
19. Макиавелли Никколо. О военном искусстве. СПб., 1999.
20. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
21. Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.). М., 1989.
22. Мэн-да бэй-лу. («Полное описание монголо-татар».) М., 1975.
23. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
24. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию. М., 1996.
25. Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851.
26. Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
27. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М., 1978.
28. Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.
29. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.
30. Памятники литературы Древней Руси. ХTV – середина XV века. М., 1981.
31. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982.
32. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV–первая половина XVI века. М., 1984.
33. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985.
34. Памятники отреченной русской литературы, собраны и изданы Н. С. Тихонравовым. Т. 1–2. СПб., 1863.
35. Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003.

36. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
37. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
38. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Новгородская Четвертая летопись. М., 2000.
39. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. Софийская Вторая летопись. СПб., 1853.
40. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Воскресенская летопись. М., 2001.
41. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Никоновская летопись. СПб., 1901.
42. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1922.
43. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
44. Полное собрание русских летописей. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000.
45. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1910.
46. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. СПб., 1910.
47. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910.
48. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000.
49. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
50. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.
51. Полное собрание русских летописей. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л., 1962.
52. Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1963.
53. Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская Вторая (Архивская) летопись. М., 1965.
54. Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.
55. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
56. Полное собрание русских летописей. Т. 39. Софийская Первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.
57. Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.
58. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.
59. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
60. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908.
61. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1993.
62. Прокопай Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.
63. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.
64. Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
65. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. М.; Л., 1952.
66. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960.
67. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. М., 1985.
68. Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985.
69. Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен /Сост. А. А. Никишенков. М., 2000.
70. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 5–6. М., 1996.
71. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии

Каппадокийской. Ч. 5. М., 1847.

72. Творения святого отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 2. Сергиев Посад, 1908.

73. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.

74. Троицкая летопись / Реконструкция М. Д. Приселкова. СПб., 2002.

75. Угличский летописец. Ярославль, 1996.

76. Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII веков / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1947.

77. Штаден Генрих. Записки немца-опричника. М., 2002.

78. Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2003.

ЛИТЕРАТУРА

79. Алексеев А. И. Под знаком конца времен. СПб., 2002.

80. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001.

81. Антипов И. В. Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV в. Каталог памятников. СПб., 2000.

82. Арапов Д. Ю. Русские князья в Орде в 1432 г.: история одного эпизода московской «замятии» XV в. // Русское Средневековье. Источники. 2000–2001 гг. М., 2002.

83. Аристотель. Политика. Афинская полития. М., 1997.

84. Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882. Приложения.

85. Базилевич К. В. Имущество московских князей в XIV–XVI вв. // Труды Государственного исторического музея. Вып. 3. М., 1926.

86. Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 2001.

87. Башаров Д. Собрание сочинений. М., 1955.

88. Барабанов Н. Д. Византия и Русь в начале XIV в. (Некоторые аспекты отношений патриархата и митрополии) // Византийские очерки. М., 1991.

89. Бартольд В. Образование империи Чингиз-хана // Записки Восточного отделения императорского Русского Археологического общества. Т. 10. 1896. СПб., 1897.

90. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

91. Белов В. И. Повседневная жизнь Русского Севера. М., 2000.

92. Белова О. В. Славянский бестиарий: словарь названий и символики. М., 2000.

93. Беляков А. А., Белякова Е. В. О пересмотре эсхатологической концепции на Руси в конце XV века // Архив русской истории. Вып. 1. М., 1992.

94. Блок Марк. Апология истории. М., 1986.

95. Богатова Г. А. Золотая Орда // Русская речь. 1970. № 1.

96. Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков // История СССР. 1983. № 4.

97. Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986.

98. Борисов Н. С. Иван III. М., 2000.

99. Боровков А. К. Опыт филологического анализа тарханных ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 25. Вып. 1. 1966. Январь–февраль.

100. Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. М., 1993–

101. Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 гг. М., 2000.

102. Буслаев Ф. И. Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001.

103. Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.

104. Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996.

105. Веселовский Н. О религии татар по русским летописям // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 64. 1916. Июль. Пг., 1916.
106. Виллари. П. Джироламо Савонарола и его время. Т. 1. М., 1995.
107. Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. Т. 2. М., 1995.
108. Водовозов Н. В. Былина Кирши Данилова о Волхе и древние русско-индийские отношения // ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958.
109. Воронин Н. Н. Боголюбовский саркофаг // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 14. М.; Л., 1947.
110. Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.
111. Выголов В. П. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1991.
112. Галицкий А. В. Баня парит – здоровье дарит. М., 1991.
113. Геродот. История. М., 1999.
114. Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. 2-я половина тома. М., 1881.
115. Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 2. 1-я половина тома. М., 1997.
116. Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 2. 2-я половина тома. М., 1998.
117. Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.
118. Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). М., 1990.
119. Готье Т. Путешествие на Восток. М., 2000.
120. Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.
121. Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926.
122. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. СПб., 1994.
123. Далай Чулууны. Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983.
124. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2000.
125. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
126. Дунаев М. М., Разумовский Ф. В. В среднем течении Оки. М., 1982.
127. Дух и заслуги монашества для церкви и общества. СПб., 1874.
128. Евтюхова А. А. Изделия различных ремесел из Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.
129. Евтюхова Л. А. Монеты из культурного слоя Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.
130. Егоров В. Л. Государственное и административное устройство Золотой Орды // Вопросы истории. 1972. № 2.
131. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии. М., 2002.
132. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 1. Ч. 1. М., 2000.
133. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 1. Ч. 2. М., 2000.
134. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Т. 2. М., 2001.
135. Заболоцкий Н. А. Меркнут знаки зодиака. М., 1998.
136. Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990.
137. Заозерская Е. И. Соляные промыслы на Руси XIV–XV вв. // История СССР. 1970. № 6.
138. Заходер Б. Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. // Краткие сообщения Института востоковедения. Т. 14. М., 1955.
139. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.
140. Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.

141. Зимин А. Л. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
142. Иакинф (Бичурин). Записки о Монголии. Т. 1. Ч. 1-2. СПб., 1828.
143. Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л., 1979.
144. История крестьянства северо-запада России. СПб., 1994.
145. Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади московского Кремля // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995.
146. Кадлубовский А. П. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Т. 2. Нежин, 1899.
147. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955.
148. Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990.
149. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5-8. Калуга, 1995.
150. Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1980.
151. Каргер М. К. Новгород. М., 1980.
152. Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994.
153. Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991.
154. Карпов А. Ю. Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI – начале XII века // Отечественная история. 2002. № 2.
155. Киселев С. В., Евтюхова Л. А. Дворец Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.
156. Киссель Ф. История города Углича. Ярославль, 1844.
157. Класс Б. М., Назаров В. Д. Полемическое сочинение 1481 г. о хождении «посолонь» // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. М., 1997.
158. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
159. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001.
160. Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. М., 1988.
161. Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. М., 1988.
162. Коган В. М. История дома Рюриковичей. СПб., 1993.
163. Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М., 1947.
164. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
165. Королев К. Энциклопедия сверхъестественных существ. М., 2002.
166. Крамаровский М. К. Торевтика Золотой Орды XIII–XV вв. (по материалам Государственного Эрмитажа). Рукопись канд. дисс. Л., 1974.
167. Кром М. М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002.
168. Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997.
169. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
170. Лаушкин А. В. Супружеское воздержание Великим постом в XII–XIII веках и точные летописные даты // Русское средневековье. 1999. М., 1999.
171. Леванаовский А. П. Эдмон Поньон и феномен тысячного года // Поньон Эдмон. Повседневная жизнь Европы в 1000 году. М., 1999.
172. Левашева В. П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды Государственного исторического музея. Вып. 32. М., 1956.

173. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
174. Линь Кюн-и, Мункуев Н. Ц. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина // Проблемы востоковедения. 1960. № 5.
175. Лихачев Н. П. Инока Фомы «Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» // Памятники древней письменности и искусства. Т. 168. 1908.
176. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
177. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 2. М., 1996.
178. Максимов С. В. Куль хлеба и его похождения. М., 1985.
- 179- Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси. М., 2000.
180. Мельник А. Г. К истории Успенского собора Великого Устюга // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: христианство и культура. Вологда, 2001.
181. Милое Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
182. Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000.
183. Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в ХTV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003.
184. Михайловский В. Учение о православном богослужении. СПб., 1889.
185. Михайловский Е. В. Углич. М., 1948.
186. Мишле Ж. Народ. М., 1965.
187. Монгайт А. Л. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1948. Вып. 19.
188. Монтень М. Избранное. М., 1988.
189. Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев / Сост. Н. В. Бочкарев. М., 2000.
190. Мурьянов М. Ф. Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
191. Назаров И. И. Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 15. Казань, 1958.
192. Наполеон Бонапарт. Максимумы и мысли узника Святой Елены. СПб., 2000.
193. Наука побеждать. М., 1984.
194. Немирович-Данченко В. И. Наши монастыри. М., 2000.
195. Никишенков Л. Л. Традиционный этикет народов России. XIX – начало XX в. М., 1999.
196. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990.
197. Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994.
198. Окладников А. П. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножья горы Богдо-Ула // Монгольский археологический сборник. М., 1962.
199. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
200. Панова Т. Д. О захоронении Софьи Палеолог в московском Кремле // Россия и христианский Восток. Вып. 1. М., 1997.
201. Панова Т. Д. К вопросу о социальной топографии московского Кремля ХTV–XVI веков (по данным письменных источников) // От древней Руси к России нового времени. Сборник статей. М., 2003.
202. Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью хулагидов (1256–1353) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
203. Плейди Д. Испанская инквизиция. М., 2002.
204. Плигузов А. И., Тихонюк И. А. Послание Дмитрия Траханиота новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1988.

205. Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль, 1993.
206. Плугин В. А. Мировоззрение Андрея Рублева. М., 1974.
207. Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 1. М., 1990.
208. Позднеев А. М. Историческое обозрение памятников монгольской литературы. Литографированный курс лекций. Б/г.
209. Позднеев А. М. Монголия и монголы. Т. 2. СПб., 1898.
210. Полубояринова М. Д. Русские в Золотой Орде. Рукопись диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1973.
- 526
211. Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973.
212. Порфирий (Успенский), еп. История Афона. Ч. 3. СПб., 1892.
213. Потанин Г. Н. Путешествия по Монголии. М., 1948.
214. Православный колокольный звон. Теория и практика. М., 2002.
215. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. М., 1946.
216. Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.
217. Прохоров Г. М. Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый // Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления. СПб., 1995.
218. Прохоров Г. М. Иннокентий Охлябинин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV-XVI в. Ч. 1. А-К. Л., 1988.
219. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
220. Пушкин-критик. М., 1978.
221. Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
222. Радлов В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 3- СПб., 1889.
223. Размышления о России и русских / Сост. С. К. Иванов. М., 1994.
224. Ранкур-Лаферьер Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика. М., 2003.
225. Рихтер А. Нечто о влиянии монголов и татар на Россию // Соревнователь просвещения и благотворения. СПб., 1822.
226. Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества // Исторический вестник. 1999. № 3-4. М.; Воронеж, 1999.
227. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI-XIII вв. М., 2002.
228. Романова А. А. Эсхатологические ожидания XV в. и записи в пасхалии // Российское государство в XIV-XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002.
229. Русский биографический словарь. Щапов – Юшневский. СПб., 1912.
230. Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. М., 1989.
231. Рыбаков Б. А. Стригольники (Русские гуманисты XIV столетия). М., 1993.
232. Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896.
233. Сапунов Б. В. Книга в России в XI-XIII вв. Л., 1978.
234. Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. М., 1959.
235. Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998.
236. Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000.
237. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978.
238. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.
- 239- Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1 (А-Б). М., 1975.
240. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 4 (Г-Д). М., 1977.

241. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7 (К – Крагуяр). М., 1980.
242. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. М., 1986. 243- Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991.
244. Соболевский А. И. Русские заимствованные слова. Литографированный курс. СПб., 1891.
245. Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского. М.; СПб., 1995.
246. Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913-
247. Соллогуб В. А. Тарантас. М., 1955.
248. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 4. М., 1960.
249. Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991.
250. Степанова Л. Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий (Уровень развития хозяйства). М., 2004.
251. Субаева Р.Х. Из истории русско-тюркских языковых взаимоотношений // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964.
252. Сытин П. В. Из истории московских улиц (Очерки). Изд. 3-е. М., 1958.
253. Тацит Корнелий. Сочинения. Т.1–2. СПб., 1993.
254. Терещенко А. В. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая // Журнал Министерства внутренних дел. 1847. Сентябрь. Кн. 9. Вып. 19.
255. Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1966.
256. Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. М., 1997.
257. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.
258. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов в XIX – начале XX века. М., 1957.
259. Торо Г. Высшие законы. М., 2001.
260. Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. 1925. № 4.
261. Турилов А. А., Плигузов А. И. Древнейший южнославянский письмовник третьей четверти XIV века // Русский феодальный архив. Вып. 3. М., 1987.
262. Тутова Т. А. Грамоты промысловым людям Поморья// Советские архивы. 1979- № 1.
263. Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Города Поволжья в Средние века. М., 1970.
264. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
265. Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. // Труды Государственного исторического музея. Вып. 21. М., 1952.
266. Флоренский П. Имена. Кострома, 1993.
267. Флоря Б. Н. Изменения социального состава населения Московского кремля в конце XV – начале XVI в. // Средневековая Русь. № 1. М., 1996.
268. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.
269. Хемингуэй Э. Старый газетчик пишет... Художественная публицистика. М., 1983.
270. Хорошкевич А. Л. Торговля иностранными тканями в Новгороде в XIV–XV вв. // Исторические записки. Вып. 63. М., 1958.
271. Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.
272. Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М., 2001.
273. Чичеров В. В. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков. М., 1957.

274. Шарапова З. М. Торговые связи Золотой Орды в XIV–XV вв. // Историко-краеведческие записки. Вып. 3. Волгоград, 1975.
275. Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.
276. Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999.
277. Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М., 1972.
278. Шапов Я. Н. Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // Церковь в истории России. Сб. 2. М., 1998.
279. Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1999.
280. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Т. 2. СПб., 1891.
281. Эскин Ю. М., Граля И. «Новины Московские». Два донесения пограничных старост эпохи Бориса Годунова // Florilegium. К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000.
282. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
283. Юрченко А. Г. Золотая статуя Чингис-хана (русские и латинские известия) // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
284. Янин В. Л. О продолжительности строительства новгородского кремля конца XV в. // Советская археология. 1978. № 1.
285. Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1995 гг. // Средневековая Русь. № 1. М., 1996.
286. Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.
287. Янин В. Л. Средневековый Новгород. М., 2004.

В 1492 году от Рождества Христова по принятому в средневековой Руси счету лет завершилось седьмое – последнее – тысячелетие от Сотворения мира. Человечество стояло на пороге конца света – по крайней мере, именно так казалось многим образованным русским людям того времени. Но жизнь продолжилась, и ожидавшегося светопреставления не произошло. О парадоксе «семитысячного» года и о том, как отразились ожидания грядущего светопреставления на повседневной жизни Руси, рассказывает в своей новой книге известный московский историк Н. С. Борисов, автор биографических исследований о выдающихся людях Русского Средневековья – Иване Калите, Сергии Радонежском и Иване III, выходивших ранее в серии «ЖЗЛ».

Борисов Николай Сергеевич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ НАКАНУНЕ КОНЦА СВЕТА

Главный редактор А. В. Петров

Редактор А. Ю. Карпов

Художественный редактор А. Ю. Никулин

Технический редактор Н. А. Тихонова

Корректоры Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сущевская ул., 21. Internet://mg.gvardiya.ru/ E-mail:dsel@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сущевская ул., 21.